

**ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ДИСЦИПЛИНЫ
В СОВРЕМЕННОМ
НАУЧНОМ ЗНАНИИ**

**МАТЕРИАЛЫ
XXIX МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

Москва, 13–15 апреля 2017 года

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ

Высшая школа источниковедения,
вспомогательных и специальных
исторических дисциплин

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Отдел специальных исторических
дисциплин

Музеи Московского Кремля

**ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ
В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ЗНАНИИ**

Материалы
XXIX Международной научной конференции

Москва, 13–15 апреля 2017 г.

Москва
2017

УДК 930(08)
ББК 63.2
В 85

Редакционная коллегия:

*Н.М. Брусиловский, С.В. Зверев, Е.В. Казбекова,
И.Г. Коновалова, Н.Ф. Котляр, Е.В. Пчелов,
Д.Н. Рамазанова, Б.Л. Фонкич, А.А. Фролов,
А.П. Черных, Ю.Э. Шустова*

Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXIX Международной научной конференции. Москва, 13–15 апр. 2017 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Высшая школа источниковедения, спец. и вспомогат. ист. дисциплин; Рос. акад. наук, Ин-т всеобщей истории; Музеи Московского Кремля. – М.: ИВИ РАН, 2017. – 353 с.

В докладах и тезисах на основании новых исторических источников рассматриваются актуальные проблемы таких вспомогательных исторических дисциплин, как палеография, историческая хронология, историческая метрология, историческая география, генеалогия, ономастика, сфрагистика, геральдика, нумизматика и др., освещаются проблемы истории естественнонаучного знания, история и историография вспомогательных исторических дисциплин. Большое место уделяется исследованиям по истории книжной культуры.

Для специалистов в области гуманитарного знания, истории, источниковедения, вспомогательных исторических дисциплин, историографии.

Научное издание

ISBN 978-5-94067-474-0

© Редакционная коллегия, общая редакция, составление, 2017
© Институт всеобщей истории РАН, 2017
© Российский государственный гуманитарный университет, 2017
© Музеи Московского Кремля, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Оглавление	3
------------------	---

Пленарные доклады

<i>Бибииков М.В. (Москва)</i> Византийская и поствизантийская криптография (на материалах греческих рукописей, памятников эпиграфики и нумизматики)	11
<i>Зверев С.В. (Москва)</i> Организация монетного производства в конце XVII – начале XVIII в. в связи с денежными реформами Петра I	14
<i>Каиштанов С.М. (Москва)</i> О способах удостоверения византино-русских договоров X века	18
<i>Котляр Н.Ф. (Киев)</i> Вольные города в Южной Руси	22
<i>Мошкова Л.В. (Москва)</i> Кодикологический анализ посольских книг конца XV – начала XVI в.: поиск методики	24
<i>Пчелов Е.В. (Москва)</i> Городская геральдика Российской империи: основные тенденции исторического развития	27
<i>Рамазанова Д.Н. (Москва)</i> Списки с изданий XVIII века: к вопросу о взаимосвязи рукописных и печатных книг в России	30
<i>Симонов Р.А. (Москва)</i> Историко-математические источники Руси IX–XI веков	32
<i>Стрелецкий В.Н. (Москва)</i> Мировая историческая география: научные традиции, современные проблемы развития и «полюса роста»	37
<i>Успенский Ф.Б. (Москва)</i> Христианская двуименность на Руси в XIV–XVI веках. Догадки и закономерности	41
<i>Черных А.П. (Москва)</i> Геральдика как код	44
<i>Шустова Ю.Э. (Москва)</i> Образ книги в кириллических изданиях XVII века (на примере изданий типографии Львовского Успенского братства)	46

Тезисы докладов

<i>Авдеев А.Г. (Москва)</i> О надписи на кресте дьяка Стефана Бородатого	50
<i>Авчухов А.Ю. (Волгоград)</i> Ценные бумаги и документы пароходного общества «Меркурий» середины XIX века	52
<i>Акимова Л.И. (Москва)</i> Символика петуха в античной иконографии	55
<i>Акиншин А.Н. (Воронеж)</i> Метрические книги Воронежского католического костела за 1863–1913 гг. как исторический и генеалогический источник	57
<i>Алексеевко Н.А. (Севастополь)</i> Находки моливдовулов главных логофетов в византийском Херсоне: взаимоотношение центра и провинции	59

<i>Андреева О.В. (Москва)</i> Символика «зданий для книги»: два проекта 1920–1930-х годов	61
<i>Антонец Е.В. (Москва)</i> Лигатуры в меровингском канцелярском курсиве (на материале грамот Теодориха III)	64
<i>Ауров О.В. (Москва)</i> Нарисованный феодализм: заметки об одной барселонской иллюминированной рукописи XIII в. (Барселона. АСА. Real Cancillería. Registros. núm. 1)	66
<i>Базарова Т.А. (Санкт-Петербург)</i> Рукописные сборники о Петре I в коллекции рукописей, собранной Императорской Археографической комиссией	68
<i>Баранов А.Г. (Москва)</i> О выпуске расчетных знаков РСФСР образца 1920 года	70
<i>Баранова С.И. (Москва)</i> Создание А.В. Филипповым технологического подхода в изучении русского изразца (по материалам личного архива)	74
<i>Батиев М.В. (Москва)</i> Путевые записки русских путешественников как источник по восприятию повседневной жизни Германии конца XVIII – первой половины XIX века	76
<i>Башинин Н.В., Грязнов А.Л. (Санкт-Петербург, Вологда)</i> Окладная книга Вологодского архиерейского дома св. Софии 1628/29 г. как источник для составления карты церквей Вологодского уезда	77
<i>Белоусов М.Р. (Казань)</i> Палеографическая характеристика боярского списка мая 7161 (1653) года	80
<i>Бенцианов М.М. (Екатеринбург)</i> Роль генеалогии в изучении процесса ротации Государева двора первой половины XVI века	82
<i>Бокарева О.Б. (Москва)</i> «Персидская» посольская книга № 7 (1650–1711 гг.) как исторический источник	85
<i>Боленко К.Г. (Москва)</i> Усадьба Архангельское на открытых письмах конца 1900-х – 1930-х годов	87
<i>Болотина Н.Ю., Комиссаренко А.И., Кононова А.Ю. (Москва)</i> Территориальное размещение карельских крестьян-переселенцев во второй половине XVII – начале XVIII в. (Историко-географический и источниковедческий анализ)	90
<i>Брюханова Е.А., Чекрыжова О.И., Крупочкин Е.П. (Барнаул)</i> Особенности работы с материалами исторических карт при создании геоинформационных систем в сети интернет	92
<i>Булатов А.М. (Москва)</i> Картографическая Rossica: кинокефалы карт России и сопредельных земель	94
<i>Быкова Ю.И. (Москва)</i> К вопросу о создании медали «В честь князя А.Б. Куракина» 1810 г. из собрания Музеев Московского Кремля	97
<i>Бытко С.С. (Нижневартовск)</i> Особенности формирования кириллических компиляций в конце XIX – начале XX в. (на примере рукописного старообрядческого сборника из собрания ОР РНБ)	100

<i>Вознесенская И.А. (Санкт-Петербург)</i> Неизвестный экземпляр гравированного портрета царевны Софьи из собрания БАН	102
<i>Волков В.В. (Ржев)</i> История изучения Нового Рогожского книжного собрания	104
<i>Горбатов Е.Н., Опарина Т.А., Шамин С.М. (Москва)</i> Биографии иноземных потешников царя Михаила Федоровича: Феска Цымбальников / Федор Завальский	107
<i>Горская Н.И. (Смоленск)</i> Документация волостных судов как источник изучения крестьянского мира	109
<i>Грязнов А.Л. (Вологда)</i> Происхождение и социальный статус белозерских слободчиков XV – начала XVI в.	111
<i>Гусаков М.Г. (Москва)</i> Реконструкция метрологических величин по материалам археологических раскопок в Москве	113
<i>Гусарова Т.П. (Москва)</i> Каталоги участников венгерских государственных собраний XVII в. как источник изучения политической элиты	115
<i>Гуслистова А.Н. (Вологда)</i> Генеалогия вологодских купцов Колесовых в XVI–XIX веках	117
<i>Гуськов А.Г. (Москва)</i> Родословная думного дьяка Е.И. Украинцева	120
<i>Дадыкина М.М. (Санкт-Петербург)</i> Три загадки монастырского архива: Соляная реформа 1646 г. и ее влияние на делопроизводительную практику монастырских соляных промыслов	122
<i>Джаксон Т.Н. (Москва)</i> Лимфьорд и перешеек Харальда: северная оконечность Ютландии в описаниях средневековых скандинавских авторов	124
<i>Джигоева А.Р. (Санкт-Петербург)</i> Людвиг Гессен-Гомбургский. Материалы к истории военной элиты 1730–1740-х годов	127
<i>Добровольская Л.И. (Санкт-Петербург)</i> К вопросу об изготовлении орденских знаков во время царствования императрицы Елизаветы Петровны	129
<i>Добровольская Л.И. (Санкт-Петербург)</i> К истории создания труда графа Шарля Пажоля «Armée Russe»	131
<i>Елохин К.А. (Москва)</i> К вопросу о геральдике знати майя	134
<i>Ермолова И.Е. (Москва)</i> Римский император Констанций II	136
<i>Жуков А.Е. (Санкт-Петербург)</i> Водяные знаки Супрасльского сборника 1507 года: предварительные наблюдения	138
<i>Зайцева Л.П. (Москва)</i> Исторический опыт регламентации военных знамен в России в XVIII–XX вв.	141
<i>Звездина Ю.Н. (Москва)</i> Стационарный крест с образом сердца из собрания Саратовского художественного музея им. А.Н. Радищева	144
<i>Зверев С.В. (Москва)</i> Несостоявшийся Нумизматический сборник Московского нумизматического общества 1917 года	146
<i>Зверкина Г.А. (Москва)</i> О постулатах Евклида	148
<i>Земляков М.В. (Москва)</i> К вопросу о палеографических и кодикологиче-	

ских особенностях оформления списков <i>Lex Salica</i> конца VIII–XVI вв.	151
<i>Иванов В.И. (Краснодар)</i> Церковные печати Кубани первой половины XIX века	153
<i>Иванова Н.П. (Барнаул)</i> Некоторые аспекты методики реконструкции древнерусских времяисчислительных систем (на примере передвижного (пасхального) года)	156
<i>Илизаров Б.С. (Москва)</i> Книга как средство политической манифестации (О некоторых особенностях прижизненных изданий произведений И.В. Сталина)	158
<i>Илизаров С.С. (Москва)</i> «Лексикон» П.И. Рычкова (рукопись ОР РГБ. Ф. 313 № 17 [М. 2931]): кодикологические заметки	160
<i>Истомина Э.Г. (Москва)</i> Региональные проблемы исторической географии на современном этапе	163
<i>Казбекова Е.В. (Москва)</i> «Карманный» список «Декреталий Григория IX» XIII в. РНБ. Lat. O. v. II. № 7	166
<i>Кайгородова Т.В., Цыб С.В. (Барнаул)</i> Первая дискуссия о дате основания Москвы	168
<i>Калинина Т.М. (Москва)</i> Киев (Куйаба) на уникальной арабской карте XI века	171
<i>Кармов Р.К. (Нальчик)</i> Эскибрисы как исторический источник по истории Научной библиотеки Кабардино-Балкарского государственного университета	173
<i>Кежутин А.Н. (Нижний Новгород)</i> От «белой ромашки» к «красному цветку»: эволюция символов как отражение противотуберкулезной борьбы в СССР в межвоенный период	175
<i>Киселев М.Ю. (Москва)</i> Из истории организации исследований по исторической географии и картографии	177
<i>Кистерев С.Н. (Москва)</i> Печать Бориса Васильевича Шорина 1651 года	179
<i>Ковалева С.С. (Москва)</i> Списки избирателей Московской губернии 1917 года как генеалогический источник	181
<i>Козлова А.Ю. (Коломна)</i> Сведения о 12-летнем восточном календаре в «Толковой Палее»	183
<i>Колызин А.М. (Москва)</i> Изменения оформления денег Дмитрия Донского в связи с метрологией монетного чекана	185
<i>Комочев Н.А. (Москва)</i> Вспомогательные исторические дисциплины в современном учебном процессе (заметки постороннего)	188
<i>Коновалова И.Г. (Москва)</i> Типы регионального описания в арабской географической литературе IX–XII веков	190
<i>Конявская Е.Л. (Москва)</i> Некрологи Ростиславичам в Ипатьевской летописи: биография и похвала	193
<i>Корзо М.А. (Москва)</i> О взаимодействии книжных традиций в Речи Посполитой XVII века	195

<i>Корогодина М.В. (Санкт-Петербург)</i> Автограф Юрия Ивановича Токмакова: книжника или воеводы?	198
<i>Кротов О.С. (Ростов-на-Дону)</i> География донского старообрядчества в XVIII веке	200
<i>Круглов А.К. (Санкт-Петербург)</i> К вопросу о типологии русского переплета: переплет «в затылок»	202
<i>Кручинин А.С. (Москва)</i> Пират под государственным флагом: вексиллология и психология	205
<i>Кузьмин А.В. (Москва)</i> Космос Роберта Фладда (К 400-летию издания «Истории Микро- и Макрокосма»)	207
<i>Кузьмин А.В. (Москва)</i> Проблемы изучения генеалогии Румянцевых	208
<i>Кулаковская О.Ю. (Петрозаводск)</i> Бонапарт на русской военной службе	211
<i>Кулешов В.С. (Санкт-Петербург)</i> Хронология раннеаббасидских наместников Табаристана в устной традиции и в памятниках нумизматики: проблема корреляции разноплановых источников	213
<i>Кулинок С.В. (Минск)</i> Историография изучения фонда Белорусского государственного архива научно-технической документации «Коллекция планов и схем городов Белоруссии»	220
<i>Кутаренкова Т.С. (Москва)</i> Дьявол, змея, летучая мышь и другие inferнальные символы на плакатах Белого движения	222
<i>Леонов М.В. (Москва)</i> Просопографический электронный архив студентов Московского университета из города Ельца	224
<i>Лобанов Д.В. (Москва)</i> Надгробные плиты из церкви Гребневской иконы Божией Матери в Донском монастыре	227
<i>Мажуга В.И. (Санкт-Петербург)</i> Юридическая школа Болоньи на рубеже XII–XIII вв. (на основе сравнительного изучения юридических рукописей)	229
<i>Марей А.В. (Москва)</i> Толедская рукопись Второй Партиды (MS. 43-11): Сюжет из истории политического права средневекового королевства Кастилия	231
<i>Матисон А.В. (Москва)</i> «Генеалогические казусы» в истории православного духовенства России по материалам духовных консисторий	233
<i>Мельник А.Г. (Ростов)</i> Монастырские обиходники как источник по истории почитания святых в конце XV – XVII вв.	235
<i>Милюков В.В. (Москва)</i> Особенности трансляции естественнонаучных сведений античного происхождения в «Толковую Палею»	237
<i>Мининков Н.А. (Ростов-на-Дону)</i> Сыскные начальства в войске Донском по документам о движении казаков 1792–1794 гг.	239
<i>Митрофанов А.А. (Москва)</i> Французская политическая эмблематика периода революции XVIII века	242
<i>Мокерова Е.Ю. (Киров)</i> К вопросу о датировке погребений вятских марийских могильников по нумизматическим материалам	244

<i>Морозов Б.Н., Симонов Р.А. (Москва)</i> Неизвестное практическое пособие по определению фаз луны конца XVII – начала XVIII века	246
<i>Морозова Л.Е. (Москва)</i> К вопросу о происхождении Собакиных	247
<i>Назаров В.Д. (Москва)</i> К истории рода Соловцовых: Ростовская ветвь	250
<i>Нездоворова В.В. (Санкт-Петербург)</i> О знамени лейб-гвардии Саперного батальона 1824 года	252
<i>Николаев Д.А. (Нижний Новгород)</i> Коллективная «медицинская карта» офицеров нижегородского ополчения 1812 года	255
<i>Оборнева З.Е. (Москва)</i> Греческие переводчики в сношениях России с Кахетией первой половины XVII века	257
<i>Окунева О.В. (Москва)</i> Тридцать три карты и четыре племени: случаи недекларируемого заимствования информации французских путешественников на нидерландских картах Южной Америки (конец XVI – XVII вв.)	259
<i>Опарина Т.А. (Москва)</i> Семейное прозвище «Макидонский» у «греческих» иммигрантов в России первой половины XVII в.	261
<i>Петерс Т.П. (Москва)</i> Документы РГАДА о французах, проживающих в России в 1793 г., как исторический источник сведений о политическом, социально-экономическом положении и биографии французских иммигрантов	263
<i>Петров Д.А. (Москва)</i> Двуглавые орлы на шатрах воротных башен в Москве в конце XVI века	265
<i>Петрова М.С. (Москва)</i> Рукописная традиция Макробиева «Комментария на “Сон Сципиона”» и MS Parisinus Latinus 6370	268
<i>Полонский Д.Г. (Москва)</i> Рог, полумесяц и крест в историко-литературных образах Российского государства и его противников (конец XVII – XVIII вв.)	271
<i>Полоцкая О.В. (Вологда)</i> Болезни населения России на рубеже XVIII – начала XIX столетий (из писем, адресованных игумену Тотемского Спасо-Суморина монастыря Израилю в 1798–1802 гг.)	273
<i>Поляков И.А., Цыпкин Д.О. (Санкт-Петербург)</i> Азбука РНБ. F.XIII.5 в жизни молодого князя Ромодановского	275
<i>Пономарева И.Г. (Москва)</i> К раннему родословию Ратшичей	277
<i>Пушков В.П. (Москва)</i> Верхокамье как историко-географическое понятие	279
<i>Романова А.А. (Санкт-Петербург)</i> Месяцесловы XVI–XVII вв. как источник сведений о русских святых	281
<i>Сахаров И.В. (Санкт-Петербург)</i> Попытка семейства Алфераки присоединить к своей фамилии фамилию и титул графов Платовых	284
<i>Сень Д.В. (Ростов-на-Дону)</i> Историческая география ногайской Кубани в документах Государственного архива Воронежской области (рубеж XVII–XVIII вв.)	289

<i>Сергеев А.В. (Санкт-Петербург)</i> Князя Гедиминовичи в Московском государстве XVI – начала XVII в.	292
<i>Суриков И.Е. (Москва)</i> Второй фрагмент Афинского монетного декрета из Афитиса (Халкидика)	294
<i>Талеров П.И. (Санкт-Петербург)</i> Заметки П.А. Кропоткина на полях воспоминаний о нем его сестры	296
<i>Таценко С.Н. (Москва)</i> Монеты для дворца или обращения в народе?	298
<i>Таценко Т.Н. (Санкт-Петербург)</i> Обращение в формуляре немецких служебных писем XVI в. (по материалам Научно-исторического Архива Санкт-Петербургского Института истории РАН)	300
<i>Терюкова Е.А., Завидовская Е.А. (Санкт-Петербург)</i> Храмовая эпиграфика из архива академика В.М. Алексеева в Музее истории религии как источник для изучения народных верований позднеимперского Китая	303
<i>Тимошина Н.Н. (Иваново)</i> Из истории масонской коллекции иваново-вознесенского собирателя Д.Г. Бурылина	305
<i>Тихонов В.В. (Москва)</i> Борьба с «объективизмом» и «космополитизмом» в Московском историко-архивном институте (1948–1949 гг.)	306
<i>Тихонова А.В. (Смоленск)</i> Источники о военнопленных из состава великой армии Наполеона (по материалам Государственного архива Смоленской области)	308
<i>Усачев А.С. (Москва)</i> О некоторых заказчиках и владельцах русских рукописных книг XVI в.: из истории русско-английских культурных связей	311
<i>Филимонов С.Б. (Симферополь)</i> Вспомогательные исторические дисциплины в докладах Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887–1931 гг.)	314
<i>Фоменко В.Г. (Тирасполь)</i> Описание и изображение территории Поднестровья в географических и картографических трудах античных и средневековых авторов, а также в трудах Нового времени	316
<i>Фролов А.А. (Москва)</i> К вопросу о характере «Старого чертежа» Русского государства	318
<i>Хазанова С.И. (Москва)</i> Отрывок из «Откровения Авраама» в Палее Толковой с отдельными вставками, встречающимися в Хронографической Палее собрания Ундольского	320
<i>Хейфец Д.А. (Москва)</i> Геральдика дворянских родов Российской Империи еврейского происхождения	322
<i>Худин К.С. (Москва)</i> Реконструкция приказного состава Аптекарского приказа 40-х – начала 50-х годов XVII века	325
<i>Цыб С.В. (Барнаул)</i> Следы «асийского индикта» в древнерусской письменности	327

<i>Ченцова В.Г. (Париж)</i> Иоанн Кариофиллис и синодальное решение 1686 года о Киевской митрополии	329
<i>Черкасова М.С. (Вологда)</i> Жалованная грамота митрополита Варлаама 1511 года и ее особенности	331
<i>Черных А.П. (Москва)</i> Гербовые подвески и собачьи медальоны	333
<i>Шадунц Е.К. (Переславль-Залесский)</i> К проблеме интерпретации кругового граффити Переславского Спасо-Преображенского собора	335
<i>Шалак М.Е. (Ростов-на-Дону)</i> Сведения по исторической географии Крымского ханства в нарративных источниках иностранного происхождения конца XVI – начала XVII века	338
<i>Шамина И.Н. (Москва)</i> Личности монахов и настоятелей монастырей по материалам южной части Вологодского уезда XVI–XVII вв.	340
<i>Щеголева Л.И. (Москва)</i> Писец Амфилохий Каппос и Слова Симеона Нового Богослова: Патмос, Афон, Россия	343
<i>Щекотилов В.Г. (Тверь)</i> Пространственно-временная и структурная атрибуция пропавших без вести воинов ВОВ по комплексу архивных документов	345
<i>Яровая Е.А. (Санкт-Петербург)</i> Царскосельский клад шведских монет XVII в. (по материалам РГИА)	347
Тематический указатель	349

М.В. Бибиков (Москва)

**Византийская и поствизантийская криптография
(на материалах греческих рукописей, памятников
эпиграфики и нумизматики)**

*Работа написана по программе гранта
РФФИ (бывш. РГНФ) №16-01-00089*

Различные виды тайнописи хорошо знакомы источниковедам, занимающимся рукописями, лапидарными надписями и граффити, чтением нумизматических лемм, а также сигиллографистам и другим специалистам в области различных специальных историко-филологических дисциплин, касающихся как Руси, так и Византии, Западной Европы, стран Востока. Предлагаемые примеры византийской и поствизантийской криптографии относятся к материалам палеографии и кодикологии, эпиграфики и нумизматики и почерпнуты как из непосредственных исследований рукописей и надписей, так и из архивных занятий с материалами византинистов прошлого.

Среди выявленных в свое время рукописных списков византийского прототипа Изборника Святослава 1073 г. особая роль принадлежит пергаменному Старшему Парижскому, по нашему определению, списку – Cod. Paris. gr. 922, датируемому серединой XI в. Некоторые чтения этого греческого списка представляют собой гапаксы, находящие славянские соответствия только в самом Изборнике (*Бибиков М.В. Византийский прототип древнейшей славянской книги [Изборник Святослава 1073 г.]. М., 1996. С. 69–73*). Важным моментом атрибуции указанного кодекса является миниатюра на л. 5 об. и надпись в квадрате, занимающая весь л. 4. Непонятный, на первый взгляд, набор букв в квадрате обретает смысл, если читать текст из середины квадрата на периферию фигуры по всем направлениям. Текст является акростихом, означающим в русском переводе «Эта книга – августы Евдокии». Наиболее вероятная идентификация этой императрицы – Евдокия Макремволитисса – жена византийского императора Константина X Дуки (1059–1067), правившая после его смерти самостоятельно в качестве регента при малолетних сыновьях – будущем императоре Михаиле VII Парасинаке и Константине и ставшая затем женой Романа IV Диогена (1068–1071) (Там же. С. 308 и сл.). Парадные портреты Евдокии с царствующим василевсом хорошо известны

по мозаичному портрету на хорах второго этажа константинопольского храма св. Софии, а также на известном серебряном реликварии св. Димитрия из Оружейной палаты в Москве – так называемом Ковчежце Срезневского (*Срезневский И.И. Древний византийский ковчежец // Изв. РАО. СПб., 1863. Т. 4. С. 1–34*), где Христос (полуфигура) венчает императорскую чету. Реликварий содержит греческую надпись, читаемую в переводе «Константин во Христе Боге верный василевс ромеев Дука» и «Евдокия во Христе Боге (великая) царица ромеев». Известны и другие миниатюрные рукописные и рельефные (из слоновой кости) изображения Евдокии (*Spatharakis I. The Portrait in Byzantine Illuminated Manuscript. Leiden, 1976. P. 105*). Итак, идентификация посвяtitельной надписи августа Евдокии в Парижском списке византийского прототипа Изборника 1073 г. является свидетельством, что книга находилась (и создавалась) в императорских придворных кругах.

Примеры эпиграфической криптографии почерпнуты из собственно-ручных копий надписей, сделанных на Афоне о. Порфирием Успенским и хранящихся в Архиве РАН в Санкт-Петербурге (Ф. 118. Оп. 1. № 74. Л. 145–265) под заглавием «Надписи в монастырях, скитах и знаменитых кельях на св. Горе Афонской».

На л. 176 об. среди ватопедских материалов воспроизводится надпись 1285 г. «у вторых ворот монастыря на крепостной стене под зубцами ее»:

MC MX

Π ΠΑΙ =

Надпись прочитана как (в русском переводе) «Великомученники Христовы отцы (числом) одиннадцать». О. Порфирий относит надпись к царствованию Андроника Старшего (т. е. II Палеолога), «когда латиняне в 1285 г. повесили ватопедских монахов на холме Фуркувун, а игумена Евфимия утопили в море и ограбили монастырь».

Другая ватопедская надпись (л. 188–188 об.) обнаружена в приделе Утешения у креста, написанного на стене собора:

IC	XC
NI	KA
ΑΠMS	TKΠΓ
SOΠT	SHT
SBT	SΠT
SAH	KΔT
X	X
X	X

Надпись в переводе читается так:

Адам падший восстал крестом,

Креста оружие супостатов смущает.
 Крест царей победное знамение,
 Крест ангелов веселие.

Место лобное рай бысть,
 Крестом побеждаются тираны.
 Крест верных твердыня
 И бесов уязвление.
 Христос христианам
 Дарование даст.

К поствизантийскому времени относятся надписи обителей Каракалла и Ставроникиты. Каракальская надпись 1838 г. находится «в северном отделении монашеских келлий (в три жилья). Из надписи, помещенной в восточном углу, видно, что верхнее жилье отделано в 1838 г., 15 июня, с помощью христиан, старанием игумена Дамаскина». Л. 198 об.:

IC	XC
Ф	X
Ф	П
A	П
M	S
T	K
П	Г
TTTT	ДФР
QQQQ	EEEEГ

Знаком Q передана греческая «тета» (фита), S – «стигма». По-русски текст расшифровывается так:

Иисус Христос
 Свет Христов
 Просвещает всех.
 Адам падший
 Восстал крестом.
 Место лобное
 Рай бысть.
 Его чудного знамения Бесы бояться и трепещут,
 Божие видения божественное чудо Обрела Олена об-
 ретение от Голгофы.

Надпись в монастыре Ставроникиты находится «у креста на двери братской трапезы, сделанного из деревянной и костной мозаики» (л. 254–254 об.):

Ф IC	XC X
P XE	E X P

Ф NI	КА П
Р ХЕ	Е Х Р
ТП	КГ

Читать следует от крайних левой и правой букв – к центру, чтобы получилось: ФХФП \ РРРР \ XXXX \ EEEE \ ТКПГ. В переводе получается:

Свет Христов просвещает всех,
Избавителей обветшавших избавляет.
Христос христианам благодать дает.
Обрела Олена обретение от Голгофы,
Место лобное рай бысть.

Последний, нумизматический, пример почерпнут из переписки о. Антонина Капустина, хранящейся в Архиве Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Письмо от 26 июня 1871 г. из Иерусалима адресовано о. Азарию (Попцову), библиотекарю и начальнику канцелярии монастыря, прославившемуся в качестве первого издателя и переводчика актов Пантелеимонова монастыря и историку русской святогорской обители. Письма недавно изданы К.А. Вахом (*Архимандрит Антонин (Капустин)*). Письма на Афон и в Афины / Публ. К.А. Ваха при уч. А.А. Турилова и Л.А. Герд // Православный Палестинский сборник. Вып. 112. М., 2016. С. 284).

«На монетах византийских золотых и полных (т. е. настоящих солидах, а не половинках или четвертях их) выбивали обыкновенно и год царствования императора. На юстиниановой монете Вы найдете буквы Г.Д.Н.АВ и т. д. По чему и уразумеете, в какой год от Р.Х. та или другая монета чеканена. Кроме того, после слова CON..., Что означает Constantinopoli, всегда выбивалось ОВ. Этот ОВ до сих пор не исследован хорошо. Думают, что этим обозначалось то, что монета составляет семьдесят вторую часть фунта. Но против этого говорит то обстоятельство, что и на полусольдах видится то же самое ОВ. Думают еще, что это значит officinal Basiliiку (sic. – М.Б.) или оффицина вторая, т. е. В'...».

С.В. Зверев (Москва)

Организация монетного производства в конце XVII – начале XVIII века в связи с денежными реформами Петра I

Проводимые Петром I преобразования в денежном хозяйстве страны потребовали значительных изменений в монетном производстве. Начало было положено в октябре 1698 г. повышением монетной стопы с 10,5 до 15 копеек из золотника серебра и снижением нормативного веса копейки с 0,406 г до 0,284 г. Это снизило зависимость денежного дела от поставок серебра из Европы в виде крупных монет – талеров, называемых в России

«ефимками», поскольку позволило использовать в качестве сырья для чеканки новых копеек огромный массив «старых денег», более тяжелых монет прежних выпусков.

Еще весной 1697 г. был построен Старый (Красный) денежный двор в Москве, в Китай-городе, осуществлявший по старой технологии ручную чеканку серебряных копеек на кусочках расплюсненной проволоки, которые еще с 1696 г. стали помечать кириллическими датами «от Сотворения Мира». В гораздо меньших объемах чеканили серебряные денги (1/2 коп.) и полушки (1/4 коп.). Возросшие объемы монетной чеканки потребовали расширения производственной базы. В 1700–1702 гг. чеканку «проволочных» копеек вел Новый денежный двор в здании бывшего Земского приказа на Красной площади, а в 1701–1704 гг. работал Набережный денежный двор в Московском Кремле.

В тех же кремлевских палатах «под Набережным садом» еще в 1699 г. был создан «Медный денежный» двор, где было организовано механическое производство круглых медных монет европейского образца. Выпускали только фракции копейки. Медные денги, полушки и полполушки с первого выпуска 1700 г. уже несли даты по реформированному календарю «от Рождества Христова». Монетная стопа была 12,80 руб. из пуда меди, но уже в 1701 г. повышена до 15,44 руб. из пуда.

Все эти денежные дворы находились в ведении приказа Большой Казны. Плавка серебра и производство маточников для изготовления монетных чеканов велась на Старом (Красном) денежном дворе, а два других «серебряных» двора осуществляли лишь непосредственно чеканку «проволочных» монет.

Производство серебряных и золотых монет европейского образца было организовано на специально созданном для обеспечения нужд флота денежном дворе в Кадашевской слободе, который по названиям ответственных за его работу приказов именовали в 1701–1706 гг. «Военно-Морским монетным денежным», а в 1706–1711 гг. – Адмиралтейским. В 1701 г. там был начат выпуск золотых червонцев и серебряных «манетов» достоинством полтину, полуполтину, гривну и 10 денег (5 коп.). Но монеты составляли совсем небольшую часть продукции, и в основном этот двор выпускал привычные «проволочные» копейки.

В 1704 г. на заключительном этапе реформы начали чеканить серебряные рубли и медные копейки. Также в 1704 г. произошло расширение монетного производства. На отгороженной части Военно-Морского двора был организован «Медный денежный» двор. Вместе с «Медным денежным двором под Набережным садом» он начал выпуск медных копеек, денег и полушек по новой монетной стопе 19,20 руб. из пуда. С 1708 г. Медный Кадашевский монетный двор чеканил медные монеты по стопе 20 руб. из пуда.

Вместе с тем, с 1704 г. на Старом (Красном) денежном дворе в Китай-

городе был налажен выпуск монет европейского образца достоинством в гривну (10 коп.) и алтын (3 коп.). Изготовление с 1704 г. на Красном дворе серебряных рублевиков, полтинников и полуполтинников, на что иногда указывают нумизматы (*Уздеников В.В.* Объем чеканки российских монет на отечественных и зарубежных монетных дворах 1700–1917. М., 1995. С. 9, 14), пока не находит документального подтверждения.

Организацию монетного производства обеспечивали представители корпораций гостей и членов Гостиной сотни, которые были обязаны нести различные бесплатные и обязательные ежегодные службы, в том числе в качестве управителей («голов») денежных дворов. В документах их имена прослеживаются до середины 1710-х годов.

Медные монетные дворы получали готовые гладкие кружки для чеканки от отечественных и зарубежных подрядчиков. Мастера «у печати медных денег» также работали по подряду, получая обговоренную сумму денег за каждый пуд готовых монет, сделанных «с государевыми станами и инструментами» (ДПС. 1880. Т. I. С. 315).

Для бесперебойного обеспечения монетного дела серебром были регламентированы поступления «старых денег» на денежные дворы из разных приказов и ратуши, заключались многочисленные подряды с русскими и иностранными купцами на поставку ефимков, у населения покупали серебро. Уже в конце XVII в. закупка серебра была поручена Купецкой Ефимочной палате, которая посылала своих агентов для покупки ефимков и других серебряных монет на Украину, в «порубежные» города и на крупные ярмарки. В 1701 г. последовал царский указ об обмене всем желающим «старых денег» на новые с 10% «наддачей», причем принимали не счетный, а весовой рубль «старых денег» (40,95 г) в виде любых монет прежних государей. При взвешивании 100 руб. «старых денег» считали за 10 фунтов и давали за фунт по 11 руб. новыми деньгами. В 1707 г. «ради самого умаления приносу» было велено покупать 9-ти фунтовые «старые деньги» и давать «наддачи» пять рублей. С 1709 г. за фунт «старых денег» давали уже 11 руб. 22 алтына 1 денгу (11,665 руб.), а к 1711 г. на Адмиралтейском дворе цена поднялась до 13 рублей.

В 1707 г. (или в начале 1708 г.) уменьшение поступлений серебра заставило снизить содержание серебра в копейке, которая до того времени имела пробу близкую к «ефимочной». Копейки стали чеканить пробой «против левка» – нидерландского левендаальдера, имевшего пониженную указную 72-ю золотниковую пробу серебра. При этом фактическая проба «левков» нередко была ниже, и русские мастера определяли, что «в фунте оказалось чистого серебра по 52, по 62 и по 71 золотнику» (т. е. 542-я, 646-я и 740-я пробы). Поэтому у денежных дворов, подчиненным разным приказам, проба копеек оказывалась разной – от 60-й до 72-й.

Руководство Старого серебряного двора потребовало уточнений по пробе серебряных копеек в 1711 г. после передачи монетного дела в веде-

ние Сената. Последовавший 26 октября «приговор» Правительствующего Сената предписывал делать копейки 70-й пробы. При этом, еще в июне закупочная цена на «старые деньги» была определена 12 руб. за фунт.

Уже в июле 1711 г. серебряное и медное монетное производство было разделено. По «приговору» Правительствующего Сената 11 июля 1711 г. было велено: «Серебряные денги делать на одном денежном дворе, что в Китае, а медные на Манетном дворе» (ПСЗРИ. 1830. Т. IV. С. 713. № 2395; ДППС. 1880. С. 172. № 195). Но документы доказывают, что впоследствии чеканку медных монет вел также Набережный двор в Московском Кремле. При этом «приговор» Правительствующего Сената от 3 июля 1713 г. регламентировал для медных номиналов монетную стопу 20 руб. из пуда.

Все серебряные монеты после июля 1711 г. выпускал Старый (Красный) двор. Предлагаемое некоторыми исследователями отнесение «проволочных» копеек 1713 г. и части копеек 1716–1717 гг. к продукции Кадашевского монетного двора (*Гришин И.В., Клецинов В.Н., Храменков А.В.* Каталог русских средневековых монет с правления Ивана IV до правления Петра I (1533–1717 гг.). М., 2015. С. 234–238) является ошибочным. В действительности маточники и чеканы Кадашевского двора не были объединены с уже имевшимися на Старом дворе и сохранили «автономность» использования (*Зверев С.В.* Заключительный этап чеканки серебряных копеек в 1711–1718 гг. // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2016 года. Материалы докладов и сообщений. М., 2016. С. 186–191).

В мае 1714 г. монетное производство целиком было подчинено приказу Большой Казны.

В 1718 г. была проведена новая денежная реформа, связанная с увеличением затрат из-за продолжающейся Северной войны со Швецией. По именным царским указам от 24 января и 14 февраля 1718 г. было предписано прекратить выпуск серебряных «проволочных» копеек и чеканить лишь монеты машинной чеканки: рублевики, полтинники и гривенники 70-й пробы, алтынники и копейки 38-й пробы. Из золота стали чеканить монеты достоинством два рубля 75-й пробы. Стопа медных монет была резко повышена до 40 руб. из пуда. В 1718–1722 гг. на Кадашевском и Набережном монетных дворах происходил обильный выпуск легковесных медных полушек, а с 1723 г. начат массовый выпуск медных пятаков, что принесло казне большую прибыль, но надолго расстроило финансы страны.

О способах удостоверения византино-русских договоров X века

Русская практическая дипломатика началась со взаимодействия с византийской императорской канцелярией. Из имеющегося в летописях русского текста договоров 911 и 944 гг. с полной определенностью явствует, что каждый из них составлялся в двух экземплярах – «на двою харатью». В обоих документах сказано, что византийский экземпляр заверялся подписью императора (911) или императоров (944). Подпись императора была или считалась собственноручной. Она предварялась (и, возможно, завершалась) символической инвокацией – крестом.

В некоторых списках договора 911 г. «фука» императора упоминается с союзом «и»: «цесаря вашего и своею рукою». В историографии этот оборот воспринимался иногда как намек на подпись русских послов. Однако, во-первых, союз «и» употреблен в данном контексте не во всех летописях, во-вторых, такому пониманию противоречит то, что «фука» фигурирует здесь в связи с «крестом» и «единосущною Троицей», к которым русские, будучи тогда язычниками, отношения не имели.

Вместе с тем в договоре 944 г. «имена» императоров на византийском экземпляре соотнесены с упоминанием послов и гостей на русском экземпляре: «... и едина харатья есть у цесарьства нашего, на неи же суть имена наша написана, а на друзеи сли ваша и гости ваша». Вероятно, здесь имеется в виду не перечень послов и гостей в интитуляции, а какие-то их удостоверительные знаки. В 911 г. после составления и подписания договора в Константинополе стороны сразу и окончательно обменялись экземплярами. В грамоте 911 г. говорится, что византийский экземпляр, подписанный императором, был отдан русским: «... извести и дать нашим сълом». Русские, в свою очередь, «такое написание дахом цесарства вашего на удержание». Следовательно, экземпляр русской стороны остался на хранение в Константинополе, а экземпляр, подписанный императором, отправился в Киев.

Такая процедура предусматривалась византийской канцелярией для договоров, составленных в Константинополе без предварительных переговоров византийских послов с главой другого государства. Иностранные послы приезжали в Константинополь с верительной грамотой, где условия договора формулировались от их имени, т. е. фактически от имени их государя. В летописях рассказ о заключении договора 911 г. начинается с фиксации инициативы Олега: «В лето 6420. Посла Олег мужи свои...». Олег действовал как победитель и предлагал (фактически диктовал) свои условия другой стороне. Его послы были, говоря современным языком,

«чрезвычайными и полномочными», наделенными правом поставить точку в процедуре утверждения договора.

По иной схеме проходило заключение договора в 944 г. Тогда инициатива исходила от Византии, чувствовавшей себя победительницей после разгрома войск Игоря в 941 г. и его отказа от начатого было в 943 г. нового похода. Рассказ о договоре 944 г. летопись начинает с указания побудительных действий Византии, направившей к Игорю свое посольство: «В лето 6453. Присла Роман и Костянтин и Стефан слы к Игореву...». Эти послы провели предварительные переговоры с Игорем, который отправил в Константинополь ответное посольство, проделавшее свой путь в Константинополь, вероятно, совместно с возвращавшимися туда византийскими послами. Верительная грамота послов Игоря не содержала формулировки условий договора от лица русских. Все диспозитивные статьи в трактате 944 г. составлены от лица греков, что соответствовало формуляру договоров, заключенных после предварительных переговоров византийских послов с государем другой страны. Послы Игоря были, может быть, и «чрезвычайными», но отнюдь не столь «полномочными», как послы Олега в 911 г. Не исключено, что включение «гостей» в состав посольства являлось попыткой компенсировать снижение роли послов.

Недостаточность полномочий послов и прогреческая редакция диспозитивных статей документа обусловили необходимость ратификации его Игорем. Поэтому, в отличие от процедуры 911 г., стороны не обменялись окончательно экземплярами договора сразу после его составления в Константинополе, а были вынуждены дополнить проделанную работу еще двумя мероприятиями. Первое из них состояло в совместной поездке русских и византийских послов в Киев, где Игорь должен был ратифицировать договор. Второе дело сводилось к обратному путешествию византийских послов в Константинополь, где они должны были доложить императорам об утверждении договора Игорем.

О цели первого мероприятия говорится в самом договоре сразу после corroborации, описывающей способ утверждения обоих экземпляров в Константинополе: «А отходяще со слом цесарьства нашего, да допроведят к великому князю Рускому Игореву...». В Лаврентьевском списке 1377 г., Ипатьевском начала XV в., Софийской I и Новгородской IV (XV в.) сказуемое «допроведят» не сопровождается прямым дополнением, которое здесь по логике требуется. В Радзивилловском и Академическом списках второй половины XV в. такое дополнение имеется: «их». Отсюда можно заключить, что на ратификацию к Игорю были направлены оба экземпляра. В Эттерове списке Львовской летописи XVI в. вместо «их» читаем «ю», что значит «ее». Это соответствует продолжению фразы, где грамота упоминается в единственном числе: «и ти принимающе харатью». Далее, однако, речь идет о грамоте, где «имена наша (императоров – С.К.) написана».

Так что, видимо, в Киеве Игорю были продемонстрированы оба экземпляра договора, хотя клятву он принес на том документе, который скрепили русские послы. Судя по всему, в Киеве процедура утверждения договора ограничилась массовым принесением клятвы по языческому и христианскому ритуалам. Никаких дополнений к письменному тексту не делалось. Больше того, вся киевская процедура была заранее согласована и расписана в Константинополе. В Киеве оставалось только сыграть пьесу по сценарию, запланированному в Константинополе.

В заключительной части документа помещены одна за другой две корроборации – санкции. Первая – для крещеной Руси, вторая – для язычников. Христиане должны были клясться «церковью святого Ильи в соборнеи церкви и предлежащем честным крестом и хартьєю сею». Некрещенные клялись демонстрацией оружия: «да полагають щиты своя и мечи свои наги и обручи свои и прочаа оружья и да кленутся о всем яже суть написана на харатыи сеи».

Санкции для обеих групп клянушихся слагались из *poena spiritualis* (духовное наказание) и *poena temporalis* (светское наказание). Для христиан первый тип наказания сводился к отсутствию «помощи от Бога», второй – к смерти от своего собственного оружия. Был еще третий, так сказать, смешанный тип наказания: «и да будеть раб в сии век и в будущии». Некрещеным нарушителям, как и христианам, грозила смерть от своего оружия и проклятье «от бога и от Перуна».

В отличие от договора 911 г., договор 944 г. лишен даты в конце текста. Это может быть связано с особенностями процедуры его составления и заключения. Поскольку в период пребывания русских послов в Константинополе договор был только заключен, но еще не ратифицирован, ставить на нем дату казалось преждевременным. Когда же грамота получила признание со стороны русского князя, никто не стал вносить в нее какие-либо дополнения и изменения. Поэтому она осталась без даты. Трудно сказать, насколько «нормальной» могла считаться такая ситуация, когда договор определенной разновидности (а именно заключенный после переговоров византийских послов в другой стране) приобретал силу, не имея даты.

Экземпляр русской стороны, совершив длинное путешествие, вернулся в Константинополь вместе с византийскими послами. Принятие его на хранение в архив императорской канцелярии, по-видимому, не сопровождалось внесением даты в его текст.

Тексты договоров 911, 944 и 971 гг. в изложении летописей начинаются с однотипных заголовков, у которых первые пять слов совпадают полностью: «Равно другаго свещания, бывшаго при...», что значит: «Список другого (= следующего) договора, заключенного при...». Однотипность заголовков говорит о том, что перед нами – копии из одного и того же сборника, картулярия, специально составленного для воспроизведения византино-русских соглашений X века.

Летописные тексты договоров являются переводами греческих текстов, вошедших в состав этого картулярия. Обозначения дат даются тут буквенной цифирью, в то время как в подлинниках для этого употреблялись порядковые числительные. В договоре 971 г. император Иоанн фигурирует с прозвищем «Цемьский», хотя в подлинниках официальных документов X в. прозвища императоров не приводились. Эти отступления от правил написания подлинных актов X в., отразившиеся в русских переводах, позволяют предположить, что переводчик пользовался греческими копиями, созданными не раньше второй половины XI – начала XII в., ибо только со времен императоров Никифора III Вотаниата (1078–1081 гг.) и Алексея I Комнина (1081–1118 гг.) в копиях появились прозвища василевсов, а даты стали писаться буквенной цифирью.

Нами была выдвинута гипотеза, что картулярий, содержащий копии трех договоров, привез с собой из Константинополя на Русь митрополит Никифор I (1104–1121 гг.). В Начальном своде 1095 г. тексты русско-византийских договоров еще отсутствовали. Они впервые появились в русском переводе в Повести временных лет, все три редакции которой (1112, 1116 и 1118 гг.) относятся к периоду, когда киевским митрополитом был Никифор I.

В основу картулярия Никифора, внеканцелярского по своему происхождению, могли быть положены официальные копии канцелярии, которые восходили к экземплярам, оставленным в Константинополе русской стороной. Экземпляры же византийской стороны ушли на Русь, где и пропали безвестно.

Ставя вопрос о первоначальных противнях каждого из заключенных договоров, приходится задуматься прежде всего о том, чем византийский экземпляр, попавший на Русь, отличался от русского, оставленного в Константинополе. Были ли они написаны на разных языках, по-разному оформлены и удостоверены? Заметим, что в текстах переводов не употребляется ни слово «хрисовул» («хрисовул логос»), ни равный ему по значению термин «златопечатная грамота». Нет никаких указаний о скреплении византийского экземпляра императорской печатью. Не говорится и о скреплении русского экземпляра печатями.

Единственное, что засвидетельствовано прямо, это то, что экземпляр византийской стороны в 911 и 944 гг. удостоверился собственноручной подписью василевсов. В 911 г. цесарь подписался «своею рукою, предлагающим честным крестом и святою единосущною Троицею единого истинного Бога вашего». В договоре 944 г. о византийской «харатье» сказано, что «на ней же есть крест и имена наша написана». Тут же упоминается о «друзеи» харатье, русской, на которой «сли ваша и гости ваша».

Как подписался император Лев VI в 911 г.: именем или менологием? Судя по упоминанию креста, скорее всего именем. О том, что в 944 г. императоры поставили свои «имена», свидетельствует сам текст догово-

ра. Сравнив договор 971 г. с венецианскими декретами того же времени, мы попытались доказать, что контрагенты Византии скрепляли документы не печатями (вислыми буллами), а подписью или «знаком руки» (*signum manus*). От идеи буллического скрепления договора 971 г. отказалась еще Н.А. Соболева (1991). Не буллическим же был, вероятно, и способ удостоверения русских экземпляров договоров в 911 и 944 гг. В тексте договоров нет данных для суждения о том, чем, кроме состава «подписей», «византийский» экземпляр отличался от «русского». Нельзя исключать того, что оба экземпляра могли быть написаны по-гречески и представляли по существу одну и ту же редакцию.

В любом случае, договоры удостоверялись тремя способами: устным, письменным и кинематическим. Византийские василевсы устной клятвы не приносили. Они удостоверяли документ своими подписями. Русские послы (и гости) обязательно должны были принести клятву на верность договору, причем одни по языческому обычаю (клятва оружием, на оружии, на драгоценных предметах), другие по христианскому ритуалу. Кроме того, послы и гости удостоверяли договоры своими «подписями» либо в виде настоящей подписи (*subscriptio*), либо в форме «печати» или оттиска пальцев (*signum manus*). Князь Игорь приносил устную присягу. О его «подписи» на договоре 944 г. никаких сведений нет. Святослав же, вероятно, и клялся, и делал «подпись» (скорее всего в виде *signum manus*). Кинематика (условные жесты), безусловно, тоже присутствовали в обряде утверждения договора, причем это касалось всех участников удостоверения, которые каждый по своему статусу выполняли определенную роль. Воссоздать эту пантомиму с полной достоверностью невозможно.

Н.Ф. Котляр (Киев)

Вольные города в Южной Руси

Города в Киевской Руси разделялись на частновладельческие и вольные. Первые обычно бывали небольшими, чаще всего крепостями и замками, принадлежавшими князьям, а бывало и боярам (в Галицко-Волынском княжестве). В вольных же городах князь не имел права сидеть и править без согласования с общиной. К ним принадлежали крупные города, центры княжеств и земель. В Южной Руси ими были Галич, Владимир, Чернигов, Переяславль и, прежде всего, стольный град государства, Киев. Речь пойдет о самоуправлении в вольных городах, в которых обычно находились княжеские столы.

Городские общины испытывали потребность в княжеской власти, прежде всего для защиты, и князь с дружиной, состоявшей из хорошо вооруженных и обученных воинов, могли способствовать этому. Для

Киева и городов, недалеко отстоявших от Степи, нужна была оборона от хищных половецких ханов. Они, начиная с 1068 г., почти двести лет угрожали стольному граду державы. Особенно страдал от половцев выдвинутый в степь Переяславль

Летописи неоднократно подчеркивают необходимость постоянного присутствия князя в стольном граде. Киевский свод под 1154 г. отметил: «Они же [киевляне] боячеся половець, зане тогда тяжко бяше кыаномъ, не осталъ бо ся бяше у нихъ ни единъ князь у Киевѣ». Еще более нужным оказывался князь во времена народных волнений и выступлений криминальных элементов. Когда в 1113 г. в Киеве вспыхнуло восстание, вызванное неправдами и притеснениями недавно умершего князя Святополка и его министриалов и приспешников, господствовавшая верхушка города, напуганная разгромом дворов тысяцкого, соцких, бояр и богатых купцов, поспешила пригласить на стол знаменитого полководца и опытного государственного деятеля Владимира Всеволодича Мономаха.

С наступлением удельной раздробленности Древнерусского государства неизменно возросла роль и городской общины, и вечевых собраний в общественно-политической жизни Киева и других крупных городов (Новгорода Великого, Владимира на Клязьме, Чернигова, Галича и др.). Их общины начинают избирать себе князей или, по меньшей мере, решающим образом влиять на завладение тем или иным Ярославичем престолом. Избрание и удаление князя было главным признаком вольного города. Когда в 1132 г. умер киевский князь Мстислав Великий (Мономахич), летописец отмечает, что его младший брат вокняжился в Киеве потому, что горожане (вече) позвали его: «И съде по немъ брат его Ярополк, княжа Киевѣ, людие бо кыане послаша по нь» (Ипатьевская летопись). Особенно активно действовала киевская община в деле замещения великокняжеского стола во времена феодальных войн на Руси в 40-е – 50-е гг. XII в., когда речь шла о первенстве того или иного князя в Русском федеративном государстве. В 1146 г. киевляне под давлением подручных умиравшего князя Всеволода Ольговича приняли на престол его брата Игоря. Но через несколько дней городское вече гордо заявило: «Олговичѣвъ не хочемо быти акы в задничи» (Киевская летопись), т. е. не хотим, чтобы нас передавали в наследство, будто какое-то имущество, и пригласило на стол известного уважением городских вольностей Изяслава Мстиславича.

Во время ожесточенной борьбы за Киев и великокняжеский стол между Изяславом Мстиславичем и его дядей Юрием Долгоруким (1146–1151) городское вече последовательно поддерживало Изяслава, потому что он, по его мнению, мог обеспечить вольности горожан. Когда в 1150 г. Изяслав на время потерял Киев, вече вновь позвало его в князья. Вскоре после этого в городе вокняжился другой дядя Изяслава, но вече отрелось от него и признало князем все того же Изяслава, заявив ему: «Вячьславъ

сѣдить ти в Киевѣ, а мы его не хотимъ» Затем вечники твердо сказали Ияславу: «Ты нашъ князь, поѣди же къ святой Софѣи, сяди на столѣ отца своего и дѣда своего». В том же году Долгорукий еще раз выбил из Киева Ияслава, но вече не поддержало его, а затем, уже в четвертый раз, пригласило Ияслава княжить. Киевское вече продолжало сажать и сбрасывать князей по крайней мере до начала XIII в.

Но не только города нуждались в присутствии князей для сохранения вольностей и защиты от врага. Сами по себе они представляли для власти первостепенный политический и военный интерес. Существование городских ополчений делало правящую верхушку города, прежде всего Киева, немалой силой, которую князья стремились использовать в собственных целях. Великие князья киевские опирались на общину стольного града в борьбе за свои интересы и даже за объединение Руси. Это легко понять, если принять во внимание, что профессиональные дружины князей, даже сильных, состояли из нескольких сотен воинов, пусть даже хорошо вооруженных и обученных, тогда как ополчения Киева, Новгорода, Галича и Владимира на Клязьме насчитывали по несколько тысяч (а то и несколько десятков тысяч) бойцов, хотя и уступали дружинникам в вооружении и умении сражаться.

Следует доверять свидетельству «Повести временных лет», что уже в княжение Владимира Святославича (978–1015) существовал государственный совет из киевского тысяцкого, соцких, а также руководителей общин других городов. Верхушка Киева принимала участие в княжеских съездах, вошедших в практику с конца XI в.

В тех случаях, когда князь и его администрация (двор) тесно сотрудничали с городской общиной, возникала даже возможность передавать вольные города в наследство. В конце XIII в. волынский князь Владимир Василькович, не имевший сына, отдал вольный город Владимир с волостью избранному им наследнику двоюродному брату Мстиславу Даниловичу. Но к Киеву это не относилось. Влиятельная община стольного града государства стремилась сама решать свою судьбу.

Л.В. Мошкова (Москва)

Кодикологический анализ посольских книг конца XV – начала XVI в.: поиск методики

Кодикологический анализ древнейших посольских книг не всегда является обязательным элементом их исследования. Такая позиция понятна и даже оправдана: если исследователя интересует только заключенная в книге информация, то подобная работа представляется ему трудоемкой, излишней, а иногда и пугающей. Тем не менее, палеографический и ко-

дикулогический анализ посольских книг может привести к интересным выводам, выходящим за рамки указанных вспомогательных исторических дисциплин. Однако, приступая к данному исследованию, следует не только хорошо понимать его возможности, но и четко сформулировать задачи, чтобы выявление типов и видов водяных знаков, а также количества почерков не осталось «искусством ради искусства».

Далее излагаются самые предварительные соображения, которые автор адресует не другим исследователям (заимствовать чужие методы работы не всегда продуктивно), но скорее себе, поскольку крайне интересным представляется вопрос о времени создания указанных книг.

Автор исходит из того, что при палеографическом и кодикологическом анализе можно (и даже нужно) ограничиться необходимым и достаточным для достижения поставленной цели. Поэтому хотелось бы обозначить «точки опоры», которые не являются аксиомами (ближайшая аналогия – «дано» в математической задаче). Итак, мы не сомневаемся: 1) в подлинности книги; 2) в подлинности документов; 3) в правильности указанных дат. Следует: 1) доказать одновременность или разновременность оригинала и имеющейся в нашем распоряжении копии; 2) определить примерное время, на которое копия отстоит от оригинала.

При анализе бумаги выделить блоки, которые были переписаны в одно или близкое время, и блоки более поздние. При этом размер одновременных, следующих друг за другом блоков может быть разным. Имеет ли смысл для достижения поставленной цели давать полную листовую формулу тетради с точным указанием листов, на которых расположен тот или иной знак или его части? Полагаю, что если нет сомнений в том, что тетрадь дошла в исходном виде (нет замены или перестановки листов), делать это не обязательно. Филигрانی можно приводить для выявленных в рукописи блоков, указывая листы, на которых содержится один или несколько чередующихся знаков (совершенно очевидно, что их датировка не должна быть противоречивой).

Как известно, рукописи уверенно датируются по филиграммам в пределах четверти века (эта принятая и наиболее распространенная практика, прослеживающаяся в большинстве описаний). Поэтому проверка знаков по справочникам может дать только один надежный вывод: противоречит или не противоречит дата документа датировке знака. Следовательно, выделенный блок можно датировать по самому позднему документу: «не ранее ... года». Если следующий блок содержит документы этого же года, он датируется так же, если нет – по указанному принципу.

Граница тетради, как можно предположить, не всегда будет совпадать с границей подборки документов определенного года. Например, подъячим была сформирована стандартная тетрадь из 8 листов. Но последний написанный им документ закончился на седьмом листе или лицевой стороне восьмого. В этом случае не будет удивительным, если человек, на-

чавший работу по копированию документов иного года, начнет писать в уже имеющейся тетради, а не будет сразу формировать новую. Но он может поступить и по-иному: начать свою часть с первого листа новой тетради (здесь очень заманчиво высказать следующее, исключительно спекулятивное предположение: в первом случае он имел в своем распоряжении переписанную ранее часть, во втором – нет).

Использование бумаги с одним водяным знаком может говорить о следующем. Блок написан одновременно, и если его размер достаточно велик, то бумага для этой части специально выделялась (выдавалась) из запасов.

Если в блоке использована не одна бумага, то листы могли быть взяты из «остатков» (это говорит об отношении к книге, т. е. о том, что она воспринималась как копия, архивная). Разная бумага, «сочетающаяся» с определенным почерком, может свидетельствовать о том, что: 1) у каждого писавшего был свой запас; 2) блок создавался последовательно.

Полагаю, необходимо ввести понятие «бумажные швы» (естественно, они должны располагаться между тетрадями). Это граница, где использование бумаги с одними видами (видом) филигрانی заканчивается, и начинаются другие знаки (количество их не столь важно). Хотелось бы верить, что в месте «бумажных швов» будут чистые страницы (или хотя бы их части).

Анализ почерков можно делать не фронтально (по всем почеркам блока), а только в «сомнительных» местах: например, если есть подозрение, что лист был заменен. В этом случае можно ожидать, что он написан другим почерком, и смена бумаги, приходящаяся исключительно на вкрапление особого почерка, может свидетельствовать о «вмешательстве» в текст (но не о времени, которое еще надо установить).

Вероятно, по аналогии с бумагой, необходимо ввести понятие «почерковые швы». В самом общем значении – это почерки одной «группы» или другой «группы». Они не обязательно совпадут с выделенными блоками бумаги: хотя использовалась иная бумага, люди и через несколько лет могли остаться прежними.

Следовательно, ограничиться рассмотрением только бумаги невозможно: параллельно надо проводить палеографический анализ. То есть датировать блок по дате самого позднего документа можно только на первом этапе. Поиск ответа на вопрос: не продолжают ли эти же почерки и дальше, в следующем блоке (и как продолжают) может привести к тому, что датировка постепенно будет сдвигаться в сторону «омоложения» предыдущих блоков. Вычленение одновременно или последовательно написанных частей неизбежно приведет к вопросу о временном разрыве между ними.

Вероятно, придется определить, что такое «значительная» и «незначительная» разница во времени. Использование одной бумаги попеременно с другой при наличии явных «почерковых швов» говорит о «незначитель-

ной» разнице. «Почерковые» и «бумажные швы», приходящиеся на одно место, говорят о более «значительной» разнице. Однако точно сказать, сколько времени прошло, вряд ли возможно.

С большой долей вероятности попытка ответить на вопрос, когда начали формироваться дошедшие до нас древнейшие посольские книги, выльется в подробный анализ бумаги и почерков указанных рукописей.

Е.В. Пчелов (Москва)

Городская геральдика Российской империи: основные тенденции исторического развития

История русской городской геральдики дореволюционного периода исследовалась неравномерно, более того, несмотря на ряд появившихся в относительно недавние годы справочников, до сих пор отсутствует полный свод всех утверждённых городских гербов Российской империи, что усложняет работу по их анализу. В основу настоящего обзора положены как справочные издания, лучшим из которых остаётся свод П.П. фон Винклера, так и интернет-сайты, прежде всего, heraldicum.ru. Представлялось важным рассмотреть русские городские гербы по времени их создания с целью выявления особенностей формирования городской геральдики в России в каждый из выделяемых периодов. При этом за скобками работы остались губернские и областные гербы, и гербы очевидного иностранного происхождения (польско-литовские, финских и прибалтийских городов и т. п.).

При анализе гербов я выделил четыре основных типа в зависимости от их семантики: гербы гласные (отражающие мнимую или реальную этимологию названия города); гербы, отражающие природные особенности; гербы, отражающие занятия жителей, в том числе хозяйственную жизнь; гербы, отражающие историю города и его достопримечательности. Конечно, только этими категориями всё многообразие русской городской геральдики не ограничивается, но большинство гербов в них вписываются. При отнесении герба к определённой категории в сложных случаях предпочтение отдавалось «итоговому» указанию описания. Приведённые количественные характеристики при всей их условности в целом представляются вполне репрезентативными.

В истории русской городской геральдики можно выделить несколько периодов.

Первый период – *допетровская геральдика*, начиная с Большой печати Ивана Грозного 1570-х гг. до конца XVII в. – представлен несколькими источниками, зафиксировавшими территориальные, т. н. титульные гербы (эмблемы). Из них наиболее полными являются Большая печать Ивана Грозного (24 титульные эмблемы) и Титулярник 1672 г. (33 эмблемы). Из

этих эмблем целый ряд относится к иностранным геральдическим традициям, но большинство создано в России (хотя возможно влияние и европейской геральдики). На Большой печати Ивана Грозного из 19 собственных русских гербов 10 изображают животных, 3 – предметы вооружения, 6 имеют символический характер. Таким образом, большинство эмблем, вероятно, отражает природные или хозяйственные особенности земель. Из 19 эмблем к концу XVII в. сохранились в целом или в отдельных элементах – 10. Остальные были созданы заново в XVII в. К концу XVII в. большинство титульных гербов имело ярко выраженный эмблематический характер.

Из титульных гербов допетровского времени в Российской империи в качестве городских было утверждено 18 (включая герб Москвы).

Кроме того, известны 20 эмблем на печатях сибирских городов и острогов (в основном отражавших занятия местных жителей), из них в качестве городских в Империи было утверждено пять. Ещё два городских герба появились в XVII в. и «перешли» в XVIII в. – это гербы Стародуба (гласный) и Уфы (в конце XVIII в. трактовался как отражающий природу).

Первая половина XVIII в. ознаменовалась институализацией российской геральдики и созданием городских гербов для полковых знамён в 1712 г., герботворческой деятельностью Ф. Санти в 1720-х гг. и фиксацией гербов в т. н. Знамённом гербовнике Миниха конца 1720-х гг. К этому периоду восходят, по меньшей мере, 56 позднее официально утверждённых герба. Из них гласных гербов – 13 (ещё один был утверждён в середине XVIII в.). Занятия жителей отражали восемь гербов (плюс один, утверждённый в середине XVIII в.), историю города – семь, природу – шесть. Как минимум, 20 гербов имели эмблематический характер, причём символизм присутствовал даже при обозначении сравнительно простых явлений. Как показали исследования (Н.А. Соболева, А.М. Пашков, И.Б. Емелин и др.), в основе этой эмблематичности лежали изображения из книги «Символы и эмблемата» (первое изд. – 1705 г.). Таковых гербов, как видим, большинство. На втором месте идут гласные гербы, и несколько меньшее число принадлежит гербам очевидно «историческим», «хозяйственным» и «природным».

На следующем этапе, в *Екатерининскую эпоху* было создано и утверждено самое большое число городских гербов (пик пришёлся на рубеж 1770-х – 1780-х гг.). Для них характерны такие общие особенности: почти все они состоят из одной фигуры (эмблемы) и из одного поля (имеется в виду поле с собственно городским гербом); практически все понятны и имеют очевидное в описании объяснение; практически все буквально показывают то, что описано, т. е. представляют собой картинку – чисто символические изображения в них единичны. Простота, доступность для понимания и абсолютная деидеологизированность – отличительные черты этих гербов.

Статистику екатерининских гербов в своё время привела Н.А. Соболева, однако, мои подсчёты отличаются: занятия жителей – 156 гербов, природа – 82 герб, гласные гербы – 70, история города и достопримечательности – 39 гербов. В шести гербах использованы гербы других городов (в двух – черниговский, по одному – ярославский, смоленский, владимирский и архангельский). Очевидно, что гербов, отражающих природные условия, и гласных в два раза меньше, чем гербов, рассказывающих о занятиях жителей, а гербов, посвящённых истории и достопримечательностям, в два раза меньше, чем гласных и «природных».

Есть также единичные гербы, не поддающиеся однозначной интерпретации, или имеющие символический или эмблематический характер. В случае пяти, могущих пониматься как гласные, гербов одна и та же фигура может трактоваться двояко. Единичны случаи, когда разную категориальную семантику имеют две (3 герба) или даже три (1 герб) фигуры. В целом для городской геральдики екатерининского времени характерна предельная ясность и очевидность.

В период правления *Александра I* с 1803 по 1826 гг. было утверждено 26 гербов (утверждённые в 1826 г., создавались, разумеется, ранее). Условно их можно классифицировать так: история и достопримечательности – 11, занятия жителей – 9, гласные – 4, природа – 2. Важной особенностью является нередкое сочетание нескольких фигур, означающих разные категории понятий, но в большинстве случаев такие фигуры соединены в одном поле щита. Для гербов этого периода характерна эмблематичность. Она сравнительно проста и соответствует эмблематике ампирного времени (кадуцей, якорь, снопы и др.), и даже сравнительно простые явления, как, например, соль, обозначаются с помощью символа.

В период *Николая I* городские гербы утверждались в 1840-х – первой половине 1850-х гг. Из них 32 герба отражали занятия жителей, 25 – историю и достопримечательности, 13 – природу, гласных гербов – 6, девять гербов представляют собой символические изображения, с трудом поддающиеся «дешифровке». Эмблематичность герба в целом сохраняется, во многих гербах разные фигуры обозначают разные категории понятий, но для этого времени характерно деление щита на части, в каждой из которых помещается та или иная фигура. Дробность щита становится отличительной особенностью гербов, а с точки зрения семантики всё большее место занимает история и достопримечательности города, в то время как «гласность» уходит на дальний план.

Вторая половина XIX в. в истории русской геральдики ознаменовалась реформой Б.В. Кёне. Между тем, в общей сложности в этот период было утверждено всего 27 новых гербов. Большая их часть отражает историю и занятия жителей, природа показана всего в пяти гербах, а гласных нет вообще. Для многих гербов характерна ярко выраженная геральдизация – введение в герб чисто гербовых фигур, таких как пояс, столб, оконеч-

ность, гонты и т. п. Очевидны попытка приведения геральдики в соответствие с классическими европейскими традициями и сочетание разных фигур с разной семантикой. При этом о значении тех или иных фигур «непросвещённому зрителю» остаётся только догадываться.

В начале XX в. до 1914 г. было утверждено ещё 37 гербов. Из них 26 отражали хозяйственную жизнь, обозначения природных особенностей единичны, а гласных всего два. Для гербов этого времени также характерно сочетание фигур разных семантических категорий, но, как правило, в рамках единой композиции в одном поле щита. Заметен отход от чисто гербовых фигур. Иными словами, геральдика этого периода вобрала в себя некоторые черты предшествующих эпох. По-видимому, в это время была найдена некая «золотая середина» между визуальной геральдичностью и семантической ясностью герба.

Д.Н. Рамазанова (Москва)

Списки с изданий XVIII века: к вопросу о взаимосвязи рукописных и печатных книг в России

История книжной культуры в России XVIII в. представляется одним из наиболее сложных периодов, когда, с одной стороны, в сосуществовании рукописной и печатной книги наследовались традиции XVI–XVII вв., а с другой – они дополнялись и обогащались множеством особенностей. В XVI–XVII вв. книгопечатание в России не смогло вытеснить рукописную книгу. Это обусловлено тем, что издательская деятельность была преимущественно сосредоточена в Москве и ограничена одним центром – Московским Печатным двором, существовавшим на средства государства. Количество, а также репертуар изданий, вышедших на Московском Печатном дворе, были ограничены: так, за вторую половину XVI и весь XVII в. А.С. Зернова насчитывает 500 изданий (*Зернова А.С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках. Сводный каталог. М., 1958*), причем в свет выходили книги в основном богослужебного характера. В отношении разнообразия репертуара рукописная книга в то время решительно превалировала над печатной.

В XVIII в., как известно, положение радикально меняется. Так, Московский Печатный двор (впоследствии – Московская Синодальная типография) уже не был единственным центром книгопечатания в России: открылись другие государственные типографии в Москве и Санкт-Петербурге, в том числе – при Академии наук и Московском университете, а во второй половине века появились и частные издатели. Соответственно, значительно выросло количество издаваемых книг: так, только кириллических книг в Москве и Санкт-Петербурге вышло около 2000 (*Гусева А.А. Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типогра-*

фий Москвы и Санкт-Петербурга и универсальная методика идентификации. М., 2010. 1252 с.). Кроме того, помимо кириллических изданий, переворот в культуре печатной книги произвело введение гражданского шрифта, в результате чего количество таких изданий в XVIII в. дошло до 10000 книг, а возможно, и превысило эту цифру, включая переиздания. Расширились как книгоиздательский репертуар, так и читательская аудитория.

Изменившаяся в XVIII в. ситуация в книгопечатании, однако, не привела к существенному замещению рукописной книги печатной, и они продолжали сосуществовать. Одна из известных и важных для истории книгопечатания форм такого сосуществования — рукописи, с которых делался печатный набор. Это могли быть корректурные черновые списки, а также беловые и подносные кодексы. Благодаря неплохой сохранности, в частности, архива Московского Печатного двора (Московской Синодальной типографии) в распоряжении исследователей оказывается большое количество таких списков.

Вместе с тем, исследуя взаимовлияние рукописной и печатной книжных культур этого периода, уместно рассмотреть особый тип рукописных книг, представляющих собой списки с печатных изданий. Практика создания таких рукописей развивается уже с началом эпохи книгопечатания, однако в России XVIII в. количество списков с печатных изданий по сравнению с XVII в., как показывают предварительные наблюдения, не сокращается, а скорее возрастает вследствие умножившегося разнообразия книгоиздательского репертуара. Содержание и состав рассматриваемых кодексов нередко отличались от печатных оригиналов, поэтому их нужно классифицировать, имея в виду как физические особенности рукописей, так и утилитарные цели их составления.

Наблюдения над списками с печатных изданий позволяют выделить несколько групп кодексов в соответствии с теми целями, которые преследовали их заказчики, составители и переписчики. Рассмотрим соответствующие группы списков на материале рукописных копий, выполненных преимущественно с учебных печатных изданий первой половины XVIII в.

1. Полные копии текстов печатных изданий. В качестве одного из вариантов таких копий следует выделить подносные кодексы, составлявшиеся одновременно с изготовлением тиража. Так, в библиотеке Петра I находился поднесенный царю список «Арифметики» Л. Магницкого (БАН. П I Б. № 18), украшенный киншварными заголовками с применением золота и серебра в заставках и инициалах (подробнее: Библиотека Петра I. Описание рукописных книг / Автор-сост. И.Н. Лебедева. СПб., 2003. С. 143–144).

2. Рукописные редакции текстов печатных изданий, в числе которых, в частности, встречаются целенаправленные сокращения. Таковы некоторые списки с издания «Арифметики»: в собрании П.П. Шибанова (ОР РГБ. Ф. 344. № 19) находится список, принадлежавший в 1740-е гг. сержанту Кексгольмского пехотного полка А. Олешеву, где по сравнению с

изданием содержится только первая книга труда Магницкого; а список второй четверти XVIII в. из собрания А.П. Гранкова (ОР РГБ. Ф. 711. № 129) по существу является конспектом «Арифметики» со значительными пропусками по сравнению со знаменитым изданием 1703 г.

3. Сборники, составленные с использованием копий с текстов печатных изданий. Примером может служить список с издания Славяно-греко-латинского Букваря Ф. Поликарпова (1701) из собрания Оптиной Введенской пустыни (ОР РГБ. Ф. 214), к которому присоединены тринадцать дополнительных учебных, богословских и иных текстов.

4. Переработанные тексты печатных изданий. Так, в собрании А.А. Титова (ОР РНБ. Ф. 775) находится рукопись № 4453, являющаяся не только копией лексической части Букваря Ф. Поликарпова, но и активно переработанная. Характер работы над текстом указывает, что ее выполнение, по всей видимости, осуществлялось в процессе обучения, что подтверждается колофоном писца, бывшего учеником Новгородской школы.

5. Рукописные дополнения к печатным изданиям. К ним относятся: восстановление текста утраченных печатных фрагментов; вставки от руки и дополнительные тексты в печатных изданиях, а также рукописные заполнения специально предназначенных для этого пустых мест в печатных книгах: например, «Календарь, или месяцеслов христианский...» на 1715 г., заполненный Петром I (БАН. П I Б. № 64).

6. Копирование рукописей, ранее сделанных с печатных изданий, т. е. списки с уже готовых списков. Примером может служить сборник (РГБ. Ф. 214. № 74/80), включающий список с издания «Географии» 1710 г., владелец которого оставил запись: «списал с письменной же 1755 года июля месяца».

Опыт типологии рукописных копий и дополнений печатных изданий XVIII в., конечно, потребует дальнейших уточнений и развития. Однако представляется несомненным, что подобная классификация необходима, во-первых, потому, что она позволит выяснить не вполне изученные потребности читателей того времени, изготовлявших рукописные копии, а во-вторых, даст возможность установить как репертуар, так и особенности изготовления и бытования таких рукописей как особого фактора русской книжной культуры.

Р.А. Симонов (Москва)

Историко-математические источники Руси IX–XI веков

До сих пор достаточно широко распространено мнение, что в России наука точного знания до Петровских преобразований практически отсутствовала. Однако специалисты по вспомогательным историческим дисциплинам знают из курса по хронологии о древнерусском ученом Кирике

Новгородце (1110 – после 1156/1158), написавшем в 1136 г. хронологоматематическое произведение «Учение им же ведати человеку числа всех лет», которое в научном отношении находилось на уровне передовой учености своего времени (Кирик Новгородец. Учение им же ведати человеку числа всех лет // Историко-математические исследования. М., 1953. Вып. 6. С. 173–195; Кузенков П.В. Календарно-пасхалистические традиции в Византии и на Руси в XI–XII вв.: Сопоставление календарных трактатов Михаила Пселла (1092 г.) и Кирика Новгородца (1136 г.) // Вестник церковной истории. 2006. Вып. 2. С. 133–156; Симонов Р.А. Кирик Новгородец – русский ученый XII века в отечественной книжной культуре. М., 2013). Осведомленность Кирика была обусловлена средневековыми арифметическими знаниями.

Априори можно предположить, что историко-математические источники Руси IX–XI вв. связаны с двумя научными феноменами Средневековья: нумерацией, в которой записывались числа, и абакон, с помощью которого осуществлялся счет.

Древнерусская цифровая система была «буквенной»: она содержала 27 основных знаков, в ней отсутствовал знак нуля. Эта система не была удобна для выполнения арифметических действий «столбиком». На Руси для вычислений могло применяться особое счетное устройство – абак. Это мнение опирается на ряд следующих источников.

1. «Цифровой алфавит» на деревянной основе церы конца X – первой трети XI в. В 2000 г. в Новгороде была найдена деревянно-восковая книга в виде триптиха, которая в историографию вошла как Новгородская псалтырь (Рождественская Т.В. Эпиграфика // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия. М., 2014. С. 902). Номера псалмов в Новгородской псалтыри записаны в русской «буквенной» нумерацией. Это древнейшие подлинные образцы нумерационных источников, встречающиеся в книжном духовном тексте Руси. Однако более ценная математическая информация представлена на деревянной основе цер. А.А. Зализняк обнаружил невидимые простым глазом тексты, в том числе первую хронологическую запись о событии конца X в. – поставление некоего Исаакия (писца Новгородской псалтыри?) попом в Суздале в 999 г. (Янин В.Л., Зализняк А.А., Поветкин В.И., Рыбина Е.А., Гимон Т.В. Новгородская псалтырь // Древняя Русь в средневековом мире. С. 556).

Особую ценность для истории русского математического знания представляет обнаруженный А.А. Зализняком среди записей на деревянной основе Новгородской псалтыри источник, который можно назвать «цифровым алфавитом» (Зализняк А.А. Древнейшая кириллическая азбука // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 31). Он выражает собой расширенную сводку древнерусских «буквенных» цифр. Основу соответствующей системы составляли 27 знаков, имевших следующее математическое значение: первые девять «буквенных» знаков обозначали единицы, вторые –

десятки, третьи – сотни. В этой системе можно было записать любое число от 1 до 999. Для выражения чисел разряда тысяч использовался дополнительный значок. В «цифровом алфавите» Новгородской псалтыри за 27-ю основными «буквенными» цифрами следовали девять знаков единиц с тысячными значками; ими могли передаваться числа от 1000 до 9999. Завершался «цифровой алфавит» знаком 10000, имевшим форму заключенной в кружок первой буквы кириллицы – «аза». Этот знак («тма») позволял в системе «цифрового алфавита» Новгородской псалтыри считать до 99 999, если его распространить на весь десятипятитысячный разряд, как это было в предыдущем случае разряда тысяч.

2. *«Бухгалтерские» записи на керамике IX–X вв.* В средневековых Саркеле – Белой Веже и Тмутарокани археологами были найдены керамические артефакты IX–X вв. с записями двух- и трехзначных чисел в «буквенной» нумерации. Числа записывались группами по предварительно разграфленной сетке, рядами – одно над другим, округленные преимущественно до десятков. Параллельно располагались знаки типа тамги и отдельные слова, написанные греческими буквами. Всего найдено три таких памятника (*Симонов Р.А.* Истоки нумерационных знаний Руси (VII–VIII) // Историко-математические исследования. 2-я сер. М., 2014. Вып. 15. С. 133–138. Рис. 8–10). Аналоги этим источникам не выявлены, краткие сопроводительные слова не расшифрованы. Тем не менее, есть признак, позволяющий прояснить их назначение – перечни «бухгалтерских» чисел не сопровождалась итоговым результатом. Это возможно в случае, если числовые итоги получались отдельно, например, на абаке.

Саркел был крепостью, которую построили перед 837 г. в низовьях Дона на искусственном острове византийские инженеры, приглашенные хазарским каганом (*Плетнева С.А.* Саркел и «шелковый» путь. Воронеж, 1996. С. 51; *Плетнева С.А., Флеров В.С.* Белая Вежа // Древняя Русь в средневековом мире. С. 15). Одна из найденных в Саркеле «бухгалтерских» записей стратиграфически датируется 830-ми годами. На этом основании можно предположить, что традиция «бухгалтерских» записей на керамике с последующей их обработкой на абаке восходила к деятельности византийских инженеров, строивших Саркел. С этим согласуется уверенное использование в записях именно византийской нумерации (а не еврейских «буквенных» цифр или тюркских рун, применяемых населением Хазарии). Записи чисел на керамике первоначально могли служить исходными сведениями для оплаты за скот, приобретаемый для пищи и других нужд строителей Саркела. Г.А. Зверкина, анализируя способы счета, сослалась на следующую практику счета скота, распространенную у многих народов. Скот считали пятками, десятками или двадцатками, прогоняя через узкие воротца. Подобный счет наблюдал и знаменитый русский этнограф Н.Н. Миклухо-Маклай у папуасов Новой Гвинеи (*Зверкина Г.А.* Архаические представления о числах и наследие Кирика Новго-

рода // Труды IX Междунар. Колмогоровских чтений. Ярославль, 2011. С. 241–242). Поэтому результат мог получиться округленным до десятков.

Поскольку «бухгалтерские» записи имеют аналогичную особенность, состоящую в преимущественном округлении чисел до десятков, то они могли возникнуть при счете именно скота. О том же свидетельствует указание тамги в этих источниках. С древних времен для удостоверения владельца скота на шкуре или роге животных выжигалось тавро, которое повторяло тамгу хозяина. Очевидно, что «бухгалтерские» числа на керамике из Саркела и Тмутаракани IX–X вв. могут предположительно рассматриваться в качестве фиксирования счета скота при его поставке владельцами для последующей оплаты – в соответствии с его количеством. То что «бухгалтерские» числа не содержали итоговых сумм, могло указывать на использование абака. А именно: чтобы подсчитать стоимость животных каждого поставщика, следовало отложить на абаке число, выражающее количество его скота. Это и отражают «бухгалтерские» записи (поставщиков), не содержащие общих итогов. Их надо было уметь правильно получать на абаке, которого могло не быть в полевых условиях. К тому же подводить итоги с помощью абака при первичном учете скота не было нужды, так как это нужно было приемщикам для документирования оплаты, владельцы же заранее знали количество своего скота.

Толчок к появлению «бухгалтерских» записей, по-видимому, дали византийские инженеры, которые построили Саркел в середине IX в., однако традиция соответствующего счета сохранялась еще целое столетие. В 965 г. Саркел был взят русским князем Святославом Игоревичем и стал называться Белой Вежей. Примерно в это же время под протекторат Руси переходит и Тмуторокань (*Кучкин В.А., Чхаидзе В.Н.* Тмуторокань // Древняя Русь в средневековом мире. С. 815–816). Поэтому очень трудно определить, какому народу принадлежат «бухгалтерские» записи X в. Остаются справедливыми слова академика Б.А. Рыбакова по поводу неопределенности атрибуции этого источника: «В Тмуторокани в слоях X в. есть русские надписи (например, БАТ...), но применительно к этой бухгалтерии на кувшине трудно сказать, является ли она русской или греческой, так как цифровые системы одинаковы. Фрагменты кувшинов с такими записями по графам есть и в Белой Веже – Саркеле» (*Рыбаков Б.А.* Русская эпиграфика X–XIV вв. // История, фольклор, искусство славянских народов. Доклады советской делегации. V Межд. съезд славистов (София, сент. 1963). М., 1963. С. 57).

Можно считать, что процесс коммерческой сделки, связанный с поставкой скота на продажу, сопровождавшийся «бухгалтерскими» записями на керамике, был обусловлен разделением труда. На первом этапе производился простой учет количества скота в форме упорядочения многозначных чисел в графах без их математической обработки. На втором этапе производился с помощью абака пересчет этих чисел в деньги для опла-

ты за скот. Соответствующие результаты могли оформляться записями на восковых табличках (церах). Церы и счетные доски X в. с соответствующих территорий Руси (Белая Вежа, Тмуторокань) неизвестны. Однако они могли некогда существовать и оказывать влияние на культуру Руси.

3. *Использование абак на Руси в XI в.* Абак на Руси существовал уже в XI в. Об этом свидетельствует археологическая находка 1985 г. у деревни Новоселки Суздальского района. В славянском мужском захоронении XI в. в сумочке были найдены часть серебряного денария X в., гирька и несколько плодовых косточек (вишневые и сливовая). По-видимому, при жизни мужчина в своей деятельности взвешивал монетное серебро и подсчитывал суммы на абаке (*Симонов Р.А.* Археологическое подтверждение использования на Руси в XI в. архаического абак («счета костями») // *Истоки русской культуры (археология и лингвистика): Мат-лы по археологии России.* М., 1997. Вып. 3. С. 178–196). По набору предметов можно заключить, что средневековый вычислитель использовал ровную поверхность, на которой округлые плодовые косточки сохраняли бы свое положение. Такими поверхностями могли быть особая счетная доска, ровный участок земли, пол, стол или скамья. При этом счетные косточки находились в россыпи, а не нанизывались на прутья, вдетые в раму, как это встречается в римском абаке, китайском суанпане, русских счетах и других подобных устройствах. Русский абак XI в. был, скорее всего, разнообразностью античного абак, на котором счет велся мелкими предметами (типа камешков) в россыпи с использованием разграфленной поверхности особой счетной доски или стола и пр.

Обычно абак античного типа программировался в той денежной системе, которая была распространена в соответствующее время на данной территории. Следовательно, древнерусский абак должен быть приспособлен к денежной системе Руси XI в. В этот период деньгами Руси, «постоянно встречающимися в письменных источниках, являются гривна, куна, ногата, резана... Относительная стоимость этих единиц в XI в.: 1 гривна=20 ногатам=25 кунам=50 резанам» (*Назаренко А.В.* Денежно-весовые системы // *Древняя Русь в средневековом мире.* С. 234). Конкретные особенности счета на русском абаке представлены в арифметическом задачнике (*Симонов Р.А.* Учебные задачи для абак по пересчету натуры на деньги Русской Правды // *Древности славян и Руси.* М., 1988. С. 279–286; *Симонов Р.А.* «Вторая грамотность» в Древней Руси // *Советская педагогика.* 1989. № 12. С. 90–97), который встречается в Пространной редакции «Русской Правды» Карамзинской группы списков. Время сложения Пространной Правды – не ранее второй половины XI в. Дело в том, что в задачнике представлена денежная система 1 гривна=20 ногатам=50 резанам, которая возникла, когда резана «во второй половине XI–XII вв. была приравнена к куне» (*Свердлов М.С., Седых В.Н.* Резана // *Древняя Русь в средневековом мире.* С. 677).

Итак, хронологико-математическому «Учению» Кирика Новгородца (1136 г.) могла предшествовать достаточно развитая математическая культура Руси, о чем свидетельствуют рассмотренные выше источники IX–XI вв. Можно надеяться, что обнаружение новых историко-математических источников Руси указанного периода, позволит уточнить и дополнить представленные выше соображения.

В.Н. Стрелецкий (Москва)

Мировая историческая география: научные традиции, современные проблемы развития и «полюса роста»

Историческая география как особая область знаний начала формироваться еще в эпоху Возрождения и Великих географических открытий. Но признанные национальные научные историко-географические школы оформились только в XIX в. Задача доклада двоякая: 1) анализ научных традиций мировой исторической географии на примере трех ведущих национальных школ – французской, немецкоязычной и англосаксонской, и «унаследованных» ею с ранних этапов развития исследовательских подходов (анализ специфических тенденций эволюции и трансформации отечественной исторической географии в формат доклада не вмещается; эта тема, на взгляд автора, заслуживает отдельного рассмотрения); 2) анализ проблем развития исторической географии, ее «полюсов роста» и специфических исследовательских трендов в конце XX – начале XXI в.

Научные традиции исторической географии: сравнительный анализ ведущих национальных школ. Наиболее тесная «смычка» между историей и географией, восходящая еще к трудам Э. Реклю, сложилась во Франции. Историко-географические традиции школы Реклю были продолжены в работах представителей французской школы «географии человека» – П. Видаля де ла Блаша (*Vidal de la Blache P. Histoire et géographie. Atlas Générale Vidal – Lablache. P., 1894; Idem. Tableau de la géographie de la France. P., 1903–1908*) и его последователей (Ж. Брюна, А. Деманжона, Л. Галлуа, П. Деффонтена и др.). Видалем де Ла Блашем были сформулированы важнейшие принципы географического POSSIBILISME, на многие десятилетия ставшего методологической основой развития не только французской, но и всей западной исторической географии. Именно во французской школе «географии человека» (прежде всего, в работах Ж. Брюна) было сформулировано представление об *историческом районе* как главном объекте историко-географических исследований: если географические (т. н. естественные) районы являют собой природные единства (тезис, ставший впоследствии объектом жесткой критики Брюна социо- и культур-географами), то районы исторические, всегда «складывающиеся из нескольких единств», суть продукт длительного развития, а

их единство «создается волей человека» (Bruhnes J. La géographie humaine. P., 1910). В XX в. традиции геоисторического синтеза во французской науке поддерживались также в рамках исторической школы «Анналов», прежде всего в работах Л. Февра и особенно Ф. Броделя. Последний, будучи профессиональным историком, оказал глубокое воздействие и на развитие географической науки. Автор капитальных многотомных исторических трудов, главные из которых уже после его кончины были переведены на русский язык (Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М., 1986–1992. Т. 1–3; *Он же*. Что такое Франция? М., 1994–1997. Кн. 1–2; *Он же*. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. М., 2002–2004. Ч. 1–3), Бродель уделял первостепенное внимание анализу пространственных структур, специфичных для разных эпох и регионов мира.

В Германии важный толчок развитию исторической географии дали работы Ф. Ратцеля – основоположника и лидера антропогеографической школы, в фокусе внимания которой находились вопросы влияния природных факторов на историю разных народов. Также в работах Ратцеля подробно описывались распространение локальных и региональных комплексов культуры по Земному шару, роль исторических контактов в формировании культуры народов – в неразрывной связи с ландшафтными особенностями соответствующих территорий (Ратцель Ф. Народоведение. СПб., 1902. Т. 1–2; *Он же*. Земля и жизнь. Сравнительное землеведение. СПб., 1903–1906. Т. 1–3; Ratzel F. Anthropogeographie. Stuttgart, 1882–1891. Bd. 1–2). В конце XIX – начале XX в. в Германии были опубликованы капитальные труды по исторической географии агрокультуры, расселению народов и распространению цивилизации в Европе, заложены основы историко-географических исследований культурных ландшафтов (работы Э. Хана, А. Мейтцена, О. Шлютера и др.). Уже авторы первых немецких работ по культурному ландшафту стали применять *методы историко-географических реконструкций*. Так, Шлютер четко разводил термины *Urlandschaft*, т. е. ландшафт, существовавший до начала широкомасштабного антропогенного воздействия на него, и *Kulturlandschaft*, т. е. ландшафт, формирование которого было приурочено к определенной исторической стадии, когда стало возможным «сотворчество» человека и природы (Schlüter O. Die Erdkunde in ihrem Verhältnis zu den Natur- und Geisteswissenschaften // Geographische Anzeiger. 1920. Bd. 21. S. 145–152, 213–218). Среди наиболее значительных и масштабных работ Шлютера – осуществленное им и его учениками исследование динамики лесопокрывтой площади Центральной Европы в эпоху Великого переселения народов (Schlüter O. Die Siedlungsräume Mitteleuropas in frühgeschichtlicher Zeit. Remagen, 1953–1958. Bd. 1–2). Ведущие немецкие историко-географы второй половины XX в. – Х. Егер и К. Фен – внесли также большой вклад в дальнейшее развитие теории культурного ландшафта. По Егеру, историческая география

изучает земное пространство, освоенное человеком в историческом прошлом, используя, в первую очередь, синхронистический метод «временных срезов» (*Jäger H. Historische Geographie. Braunschweig, 1969. S. 86*).

В странах англосаксонской языковой и культурной традиции историческая география стала бурно развиваться после Первой мировой войны. Лидером британских историко-географов еще с 1930-х гг. стал К. Дарби, работы которого в области исторической географии считаются классическим примером успешного использования методологии «временных срезов» (*Darby H.C. Historical geography of England before 1800. Cambridge, 1936; Idem. On the relations of geography and history // Transactions and Papers, Institute of British Geographers. 1962. Vol. 30. P. 1–14; Idem. A new historical geography of England. Cambridge, 1973*). Работы Дарби существенно продвинули вперед источниковедческую базу исторической географии, в оборот которой фактически впервые в таких масштабах стали вовлекаться письменные материалы, относящиеся к соответствующим историческим эпохам, причем не только исторические хроники, но и кадастровые книги земель и другие официальные документы. Акцент при этом делался на комплексных обследованиях небольших территорий, по которым удавалось собрать подробные данные. Дарби и его ученикам, наряду с многочисленными локальными (крупномасштабными) исследованиями, удалось подготовить сводные историко-географические труды страноведческого характера. Другие ведущие британские историко-географы XX в. – Г. Ист, Н. Паундс, К.Т. Смит, как и Дарби, считали, что главная задача исторической географии – реконструировать географическую картину прошлых исторических эпох, используя комплексный подход.

В США историческая география в период своего формирования испытала сильное влияние идей модернизированного и адаптированного к новейшим научным веяниям географического детерминизма («энвайронментализма»). Отсчет развития американской исторической географии часто ведут с публикации первой книги Э. Семпла (*Semple E.G. American history and its geographic conditions. Boston, 1903*), ученицы Ф. Ратцеля, воспринявшей многие положения его антропогеографии. Но в 1920-е гг. начался отход большинства американских историко-географов от энвайронментализма, на смену которому пришли более «гибкие» и продуктивные идеи поппибилистов, заимствованные главным образом из западноевропейской географии. Ведущие представители американской исторической географии XX в. – К. Зауэр, Р. Браун, А. Кларк, У. Уэбб. Наибольшее значение имели работы Зауэра – основоположника Берклийской (Калифорнийской) культурно-ландшафтной и историко-географической школы (*Sauer C.O. The morphology of landscape // University of California Publications in Geography. 1925. No. 2. P. 19–53; Idem. Foreword to historical geography // Annals of the Association of American Geographers. 1941. Vol. 31. P. 1–24*). Главная задача исторической географии, по Зауэру, – изучение взаи-

мозависимости всех составных компонентов ландшафта природного и культурного происхождения, выделяемых для каждого класса явлений, в исторической динамике. В программной работе «Морфология ландшафта» культурный ландшафт определялся им как территория, отличающаяся характерной взаимосвязью природных и культурных форм; при этом культура интерпретировалась как активное начало во взаимодействии с природной средой, природный ареал – как посредник («фон») человеческой деятельности, а культурный ландшафт – как результат их контакта.

Современные проблемы развития и «полноса роста» исторической географии. Ключевые и наиболее «острые» проблемы развития современной исторической географии – это 1) отсутствие целостной и общепризнанной научной теории и исследовательской методологии; 2) мировоззренческий и парадигмальный плюрализм (характерный, впрочем, и для «наук-прародительниц» исторической географии – истории и географии); 3) сохраняющийся огромный разрыв между «исторической» и «географической» ветвями исторической географии, в том числе между научными сообществами историков и географов; 4) чрезмерная фрагментарность научных исследований в исторической географии; 5) своего рода исследовательское «мелкотемье» при недостаточной представленности «крупных» и широко востребованных научных тем (Вопросы географии. Сб. 136: Историческая география / Отв. ред. В.М. Котляков, В.Н. Стрелецкий. М., 2013; Историческая география / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М., 2012–2016. Т. 1–3).

Характерные тренды современного этапа развития мировой исторической географии (конец XX – начало XXI в.):

1. Постепенный **разворот исторической географии в сторону комплексного, синтетического исследования пространственных и временных структур.** В исторической географии традиционно широко используется метод «временных срезов», позволяющий в большей или меньшей степени реконструировать картину географии конкретного общества в конкретную эпоху. Но существенным недостатком данного метода является статичность анализа. В последние десятилетия отмечается определенная ревитализация диахронических исследовательских подходов в исторической географии. Движение истории и географии навстречу друг другу, «поверх» разделяющих их профессиональных барьеров, «наведение» между ними своего рода «междисциплинарных мостов» (Baker A.R.H. *Geography and History: Bridging the Divide*. Cambridge, 2003) закладывает позитивную основу эффективного пространственно-временного исследовательского синтеза, причем не только в социальной или социогуманитарной, но и, например, в социоприродной сферах.

2. В конце XX – начале XXI в. в т. н. новой западной исторической географии, особенно в странах Запада, большое распространение получили постмодернистские мировоззренческие установки и подходы, отмеча-

ется смена исследовательских акцентов. Все большее внимание в ней уделяется *историко-географическому изучению нематериальных феноменов*, в том числе представлений о географическом пространстве и среде обитания у разных территориальных общностей людей и в разные исторические периоды. Меняется сам историко-географический дискурс, свидетельством чему может служить «бум» исследований феномена территориальной идентичности.

3. Важной особенностью развития исторической географии в последние десятилетия стала *реконцептуализация понятия «регион»*. Концепция региона, успешно преодолевающая крайности номотетического и идиографического полюсов в гуманитарных и общественных науках, становится тем связующим звеном между учеными-историками и географами, которое позволяет обоим научным профессиональным сообществам существенно продвинуться на пути реального геоисторического синтеза.

Ф.Б. Успенский (Москва)

Христианская двуименность на Руси в XIV–XVI веках. Догадки и закономерности

*В работе использованы результаты проекта
«“Центры” и “периферии” в средневековой Европе»,
выполненного в рамках Программы фундаментальных
исследований НИУ ВШЭ в 2017 г.*

Само по себе утверждение о том, что в XIV–XVI вв. на Руси у человека могло быть в миру не одно христианское имя, не вызывает сегодня особого возражения у исследователей – светская христианская двуименность как таковая уже признана обычным явлением для той эпохи. Действительно, в источниках мы обнаруживаем немало свидетельств, когда князь, например, называется не только своим основным, широко известным династическим именем (таким как *Василий*, *Иоанн* или *Дмитрий*), но и другими, так сказать, дополнительными христианскими именами. Так, обладателем двух мирских христианских имен, *Дмитрий* и *Фома*, был Дмитрий Константинович Суздальский Старший (ПСРЛ. XI. 83), Ивана III с рождения звали *Тимофеем* (ПСРЛ. VIII. 108), а у его сына, Василия III, было еще одно имя *Гавриил*.

Тем не менее, большинство проблем, связанных с культурным статусом таких имен, полученных при рождении, долгое время оставались неразрешенными, причем значительная часть из них не была даже сколько-нибудь эксплицитно сформулирована. У нас не было ответов на самые простые и очевидные вопросы. Каково распределение функций между несколькими именами одного лица? Чем руководствовались, выбирая но-

ворожденному каждое из его имен и почему в дальнейшем во всякой конкретной ситуации использовали именно то, а не иное имя христианина?

Разумеется, нельзя упустить из виду и то обстоятельство, что в средневековой Руси акт имянаречения был теснейшим образом связан с актом крещения, и при этом, насколько мы можем судить по всей совокупности дошедших до нас данных, крестильное имя могло быть только одно. Следовательно, обращаясь к светской христианской многоименности, мы неизбежно должны говорить о месте крестильного имени человека по отношению к остальным его именам.

Проиллюстрируем сказанное при помощи различных версий о наречении именем Гавриила Василия III.

В источниках сын Ивана III может быть назван как *Василием*, так и *Гавриилом* – «великим государем и великим князем Васильем Ивановичем всеа Руси, нарицаемым по осмодневному обрезанию Гавриилом Тимофеевичем» Напомним, что Иван III носил дополнительное имя *Тимофей* (Боянский, 1848. С. 1; см. подробнее: Литвина – Успенский, 2006. С. 487–490). В одном из списков Никоновской летописи говорится: «родися благонадежный великому князю Ивану Василіевичю сынъ отъ царевны Софії и наречень бысть Василей Гаврилъ, въ лето 6987, месяца Марта 25, въ самый праздникъ Благовещения пресвятыя Богородица, въ 8 часть нощи. Крещень же бысть у Троицы въ Сергіеве монастыри, а крестиль его архиепископъ Ростовскій Васианъ да игумень Паисей Троецскій, Априля въ 4, въ неделю Цветоносную...» (ПСРЛ. XII. С. 191). В другом списке Никоновской и в Софийской летописях сказано, что имя *Василий* великий князь получил при рождении: «Месяца Марта въ 25, въ 8 часть нощи, противу дни собора Архангела Гавриила, родися великому князю Ивану Васильевичю сынъ отъ царевны Софії и наречень бысть Василей Парийскій. Крещень же бысть у Троицы въ Сергіеве монастыри, а крестиль его архиепископъ Ростовскій Васианъ да игумень Паисей Троецскій, Априля въ 4, въ неделю Цветную» (ПСРЛ. XII. С. 190). Наконец, согласно Воскресенской летописи, князь родился 26 марта (т. е. на Собор Архангела Гавриила), однако в самом тексте этот праздник не называется, а о его именах сказано так: «...родися великому кн(я)зю (с)ы(н)ъ Гаврило <...> и нарекоша имя ему Василей...» (ПСРЛ. VI/2. С. 287; ср.: ПСРЛ. XXI/2. С. 582).

Возникает вопрос: какое из этих двух имен князя было крестильным? Напрашивается предположение, что имя *Василий* было исключительно родовым и перешло к нему в силу принадлежности к династии, тогда как имя *Гавриил* было получено при крещении. Как кажется, такую версию мог бы подтвердить рассказ Сигизмунда Герберштейна о том, каким образом Василию III достаются его имена. Он, согласно Герберштейну, «завладел княжеской властью, не будучи, однако, венчан, а только переименовав имя Гавриил на Василий» (Сигизмунд Герберштейн. С. 66). Однако в действительности сообщение Герберштейна оставляет вопрос о кре-

стильным и дополнительным христианском имени сына Ивана III открытым и скорее затуманивает, чем проясняет дело.

Как вообще мы можем определять в ситуации христианской двуименности, какое из имен было получено при крещении, если источники не содержат на сей счет прямых указаний?

Эта проблема иногда находит однозначное решение при обращении к иноческому имени того или иного лица, обладающего несколькими мирскими христианскими именами. В самом деле, по крайней мере со второй половины XIV – начала XV вв. заметно возобладал обычай, когда монахам дается имя, начинающееся на ту же букву, что и имя, которое постригаемый носил в миру (например, *Александр – Амвросий; Василий – Варлаам; Михаил – Митрофан*; и т. п.). В тех случаях, когда у одного и того же лица есть несколько христианских имен, практика выбора иноческого имени по созвучию с мирским способна помочь исследователю определить, какое из мирских имен является крестильным, а какое дополнительным – иноческое имя неизменно дается по созвучию именно с крестильным, тогда как другое, некрестильное христианское имя, в выборе иноческого имени никак не задействуется.

Так, Иван Васильевич Сицкий, племянник царицы Анастасии Романовны (жены Ивана Грозного), был пострижен в монахи с именем *Сергий*, и это становится понятным, если иметь в виду, что он был крещен *Софронием*, – имя *Иван* было не крестильным, а обиходным именем этого князя. В Житии Гурия и Варсонофия, написанном в 1596–1597 гг., упоминается боярский сын «именем Нестор, по реклом [т. е. по прозвищу – Ф.У.] Димитрий». Затем сообщается, что он принял постриг с именем *Нектарий*, которое очевидным образом соответствует его крестильному имени *Нестор*. Жена Василия Шуйского, Мария Петровна Буйносова-Ростовская, была насильно пострижена с именем *Елена*, поскольку в крещении она была *Екатериной*. Известный старообрядческий деятель Иван Неронов при постриге получил имя *Григорий*, и это, в свою очередь, объясняется тем, что в крещении он был *Гавриилом*, хотя в миру был известен как *Иоанн*. Число таких примеров может быть с легкостью умножено.

Отмеченная закономерность имеет решающее значение при рассмотрении вопроса о мирских именах Василия III. Как известно, сын Ивана III, который называется в источниках как *Василием*, так и *Гавриилом*, принял постриг на смертном одре и получил в монашестве новое имя *Варлаам*. Со всей очевидностью, оно было дано по созвучию с именем *Василий*, следовательно, опираясь на сказанное, мы можем утверждать, что именно *Василий* было крестильным именем великого князя. Что же касается имени *Гавриил*, то оно с полным на то основанием может быть охарактеризовано как дополнительное – не будучи ни родовым (династическим), ни крестильным, оно связано с днем рождения князя, приходившимся на Собор Архангела Гавриила или, по другим версиям, на канун этого праздника.

Сформулированное выше правило помогает принять определенное решение относительно крестильного имени целого ряда других лиц, живших в эту эпоху, а заодно зачастую облегчает ответ на вопрос, стоит ли за несколькими упоминающимися в источниках христианскими именами один человек или мы имеем дело с разными людьми.

А.П. Черных (Москва)

Геральдика как код

Мысль о том, что геральдика — это одновременно культурный, социальный, политический и правовой код, высказывалась более двадцати лет назад. С тех пор ясности в понимании его не прибавилось.

Средневековая геральдика для современников загадкой не была. Ранняя геральдика принципиально не нуждалась вербализации, даже словесные девизы были ей не нужны. Она была утилитарным личностно-родовым идентификатором, порождённым обществом, в котором изображение не менее ценно, чем изображаемое. Истоки всей визуальной системы Средневековья, и геральдики в частности, согласно Б. Бедос-Резак, лежат в схоластических спорах XI–XII вв., которые выявили, что, как Адам есть образ, подобие и «отпечаток» Господа, так оттиск печати есть репрезентация её владельца. В XII вв. эта логическая связь была более безупречной, чем ныне.

На исходе Средневековья ситуация стала другой: в рамках книжной культуры возникли книги эмблем. Это не просто интеллектуальная забава, а культурное явление иного, чем гербы, рода: авторы эмблематических сборников сознательно кодировали в них моральные, политические или религиозные ценности. Книга эмблем от гербовника отличается тем, что в ней изображения не принадлежат лицу или институции, и не обозначают их, а всегда выражают некий моральный или иной смысл, общий для культурного контекста XVI–XVII вв. Визуальность средневековой культуры ослабила своё влияние, уступая место текстовому компоненту. Толкование гербов деятелями Возрождения свидетельствует о том, что подоплёка геральдики уже была им чужда. В отличие от герба эмблема требует обязательного объяснения, истолкования с использованием культурных параллелей. Эмблемы с их принципиальной установкой на разгадывание оказали влияние и на восприятие геральдики: в гербах стали подразумевать наличие скрытого значения, шифр или код.

Что же такое геральдика как культурный код? Никаких духовных ценностей герб как таковой не содержал и не транслировал. Изображение креста могло быть основой герба, но его ценность как символа самостоятельна, и гербом никак не усиливается. Если в естественных изображениях (восстающих львах) при желании ещё можно найти какой-то культур-

ный смысл, то в отвлечённых геральдических фигурах (столбах, стропилах) – никакого. Какая культурная ценность в том, что половина щита красная, а половина серебряная? А сам герб при этом культурной ценностью, несомненно, был: сначала как родовая ценность, а потом как свидетельство жизни рода в истории.

Отдельный вопрос – средневековое ментальное хроматическое пространство. Бартоло в XIV в. выстроил иерархию цветов в зависимости от их близости к Богу или удалённости от него, но она уникальна и в практике подтверждения ей нет. Очевидно, что отношение Средневековья к цвету определялось не геральдикой. Средневековье не безразлично к цвету, но притом что синий – действительно марианский цвет, нет оснований утверждать, что всякое его появление в гербе обозначает Деву Марию. Одевания «ливрейных компаний» в Англии или цветная одежда немецкого городского чиновничества – просто герб в нещитовой форме, а не проявление цветовых кодов.

Предположим, что геральдика являла собой код религиозный. В гербах – изобилие прямых и косых крестов, безусловно конфессиональных знаков. Но от появления в гербе креста, хоругви или Богородицы функционально герб не становится религиозным. Связи с религиозностью не больше, чем в имени Тимотеус или фамилии Бишоп. Появление в гербах любого символа высокого значения происходило при наличии его в культурном контексте, откуда он проникал и в геральдику, как туда попадало всё, что могло быть изображено.

Изобилие гласных гербов позволяет увидеть геральдику как визуальную антропонимику. Ориентироваться по гербам было легче, чем без них и распознавательная функция не осталась в пределах военного сословия; уже к XIII в. герб обозначал и мастера-ремесленника, и качество изделия, и любую корпорацию. Но разве эту внесословную геральдику можно считать социальным кодом?

Не видится геральдика и как правовой код. В начале своего существования она давала право на участие в турнирном сословном смотре, в войне, но была не причиной, а удостоверением. И это задолго до того, как в XVI в. она на коммеморативной основе стала атрибутом и признаком благородного сословия. Даже попав в XVI–XVII вв. в государственное законодательство, геральдика не получила ряда правовых признаков, а осталась регламентацией иерархии и борьбой с узурпациями.

Геральдика в основе своей – родовое достояние и не имеет отношения к власти, но будучи атрибутом властительных династий, самостоятельных городов, она включалась в процессы обозначения властных притязаний, политических союзов и противостояний и так далее, однако видеть в ней лишь потестарный политический код вряд ли плодотворно.

Геральдика в немногочисленных казусах знает то, что М. Бахтин называл смеховой культурой. Но назвать геральдику средоточием пародий-

ного осмеяния не поворачивается язык, ибо геральдика – вполне серьёзная вещь. Работает другой код М. Бахтина: вся иерархически-смысловая топография гербового поля строится по принципу: важное – наверх, второстепенное – вниз. Но не из геральдики этот принцип перешёл в средневековую культуру, наоборот, в геральдике отразился принцип общий.

К середине XIV в. геральдика стала массовой визуальной записью имён. В XVI–XVII вв. попытались сохранить геральдику только для благородных. Общество забыло средневековый смысл гербов, и эрудиты взялись заново объяснять его, фантазируя и фальсифицируя. Появились легенды происхождения гербов, которые характеризуют Новое время, а не Средневековье. Рубеж XVIII–XIX вв. с отменой благородного сословия, к тому времени «приватизировавшего» гербы, общая геральдика не пережила, но доныне пользуется репутацией живой за счёт накопленного ранее духовного авторитета. Историческая геральдика меняется, умирает и возрождается, но жива лишь до тех пор, пока регулирует или отражает реальные общественные отношения.

Слово «геральдика» не должно нас держать в обаянии: в Средние века такого вообще никто не знал. Если код – это принцип, по которому построена или по которому функционирует система, то это не про геральдику. Код – это отношение к визуализации, а геральдика – лишь одно из её проявлений.

Ю.Э. Шустова (Москва)

**Образ книги в кириллических изданиях XVII века
(на примере изданий типографии Львовского
Успенского братства)**

В средневековых текстах роль книги в духовной жизни христианина определяется как одна из первостепенных. Книжники, переписывая богослужебные книги, в выходных записях, предисловиях и других элементах книги нередко рассуждали о ее значении, используя различные образы и метафоры. Эти же традиции сохраняли и издатели богослужебных книг в XVI–XVII вв. Образ книги являлся одним из важнейших в текстах предисловий и послесловий, в которых подчеркивалось как значение книги вообще в духовной жизни христианина, так и особенность конкретного издания. Для этого приводили цитаты из Священного Писания, которые на протяжении веков использовались средневековыми книжниками для создания образа книги, и искали новые метафоры для подчеркивания значимости книги. Как развивалось формирование образа книги в печатной традиции в XVII в., рассматривается в данной работе на примере изданий типографии Львовского Успенского братства.

Формула похвалы книге является одной из самых востребованных древнерусскими книжниками начиная с XI в. Поиск новых метафор, восхваляющих книгу, а также употребление традиционных топосов характерно и для предисловий львовских изданий. Похвала книге, чтению, науке содержится во вступительных текстах к книге Иоанна Златоуста «О воспитании чад» 1609 г.: «С которой якъ з жродла, все доброе походитъ: и презъ ню челоувѣкъ, челоувѣкомъ са находить. Солнце подъ всѣмъ солнцемъ церкви нааснѣйшее, и свѣтло, надъ всѣ свѣтла неба, свѣтлѣйшее». Важность книги и чтения отмечается в издании «О священстве» Иоанна Златоуста (1614): «С темноты и невѣдомости, всѣхъ насъ выводитъ, а до свѣтлости и почувана са приводить». Здесь же книга называется «поваги годнаа» (уважения достойной).

Сравнения книги с «бисером драгим», духовной трапезой, драгоценными камнями, небесными светилами являются самыми устойчивыми метафорами и в средневековой книжности, и в печатных изданиях XVII в. Так, в Октоихе 1644 г. сконцентрированы все эти образы книги: «Се тебѣ... сей многочестный, приосѣляющій, и многоцѣнный бисеръ, Трапеза тайнаа, исполненна даровъ духовных... оутѣшительна, ... ест сия книга..., паче всѣхъ мѣрскихъ оутѣшеній: и свѣтлѣйша паче Солнца..., и дражайша паче злата и Топазіа, и каменій честныхъ, Адаманта, Сапфіра, Вакиноа, Смарагда и прочіихъ: и сладчайша, по пророку, паче меда и сота: и твердѣйша паче непоколѣбимыхъ забралъ градныхъ: столпъ, щить, и оружіе непоколѣбимо есть: путь, стезя права, и лѣстница, възводяща произволни-ковъ невозбранно къ горнему Іерусалиму».

Тексты похвалы книге часто включают целый комплекс метафор, образующих многогранные образы, которые должны усиливать друг друга. Так, в Анфологионе 1638 г. (и в последующих переизданиях книги 1643, 1694 гг. с внесенными небольшими правками) метафоры представляются читателю в двух частях. В первой книга «песногласий» уподобляется трем сакральным пространствам: небесному (горнему), земному (дольнему) и водному пространству; она называется небесной добротой, раем мысленным, цветами благоухающими «пестрообразно» украшенной и «Море великаго Океана, окружающий волнами славословеній в весь мѣръ: Оумный Евфратъ четвероустно истѣкающій изъ Едема, и изобилно всю тварь сладостными пѣніи напалющій». Во второй части метафоры также образуют тройственную группу: книга уподобляется небесным светилам, слову Священного писания (закону) и музыкальным инструментам: «Востокъ пресвѣтлаго солнца Христа, страны вса лучами дарованійъ духовныхъ просвѣщающій: Луна испрещренна свѣтолитіемъ Богоподобнымъ: Многосвѣтлыа свѣзды различныа, нощь и день блистаніи паматію святыхъ сѣлющія: Законъ Господень ѿ Сіона происходящій, и Слово смотреніа Владычнѣа ѿ Іерусалима, сѣа есть Богодухновеннаа Книга,

пѣсногласїй духовныхъ, оргѣнь мусикїйскъ, цѣвница гуслей, брацало десѣтострунно, исполнѣ благодатей оутѣшенїа».

Образ книги как музыкального инструмента используется львовскими книжниками довольно часто – «мысленный сей оргѣнь, трубы, и свѣрлили духовныа» (Октоих, 1639), «Мусикїйскїй сей сълнченнопѣсенный оргѣнь параклиовъ: цѣвницамъ, соплемъ, и гуслемъ» (Октоихъ, 1644). Также частой метафорой является сравнение книги с цветами: «яко цвѣты краснозрачныа и благовонныа... аки небесною росою грееским истиннословїем доволнѣ напоивше» (Анфологион, 1632).

Метафора книги как сакрального пространства – небесного и земного – наиболее глубоко выражена в Октоихе 1644 г.: «Небо по истиннѣ земное, сіа Книга есть», которую следует понимать как Слово, связующее мир горний и дольний, жизнь земную и вечную.

Совершенно оригинальное понимание книги создается в предисловии к Апостолу 1666 г., который называется «Таблица невидимая сердца чловечаго», в которой главной является сравнение книги как носителя информации с сердцем. Сердце – невидимый материал для письма, на котором «не пером але палцем божим» написаны Послания апостолов, «языком Апостолским нибы пером прудко пишучим», а чернилами в таком случае служат слезы апостольские: «Написах вам многими слезами». Сердце как невидимый материал для письма – это метафора и книги, и разума человека, который пытливым умом читает книгу, донося каждое ее слово к своему сердцу (*Шустова Ю.Э.* Символика сердца в эмблематическом тексте львовского Апостола 1666 г. // Вестник РГГУ: Сер. «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2015. № 9 (152). С. 123–131).

Сравнение книги с бисером восходит еще к древнерусской традиции, но к веками устоявшимся метафорам часто добавлялась актуальная для православных, живущих в Речи Посполитой, тема духовной борьбы над врагами: «Книга... ако многочестнѣ даръ, и многоцѣнный бисеръ, нравомъ правымъ облобызающе вѣрнїи да прїйдем, въ извѣстную помощь молитвенную, и побѣду на враги» (Октоих, 1639). Книга полезна, если она служит нравственному совершенствованию человека, помогает укрепиться в добродетелях, благочестивом образе жизни, но главное – она источник просвещения и наук. Книга укрепляет в вере, в национально-религиозных основах жизни, формирует фундамент национально-культурного мировосприятия, что является важными факторами общественной жизни.

В адресованных священнослужителям предисловиях подчеркивается, что богослужебная книга «съвершенство събытїя съдержит в себѣ, юже любезно ако предрагїй и пресвѣтлый бисеръ спасенїа рода чловеча ѿ насъ скудоумныхъ» (Служебник, 1637). Книга в таком случае воспринималась как источник правильного совершения чина богослужения, которому должны следовать священнослужители. В Служебнике 1691 г. издатели

обращаются к священникам: книгу «оную ищитуйте», и сравнивают ее с жертвенным агнцем, «яко Агнцемъ непорочнымъ запечатлѣнну до растройства и вшафована таин церковныхъ».

Можно сделать вывод о том, что в кириллической печатной книге XVII в. львовские издатели использовали как традиционные образы книги, восходящие еще к раннесредневековой традиции, так и искали новые метафоры. Самым ярким и оригинальным образом книги можно считать барочный текст предисловия, сравнивающий книгу с сердцем человека.

А.Г. Авдеев (Москва)

О надписи на кресте дьяка Стефана Бородатого

Для средневековой эпитафии Западной Европы и Востока увековечивание актов документов на камне – обычная практика, но для Руси XV в. перенесение текста вкладной грамоты на памятник эпитафии – случай уникальный.

Белокаменный крест, установленный в 1458 г. дьяком Стефаном Бородатым, первоначально находился в ростовском деревянном храме Воскресения, что на рву, а после его разборки в 1814 г. хранившиеся в нём древности были распределены между церквями св. Исидора Блаженного и св. Иоанна Милостивого. Из последней крест поступил в коллекцию Ростовского музея церковных древностей.

Первую научную публикацию креста осуществил А.В. Орешников в 1894 г., связавший имя его заказчика с известным политическим деятелем XV в. дьяком Стефаном Бородатым. В 1971 г. крест републиковала Т.Н. Николаева. Крест неоднократно привлекал внимание исследователей – как источник биографических сведений об инициаторе его установки, как памятник декоративно-прикладного искусства, но содержание надписи так и не стало объектом изучения. Между тем, данная надпись заслуживает особого внимания в контексте формирования новой поминальной культуры в целом и генезиса старорусского подписного надгробия в частности. Она уникальна тем, что ее формуляр сочетает в себе формулы, характерные для поминальных граффити, эпитафий и надмогильных крестов. В текст памятника также включена копия вкладной грамоты, данной Стефаном Бородатым в Воскресенский Ростовский монастырь.

Надпись на кресте состоит из 20 строк. Интерпунктационные знаки делят её на смысловые блоки, где объединены информационные единицы, которые сочетают формулы, характерные для различных типов эпитафических памятников и вкладных грамот. Такая структура надписи представляет определённый интерес, так как даёт представление о принципах членения текста её создателями – заказчиком, знаменщиком или резчиком.

Первый блок объединяет дату смерти сына Стефана Бородатого Ильи и имена великого князя Московского Василия II, его сына и соправителя Ивана, митрополита Московского Ионы, ростовского князя Владимира Андреевича и архиепископа Ростовского Феодосия (Бывальцева), относящиеся к тексту помещённой ниже вкладной грамоты. Если учесть, что

последняя, равно как и белокаменный крест, не могли появиться непосредственно в день смерти Ильи (7 ноября 1458 г.), то верхняя дата их создания определяется временем не позднее смерти свт. Ионы (31 марта 1461 г.).

Второй блок объединяет формулы, аккумулировавшие информационные единицы, характерные для поминальных граффити на стенах храмов, а также для эпитафий на надгробных крестах и белокаменных плитах.

В надписи на кресте Стефана Бородатого с датирующими элементами объединены *intitulatio* и *dispositio*, принадлежащие формуляру вкладной грамоты, но, очевидно, для составителя или резчика надписи, являвшиеся единым целым. Следующие за ними блоки, передающие текст вкладной грамоты, воспринимались уже как разные составные части одного текста: они делятся на *pagatio*, *subscriptio* и *sanctio* и отделены друг от друга interpunkционными знаками. Объём эпиграфического поля не позволил воспроизвести необходимые для подтверждения подлинности акта элементы формуляра – имена послухов, писца и сведения о приложенных печатях.

Исторический контекст, связанный с крестом Стефана Бородатого, отражает переход к системной поминальной практике, который начался в конце XIV в. На начальном этапе ключевая роль в её формировании принадлежит св. митрополиту Киприану (1389–1406). Введённый им Диатак-сис св. патриарха Константинопольского Филофея Коккина († 1376) установил строгий порядок совершения литургии, в том числе предписав священнику при каждом во время *intercessio* помянуть умерших «в себе <...> елыхих хочет». По инициативе свт. Киприана был создан Синодик Московской митрополии – как часть Вселенского, пополненного памяти-ми новых русских мучеников и воинов, павших в битвах на Воже (1378) и на Дону (1380). Утверждённый в Константинополе, в 1395 г. он был разо-слан по русским епархиям. С начала XV в. в основу его регулярного по-полнения именами живых и умерших православных правителей лёг Ие-русалимский устав, где основной акцент был перенесён на воспоминание истории спасения и предписывались разные формы долгосрочного поми-новения усопших. Также была упорядочена заупокойная панихида, а в русские требники впервые вошёл канон «на исход души». В посланиях свв. митрополитов Киприана и Фотия (1410–1431) был определён поряд-ок отпевания, погребения и поминовения умерших мирян и духовных лиц, в том числе в случаях, связанных в народном сознании с «напрас-ной» смертью, недостойной церковного поминовения.

Данные грамоты показывают, что начиная с 90-х гг. XIV в. структуро-образующим звеном новой поминальной практики стал вклад на помин души, включавший вотчинные земли и денежные суммы. Духовной её основой стало развитие «большой» (ожидание Страшного суда) и «ма-лой» (вопрос о посмертной участи души) эсхатологий, приобретших осо-бую актуальность в XV в., а социально-экономической – формирование сословия служилых землевладельцев и развитие вотчинного землевладе-

ния. Центрами становления новой практики стали общежительные монастыри, обеспечивавшие поминание вкладчиков. Складывавшийся с 90-х гг. XIV в., порядок поминовения определял вкладчик: бессрочное (вне зависимости от размеров вклада) традиционное поминание на анафоре и проскомидии («память», «поминок»), а также новые формы, не зафиксированные в более ранних источниках – память с кормом, поминальная служба и кормовое поминание, кормовое поминание и сорокоуст и иные варианты. Первое упоминание записи имени вкладчика в синодик-помянник связано со свт. Киприаном, а между 1428–1438 гг. в Троице-Сергиевом монастыре эта практика была уже регулярной.

В эту же картину вписывается и вкладная грамота Стефана Бородатого, где вклад (2 деревни) давался под условием вечного литийного или панихидного поминовения сына Стефана Бородатого и всего рода во все субботы (но без записи в синодик) с разделением натурального (жита) и денежного дохода с вложенных вотчин между монахами (монахинями) Воскресенского монастыря и белыми священнослужителями, совершающими регулярные панихиды, что находит аналогии в данных грамотах, начиная с конца второй четверти XV в. Sanctio, угрожающее нарушителям условий вклада судом во второе пришествие перед самим Христом, видимо, связано с «большой» эсхатологией, так как к концу XV в. в актах эта формула сменится угрозой вечного проклятия.

Таким образом, надпись на кресте дьяка Стефана Бородатого связывает формуляр поминальных граффити, надписей на надмогильных крестах и эпитафий на белокаменных плитах, демонстрируя их генетическую взаимосвязь и преемственность накануне появления подписных надмогильных плит, а содержание вырезанной на нём данной грамоты типично для поминальной практики, сложившейся до создания прп. Иосифом Волоцким Русского Синодика в 1479 г.

А.Ю. Авчухов (Волгоград)

Ценные бумаги и документы пароходного общества «Меркурий» середины XIX века

Как правило, все крупные пароходные общества в Российской империи формировались на основе поглощения или объединения более мелких предприятий. После изменения собственника акции и облигации акционерных обществ, так же как и паи товариществ, погашались и уничтожались. Единоличные купеческие пароходства исчезали почти бесследно. Ныне об их деятельности напоминают редчайшие образцы ценных бумаг, сохранившаяся деловая переписка или финансовые документы.

Некоторую часть материальной истории пароходного общества «Меркурий», оказавшегося у истоков крупнейшей пароходной компании «Кав-

каз и Меркурий», удалось проследить и проиллюстрировать весьма редкими сохранившимися документами.

7 апреля 1848 г. действительный статский советник В.В. Скрипицын и статский советник Н.А. Жеребцов подали ходатайство о создании пароходного общества «Меркурий». Позднее к ним присоединился почетный гражданин и московский первой гильдии купец А.И. Лобков. Устав «Меркурия» был утвержден 9 апреля 1849 г. Цели учреждения определялись следующим образом: «Общество срочного пароходства по Волге, Оке, Каме и их притокам учреждается для усиления как пароходного сообщения по этим рекам, так и для буксирования по оным грузов посредством пароходов дешевлешего, по возможности, устройства и мелкой посадки» (ПСЗРИ. Собрание 2. Т. 24. № 23167. § 1-й устава).

Основной капитал составил 750 000 рублей серебром и был разделен на три тысячи акций по 250 рублей каждая (§ 3-й устава). Копия образца акции 1849 г. представлена в собрании музея Московской биржи. Оформление «Акции Высочайше утвержденного общества пароходства “Меркурий” по рекам Волге, Каме, Оке и их притокам» весьма скромно и напоминает, скорее, финансовый документ на фирменном бланке кремового цвета. Место для нанесения порядкового номера отмечено затемненным прямоугольником в верхней правой части ценной бумаги. В центральной части между двумя прямоугольными украшенными рамками с выдержками из устава размещен типографский текст: «Выдана _ / _ / следующие деньги двести пятьдесят / рублей серебром получены. / Учредители: _». Так как акции являлись именными, в свободные графы рукописно вносились сведения об акционере: звание, фамилия, имя и отчество, затем подписи учредителей. Нижняя часть предназначалась для отметок о выдаче дивиденда в специально разграфленной таблице на 16 клеток (лет).

В 1850 г. предприятие открыло деятельность. В первый же год были построены два буксирных парохода с деревянными корпусами – «Минин» и «Пожарский», шесть барж и 27 мелких судов, которые начали плавать между Рыбинском и Астраханью (История торговли и промышленности России / Под ред. П.Х. Спасского. Т. II. Вып. VIII. Пути сообщения. СПб., 1913. С. 27–29).

§ 13-й устава предусматривал поиск и прием на работу «нужных для хода дела людей». К таковым, безусловно, относились технические специалисты. В России, только готовящейся встать на капиталистический путь развития, их было недостаточно, и учредители пригласили иностранных специалистов. Об этом свидетельствуют рукописные «билеты» – паспорта для шведских машинистов, отложившиеся в одной из частных коллекций.

Билеты выписаны на специальной гербовой бумаге стоимостью два рубля серебром (таким образом при покупке листа бумаги уплачивалась пошлина за выдачу паспорта), с водяными знаками в виде гербового орла

и года и скреплены сургучными печатями. Основные рукописные тексты, различающиеся только личными данными шведов, гласят:

«Билет.

От начальника Казанской Губернии. 3 мая 1854 года. № 65 (66).

Дан с разрешения Господина Министра Внутренних Дел на свободное плавание, в продолжение навигации настоящего года, по Волге и ее протокам шведскому подданному машинисту пароходного общества «Меркурий» Карлу Валквисту (Петтеру Августу Веттерстрему), прибывшему в Казань по билету начальника Нижегородской губернии, от 5 февраля 1854 года за № 23 (21). По окончании же навигации сказанный иностранец должен явиться ко мне для испрошения себе другого вида на свободное проживание или на следование в другое место.

Генерал-лейтенант Баратынский Иракий Абрамович

Правитель канцелярии (подпись неразборчива)»

Слева, узким столбиком, описаны внешние данные Карла Валквиста: «Приметы: вероисповедания лютеранского, лет 35, рост высокий, волосы и брови русые, глаза голубые, нос и рот умеренные, подбородок круглый, лицо овальное». Необходимая подпись предъявителя билета отсутствует.

Петтер Август Веттерстрем отличался от своего коллеги только средним ростом, остальные приметы полностью совпадают.

В верхнем левом углу документов имеются приписки, выполненные иным почерком: «выдан билет на проезд в Ярославль 7 апреля 1854 года № 53 (52). Уведомлен Ярославский Губернатор за № 4267».

Просуществовав девять лет и поглотив в 1857 г. небольшое предприятие «Русалка», общество было преобразовано. 25 апреля 1858 г. общее собрание акционеров по предложению председателя пароходного общества «Меркурий» и учредителя общества «Кавказ» Н.А. Новосельского постановило ходатайствовать о слиянии обществ (История торговли и промышленности ... Вып. IX. Торговое мореплавание. СПб., 1913. С. 32–34).

21 мая 1858 г. государь император, согласно положению Кавказского комитета, высочайше соизволил повелеть: «Учрежденное в 1849 году для срочного пароходства по Волге, Оке, Каме и их притокам общество «Меркурий» соединить с обществом пароходства и торговли по Каспийскому морю, под фирмою «Кавказ», устав которого утвержден 15 апреля 1858 года». Вместе с тем император рассмотрел и утвердил проект устава соединенных обществ «Кавказ и Меркурий», приняв его «под высочайшее его императорского величества покровительство» (ПСЗРИ. Собрание 2. Т. 33. № 33174). Акционерный капитал пароходства «Меркурий» влился в основной капитал вновь созданного «Кавказа и Меркурия», прежние акции были заменены новыми и уничтожены.

Символика петуха в античной иконографии

Петух сравнительно широко фигурирует в античном искусстве. Он появляется на вазах уже в архаическом Коринфе (VII–VI вв. до н.э.), особенно на арибаллах и алабастрах – небольших сосудах для масла (*Амун Д.А. Corinthian Vase Painting of the Archaic Period. Vol. III. Berkeley, Los Angeles, London, 1988. Pl. 1.2; 18.5; 33.5; 34.2 etc.*). Масло – «космическая» жидкость; в отличие от «хаотической» воды, оно – дитя небесного огня (*Антей. Метаморфозы. II.12*), которому причастен и петух. Он нередко соседствует с фигурой льва-жреца, причем лев порой отодвинут на задний план (*Ibid. Pl. 94.1*). Включенный в символическую формулу космоса (Мировое древо с фигурами животных), петух часто выступает в близнечной форме. В схеме с двумя петухами, фланкирующими сову с головой анфас, как на ойнохое из Метрополитен-музея в Нью-Йорке (*Ibid. Pl. 113, 2a-2b*), птица ночи явно противопоставит двум птицам дня, огня и солнца.

Близнечность коринфских птиц – имманентная черта иконографии, сохраняемая не только в римское время, но и в Средневековье, особенно у коптов. Два петуха, изначально неравные по смыслу (левый – низ, вода, хаос как женская рождающая среда; правый – верх, небо, солнце как мужские порождаемые формы), приобретают статус *антагонистов*, что известно уже в греческой (и этрусской) архаике и вошло в ритуальную форму панафинейских амфор: Афина между двумя колоннами, венчаемыми фигурами петухов (*Горбунова К.С. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Каталог. Л., 1983. С. 129–130, Кат. 95*). Бой петухов, из которых всегда один *победитель*, а другой *побежденный* – особая черта иконографии, известная в Греции и в Риме, в частности, на саркофагах и надгробиях. Умерший ассоциируется с петухом-победителем: он преодолевает смерть и попадет на небеса, куда его душу возносят крылатые гении. (петух как дар умершему встречается уже на греческих стелах VI–V вв. до н.э., см.: *Boardman J. Greek Sculpture. The Archaic Period. L., 1996. Fig. 247*).

Особые ритуалы с участием петухов отправлялись в южноиталийских Локрах Эпизефирских, в святилище Персефоны, откуда дошло много votивных рельефов-пинак первой половины V в. до н.э., с изображением Персефоны, Аида, Диониса с петухами (см.: *Prückner H. Die lokrischen Tonreliefs. Mainz, 1958; Lissi Caronna E. et al. I pinakes di Lokri Epizefiri, Musei de Reggio Calabria e di Lokri. Roma, 1999; Redfield J.M. The Lokrian Maidens. Love and Death in Greek Italy. Princeton U.P., 2003*). Петух в качестве подношения богине выступает как символ небесного «жениха»; он стоит на фимиатерии. Однако, петух связан и с Низом, будучи помещаем под трон богини или под ритуальным комодом и столом. Его несут, держат, передают – он участвует в самом процессе *перехода*.

Двойственность смыслов проистекает из распада изначального семантического блока. Зооморфный образ бога-солнца, претерпевающего страсти во время ночного пути по подземному Океану, расчленяется на две формы: ночную хтоническую и дневную солярную. Воинственный петух, с его отважным бойцовским духом, призван побеждать силы тьмы. Со временем он становится «глашатаем» солнечного бога, его «представителем» и атрибутом, все более широко соотносясь с небесным миром. Вот почему все молодое, только начинающее жить и разматывать свой «клубок жизни», связано с петухом (ср. дары петухов мальчикам – любимцам мужчин на греческих вазах V в. до н.э.; дар Зевса Ганимеду, в терракоте из Олимпии, около 470 до н.э. – *Boardman J. Greek Sculpture. The Classical Period. L., 1995. Fig. 33*).

Одним из проявлений этой смысловой линии стал тип эллинистических терракот «Мен на петухе». Петух, везущий на себе маленького мальчика, определяет принадлежность ездока к сфере небесной, дневной и солнечной. Сам божок – особый, с покрывалом на голове; его именуют египетским Мином (Меном), богом-творцом, воплощением мужской производительной силы; он связан и с растущей луной (*Bonnet H. Reallexikon der ägyptischen Religionsgeschichte. Berlin, 1952. S. 465f.*), в параллель с ночной ипостасью бога-солнца. Тогда как взрослый египетский Мин с эрегированным фаллом воплощает отцовское, патриархальное начало, маленький Мин на петухе – детское, сыновье, а стоящий где-то посередине взрослый юноша-наездник (на краснофигурной греческой тарелке Эпиктета из Вульчи в Метрополитен-музее, 520–510 гг. до н.э.) – сыновье *ритуальное*, хотя ему безосновательно приписывают гомосексуальный контекст.

Ночной аспект символики петуха отразился и в евангельской истории с отречением Петра (Мф. 26:69–75; Мк. 14:66–72; Лк. 22:55–62; Ин. 18:15–18, 25–27), имевшей место на Тайной вечере после поцелуя Иуды. Христос сказал, что апостол трижды предаст его – до того, как пропоет петух. Предательство Петра сродни другим страстям, претерпеваемым Иисусом. Пение петуха символизирует непреложность его будущего воскресения. Вероятно, поэтому в христианской иконографии петух обычно предстает сидящим на высокой колонне (или столпе), повернув голову к Христу, а не к Петру (*Callisen S.A. The Iconography of the Cock on the Column // The Art Bulletin. Vol. 21, 1939. P. 160–178*). Приписываемая ему порой «дьявольская» семантика – поздняя, искусственная. Еще в архаическом Коринфе петух выступал аналогом Пегаса, как в позднем Риме – антиподом черепахи (ср. две мозаики пола в Аквилее, *Basilica Patrichale*, IV в.), известной своей тесной связью с Низом, сферой космотворения. Возможно, коптская ткань IV–VI вв. с петухами, *над* которыми помещены две собаки гораздо меньшего размера (Нью-Йорк, Метрополитен-музей), представляет не иерархию символов, а их взаимодополнение: собаки Низа есть женские партнеры петухов Верха. В ранневизантийском

искусстве, как, например, в мозаике около 530 г., открытой в Мемориальной церкви Моисея на горе Небо в Иордании (Мадаба), петухам удавалось оттеснять с сакральных высот даже высокочтимых в христианстве павлинов.

А.Н. Акиншин (Воронеж)

**Метрические книги
Воронежского католического костела за 1863–1913 гг.
как исторический и генеалогический источник**

Общеизвестно, что незаменимым источником для генеалогических разысканий являются метрические книги. Для воронежских исследователей в этом отношении ситуация сложилась неблагоприятно: большая часть архива духовной консистории сгорела во время Великой Отечественной войны. В настоящее время в Государственном архиве Воронежской области находится около сотни случайно уцелевших метрических книг Бобровского уезда. Отдельные фонды составляют метрические книги Новохоперского уезда Воронежской губернии и Борисоглебского уезда Тамбовской губернии, населенные пункты которого ныне входят в состав Воронежской области. Второй экземпляр метрических книг, оставшийся в распоряжении приходских храмов, после 1917 г. перешёл в распоряжение органов ЗАГС. Книги использовались для наведения справок. Минувшая война и здесь внесла коррективы: документы сохранились только в неоккупированных районах, расположенных на левом берегу реки Дон, по которой с середины 1942 г. по январь 1943 г. проходила линия фронта. В настоящее время срок их хранения в органах ЗАГС истек, однако в Государственный архив они не поступают из-за нерешенности вопроса о том, кто должен их реставрировать – учреждения ЗАГС или архивное ведомство.

По городу Воронежу ситуация сложилась еще драматичнее, поскольку не уцелели ни консисторские, ни церковные экземпляры метрических книг. Обнаружены два беловых и один черновой экземпляр книг, относящиеся к разным храмам за разные годы. Помимо православных церквей, в Воронежской губернии имелись синагога, две кирхи (в Воронеже и в слободе Рибенсдорф Острогожского уезда) и костёл. Книги синагоги не сохранились, метрическая книга воронежской кирхи уцелела фрагментарно (генеалогическая выборка из неё напечатана в первом выпуске альманаха «Российская генеалогия»). Книги костёла сохранились за 51 год в полном объёме.

Метрические книги католического костела до 2007 г. находились в архиве областного управления ЗАГС, затем были переданы в Государственный архив Воронежской области, где составили отдельный фонд (ГАВО. Ф. И-329. Оп. 1. Д. 1–3). Первый том охватывает время с 1863 по 1879 гг.,

второй – с 1880 по 1898 гг., третий – с 1899 по 1913 гг. Генеалогическая информация из этих книг готовится к публикации в последующих выпусках альманаха.

Костёл был построен в Воронеже в 1889–1893 гг. по проекту местного архитектора С.Л. Мысловского. До этого богослужения велись в молитвенном здании. Первое упоминание о католическом священнике в Воронеже относится к 1850 г. Это был военный капеллан Венедикт Гойлевич (около 1802–1868), в течение восьми лет преподававший Закон Божий в Михайловском кадетском корпусе. В первом томе метрической книги порядковые записи о крещении начинаются с номера 235, о венчании – с номера 37, о смерти – с номера 134. Это позволяет отнести начало ведения метрической книги к тому же 1850 г. Не ставя перед собой задачу дать очерк жизни польской общины в Воронеже, что уже сделано мною ранее (Польская община // Воронежская энциклопедия. Воронеж, 2008. Т. 2. С. 113; Поляки в Воронеже в XIX веке // Поляки в истории российской провинции XIX–XX вв. Диалог цивилизаций. Тамбов, 2010. С. 162–173), назову лишь имена военных капелланов и ксёндзов, служивших в Воронеже: Венедикт Гойлевич, Иоганн Ганусовский, Болеслав Славинский, Киприан Секлюцкий, Семен Миссюна, Феликс Грохольский, Адольф Ляссотович, Августин Каэтан Лаппа, Александр Гедройц, Бронислав Красусский.

Три тома метрической книги содержат более трех тысяч записей, которые распределяются примерно в такой пропорции: две пятых – рождение, столько же – смерть, одна пятая – венчание. Количество упоминаемых в этих записях лиц значительно выше: родители младенца и вступающих в брак (у матери указывается девичья фамилия), восприемники и свидетели. В национальном отношении преобладают поляки, редко упоминаются итальянцы, французы, подданные Австро-Венгрии из Моравии, Пруссии, Швейцарии. Изредка встречаются браки с лютеранами, православные упоминаются лишь в числе восприемников или свидетелей. В числе поляков в 1860-е гг. немало участников национально-освободительного восстания 1863–1864 гг.: находившиеся в тюремном замке или в арестантской роте, а также высланные в Воронежскую губернию без лишения дворянства, с 1870-х гг. доминируют живущие здесь постоянно педагоги, чиновники, железнодорожные служащие, а также офицеры и рядовые строевых и запасных воинских частей. Географически метрическая книга охватывает, помимо Воронежской, Тамбовскую (часто), Курскую, Пензенскую, Рязанскую губернии, Область Войска Донского (редко). За два года, 1877-й и 1878-й, сохранились поименные «Списки прихожанам обоего пола римско-католического исповедания по Воронежской католической церкви», в первом случае – по всей губернии, во втором – только по городу Воронежу. В 1877 г. католиков насчитывалось 1543 мужчины и 342 женщины. Резкое преобладание первых вызвано наличием католиков среди солдат и офицеров расквартированных частей.

В Боброве с 1865 г. дислоцировался штаб 4-й запасной кавалерийской бригады, которой командовал генерал-лейтенант Ю.И. Ягмин. Выходец из Польши, он и похоронен в Боброве. Поляки были и в 149-м пехотном запасном батальоне, также размещавшемся в Боброве, а также в составе частей, стоявших на зимних квартирах в Павловске, Богучаре, Коротояке, Острогжске, Бирюче, Задонске. В первом их насчитывалось больше всего – более 350 человек в 6-й запасной кавалерийской бригаде и в 152-м пехотном запасном батальоне. Среди гражданских лиц в Бирюче представлен некий Иван Шостакович. Около восьмисот поляков проживали в Воронеже. В Кадетском корпусе был 31 воспитанник-поляк, в 123-м пехотном батальоне служили 93 поляка. Остальные были люди вполне мирных профессий – архитекторы, врачи, ветеринары, учителя, чиновники, отставные солдаты, служащие железной дороги. В числе наиболее известных лиц значатся Домбровские, Кюи, Менглеты, Рогинские, Ростроповичи.

Н.А. Алексеенко (Севастополь)

Находки моливдовулов главных логофетов в византийском Херсоне: взаимоотношения центра и провинции

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ
в рамках научного проекта № 15-31-10106 «Византийский Херсон
VI–XIII столетий в памятниках сфрагистики»*

Среди печатей адресантов Херсона, представляющих центральную администрацию Византийской империи, особо выделяется группа булл чиновников департамента государственного фиска. Абсолютное большинство среди них составляют печати главных логофетов. К настоящему времени их выявлено уже более сотни экземпляров.

Печати логофетов, обнаруженные на территории византийского Херсона, неоднократно фигурировали в публикациях XX в. (А.Ф. Вишнякова, И.В. Соколова, К.Д. Смычков). Сегодня в научный оборот вводятся все новые и новые буллы, не только расширяющие список фигурантов этого управления, но и нередко позволяющие устанавливать имена владельцев на безымянных печатях, что, в свою очередь, свидетельствует об определенной активности отдельных персонажей.

Обилие печатей главных логофетов в Херсоне – очевидный результат соответствующего статуса города в имперской региональной политике. Накопленный материал, в первую очередь, отражает взаимоотношения центрального финансового департамента с одним из пограничных таможенных управлений, в основе которых, очевидно, лежат профессиональные контакты главы столичного ведомства с его субординантами в

провинции.

В ведомство главного логофета входят более десяти разрядов чиновников, среди которых немаловажную роль играли диойкиты и коммеркиарии (*Oikonomidès N. Les listes préséance Byzantines des IXe et Xe siècle. Paris, 1972. P. 313–314*). Печати именно этих функционеров – сборщиков налогов и таможенных пошлин – достаточно широко представлены в Херсоне. Более того буллы местных коммеркиариев составляют одну из доминирующих групп печатей (*Alekseyenko N. L'administration Byzantine de Cherson: Catalogue des sceaux. Paris, 2012. P. 51–59, 181–211*).

Должность логофета известна еще с пост-юстиниановской эпохи. Однако единственная в Крыму ранняя печать императорского логофета (середина VII в.) найдена не в Херсоне, а происходит с Мангупа (*Герцен А.Г., Алексеенко Н.А. Византийские моливдовулы из раскопок Мангуп-Кале // АДСВ. Екатеринбург, 2002. Вып. 33. С. 59–65*). В Херсоне же пока известны лишь буллы коммеркиариев припонтийских апотек не ранее середины VII века. Ранних печатей логофетов в Херсоне пока не обнаружено.

С VIII в. должность главного логофета становится одним из самых высоких гражданских постов в империи. В IX–XI вв. логофет геникона по-прежнему занимает высокое положение в имперской иерархии: он становится первым среди четырех первенствующих логофетов (*Constantini Porphyrogeniti. De ceremoniis aulae byzantinae libri duo graece et latine / Rec. I.I. Reiskii. Bonn, 1829. Vol. I. P. 713*) и в хрисовулах его подпись следует сразу же за сакелларием.

Самый ранний херсонский моливдовул неизвестного по имени главного логофета датирован И.В. Соколовой второй половиной VIII в. (*Соколова И.В. Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса // ВВ. 1991. Т. 52. С. 210. № 41*). Однако печатей местных коммеркиариев этого времени мы не знаем.

Более или менее определенно мы можем говорить о поступлении корреспонденции главных логофетов в Херсон лишь с IX столетия и то, очевидно, уже после реорганизации административной системы в Таврике и создания здесь фемы. К примеру, в Херсоне известно несколько булл магистра Сергия (*Соколова И.В. Указ. соч. С. 210–211. № 42–43*), которого В. Лоран предлагал отождествлять с известным историческим персонажем – отцом жены императора Феофила Феодоры, занимавшим также должность логофета дрома (*Laurent V. Le Corpus des Sceaux de l'empire byzantin II: L'administration. Paris, 1981. P. 147–148, 203. № 308*).

Абсолютное большинство печатей логофетов в Херсоне приходится на X столетие. По наблюдению И.В. Соколовой, в этот период мы имеем «непрерывный ряд печатей главных логофетов, который длится до середины X в.» (*Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. С. 194*). В то же время, судя по печатям херсонских коммеркиариев, исчезновение их института приходится где-то на третью четверть X в.

Тем не менее, накопленный к настоящему времени сфрагистический материал, особенно буллы логофета Елисея, свидетельствуют о том, что документация из центра по-прежнему поступает в город и, соответственно, позволяет расширить хронологические рамки бытования печатей логофетов в Херсоне до конца X в. Несомненно, обязанности коммеркиария перешли к одному из местных чиновников. Не исключено, что им мог стать сам стратиг фемы.

Кроме того, обилие однотипных печатей главных логофетов, а также наличие аналогичных или близких экземпляров как в самом Херсоне, так и в других регионах империи позволяют не только уверенно реконструировать или дополнять легенды отдельных моливдовулов, но иногда и уточнять этапы служебной карьеры некоторых персонажей.

Таким образом, печати главных логофетов из Херсона показывают, что с первой половины IX в. и практически до конца X в. этот византийский центр находится под весьма пристальным вниманием службы государственного фиска. Отдельные чиновники проявляли здесь завидную активность на протяжении достаточно длительного времени, о чем свидетельствуют и целые серии одинаковых печатей, и использование одним персонажем нескольких буллотириев, на которых порой отражался и титулярный рост их владельцев.

Многочисленность печатей главных логофетов в Херсоне не только свидетельствует о постоянных контактах финансового департамента столицы со своими инспекторами в Таврике, но и, безусловно, опровергает высказанную ранее точку зрения, по поводу освобождения Херсона от каких либо налогов. Находки здесь печатей диойкитов и коммеркиариев показывают, что в первую очередь здесь, скорее всего, взимались таможенные пошлины за экспорт и импорт товаров, а также, вероятно, традиционные государственные подати, связанные с земельным кадастром.

О.В. Андреева (Москва)

Символика «зданий для книги»: два проекта 1920–1930-х годов

В первое пореволюционное десятилетие идею «книжной» архитектуры характеризовала вначале романтическая, затем функционально-деловая направленность, при сохранении выраженного агитационно-пропагандистского содержания. Сооружения для всех отраслей книжного дела разрабатывались преимущественно в русле конструктивизма и других течений архитектурного авангарда. С середины 30-х гг., когда от искусства в целом и от архитектуры в частности требовалось отражать пафос пятилеток, утверждать «прекрасное, бодрое, величественное» (Архитектурная газета. 1935. № 2. С. 4), здания «книжной» тематики стали но-

ситель не только представительский, но и подчеркнуто символический характер. Любое крупное общественно-значимое сооружение рассматривалось как своего рода памятник эпохи, и отличительной чертой библиотечных, производственных зданий была монументальность, торжественная приподнятость в неоклассическом духе. Но при том, что принципиально менялся их образный строй, неизменным оставался подход к этим зданиям как к общественно-культурным центрам, занимавшим престижное место в городской среде.

Первым по времени собственно «книжным» сооружением должно было стать здание Московского отделения конторы и редакции газеты «Ленинградская правда» на Страстной площади. Конкурсное задание 1924 г. заключалось в том, чтобы на миниатюрном участке 6 х 6 м «наиболее рационально разместить все необходимые для данного производственного процесса помещения и выразить в фасадах производственный и агитационный характер сооружения» (Современная архитектура. 1926. № 1. С. 1). Первую премию получил проект А.А. и В.А. Весниных, вошедший в золотой фонд мировой архитектуры как своеобразный символ конструктивизма. Авторы добились предельной выразительности художественного языка. Впоследствии они писали, что «все внимание ... было обращено на разрешение художественно-идеологической функции (агитационный момент)» (Цит. по: *Полякова Л.* Зодчие братья Веснины. Ярославль, 1989. С. 169).

Динамизм пронизывал все сооружение. По фасаду на площадь выходила наклонная световая газета-витрина для постоянной передачи текущей информации; композицию дополняли световая реклама, громкоговоритель, часы; на крыше развевался флаг; луч прожектора вечером шарил в облаках; лифты двигались в прозрачных шахтах по особому графику. Слово, игравшее особую роль в стилистике конструктивизма, здесь приняло на себя значительную долю смысловой нагрузки архитектурного образа. Пульсирующий ритм бегущих строк сообщений и лозунгов дня, характер шрифта, его размеры и расположение, цвет надписей делали здание живой метафорой газеты, книги.

Уместно соотнесение этого не воплощенного в жизнь проекта в духе «индустриального символизма» с картиной «небоник», нарисованной Велимиром Хлебниковым в его утопии «Лебедя Будущего» (1918): «Здесь толпились толпы народа и здесь творческая община, тенепечатью на тенекнигах сообщала последние новости, бросая из блистающего глаза-светоча нужные тенеписьма. Новинки Земного Шара, дела Соединенных Станов Азии, ... стихи, внезапное вдохновение своих членов, научные новинки, ... приказы советов...» (*Хлебников В.* Творения. М., 1986. С. 614).

Идея строительства грандиозной библиотеки в центре Москвы возникла как составная часть программы увековечения памяти В.И. Ленина, принятой в 1924 г. В 1928–1929 гг. были проведены Всесоюзный откры-

тый, затем закрытый конкурсы на проект новой библиотеки. Конкурсная программа предусматривала, чтобы в проектах было воплощено значение здания как «памятника великому основателю новой жизни В.И. Ленину» и как «художественно-архитектурного памятника столицы СССР» (Цит. по: *Рябушин А.В.* Гуманизм советской архитектуры. М., 1986. С. 125). Первую премию получил решенный в конструктивистском духе проект Д.С. Маркова, Д.В. Фридмана и В.И. Фидмана, где в объемно-пространственной композиции использовался символический образ раскрытой книги.

Однако междуправительственная комиссия под председательством наркома просвещения приняла к строительству проект акад. В.А. Щуко и проф. В.Г. Гельфрейха, который был выполнен в формах свободно трактованного классицизма. Это решение вызвало резкий протест архитектурной общественности, но уже через несколько лет, со сменой общественно-культурной парадигмы и курсом на освоение классического наследия, стало ясно, что библиотека Щуко и Гельфрейха гораздо больше соответствовала назначению здания-памятника и не вступала, как того требовало задание, в «кричащее противоречие» с домом Пашкова. Вплоть до окончания строительства в 1941 г. авторы вносили изменения в проект, и в результате им удалось создать уникальный архитектурный образ главной библиотеки страны.

Стройные колонны, обрамляющие парадный портик главного входа, и пропилеи, сквозь которые раскрывается озелененное пространство внутреннего двора, рожают облик публичного сооружения, при всей своей монументальности не давящего на человека, демократичного и открытого для народа. Современники отмечали, что повышенный уровень угловой площади-террасы с торжественными лестницами, трактованными как подиум, вычленяет здание из городского контекста, как бы подчеркивая его особое предназначение, отключенность мира книг и высоких размышлений от ритмов повседневной жизни.

Значительная роль отводилась авторами скульптурному оформлению здания как изобразительно-образному мотиву. Композиционное и смысловое значение углового узла должна была акцентировать торжественная многофигурная группа. (В настоящее время авторская эстетическая концепция дискредитирована, на наш взгляд, памятником Ф.М. Достоевскому.) На антаблементе установлены аллегорические статуи, олицетворяющие советский народ. В круглых нишах междуэтажных перемычек расположены бронзовые бюсты-горельефы великих писателей и ученых. Все эти элементы подчеркивают «книжное», «словесное», «литературное» качество здания как средоточия человеческой мысли. Комплекс библиотеки стал не столько памятником В.И. Ленину, сколько гимном книге.

Лигатуры в меровингском канцелярском курсиве (на материале грамот Теодориха III)

Термином «меровингское письмо» обозначают письмо дворцовой канцелярии меровингских королей (изложение состояния изучения меровингских документов см. в статье: *Антонец Е.В.* Меровингское письмо и новый римский курсив (некоторые наблюдения) // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Т. XXXIV. СПб., 2014. С. 193–216).

Новейшее издание меровингских грамот представлено в 13 и 14 томах корпуса «*Chartae Latinae Antiquiores*» (далее – ChLA), подготовленных Г. Атсмой и Ж. Везеном. В издании собрано 46 документов (38 королевских и восемь частных). Дошедшие до нас 38 меровингских королевских дипломов относятся к периоду, охватывающему около 130 лет от Хлотара II (584–629) до Хильперика II (670–721).

Наиболее древние королевские и частные документы написаны на папирусе (их сохранилось 17: ChLA 549–563; 569; 592). Последний папирусный королевский документ относится к 659–673 гг. (ChLA 562), а частный – приблизительно к 691 г. Королевские грамоты после 673 г. и частные документы написаны на пергамене (их 29: ChLA 564–568; 570–591; 593–594).

Меровингский канцелярский курсив явился результатом развития одного из провинциальных видов нового римского курсива, образцом которого служит «папирус Бутини» (Genève. Bibliothèque publique et universitaire. Ms. lat. 75).

Некоторые наблюдения, касающиеся развития форм букв и лигатур в меровингском курсиве в сопоставлении с новым римским курсивом, были представлены нами в указанной выше статье. Мы пришли к выводу, что техника написания букв в меровингском курсиве значительно сложнее, чем в римском, но в то же время в меровингском курсиве происходит постепенное вытеснение вариантов написания одной и той же буквы, наблюдается тенденция к унификации форм букв, а в лигатурах выражено движение к устранению редуцированных элементов.

В настоящем сообщении мы остановимся подробнее на анализе лигатур в дипломах Теодориха III (675–691). Выбор документов этого короля объясняется тем, что из сохранившихся королевских грамот именно дипломы Теодориха III являются первыми хартиями, написанными на пергамене.

Всего сохранилось пять документов Теодориха III (ChLA 565; 566; 567; 568; 570). Место написания одного из них неизвестно, все другие написаны в различных резиденциях короля, что, возможно, стало причиной значительных различий в письме. В трех документах (ChLA 565; 566; 570) первая и последняя строки написаны посредством *litterae elongatae*, в

двух остальных (ChLA 567; 568) удлинёнными буквами выполнена только первая строка. В этих строках отсутствуют лигатуры за исключением проклитических лигатур AN (в слове «francorum»: ChLA 567; 568; 570) и AC (ChLA 565).

ChLA 565 (Paris. AN. К 3. n. 11. 15 сентября 677 г. Palais de Mâlay)

В грамоте употребляются лигатуры с проклитической буквой A: AT, AB и лигатура ET. Кроме того, встречаются лигатуры из трех букв с двумя или тремя редуцированными элементами: TES, ERE, ATP. Регулярно используется редуцированная форма буквы T в сочетании TR.

ChLA 566 (Paris. AN. К 3. n. 12. 12 сентября 677 г. Mâlay-le-Petit)

Полные написания имеют сочетания из двух букв EN, ER, ES, ET и AM, AN, AR, а также RI, FI, в которых в римском курсиве употреблялись проклитические E, A и энклитическая I. Полные формы букв используются в сочетаниях из трех букв ERI, ERA, ACI, TAS, TRI, ETU которые в римском курсиве имели проклитические E, A и редуцированную T. В отличие от римского курсива, редуцированная буква T не употребляется в сочетаниях TI, TU, TUR. В то же время регулярно редуцированная T встречается в сочетаниях TRA, TER и TE; в сочетании AT редуцированные формы имеют обе буквы; регулярно проклитическая лигатура AE. Единично использование проклитической AU и римских лигатур OP и SP.

ChLA 567 (Paris. AN. К 3. n. 13. 30 июня 679 г. Palais de Luzarches)

В этом документе в полном написании выступают практически все сочетания букв, которые в римском курсиве писались посредством лигатур. Единичны употребления лигатуры RI с энклитической I. Единственными лигатурами являются сочетания с проклитической A: AE, AR (ARI), AS, AN, AC, AT. Из них лигатуры ARI и AC регулярно используются в личных именах и географических названиях, AN и AT – в глагольных формах. Сочетания AR, AN, AC нередко имеют полные написания.

ChLA 568 (Paris. AN. К 3. n. 14. Апрель или май 680 г. – 30 октября 688 г.)

Отличительной чертой почерка этого документа является регулярное использование редуцированной буквы T в лигатурах TE, TA, TU (TUR), TI, TR. Писец лишь изредка допускает полное написание буквы T в этих сочетаниях. Обычно он также употребляет проклитические лигатуры AN, AM и AT, но встречаются и полные написания. Из римского наследия в этой грамоте встречается один раз лигатура ET, соединение ST, а также регулярно используется специальный знак для обозначения предлога и приставки PER. Других лигатур нет. Сочетание AE пишется полностью.

ChLA 570 (Paris. AN. К 3. n. 2. 30 октября 688 г. Compiègne)

Эта грамота наиболее богата лигатурами римского курсива. В ней регулярно употребляется редуцированная T в сочетаниях TE и TR; а также обычно в сочетаниях TU и TI (при наличии и полных написаний). Наряду с полными написаниями, нередко проклитические лигатуры AC, AT, AD;

регулярна лигатура AE с обоими редуцированными элементами. Проклитическая E употребляется в лигатурах ER, EM, EN, EP, ES, энклитическая – в RE. Регулярна лигатура FI, иногда встречается RO и OP.

Спорадически присутствуют сложные лигатуры с двумя и более редуцированными элементами: ATI, ARE, CER, CES, ECEP, TEFI. Писец использует специальные знаки для обозначения PER и ET.

Итак, уже в самых древних меровингских пергаменных грамотах лигатуры с редуцированными элементами используются редко. Сохранившиеся дипломы показывают, что документы, выполненные писцами канцелярии Теодориха III, различались не только графическими особенностями почерка, но и тем, что каждый писец употреблял свой собственный набор лигатур. Возможно, это случайность, а возможно – способ обозначить свою индивидуальность.

О.В. Ауров (Москва)

**Нарисованный феодализм:
заметки об одной барселонской иллюминированной
рукописи XIII в. (Барселона. ACA. Real Cancillería,
Registros, núm. 1)**

Доклад посвящен источниковедческой характеристике иллюминированной рукописи, хранящейся в Архиве Арагонской Короны (Барселона. Archivo de la Corona de Aragón (ACA). Real Cancillería. Registros. núm. 1) и известной как «Большая книга феодалов» (*Liber Feudorum Maior*). Кодекс, датируемый началом XIII в. и украшенный многочисленными миниатюрами, содержит королевский картулярий – копии документов, касающихся феодальных отношений в графстве Барселонском, впоследствии объединившемся с королевством Арагон (1157 г.) в государственное образование, которое в современной историографии принято именовать «Арагонской Коронай». В разное время, помимо Арагона и Каталонии, это государство включало земли к северу от Пиренеев (Беарн, Сердань, Каркассон, Руссильон и др.), в том числе Тулузское графство, соединенное вассальными узами с арагонскими королями, а также Валенсию, отвоеванную у мусульман в 1238 г. В XIII–XV вв. сфера влияния Арагонской Короны еще более расширилась в результате средиземноморской экспансии Каталонии (*Bonnassie P. La Catalogne du milieu du Xe à la fin du XIe siècle. Croissance et mutation d'un société. 2 T. Toulouse, 1975–1976*).

«Большая книга феодалов», как следует из ее пролога (fol. 1v), была составлена юристом Рамоном де Кальдесом, деканом Барселонского собора (1162–1199) между 1194 и 1196 гг. и включила самые разные типы документов, закреплявших феодальные права правителей Арагонской Короны: договоры и соглашения о союзах, купчие, дарения, вассальные прися-

ги и контракты, завещания и др. Самые ранние из них датируются концом IX в. (868 г.), самые поздние (включенные в картулярий уже после смерти Рамона де Кальдеса) – началом XIV в. Богато украшенный картулярий был вручен Альфонсо II Целомудренному (известному также как Трубадур), носившему титулы короля Арагона, графа Барселоны и маркиза Прованса (1162–1196). Акт торжественного вручения изображен на миниатюре, открывающей кодекс (fol. 1r).

К середине XIII в. когда картулярий, в основном, принял свой окончательный вид, он включал около 1000 документов и состоял из двух томов (499 и 442 листов, соответственно). Текст написан каролингским письмом и расположен в две колонки. В таком виде (с небольшими последующими добавлениями) памятник просуществовал до конца XVIII в. Однако уже в 1807 г. в процессе ревизии состояния архива было установлено, что остался лишь один том, включавший всего 183 документа на 88 листах (*Conde y Delgado R. Reyes y archivos en la Corona de Aragón. Siete siglos de reglamentación y praxis archivística (siglos XII–XIX). Zaragoza, 2008*). Почти все остальное было утрачено. Правда, затем в процессе напряженных поисков было обнаружено еще 26 листов с миниатюрами, в свое время изъятými для изготовления переплетов регистров той же канцелярии (fols. 90–199); на них не сохранилось текста – только миниатюры (fols. 93r, 94r, 95r, 96r, 97r, 98r, 99r, 100r, 101r, 102r, 103r, 104r, 105r, 106r, 107r, 108r, 109r, 110r, 111r, 112r, 113r, 114r, 115r, 116r, 117r, 118r). Таким образом, в настоящее время памятник включает 119 листов, содержащих 71 миниатюру, причем 45 прямо связаны с конкретными документами, как бы «иллюстрируя» их содержание; правда из последней цифры надо исключить еще шесть изображений (fols. 5r, 8r, 9r, 10r, 10v, 43r), которые были лишь начаты в период составления картулярия, а в дальнейшем так и не были завершены.

Хорошо сохранившиеся ранние (начиная с XIV в.) регистры Королевской канцелярии были использованы испанским исследователем Ф.М. Роселем для реконструкции памятника, которая вышла в свет в 1945 г. (*Liber Feudorum Maior. Cartulario real que se conserva en el Archivo de la Corona de Aragón. / Reconstrucción y edición por F.M. Rosell. 2 T. Barcelona, 1945*). Включив в текст сохранившиеся в архиве документы, копии которых в свое время входили в картулярий, ученый, разумеется, не смог восполнить всех лакун, хотя и далеко продвинулся в этом направлении. Однако, при всем значении реконструкции, она не свободна от недостатков любых позднейших реконструкций такого рода. Поэтому в настоящем исследовании используется только оригинальный текст в том его виде, который сохранился до настоящего времени.

Важность «Большой книги феодалов» как исторического источника определяется, прежде всего, теми возможностями для исследования феодальных институтов средневековой Каталонии начала высокого Средне-

вековья, которые он предоставляет. Параллельный анализ содержания копий документов, с одной стороны, и миниатюр, с другой, позволяет рассмотреть эти институты как целостную систему организации общества, власти и имущественных отношений. Этот вывод, во многом расходящийся с представлениями, доминирующими в современной историографии (*Reynolds S. Fiefs and Vassals. The Medieval Evidence Reinterpreted. Oxford, 1994; Ganshof F.-L. Qu'est-ce que la féodalité? Paris, 2015; Montagut Estragués T. La recepción del derecho feudal común en Cataluña I (1211–1330) (La alienación del feudo sin el consentimiento del Señor) // Glossae. Revista de Historia del Derecho europeo. 1992. No. 4. P. 9–145; Structures féodales et féodalisme dans l'Occident méditerranéen (X^e–XIIIe siècles). Paris, 1980; Valdeavellano L.G. El feudalismo hispánico. Barcelona, 2000; Kosto A. The Liber Feudorum maior of the counts of Barcelona: the cartulary as an expression of power // Journal of Medieval History. 2001. Num. 27. P. 1–22*), будет подробно обоснован в тексте доклада.

Т.А. Базарова (Санкт-Петербург)

Рукописные сборники о Петре I в коллекции рукописей, собранной Императорской Археографической комиссией

*Исследование выполнено при поддержке РФФИ,
проект № 16-01-00192а*

В русской рукописной традиции XVIII в. «петровская тема» получила широкое распространение, что было связано с первыми попытками осмысления личности и деятельности Петра Великого. Рукописные сборники о Петре I (т. е. кодексы, содержащие исторические, литературные сочинения, копии документов и др.) создавались, переписывались, передавались из поколения в поколение представителями различных слоев русского общества (дворянства, мещанства, купечества и крестьянства). В XIX в. эти сборники стали предметом собирательского интереса коллекционеров и ученых.

Главными задачами учрежденной в 1834 г. по инициативе академика П.М. Строева Археографической комиссии стали описание и публикация старинных рукописей и документов. Согласно уставу 1837 г. хронологической границей был определен 1700 г. Петровская эпоха вошла в сферу деятельности комиссии лишь спустя три десятилетия после ее создания. На заседании 12 ноября 1866 г. было принято решение «все документы и дела до конца царствования Петра Великого следует сохранить без исключения <...> как бы они с первого взгляда ни казались ничтожными, потому что в противном случае многое из нашего прошлого и особенно относящегося к внутренней жизни нашего общества в допетровскую эпо-

ху останется для нас навсегда темным» (Протоколы заседаний Археографической комиссии. Вып. 3: 1850–1868 гг. СПб., 1892. С. 448). В 1922 г. Археографическая комиссия была передана Академии наук, а в 1936 г. вошла в состав Историко-Археографического института (предшественника СПбИИ РАН). Собранные и описанные членами комиссии почти за 200 лет ее существования фонды и коллекции стали основой Научно-исторического архива СПбИИ РАН.

В 1882 г. было опубликовано составленное членом Археографической комиссии видным историком и археографом Н.П. Барсуковым (1838–1906) описание 228 рукописных книг XVII–XIX вв., хранившихся в библиотеке комиссии (*Барсуков Н.П.* Рукописи археографической комиссии. СПб., 1882). Позднее студент Петербургского университета Н.И. Сидоров закончил описание еще 23 рукописей (*Сидоров Н.И.* Рукописи Императорской археографической комиссии. Первое прибавление. СПб., 1907). В начале 1930-х гг. в результате обмена фондами между академическими учреждениями часть рукописей передали в Рукописный отдел БАН. Остальные рукописи, описанные Н.П. Барсуковым и Н.И. Сидоровым, образовали коллекцию 11 (Коллекция рукописей, собранных АК). В настоящее время она состоит из 146 ед. хр., из них двадцать пять – это сборники о Петре I.

Современные исследователи, которые работают с материалами «Коллекции рукописей, собранных АК», в первую очередь обращаются к печатному описанию Н.П. Барсукова. Однако в нем отсутствует привычный для историков хронологический (или тематико-хронологический) принцип составления описи. По-видимому, работа велась в соответствии с порядком хранения рукописей в Археографической комиссии. Судя по наклейкам на форзацах книг, большинство из них ранее находилось в библиотеке (в ряде случаев факт приема рукописи от дарителя или корреспондента и передачи ее в библиотеку зафиксирован в опубликованных протоколах заседаний АК). По-видимому, в связи с научным описанием рукописей, старые выполненные типографским способом наклейки («Библиотека Археографической комиссии») были перечеркнуты. Рядом с ними появились новые – «Рукописи Археографической комиссии» – с указанием номера по описи Н.П. Барсукова и места хранения (шкаф, полка и место на полке).

Историю бытования рукописных сборников позволяют уточнить владельческие надписи. Н.П. Барсуков в ряде случаев отмечал, как рукопись появилась в собрании Археографической комиссии. Как правило, рукописи передавали члены или корреспонденты комиссии: П.М. Строев, П.А. Муханов, Н.А. Аристов, П.А. Муллов, А.Ф. Шаффер, Мельников, купец Надеждин и др. Иногда Н.П. Барсуков указывал и предыдущих владельцев. Так, он отметил сохранившуюся на первом листе рукописного списка «Ядра истории российской» (№ 74) надпись: «Памятник сей книги новгородский мещанин Иван Мошенников».

Следует воздать должное высокому уровню подготовленного Н.П. Барсуковым описания рукописного собрания Археографической комиссии. Тем не менее, кодикологический анализ рукописей дает возможность сделать ряд уточнений. В описании рукописи «Сказание о рождении Петра Великого» (№ 67) не указан предыдущий владелец. Этот сборник состоит из трех произведений: «Истории о зачатии и рождении Петра Великого» П.Н. Крекшина, «Записок о стрелецком бунте» А.А. Матвеева и анонимного сочинения, получившего распространение под названием «Журнал его величества Петра Первого, императора и самодержца всероссийского, когда он своею высокою особой изволил ходить при свите посольской за море 1697-го году». Судя по надписи на форзаце (часть скрыта наклейкой АК), он поступил от корреспондента Надеждина. На форзаце сохранилась и более ранняя владельческая надпись — «П. Яковлева. 1855 году, ноября 30».

Переданный в библиотеку Археографической комиссии Н.А. Аристовым «Летописец от первого славянского народа... даже до блаженной кончины великого государя императора Петра Алексеевича (№ 24) сохранил несколько малоразборчивых записей, позволяющих предположить, что его прежние владельцы были владимирскими мещанами.

Название другой рукописи — «Книга расходная великого государя денежной казне 1711–1712 г.» (№ 86) — не раскрывает его содержания. В книге идет речь о выплате бежецким помещиком (а с 1714 г. тихвинским комендантом) Афанасием Ивановичем Стромиловым денег плотникам-переведенцам, занятым на строительстве и ремонте судов в Новой Ладоге. По-видимому, при реставрации 1976 г. книга была неправильно переплетена и перенумерована, после чего заглавие оказалось на листе л. 17. Порядок записей помогает восстановить первоначальная фолиация.

Таким образом, последовательный кодикологический анализ позволяет уточнить обстоятельства происхождения, среду бытования и архивную судьбу рукописных сборников о Петре I.

А.Г. Баранов (Москва)

О выпуске расчетных знаков РСФСР образца 1920 года

Расчетные знаки РСФСР образца 1920 г. достоинством три, пять и 50 руб. выпускались согласно декрету СНК РСФСР от 26 ноября 1920 г. Этим же декретом предполагался, но не был осуществлен выпуск расчетных знаков достоинством один, 10 и 25 рублей. Расчетные знаки пять и 50 руб. поступили в обращение в феврале 1921 г, а знак три руб. — в апреле 1921 года.

В связи с необходимостью увеличения в обороте количества мелких денежных знаков (до 50 руб. включительно) и экономии кредитной бума-

ги, решено было выработать новый тип расчетных знаков уменьшенного формата достоинством один, три, пять, 10, 25 и 50 руб., которые бы печатались с применением только типографской печати, без орловской. При выборе дизайна и размеров расчетных знаков образца 1920 г. специалисты Гознака из-за неготовности печатных форм нового образца, в качестве «временной» меры, стали печатать «упрощенные» три и пять рублей. Для экономии кредитной бумаги и увеличения номинальной суммы было решено не изготавливать расчетный знак достоинством два руб., а печатать новый номинал – пять рублей. Затем по их размеру стали готовить формы для новых 10, 25 и 50-ти рублевков.

Анализ внешнего вида расчетных знаков образца 1920 г. достоинством в три, пять и 50 руб. говорит о том, что это – искусственное объединение двух разных дизайнов. Первая группа – это аналог расчетных знаков один, два и три руб. образца 1919 г. с незначительным видоизменением текста на лицевой стороне и упрощением печати лицевой (отсутствие защитной сетки) и оборотной сторон (одноцветная печать вместо многокрасочной орловской печати) с сохранением прежнего варианта герба РСФСР, ориентация дензнака – вертикальная. Вторая группа – изображение официального герба РСФСР, совершенно новый дизайн, ориентация дензнака – горизонтальная.

Согласно описанию расчетных знаков достоинством три руб., предусматривался их выпуск на бумаге с водяным знаком № 324 «теневые квадраты». С этим знаком они так и не были выпущены, а были выпущены на бумаге с водяными знаками «светлые тонкие звезды», «грибы» и на бумаге без водяных знаков. Расчетные знаки достоинством пять руб. должны были печататься только на бумаге с водяным знаком № 324. Но, кроме этого, расчетный знак выпускался и на бумаге с водяными знаками «светлые тонкие звезды», «грибы», а так же на бумаге без водяных знаков. Расчетные знаки РСФСР достоинством 50 руб. должны были выпускаться только на бумаге с водяным знаком № 285 «крупные теневые звезды». Однако они выпускались ещё и на бумаге с водяными знаками «светлые тонкие звезды», № 324 «теневые квадраты», а так же на бумаге без водяных знаков.

Расчетные знаки один, три, пять, 10, 25 и 50 руб. планировалось печатать только на 1-й Московской фабрике по особой программе, именовавшейся как «Московская программа печати мелких расчетных знаков». Документы и имеющиеся образцы расчетных знаков дают нам полное право утверждать, что расчетные знаки РСФСР образца 1920 г. достоинством пять руб. с водяным знаком № 324 «теневые квадраты» и достоинством 50 руб. с водяным знаком № 285 «крупные теневые звезды» выпускались только на 1-й Московской фабрике Гознака. Там они печатались по одному заводу до износа имевшихся форм: пять руб. до 20 мая, а расчетные знаки 50 руб. до 30 мая 1921 года. Общий объем эмиссии расчет-

ных знаков РСФСР образца 1920 г. на 1-й Московской фабрике Гознака составил 3 405 600 000 рублей.

Где же печатались расчетные знаки образца 1920 г. на не соответствующей официальному описанию бумаге? В начале 1921 г. в нашей стране кроме 1-й Московской фабрики Гознака денежные знаки выпускали еще три фабрики: Пензенская, Уральская (Пермская) и Ростовская-на-Дону. По документам известно, что печатные формы расчетных знаков образца 1920 г. на Пензенскую и Уральскую фабрики не доставлялись. В отчетах этих фабрики за 1921 г. также отсутствуют данные об изготовлении там расчетных знаков образца 1920 года. Таким образом, в качестве места выпуска расчетных знаков РСФСР образца 1920 г. на бумаге с водяными знаками, не соответствующими описанию, остается только Ростовская-на-Дону фабрика (Экспедиция) Гознака.

10 февраля 1921 г. в Ростовскую Экспедицию поступили со 2-й Московской фабрики Гознака металлические клише трех, пяти и 50 руб. расчетных знаков, для печатания типографским способом. 24 марта в кладовую Экспедиции поступила первая партия готовых расчетных знаков. Всего работало шесть машин, по две на каждый номинал. Вследствие добавочного получения 12 апреля клише 50 руб. достоинства печатание расчетных знаков трехрублевого достоинства было приостановлено и с этого момента две машины печатали знаки пятирублевого достоинства и четыре машины – 50 руб. достоинства.

На какой бумаге печатались расчетные знаки в Ростове-на-Дону? Экспедиция начала изготовление расчетных знаков трех- и пятирублевого достоинства на бумаге с водяными знаками «светлые тонкие звезды» и «грибы». 50 руб. печатались только на бумаге с водяным знаком «светлые тонкие звезды». На начало 1921 г. в распоряжении Гознака имелось большое количество бумаги с этими водяными знаками, применявшейся для изготовления украинских денежных знаков. После того, как большую часть Украины стали контролировать Вооруженные силы Юга России (ВСЮР), часть запасов этой бумаги была использована для изготовления дензнаков ВСЮР, а часть после восстановления советской власти попала в распоряжение РСФСР. В документах Гознака эта бумага называется то украинской, то деникинской. Некоторые бонисты называют ее «трофейной». Чтобы освободить складские помещения от этих запасов, администрация 1-й Московской фабрики предложила ее использовать для изготовления бесплатных железнодорожных билетов. В ответ на это предложение в письме от 31 января 1921 г. за № 1101 Управление фабриками Гознак сообщило, что считает неудобным расходовать узорную украинскую бумагу для бесплатных железнодорожных билетов, так как она предназначается для печатания на ней расчетных знаков мелких купюр.

Весной 1921 г. бумага с водяными знаками «светлые тонкие звезды» и «грибы» на Ростовской фабрике закончилась. Из-за этого пришлось печата-

тать расчетные знаки три, пять и 50 руб. образца 1920 г. на бумаге без водяного знака (см. Табл. 1). Для этого в одном из писем Управление фабриками Гознака дало разрешение Ростовской фабрике для расчетных знаков три, пять и 50 руб. применять как узорную так и гладкую (без водяных знаков) бумагу. Затем, для визуального отличия расчетных знаков достоинством 50 руб., изготовлявшихся в Ростове-на-Дону, из Москвы была доставлена бумага с водяным знаком № 324.

Таблица 1

Отчет Ростовской-на-Дону фабрики
об изготовлении расчетных знаков с 1 марта по 1 августа 1921 г.

Месяц	Поступило в кладовую готовых изделий, руб.			
	3 руб.	5 руб.	50 руб.	Всего
Всего, руб.	18.057.120	158.500.000	5.715.384.000	5.891.941.120
Всего, экз.	6.019.040	31.700.000	114.307.680	

В приведенной ниже Табл. 2 дается каталог выпущенных расчетных знаков образца 1920 г. с разбивкой по фабрикам Гознака и имеющимся вариантам по водяным знакам.

Таблица 2

Каталог расчетных знаков образца 1920 года

№	Номинал	Фабрика	Водяной знак
1.1.1	3 руб.	Ростов-на-Дону	Светлые тонкие звезды
1.1.2			Грибы
1.1.3			Без водяного знака
2.1	5 руб.	1-я Московская	№ 324 темные квадраты
2.2.1		Ростов-на-Дону	Светлые тонкие звезды
2.2.2			Грибы
2.2.3			Без водяного знака
3.1	50 руб.	1-я Московская	№ 285 крупные 6-лучевые звезды
3.2.1		Ростов-на-Дону	Светлые тонкие звезды
3.2.2			№ 324 темные квадраты
3.2.3			Без водяного знака

**Создание А.В. Филипповым
технологического подхода в изучении русского изразца
(по материалам личного архива)**

Художник-керамист, реставратор, организатор керамического производства Алексей Васильевич Филиппов (1882–1956) известен как один из крупнейших исследователей русского изразца XX века.

Уже в XIX в. для художников, архитекторов, историков, археологов, стал обычен интерес к изразцам. Их изучение, позволившее представить это яркое проявление русской культуры, постепенно заняло свое место в общем процессе развития представлений о Московской Руси. Архивисты-историки и архитекторы-реставраторы заинтересовались изразцом почти одновременно. В середине столетия архитектор Ф.Ф. Рихтер зарисовывал изразцовый декор, представив его в известном увраже (*Рихтер Ф.Ф.* Памятники древнего русского зодчества, снятые с натуры и представленные в планах, фасадах, разрезах с замечательнейшими деталями украшений каменной высебки и живописи. М., 1850. Вып. 1–6; 1851–1856 гг. – по одному выпуску в год). Архитекторы-практики, восстанавливая древние и проектируя новые здания в «русском стиле», попытались создать синтетическую историю изразца, как например архитектор Н.В. Султанов, сравнивший в специальном сочинении фасады Ново-Иерусалимского монастыря, зданий Москвы и Ярославля (*Султанов Н.В.* Изразцы в древнерусском искусстве // Материалы по истории русских одежд. СПб., 1885. С. 1–63). Рождался новый подход, рассматривавший изразец как часть истории искусства и общего развития стиля.

К концу столетия сформировались три важнейших направления: создание музейных коллекций изразцов; включение в научный процесс полевой археологии; изучение технологий производства. А.В. Филиппов оказался глубоко причастен к развитию всех подходов, причем последнее – технологическое – он фактически создал сам, развивая его на протяжении десятилетий, до самой смерти. В этом смысле А.В. Филиппова можно смело назвать отцом науки о русском изразце. Об этом свидетельствуют не только опубликованные работы ученого (*Филиппов А.В.* Керамика. Возстановительный огонь и глазури с металлическими отблесками. М., 1907; *Он же.* Русские поливные изразцы XVI в. М., 1915; *Он же.* Древнерусские изразцы. М., 1938. Вып. 1), но и хранящиеся в частном собрании материалы его архива, ставшие объектом изучения лишь в 2015–2016 годах.

Архивное наследие представляет нам не только инженера-технолога, архитектора-реставратора и художника-керамиста, но и обладающего универсальным умом и свойствами первопроходца, целеустремленного и стремящегося положить в основу положительное, рациональное, фунда-

ментальное знание ученого. Филиппов понимал, что роль технологии, особенно в прикладных искусствах, проявится только при ее соединении со стилистическим анализом: «Мною впервые применен новый метод научного исследования древних русских изразцов, – метод технического и стилистического анализа памятников» (Архив А.В. Филиппова). Опорой метода служил системный, в основе своей позитивистский, эмпирический подход к историческим процессам: «Я пытался объяснить процесс развития не с помощью длинных рассуждений, сколько обращал внимание на последовательный ряд проявлений этого процесса» (Архив А.В. Филиппова).

Возможности своего метода ученый демонстрирует на выдающихся памятниках русской архитектуры – соборе Покрова на Рву и Борисоглебском соборе в Старице, изразцовый декор которых оставался неизученным. При этом Филиппов опирается не только на метод, но и на новый инструмент его реализации – школу изучения строительных технологий, в центре которой – Лаборатория «Керамическая Установка».

Особой темой в исследованиях технологии становятся многоцветные (ценинные) изразцы второй половины XVII в., вызывавшие исключительный интерес у Филиппова. Он впервые привлек к исследованию техническую литературу XVIII – начала XIX вв., создав, по его словам, «мост между архивными документами и живой действительностью наших дней» и раскрыв смысл терминов XVII в. («мурава», ценина и др.).

Таким образом, А.В. Филиппов в своей практике исследований рассматривал область керамических материалов как совместную для истории искусства и техники. Он писал: «Историю керамических облицовочных материалов нужно рассматривать комплексно, одновременно изучая ее с двух точек зрения: 1. как отрасль декоративного искусства, связанного с архитектурой; 2. как отрасль керамической техники, связанной со строительством. Изучение этих материалов лишь с одной из этих точек зрения не дает полного представления об этих материалах.... Как в самих памятниках облицовочной керамики оба эти начала органически слиты воедино, так же должно быть синтетическим, комплексным и их изучение. Последнее, синтезируя технику и искусство, ни должно забывать ни того, ни другого» (Архив А.В. Филиппова).

Важно, что Филиппов не замыкался в сфере истории технологий. Сделанные им заключения становятся основой больших культурно-исторических выводов, например, об отдельной художественной школе русской керамики. Ставя во главу угла именно «отрасль керамической техники», ученый через длинную последовательность рассматриваемых вопросов раскрывал, вырабатывал понятие «русская гончарная школа», определяя ее особенности. С этим понятием Филиппов определился, будучи еще молодым исследователем. В конце 1910-х гг. он обозначил в теме «Техника древнерусских изразцов» 17 направлений исследования

(назначение изразцов, их распознавание и классификация; глина; размеры, формы, профили и названия изразцов; гончарный рельеф; формы-матрицы; связь с деревянным делом; рюмки; прирезка; муравление и окраска; обжиг; установка; прочность; мотивы изображений; композиции; эволюция техники в древней Руси; мастера и мастерские; современное состояние изразцов), объединив их в заключительных выводах, где говорится о широком распространении изразцов, центрах производства, вопросах влияний и о русской «школе».

М.В. Батиев (Москва)

**Путевые записки русских путешественников
как источник по восприятию повседневной жизни
Германии конца XVIII – первой половины XIX века**

Проникновение русских путешественников в Европу, начавшееся после реформ Петра I, ярко отражается в различных документах личного происхождения, создающихся в царствование императрицы Екатерины II. С ростом уровня образования, а также под влиянием моды на описание собственных поездок в автобиографических текстах в социокультурном пространстве России появляется большое количество таких текстов. Этот процесс, начавшийся в 70-е гг. XVIII в., достигает своего апогея во второй четверти XIX в. ко времени смерти императора Николая I и началу эпохи «великих реформ».

У появившихся в результате поездок текстов была различная судьба. Часть из них удостаивалась печатного станка и становилась заметным общественным явлением. Некоторые из таких публикаций становились не просто заметными, а знаковыми («Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина). Часть текстов не выходила из употребления внутрисемейного или авторского дружеского круга.

Изучение созданных в этот период путевых дневников и записок русских путешественников как уникального культурного и общественного феномена представляется весьма актуальным, учитывая не спадающий интерес в обществе к этой теме.

До настоящего времени в нашей историографии отсутствуют работы, рассматривающие автобиографические тексты о путешествиях в качестве самостоятельного исторического источника.

Автор вышедшей четверть века назад и не утратившей своего значения книги о мемуарах в целом как историческом источнике пишет об интересующей меня разновидности: «Не принималось также в расчёт множество описаний путешествий этнографического, географического, хозяйственно-экономического и собственно научного характера. Они включали в себя порой отдельные подённые записки и припоминания автора,

но, в отличие от дневников и воспоминаний классического типа, не были, как правило, ориентированы на запечатление личностью исторического бытия в его движении от прошлого к настоящему, ставили перед собой совсем иные цели, образуя совершенно особые разновидности повествовательных источников» (*Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX века. М., 1991. С. 23*).

Данная оценка автобиографичной литературы путешествий, как представляется, не учитывает один важный составной элемент человеческой картины мира. Личность рассматриваемого исторического периода осознавала себя не только как индивида, имеющего сугубо личное историческое бытие, протекающее от прошлого к настоящему, но и как индивида, живущего здесь и сейчас, и открывающего и фиксирующего для себя (в дневниках), для своих друзей или родственников, отделённых от него расстоянием (в письмах), или для своих потомков красоту и многообразие окружающего его в данный конкретный момент мира.

Кроме этого, путевые записки представляют собой ещё и попытку их автора зафиксировать движение времени. Таким способом авторы текстов старались сохранить для себя и для своих потомков неповторимость своей эпохи. В этой связи представляется правильной оценка дневников, высказанная А.Г. Тартаковским в его работе: «на начальных этапах, соответствовавших самосознанию личности, ведение путевых дневников демонстрировало не только определённую степень исторического самосознания личности, как в случае с мемуарами, но демонстрировало в большей степени картину мира, наблюдаемую автором во время его путешествия».

Разные авторы дневников, проезжая по одному и тому же маршруту, обращали внимание и соответственно фиксировали в своих текстах разные стороны встречающейся им на пути действительности – пространства. Сопоставление описаний одних и тех же мест, выполненных с интервалом в несколько лет или десятилетий, позволяет проследить изменения, происходящие в тех или иных местностях, а также особенности эволюции восприятия путешественников.

*Н.В. Башинин, А.Л. Грязнов
(Санкт-Петербург, Вологда)*

**Окладная книга Вологодского
архиерейского дома св. Софии 1628/29 г. как источник
для составления карты церквей Вологодского уезда**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ,
проект «Исторический атлас церквей и монастырей Вологодской и
Великопермской (с 1657 г. Вологодской и Белозерской) епархий
в XVI–XVII вв.» № 17-31-01027a2*

Окладные книги XVII в. – источники, в которых перечислялись все храмы епархии. На основании этих документов собиралась церковная десятина, а содержание окладных и приходо-расходных книг епископских кафедр XVI–XVII вв. дает возможность картографировать церковно-приходскую сеть. Подобные примеры уже есть в отечественной историографии. Публикация приходной книги Новгородского дома св. Софии 1576/77 г. сопровождается картами, на которых показано административное устройство Новгородской земли и локализованы церкви, упомянутые в источнике (Приходная книга Новгородского дома святой Софии 1576/77 г. («Книга записи софийской пошлыны») / Сост. И.Ю. Анкудинов, А.А. Фролов. М.; СПб., 2011. С. 95–204). На основании окладных книг церквей Рязанской епархии 1676 г. также составлена карта храмов этого региона (Книги окладные монастырям, церквам и часовням Рязанской епархии, учиненные при преосвященном Иосифе митрополите Рязанском и Муромском в 1676 г. / Сост. А.И. Цепков. Кн. 1–2. Рязань, 2004. Карты находятся на форзацах).

За XVII – первую четверть XVIII вв. в архиве Вологодского Софийского дома сохранилось 14 окладных книг. Из них четыре источника 1628/29, 1648/49, 1677/78 и 1702–1703 гг. недавно были опубликованы (Приходо-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома святой Софии и окладные книги церквей Вологодской епархии. XVII – начало XVIII в. / Сост. Н.В. Башнин. М.; СПб., 2016). Сохранившийся комплекс окладных книг церквей, находящихся под юрисдикцией вологодского архиепископа, позволяет составить серию карт, фиксирующих как статичную картину расположения храмов в тот или иной период, так и выявить динамику в изменении церковно-приходской структуры за счет сопоставления карт за разные годы.

Первым шагом в этом направлении стало составление карты церквей Вологодско-Пермской епархии на территории Вологодского уезда по окладной книге 1628/29 г. Всего в Вологодском уезде под юрисдикцией архиепископа находилось 258 церквей. Данные окладной книги о храмах формализованы и сведены в таблицу. Каждому присвоен порядковый номер в соответствии с последовательностью упоминания в источнике, а затем произведено соотнесение с церквями, зафиксированными в окладных книгах 1647/48, 1676/77 и 1702 гг. В таблице также отмечено запустение и варианты географической приуроченности храмов. Полученный перечень церквей XVII в. был сопоставлен с перечнем храмов, известных по клировым ведомостям начала XX в. и картографированных Н.М. Македонской (*Македонская Н.М. Церковно-исторический атлас Вологодской области. Т. 1–2. М.; Вологда, 2007*). Как оказалось, подавляющее большинство храмов XVII в. продолжали существовать и через два столетия. Поэтому в таблице приведен соответствующий номер по Цер-

ковно-историческому атласу. При нанесении на карту были использованы локализации, предложенные Н.М. Македонской, а для уточнения местоположения церквей привлечены материалы Генерального межевания.

На территории Вологодского уезда удалось локализовать 225 (87,2%) храмов из 258 упомянутых в окладной книге. Не локализовано 33 церкви, из них 15 числились пустыми в первой трети XVII в. или же запустели в течение этого столетия.

Карта демонстрирует, что наибольшее количество приходских храмов размещалось в Первой половине уезда и вдоль дороги Москва – Вологда – Кирилло-Белозерский монастырь – Белозерск. Это территории, составлявшие ядро Вологодского уезда, были наиболее освоены и плотно заселены. Тем не менее, окладные книги 1647/48 и 1676/77 гг. показывают, что более редкая сеть храмов в Заозерской половине уезда напрямую не связана с малой плотностью населения. Если в Первой половине уезда на храм приходилось, как правило, несколько десятков дворов (30–60, иногда больше), то в Заозерской половине к приходу храма могло относиться до четырехсот дворов.

Нанесение на карту сведений из окладных книг помогает наглядно показать церковную структуру уезда, определить территорию и границы таких образований, как Троицкая, Воскресенская и Сямженская трети, «князь Ивановская вотчина Пенкова», упоминаемых в источниках на протяжении всего XVII в. и объединявших несколько волостей. Кроме того, окладная книга 1628/29 г. дает возможность локализовать вологодское поместье Григория Лукьяновича Бельского (Малюты Скуратова), располагавшееся в волости Авнега (около 40–60 км на восток от центра Вологды). Всего в «поместье» Малюты Скуратова насчитывалось 12 церквей.

Наглядно видно и то, как Вологодский уезд постепенно формировался из разнородных элементов. Например, в 1620-х гг. вне юрисдикции архиепископа Вологодского и Великопермского находились нескольких волостей Вологодского уезда. Во-первых, это Шейбухта, старинная вотчина Ростовских архиепископов. На ее территории в XVII в. располагались Шепухотская, Козлангская и Кочковская волости. Во-вторых, это Южская, Угольская и Раменская волости в крайней западной части уезда. Первоначально они относились к Белозерью, но во второй половине XVI в. в качестве дворцовых вошли в состав Вологодского уезда. Поскольку Белозерье входило в Ростовскую епархию, то эти три волости также относились к ней. Водоба, по всей видимости, вошла в состав Вологодского уезда раньше названных выше волостей, по крайней мере, несколько водожских храмов относились к Вологодской епархии. Несмотря на это, большая часть храмов обширной волости была выведена из-под юрисдикции ростовского архиепископа только к 1678 г.

Окладная книга 1628/29 г. называет в Вологодском уезде 258 церквей. Практически через столетие окладная книга 1724 г. зафиксировала в Во-

логодском уезде под юрисдикцией вологодского архиепископа 291 храм. Поэтому можно заключить, что приходская сеть в XVII столетии практически не росла. Произошло незначительное увеличение количества храмов за счет перехода в ведение вологодского архиепископа территорий Ростовской архиепископии. Очевидно, что церковно-приходская сеть в своих основных чертах в Вологодском уезде сложилась в конце XV – первой половине XVI вв., что соотносится с хозяйственным освоением данных территорий и процессом внутренней колонизации.

М.Р. Белоусов (Казань)

Палеографическая характеристика боярского списка мая 7161 (1653) года

Боярский список мая 7161 (1653) г. (РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Ед. хр. 234) написан на 122 листах, по современной нумерации с л. 458 по 579. По «Описанию документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства Юстиции» (Кн. 11. М., 1899. С. 109), в списке были л. 458–579, название – «список боярский 161 г.». Текст написан скорописью XVII в., разборчиво, тремя почерками (первый – л. 458–555, 573–579; второй – л. 556–557, 561–572; третий – л. 558–560). Чернила – тёмно-коричневые, переходящие в коричневые. Пагинация – по верхнему левому краю листов: 1) коричневыми чернилами с л. 1 по 120 (номера зачёркнуты чёрными чернилами) на всех листах, кроме л. 460 и 479 (нумерация пропущена), 477 (не сохранился номер «19»); 2) чёрными чернилами с л. 458 по 579 на всех листах (на л. 477 на левом поле на одну треть длины листа ниже его верха; на л. 491 в середине левого поля листа; на л. 497 на левом поле внизу листа; на л. 570–572 на правом поле наверху листа; на л. 573–575 по центру наверху листа); 3) карандашом – современная (л. 458, 459 (обведены чёрные чернила [далее – обв. ч. ч.]), 464 (обв. ч. ч.), 465 (обв. ч. ч.), 467–469 (обв. ч. ч.), 471–473 (обв. ч. ч.), 476 (обв. ч. ч.), 477, 478–482 (обв. ч. ч.), 485 (обв. ч. ч.), 489–490 (обв. ч. ч.), 491, 492–496 (обв. ч. ч.), 497, 498–534 (обв. ч. ч.), 535, 536–556 (обв. ч. ч.), 556 об., 557–564 (обв. ч. ч.), 565, 566 (обв. ч. ч.), 567, 568 (обв. ч. ч.), 569 (наверху листа по центру), 571 (обв. ч. ч.), 571 об., 572 (обв. ч. ч.), 572 об., 573–576 (обв. ч. ч.), 577 об., 578 (обв. ч. ч.), 579 (наверху листа по центру)). Сохранность листов значительной части списка плохая (оторваны края и дыры на л. 458–515, 517–518, 524). Листы реставрированы – подклеены с оборота плотной белой бумагой по оборванным краям и тонкой прозрачной бумагой, в основном по краям, для уплотнения и в местах разрывов.

Текст перечней на л. 558–560 написан фактически на оборотной стороне другого документа (л. 558 об.–560 об.), текст этого документа зачёркнут коричневыми чернилами.

Водяные знаки по обрезу: 1) на л. 459, 461–465, 468, 470–471, 473, 475–476, 481–482, 487, 494–495, 498–499, 501–502, 504, 506–511, 513–545, 548–556, 564–569, 579 – крест лотарингский; близкие см.: Водяные знаки рукописей России XVII в. / Сост. Т.В. Дианова, Л.М. Костюхина. М., 1980. № 592 (1646 г.), 597 (1652 г.); 2) на л. 467, 474, 478–479, 483, 489 – неясный знак; 3) на л. 477, 559, 561–563, 570, 573–576 – голова шута с пятизубцовым воротником; отдалённо подобный см.: *Дианова Т.В.* Филиграния XVII–XVIII вв. «Голова шута». М., 1996. № 8 (1650–1651, 1651, 1652 гг.); 4) на л. 546, 547 – голова шута с пятизубцовым воротником; близкий см.: Там же. № 116 (1652, 1652–1653, 1653 гг.); 5) на л. 558, 560 – голова шута с пятизубцовым воротником (не идентифицирован).

В боярском списке не сохранились заголовок с датой и типом списка, перечни бояр «налицо» и бояр «на службах», подзаголовок и начало перечня окольных «налицо» (утрачены имена пяти окольных). Листы в списке перепутаны. Порядок расположения листов исследуемого боярского списка установлен методом поимённого сопоставления лиц, внесённых в этот список, со списком июня 7161 г. (Ед. хр. 233. Л. 240–385). Список содержит окончание перечня окольных «налицо» (11 чел.) (л. 497–498), начало и окончание перечня окольных «на службах» (пять чел.; утрачено имя Б.М. Хитрово) (л. 498, 491), имена кравчего (л. 491–492), казначея, постельничего (л. 492), начало перечня думных дворян (три чел.; утрачены имена Ж.В. Кондырева и В.Ф. Янова) (л. 492), указаны думные дяки (два чел.), стряпчий с ключом и московский ловчий (л. 490). Список включает перечни стольников «в естех» (от подзаголовка сохранились лишь буквы «...ники ...») (л. 477–479 (далее лакуна: утрачено 18 имён), 474, 496, 483–486, 480 (далее лакуна: утрачено около 23 имён), 489, 475, 467–470, 488, 493, 487, 494–495, 499–501), стольников «больных» (л. 501), стольников «в городех в воеводах, и в отсылке, и в отпуске» (л. 501, 481–482, 476, 472), стольников в рейтарской службе (л. 472), стряпчих (л. 473, 458–466, 471, 502–509), стряпчих «больных» (л. 509), стряпчих «в нетех» (л. 509–510), стряпчих «в городех в воеводах, и на приказах, и в отсылке, и в отпуску» (л. 510), стряпчих в рейтарской службе (л. 510–512), дворян московских (л. 513–556), дворян московских, «за которых для старости и увечья велено служить детям их и племянником» (л. 556–557, 556 об.–557 об.), дворян московских «больных» (л. 558–559), дворян московских – «нетчиков» (л. 560), дворян московских в рейтарском строю (л. 561–562), дворян московских «в головах стрелецких» (л. 562–563), дворян московских «в городех в воеводах, и у всяких государевых дел, и в отсылке, и в отпуску» (л. 564–572, 571 об.–572 об.), дворян московских «на неметцком рубеже на межевань» (л. 571 об.), отставных

дворян московских (л. 573–577, 577 об., на л. 576 был сделан позднее вычеркнутый подзаголовок «Отставлены от службы в нынешнем во 161-м году»), иноземцев (л. 578–579).

Боярский список перечисляет всех членов Государева двора, но, в отличие от «подлинных» списков, чиновные перечни окольных, стольников, стряпчих и дворян московских разделены в нём на «половины» – «московскую» и «служебно-отпускную». «Московская» «половина» московских чинов, в свою очередь, включает перечни «естей», «больных» и «нетей» (отсутствуют стольники «в нетех»). «Служебно-отпускная» «половина», помимо перечней служилых людей, находящихся «в городех в воеводах, и у всяких государевых дел, и в отсылке, и в отпуску», включает перечни рейтаров (последние были и в «подлинных» списках), а у дворян – также голов стрелецких и лиц, посланных на размежевание границ. Следовательно, исследуемый боярский список является «половинным».

Основной текст боярского списка был составлен в мае 7161/1653 г., но не ранее 16-го и не позднее 23-го мая. Об этом свидетельствует как анализ текста «половинного» списка, так и сопоставление его с «подлинным» списком 7161 г. (Ед. хр. 1133. Столп. 3). «Половинный» боярский список функционировал в разрядном делопроизводстве до конца мая 7161/1653 г.

М.М. Бенцианов (Екатеринбург)

Роль генеалогии в изучении процесса ротации Государева двора первой половины XVI века

Проблематика Государева двора, привилегированного объединения служилых людей, прочно вошла в обиход исторической науки. Члены Государева двора играли важную роль в системе управления, выдвигая большую часть действующих лиц государственного аппарата. Являясь гвардией великого князя, двор должен был обеспечивать свою высокую боеспособность, так что вопросы его комплектации приобретали приоритетное значение. В долговременной перспективе решить эту задачу можно было за счет ротации его состава. Для анализа масштабов этого процесса большое значение имеет определение принадлежности того или иного лица к Государеву двору. Вплоть до середины XVI в. из-за размытости маркерных признаков предпринимаемые попытки реконструкции его состава не всегда являются удачными. Больше возможностей дает ретроспективный анализ Дворовой тетради 50-х гг. XVI в. (далее – ДТ). Сложносоставной характер этого источника, наличие большого числа архаизмов позволяют использовать его для изучения процесса эволюции Государева двора на протяжении первой половины XVI в.

Для большинства уездов Русского государства ДТ выступает в качестве основного и исчерпывающего источника для определения состава дворовых детей боярских. Сопоставление ДТ с родословными росписями и реконструкция генеалогических древ ряда дворянских фамилий показывают, однако, ее «ограниченность». В ней отсутствовали известные по упоминаниям в других документах лица, родственники «дворовых», которые несли службу на протяжении 1550-х гг., когда ДТ активно использовалась в делопроизводственном обороте.

Каширская десятина 1556 г. показывает, что в это время действовало не менее 12 представителей Писаревых, находившихся друг с другом в близкой степени родства. В ДТ упоминается только один из них — И.Л. Писарев. Отсутствовал здесь также П.М. Каракадымов Таптыков, который в 1547 г. вместе со своими дядьями, дворовыми по Рязани А. Булгаком и И. Темешем получил грамоту на поместье, а в 1557 г. упоминался в судебном деле. Среди волочан Мечовых в ДТ были отражены две ветви этой фамилии. Выпущенной оказалась линия Шемяки Андреева, хотя последний в 1550-е гг. продолжал свою службу. Всего удаётся насчитать несколько десятков подобных примеров.

Исследователями были отмечены некоторые лакуны ДТ: удельные Верея и Алексин, Нижний Новгород, Смоленск, Невель, Рославль, Брянск, Серпейск, Северские города, Вологда, Мещера, а также северо-западные уезды страны. На Северо-Западе учёт дворовых детей боярских вёлся отдельно. В составе других корпораций категория «дворовых», видимо, ещё не сложилась. Переведённые туда представители «честных» фамилий переставали учитываться в дворовых списках. В ДТ присутствует ряд дефектных мест: князья Стародубские, помещики стародубские, князья Ростовские. Не исключено, что некоторые лица были пропущены или вычеркнуты её составителями.

Служилые люди Владимира Старицкого не были учтены в ДТ. Отсутствовали здесь также лица, начавшие службу у Симеона Касаевича. Собственные дворы были у митрополита и епископов. В ряде случаев имели место физическая неспособность к несению службы или выбор монашеской стези.

Принимая во внимание совокупность отмеченных возможностей, очевидным кажется предположение о том, что в большинстве случаев отсутствие тех или иных лиц в ДТ было вызвано более прозаическими причинами — проводившейся «отбраковкой» личного состава Государева двора.

Сравнение ДТ и каширской десятины 1556 г. свидетельствует, что привилегированный статус уже в это время не был личным достоянием того или иного служилого человека и мог быть пересмотрен при его переселении в другую корпорацию. Среди «городовых» в десятне были записаны В.Г. Есипов и Ф.П. Бахтин. Оба они фигурировали ранее среди дворовых по Коломне и Малому Ярославцу, соответственно. В рубрике «Бежецкий

Верх» ДТ возле имени А.А. Плишкина сохранилась красноречивая помета: «Отставлен. Служит с городом». Другие пометы дают причины «отбраковки»: «болен и глуп», «в холопех», «помечен в разбое» и т. д.

Источники второй половины XVI в. дают примеры понижения статуса некоторых лиц и фамилий. В коломенской десятне 1577 г. среди «дворовых» находился Р.В. Яцкий, а его племянник Бажен Васильев был отмечен уже среди «городовых». Отбраковка, таким образом, имела личный, а не пофамильный и даже не семейный характер. Так же обстояло дело в мешковской десятне 1584 г.

Естественный процесс «захудания» отдельных лиц и фамилий прослеживается, начиная с удельного времени. В ряде случаев, связанных с «крамолой», представители боярских семей принудительно лишались привилегированного статуса. Были вытеснены из боярской среды потомки казненного И.В. Вельяминова и «героев» Феодалной войны И.Д. Всеволожа и Н.К. Добрынского.

Появление обязательной службы и увеличение роли Государева двора вели к разрастанию его численности и повышенным требованиям к его составу, проявлявшимся в периодических «отбраковках». Потомки отобранных лиц включались в орбиту Государева двора, в то время как сыновья и внуки остальных должны были нести службу с «городом». Уже в конце XV в. этот процесс затронул значительное число фамилий.

В актах Юрьевского уезда упоминаются Ананьины – потомки Анании Петровича, конюшего Марии Ярославовны, из боярского рода Федора Бяконта. Характерно, что они отсутствовали в родословной росписи и не были представлены в ДТ.

Выпущенными в родословной росписи оказались и многие Хвостовы. В 1550-е гг. в Суздальском уезде действовали Н.Я. Хвостов и его племянник Юрий. Они происходили от неназванного в росписи брата А.П. Хвостова Якова. Их однофамильцы, переселенные на новгородские поместья, в середине XVI в. служили среди «городовых». Потеря статуса произошла, вероятно, у их общего предка – А.Ю. Хвостова, жившего во второй половине XV в.

Потомки некоторых из детей боярских Ивана III также не удержались в составе Государева двора. Ю.Н. Владыкин в 1500 г. был одним из детей боярских на свадьбе великой княжны Феодосии с князем В.Д. Холмским. В 1550-е гг. в Суздальском уезде действовали его потомки Б. Пятого, Смирый и В.Д. Владыкины, которые, не выделяясь по службе, закономерно отсутствовали в ДТ.

Отмеченные Писаревы вели происхождение от С. Писаря, жившего в середине XV в. В первые десятилетия XVI в. кормленщиками были его сыновья, которые, вероятно, служили в составе Государева двора. В 1538 г. письмо великого князя было адресовано Л.И. Писареву. Именно

его сын Иванча был отмечен в ДТ. Остальные Писаревы к этому времени выбыли из этой привилегированной корпорации.

Среди Писемских в составе Государева двора была представлена ветвь Ивана Васильева, одного из детей боярских в свите великой княжны Елены. Его сын Андрей описывал Нерехту, а позднее был стряпчим. В ДТ, соответственно, были записаны Ф., А. и И.А. Писемские. Сопоставление актовых материалов с родословной памятью показывает существование 1550-е гг. других Писемских, двоюродных братьев названных лиц. Вероятно, уже братья А.И. Писемского были отстранены от дворовой службы. Существовали и другие Писемские, которые были «отбракованы» еще ранее.

Анализ сохранившихся и реконструируемых родословных росписей дает возможность определить примерное время проведения «отбраковки» — чем ближе было родство между фигурантами ДТ и их «городовыми» родственниками, тем позднее последние (или их предки) выпадали из орбиты Государева двора. Более отдаленное родство между «дворовыми» и их однофамильцами 1550-х гг. свидетельствует о проведении отборов, осуществленных в предшествующие десятилетия. Применение подобного подхода повышает ценность генеалогических исследований и делает необходимым их комплексное привлечение к изучению проблемы ротации Государева двора.

О.Б. Бокарева (Москва)

«Персидская» посольская книга № 7 (1650–1711 гг.) как исторический источник

Изучаемая книга является седьмой в хронологическом порядке «персидских» посольских книг. Под номером «7» рукопись помещена в архивной описи РГАДА (Ф. 77. Сношения России с Персией. Оп. 1. Д. 7. 1650–1711 гг. 316 л.). Всего в фонде хранятся 24 «персидские» посольские книги конца XVI — начала XVIII вв.

Книга № 7 состоит из 27 тетрадей. Формат рукописи — 4°, размер — 15,9–16 см (ширина) x 21,1–21,2 см (высота).

Книга написана на 313 листах 14 почерками второй половины XVII — начала XVIII вв. Оглавление рукописи — на трех листах. Чернила преимущественно темно-коричневые и черные. Число строк на одной странице рукописи — в среднем 20. Среднее число букв в строке — 30–33 с учетом выносных: б, д, ж, л, м, н, с, т, ф, х. Наиболее употребляемые лигатуры: де, же, ти. Исправления в тексте делались не над строкой, а в строке на месте старых букв. В рукописи две пагинации: ранняя — буквенной цифирью чернилами основного текста, поздняя — арабскими цифрами простым карандашом. Обе расположены в верхнем правом углу.

Основному тексту рукописи предшествует оглавление конца XVIII – начала XIX в. Пагинация оглавления выполнена римскими цифрами карандашом; номера листов расположены непоследовательно: IV; II об.; V; III об. Перед оглавлением в рукописи помещен лист с названием книги, относящимся к концу XVII – началу XVIII в. На нем имеются также пометы более позднего времени. В левом верхнем углу л. II проставлен старый учетный номер рукописи – «№ 3628». Он зачеркнут чернилами, вместо него в середине верхнего поля поставлен «№ 7». Еще один старый учетный номер в верхнем правом углу – «№ 38» – зачеркнут. Ниже, по центру верхнего поля, проставлены крайние даты содержания кодекса – «7137/1629 – 1711». Первая дата (7137/1629) не соответствует дате первого документа (1650 г.). Ниже первой даты книги помещено ее старинное название: «Книга о пересылке с персическими шахи о разных делах и о приездах посолских от 1654 по 1713 год». Еще ниже – приписка почерком, аналогичным почерку № 1 рукописи: «Тут же при конце выписки и о хивинских послах». Под ней – помета более позднего времени: «Сия отнята и отдана к хивинским делам 11 сент. 1782».

Внизу листа – синий оттиск печати МГАМИД диаметром 2 см.

Переплет рукописи – плотный картон в бурой коже с золотым тиснением и прорезью на верхней крышке для кожаного ремешка длиной 5,3–5,5 см. Кодекс в таком переплете имеет вид портфеля. К переплету приклеен лист плотной серо-голубой бумаги с пометой черными чернилами («старой нумерации 312 листов») и штампом. Текст пометы: «В настоящ. кн. № 7 пронумер. листов I–III + 312 + 192^a = триста шестнадцать (316) листов. 17/XII 1934».

Рукописные тетради прошиты, скреплены в середине бечевкой. В книге много литературных листов, благодаря наличию которых ее объем увеличивается до 329 листов.

Вся рукопись, кроме обложки и оглавления, написана на гладкой светлой бумаге бежевого оттенка. Основной сюжет филиграней рукописи – герб города Амстердама.

В книге имеется одна рукописная помета на полях: «правил Иван Юрьев» (л. 232).

В описях архива Посольского приказа 1626 г. и 1673 г. данная книга не фигурирует.

Состав книги следующий:

Л. 1–4: 1650 г. – приезд к царю Алексею Михайловичу персидского посла Магмет Кулы-бека с грамотами от шаха Аббаса II;

Л. 4–7: 1653 г. – отправление в Персию русского посла И.И. Лобанова-Ростовского;

Л. 7–13: 1658 г. – приезд посла Дакул-салтана от шаха Аббаса II;

Л. 13–19: 1662 г. – отправление в Персию посла Ф.Я. Милославского и гонца И. Хвостова;

Л. 19: 1668 г. – отправление к шаху Сефи II (Сулейману I) английского торгового агента Томаса Брейна;

Л. 19–22: 1672 г. – отправление в Персию посланника А.И. Приклонского и гонца П. Возницына;

Л. 22–28: 1673 г. – приезд посланника Юсуфа Эхан-бека с грамотами к царю Алексею Михайловичу от шаха Сефи II;

Л. 28–30: 1675 г. – пребывание в России и отправление в Польшу посла Магмет Усейн-бека с польским посланником Б. Гурдеем;

Л. 30–37: 1675 г. – отправление в Персию посланника Б.Е. Мышецкого и гонца Г. Долгова;

Л. 37–41: 1679 г. – отправление в Персию посланника С. Чирикова;

Л. 41–43: 1684 г. – отправление в Персию переводчика К. Христофорова;

Л. 44–160: 1692 г. – приезд посла Мухаммеда Усейн-бека от шаха Сефи II;

Л. 160–169: [1676–1681 гг.] – отправление в Персию гонца-резидента Василия Алексеева «сына Кучокова»;

Л. 170–174: 1701 г. – приезд в Москву посланника Сурахан-бека с грамотами от шаха Солтана (Султана) Хусейна;

Л. 174–181: 1707 г. – записка о приезде персидского купчины Магмет Казы-бека с грамотой от шаха Солтана (Султана) Хусейна;

Л. 182–262: 1711 г. – приезд посла Фазли Али-бека; выписки о приеме в Москве разных послов, о даче им государева жалованья;

Л. 263–312: Выписка о русских дипломатах и гонцах, отправленных в Персию, и о кызылбашских послах и посланниках, приезжавших с миссиями в Россию в конце XVI – начале XVIII вв.

Книга не опубликована, была микрофильмирована в РГАДА в 1970-х гг., упомянута в историографии (*Рогожин Н.М.* Посольский приказ: Колыбель российской дипломатии. М., 2003. С. 187).

К.Г. Боленко (Москва)

Усадьба Архангельское на открытых письмах конца 1900-х – 1930-х годов

Появление и быстрый рост популярности иллюстрированных открытых писем сопровождался складыванием разных тематических жанров, в том числе видовой открытки. Одной из ее разновидностей в России стали открытки с изображением дворянских усадеб. В их числе было подмосковное Архангельское, принадлежавшее семейству князей Юсуповых. Частично комплекс дореволюционной филокартической Архангелины собран и опубликован (*Русская усадьба в старинной открытке: Альбом с аннотированным указателем / Под ред. И.Н. Слюньковой [из коллекции П.Д. Цуканова].* М., 2003. № 1–15; Девять открыток (семь дореволюцион-

ных, а две датированные 1930-ми гг.) см.: *Буторов А.В.* Князь Николай Борисович Юсупов: Вельможа, дипломат, коллекционер. М., 2003. С. 330, 346, 410, 463, 504, 505, 585, 596, 597, 600, 603, 605. См. также: *Шамурин Ю.И.* Подмосковные. М., 2007. С. 71, 77), однако самая крупная публикация насчитывает всего 15 открыток трех разных серий. Кратковременный поиск по четырем хранилищам дал куда более значительные результаты; в докладе подведены итоги этого поиска.

Во-первых, это хорошо известная серия открыток, изданных в фототипии известного московского фотографа П.П. Павлова (1860–1925) в начале XX в. Серия отличалась высокими художественными достоинствами, состояла как минимум из 25 открыток и была, видимо, самой представительной (самая крупная коллекция хранится в музее-усадьбе «Архангельское»).

Вторая серия была выпущена в издательстве А.А. Горожанкина в Москве в 1911 г. Выходные данные помещены на лицевой стороне; там же пояснительные надписи: название усадьбы и фамилия владельцев на русском языке и указание на ее местонахождение – на французском. Выявлено две открытки.

Имеется открытка с изображением пруда в Архангельском, у которой текст на лицевой стороне несколько отличается по шрифту и составу от того, что помещен на первых двух открытках, и отсутствуют выходные данные. Надписи на обороте этой и предыдущих открыток совпадают. Сохранилась также открытка, полностью совпадающая с одной из первых двух как по изображению, так и по нанесенному на лицевую сторону тексту, однако на обороте нанесены другие надписи другим шрифтом. Возможно, в обоих случаях мы имеем дело с переизданиями серии.

Третья серия выходила в издательстве «Фото-тинто Товарищества "Образование"». Выявлено восемь открыток. Отличительные признаки – отсутствие текста на лицевой стороне и одинаковый текст на обороте: «Архангельское гр. Юсупова».

Не исключено, что отдельную серию составляют семь открыток без текста и полей на лицевой стороне с профессионально выполненными изображениями интерьеров усадьбы (Русская усадьба в старинной открытке. № 8–10, 12–15).

Итого, после беглого поиска удалось выявить 45 дореволюционных фотографических открыток минимум в четырех сериях.

Особняком стоят открытка 1907–1908 гг. с репродукцией картины А.В. Средин (1872–1934) «Ротонда в Архангельском. Имение кн. Ф.Ф. Юсупова, гр. Сумарокова-Эльстон» (собрание автора) и открытка с репродукцией портрета З.Н. Юсуповой кисти Ф. Фламенга, выпущенная в 1905 г. в типографии Р. Голике и А. Вильборг в технике фототипии, под номером 1888 (*Вульфсон Ю.Н.* Иллюстрированный каталог открытых писем в пользу Общины св. Евгении. [1]: № 1–2000. М., 2005. С. 350, 457

(Тип оборота 14а). В альбоме П.Д. Цуканова она указана как изданная в «Издательстве К.К.»).

В историографии раннего периода истории музея-усадьбы (дворца-музея) «Архангельское» остаются лакуны, одна из которых – посвященные Архангельскому издания, в том числе осуществленные самим музеем. Хуже всего обстоит дело с открытыми письмами 1920-х – 1930-х гг.

В 1928 г. Издательством Московского коммунального хозяйства была выпущена серия авторских открыток известного фотомастера Ю.П. Еремина (1881–1948). Известны две открытки серии 1928 г.: «Лестница с “трельажной” беседкой и фигурой Амура» и «Статуя Флоры в нижней части парка» (Выходные данные: Моск. Гублит № 14018. Москва. 1928. ГОЗНАК). Кроме названия, имеется историческая аннотация.

Музей выпустил первые открытки в конце 1928 – начале 1929 г. Известны 11 штук, и они представляют собой единую серию (Меццо-тинто Сокрайшефсовета Москва. Мосгублит № 61375). Датировка произведена по косвенному признаку: разрешение на издание было дано Мосгублитом, просуществовавшим до 1929 г. (решение о переименовании губернии в область было принято в январе со вступлением в силу с октября).

Сохранилась открытка с фотографией въездных ворот, аналогичной той, что входила в музейный комплект 1928–1929 г., но она была издана уже не музеем, а Музейным подотделом МОНО. Тот же подотдел издал открытку с видом парадного двора. Обе изданы в рамках одной серии. При этом МОНО публиковал иную фотографию парадного двора; то есть, одна серия не была полным повторением другой.

В том же издательстве Меццо-тинто Сокрайшефсовета не ранее 1929 г. серия музейных открыток была повторена (Мособлит № 7295). Сохранились открытки с изображением зала Тьеполо, Вестибюля, Антикового зала, сцены усадебного театра с одним из комплектов декораций Гонзаго (Мраморного зала) и с видом на партер из окна второго этажа Большого дома (оригинальное название изображения – «Вид парка с птичьего полета»). Последняя открытка позволяет предполагать неполное совпадение комплектов; вряд ли в один набор входили такие похожие открытки, как «Вид парка с птичьего полета» (1929 г.) и «Террасы» (1928/1929 гг.).

Таким образом, в довоенный период вышло не менее четырех серий фотооткрыток, посвященных Архангельскому, общим количеством не менее 20 штук.

Обращение к открытке открывает новые перспективы изучения музейной коллекции фотографий довоенного периода, их датировки и атрибуции. Из наиболее перспективных задач этого направления, видимо, стоит признать более пристальное изучение творчества Ю.П. Еремина. Необходимо продолжать обследование государственных и ведомственных музеев и библиотек, а также обратиться к коллекционерам.

**Территориальное размещение карельских крестьян-переселенцев
во второй половине XVII – начале XVIII в.
(Историко-географический и источниковедческий анализ)**

*Работа выполнена при финансовой поддержке
РГНФ, проект № 15–01–00086*

Актуальной научной проблемой является создание полноценной источниковой базы для изучения этноэкономического освоения отдельных территорий Русского государства во второй половине XVII – начале XVIII в. В связи с этим особый интерес представляет история заселения Бежецкого края в указанное время. Она тесно связана с историей исхода карел в центральную Россию, преимущественно в Бежецкий Верх и Новоторжский уезд. В отечественной и зарубежной историографии показано, что причины его коренятся в русско-шведских отношениях рубежа XVI–XVII вв. (Андреева Л.Ю. Верхневолжские карелы: Формирование и историческое развитие в условиях Российской империи. М., 2011; Жербин А.С. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956; Киркинен Х., Невалайнен П., Сихсо В. История карельского народа. Петрозаводск, 1998; Салохеймо В. Рождение Тверской Карелии // Прибалтийско-финские народы. Ювяскюля, 1995. С. 461–462; Середа Н.В. Тверской край в период становления российского самодержавия (конец XV – XVII вв.). Тверь, 1991; Смирнов А.К. Поречье Бежецкого края. Исторический обзор. М., 2015; Савинова А.И., Степанова Ю.В. Тверские карелы в XVIII в.: территориально-демографическая характеристика // Carelica. Научный электронный журнал. 2014. № 2; Климин И.И. Очерки по истории Бежецкого уезда Тверской губернии. Ч. 1, 2. СПб., 2002).

Бежецкий Верх – территория в верховьях реки Мологи. В период существования Новгородской боярской республики являлся центром Бежецкой пятины. В конце XIV – начале XV в. Бежецкий Верх был присоединен к Московскому княжеству. В эпоху Смуты его территория подверглась оккупации и разорению Швецией. В 1613 г. край был освобожден от шведских войск. По заключенному между Швецией и Россией в 1617 г. Столбовскому миру на земли Бежецкого Верха и Новоторжского уезда стало переселяться карельское население из переданного Швеции Корельского уезда (ныне Карельский перешеек). К середине XVII в. в Бежецкий Верх (уезд), а также в соседний Новоторжский уезд переселилось более 25 тысяч человек, а всего за весь XVII век – до 50 тысяч. Выбор Бежецкого Верха и Новоторжья для поселения выходцев из Корельского

уезда, переданного Швеции, вполне объясним обезлюдением и запустением этих территорий в годы Опричнины и Смуты.

Источником для изучения колонизации переселенцами-корелянами Бежецкого Верха во второй половине XVII в. является «Записная книга государевых «корелян» Бежецкого Верха» стольника Ф.М. Аксакова 1661–1662 гг., сохранившаяся в копии (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Кн. 1451. Л. 151–267 об.). В результате описания Ф.М. Аксакова в монастырских, частновладельческих вотчинах и поместьях «на государя» было отписано 485 дворов корелян «нового выхода» и 658 дворов корелян «старого выхода» (мигрировавших из Швеции в итоге войны 1656–1658 гг. и до нее – Там же. Л. 191, 234). В них проживало 3665 чел. м. п. (Там же. Л. 234).

Рассматриваемый источник ярко отразил политику правительства царя Алексея Михайловича, направленную на существенное пополнение доминиальной собственности силовым способом. Он отразил также политику правительства, направленную на ограничение роста церковных имуществ с целью подчинения Церкви общегосударственной системе централизации, что свидетельствует о секуляризационных тенденциях этой политики.

Ф.М. Аксаковым в 1661 г. было «записано на государя» и население карельских деревень, основанных на дворцовых землях. После 1661 г. и до конца XVII в. карельские поселения на дворцовых землях Бежецкого Верха описывались по наказам из Тайного приказа, а затем из Приказа Большого дворца восемь раз по разным формулярам. Из писцовых книг, отложившихся в результате этих описаний, в подлинниках и полностью сохранились только две – составленные О.Н. Лихаревым и Ф. Космыниным в 1667 г., а также стольником В.Ф. Рязановым в 1682 г. (РГАДА. Ф.1209. Оп. 1 Кн. 11461, 562). Подлинники всех остальных погибли во время пожара 1737 г. В Дворцовом же отделе архива находятся копии еще шести писцовых книг.

В названных писцовых книгах зафиксировано 14 карельских дворцовых волостей с живущими деревнями. Они образовали несколько районов в составе того крупного анклава расселения карел в Тверском крае, который выявлен исследованиями А.С. Жербина, А.Н. Головкина, А.И. Савиновой и Ю.В. Степановой. Карельские дворцовые волости Пятницкая и Борисоглебская, а также Сандовская и Мышкинская располагались в северной части Бежецкого (Городецкого) уезда в области течения рек Рена, Ратына, Ретишина, Суховетка, составляющих бассейн рек Мологи (Там же. Ф. 1239. Оп. 2. Кн. 1450. Л. 62, 168, 113, 223; Кн. 1451. Л. 287 об, 293, 296 об.) С северо-востока с ними граничила Кейсемская карельская дворцовая волость Угличского уезда. Её поселения располагались близ реки Кейсмы, также впадающей в реку Мологу (Там же. Кн. 1450. Л. 182). Сама Кейсемская волость с востока граничила с Чамеровской карельской дворцовой волостью Ярославского уезда. Чамеровская волость также находилась в области течения реки Мологи (Кн. 1450. Л. 118). Названные

шесть карельских дворцовых волостей составляли единое пространство. Еще пять карельских дворцовых волостей – Борисоглебская Кошевская тож, Юркинская Троцкая тож, Ивицкая, Медвежигорская и Прудовская Бежецкого (Городецкого уезда) находились в области течения рек Каменка, Тепневка, Ивица – притоков реки Медведицы (Там же. Кн. 1451. Л. 287 об., 293, 296 об., 300–301 об., 311 об.) Наконец, Бельская, Михайловская и Дорская карельские дворцовые волости находились в Новоторжском уезде за рекой Медведицей, также образуя отдельный район. В качестве карельских дворцовых волостей И.Н. Морковым в 1698 г. были описаны Ильинская и Дмитровская волости Городецкого уезда, которые состояли из одних пустошей (Там же. Л. 326 об. –327). В «Свывозной и селитебной книге» стольника И.И. Сумарокова 1702 г. упоминается Шаболинская карельская дворцовая волость Угличского уезда (Там же. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 3551. Л. 335 об.–336). Таким образом, известно 17 карельских дворцовых волостей.

В конце XVII в. правительство Петра I проводило политику силового переселения карельских крестьян на дворцовые земли. Проведением этой политики обусловлено происхождение такого источника как «Свывозная и селитебная» книга новоотписных «корелян» Бежецкого Верха и Новоторжья» стольника И.И. Сумарокова 1702 г. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 3551. Л. 298–341об.). Названная книга является ценным источником изучения внутренней принудительной миграции карельских крестьян и заселения ими дворцовых земель в конце XVII – начале XVIII в. Сведения о поголовье скота и запасах карельских крестьянских семей, содержащиеся в книге И.И. Сумарокова, делают ее ценным источником изучения крестьянского хозяйства.

*Е.А. Брюханова, О.И. Чекрыжова,
Е.П. Крупочкин (Барнаул)*

Особенности работы с материалами исторических карт при создании геоинформационных систем в сети интернет

В настоящее время активно развиваются геоинформационные системы (ГИС), основанные на историческом материале, которые используются для хранения, обработки и интерпретации данных в области археологии, землепользования, миграций, истории населенных пунктов, городского пространства, социально-демографических и экономических процессов. Актуальным представляется и развитие интернет-ресурсов, основанных на исторических картах, в том числе создание on-line ГИС различной тематики. Создание таких систем требуют междисциплинарного взаимодействия историков, географов и специалистов в области инфор-

мационных технологий, в результате пользователи получают возможности пространственного анализа исторических данных в интерактивном режиме. Одним из распространенных подходов к созданию исторических ГИС on-line является адаптация данных исторических карт к современной системе координат WGS84 и последующее размещение их на одном из свободных картографических сервисов, таких как Yandex.карты или Google.карты. Представленный подход был выбран при создании web-ГИС «Профессии и занятия населения Российской империи на рубеже XIX–XX вв.» (<http://hcod.asu.ru/>). В ходе проектирования открытой геоинформационной системы стали очевидны некоторые особенности историковедческой работы с историческим картографическим материалом, требующие отдельного внимания. Выявленные особенности можно условно разделить на две группы.

Первая группа особенностей связана с анализом отобранного картографического материала: необходимо было определить не только даты создания карты, ее автора, цели создания, детальность административных границ, но и масштаб, и систему координат. В качестве основы для ГИС проекта была выбрана «Административная карта Российской Империи с показанием железных и почтовых дорог» с врезками Азиатской России и Привислинских губерний. Карта выпущена в 1907 г., автор карты П.Ф. Петищ, масштаб – 100 верст в английском дюйме. Карта, сопровождаемая обширным описанием, составленным по официальным данным А.Е. Рябченко, отражает города, станции, пути сообщения, государственные, губернские и уездные границы (Административная карта Российской Империи с показанием железных и почтовых дорог. С.-Петербург: Военная типография, 1907). Стоит отметить, что создаваемая ГИС основывалась на статистических данных переписи 1897 г. Тем не менее, выбранная карта (1907 г.) обладала рядом преимуществ: прежде всего, отличалась детальностью уездных границ, а также отражала административно-территориальные единицы, границы которых к концу XIX в. не были определены, но статистические данные по которым были представлены отдельно. Например, в 1894 г. Бийский округ Томской губернии был разделен на два: Бийский и Змеиногорский, в материалах переписи данные представлены по двум округам (Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXXIX. Томская губерния. СПб., 1904. С. 1), тем не менее, постоянной границы проведено не было. В Забайкальской области аналогичная ситуация сложилась с Читинским, Троицкосавским и Верхнеудинским округами (Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXXIV. Забайкальская область. СПб., 1904. С. 1). В таких случаях мы ориентировались на границы, утвержденные позже. Еще одним преимуществом выбранной карты стало наличие координатной сетки, позволившей соотнести ее данные с современными картами.

Вторая группа особенностей обусловлена необходимостью «синхронизации» данных исторических и современных карт. На данном направлении дополнительного исследования требовала работа с гидрообъектами, а именно учет изменений русел рек, береговой линии озер и морей (например, Каспийского моря), появление водохранилищ. Так как границы уездов и губерний часто проходили по рекам, то изменение рельефа гидрообъектов могло привести к искажению границ. Данная работа продолжается.

Отдельного внимания потребовала работа по локализации исторических городов в современной системе координат. Стоит отметить, что большинство городов конца XIX в. продолжили свою историю и существуют на современных картах, с локализацией таких городов не возникает трудностей. Вместе с тем, необходимо учитывать следующие аспекты:

- изменение названий городов, например, город Ставрополь Самарской губернии в настоящее время носит название Тольятти,
- изменение месторасположения: город Тольятти (Ставрополь в материалах переписи 1897 г.) был перенесен в связи со строительством Куйбышевского водохранилища,
- изменения городского статуса, например, город Уссурийск получил статус города через год после проведения переписи, в 1898 г., поэтому данных по этому городу в материалах переписи нет, и они не могут быть отражены на карте; другая ситуация – уездный город Гижига Приморской области исчез, а расположение существующего ныне села Гижига не совпадает с местом исторического города.

Таким образом, работа с данными исторических карт и «синхронизация» их с современной системой координат требует дополнительных исследований и привлечения материалов, в том числе, письменных источников.

А.М. Булатов (Москва)

Картографическая Rossica: кинокефалы карт России и сопредельных земель

Интерес к изображениям чудищ на старинных гравированных географических картах земель, которые много позже станут землями нашего государства, возник в связи с изданием книги, посвященной морским чудовищам (*Чет Ван Дузер. Морские чудовища на картах Средних веков и эпохи возрождения. М., 2017*). Карты, рассмотренные в этом сообщении, были выпущены в свет до издания первой карты Московии в 1548 г.

Земли будущей России были описаны во II в. н.э. Клавдием Птолемеем в его *Географии* и изображены на картах, вычерченных самим Птолемеем или его последователями. Его *Карта мира* и некоторые региональ-

ные: VII Европы, II Азии, VII Азии и VIII Азии показали земли, лежащие к востоку от современного Балтийского моря, что приблизительно соответствует землям современной России (Античная география / Сост. М.С. Боднарский. М., 1953. С. 286–323; Древний Восток в античной и раннехристианской традиции / Сост. Г.А. Таронян. М., 2007. С. 212–247).

Отсутствие морей на севере и востоке «русских земель» на картах Птолемея определило предмет – вместо морских, чудища должны быть сухопутными. До появления карты, на которой впервые будут изображены чудища «русских земель», уже была выпущена в свет *Всемирная хроника* Гартмана Шеделя 1493 г., в которой были собраны изображения двадцати одного чудища (*Schedel Hartmann. Chronicle of the World. The Complete and Annotated Nuremberg Chronicle of 1493. Köln, 2001. Bl. XII, Bl. XII rev.*), а первым из них – кинокефал.

В средневековой Европе *География* Птолемея и её карты пребывали в неизвестности до IX в., когда европейцы, искавшие знаний, познакомились с собраниями арабских библиотек в Испании. Географические представления европейцев изменялись по мере освоения ими ойкумены:

- 1241 – кочевники Великого хана в Европе,
- 1246 – Иоанн де Плано Карпини и Бенедикт Поляк в Каракоруме,
- 1255 – Гийом де Рубрук в Каракоруме,
- 1298 – Книга Марко Поло,
- 1375 – *Каталанский атлас* Крескеса Абрахама,
- 1459 – Картина мира Фра Мауро,
- начало XV в. – рукопись Птолемея привезена из Греции в Италию,
- 1450 – изобретение книгопечатания,
- 1472 – первая карта в книге (*Этимологии* Исихора Севильского),
- 1475 – первое издание *Географии* Птолемея,
- 1477 – первое издание *Географии* Птолемея с картами,
- 1492 – *Глобус* Мартина Бежайма,
- 1492 – Христофор Колумб в Новом Свете,
- 1494 – Тордесильяский трактат,
- 1497 – Америго Веспуччи в Новом Свете,
- 1498 – Васко да Гама в Индии,
- 1502 – Педру Кабрал в земле Санта-Крус (Бразилия) и Индии,
- 1513 – *География* Птолемея издана Мартином Вальдземюллером,
- 1522 – Плавание Магеллана.

В самом начале XV в. учёные Европы получили перевод *Географии* Птолемея на латынь, а в 1475 г. этот перевод был издан в Виченце. Первое издание с гравированными картами появилось в Болонье в 1477 г. Этот труд Птолемея изданиями разных форматов, с картами разных гравёров на меди и на дереве, с текстами на латыни, итальянском или греческом языках, печатали в разных городах Европы: в Риме, Флоренции, Ульме, Венеции, Страсбурге, Лионе, Вене, Базеле, Дуйсбурге, Кёльне,

Амстердаме, Франкфурте, Лейдене, Утрехте, Падуе и Арнеме (*Morel-and C., Bannister D. Antique maps. London, 1998. P. 301*). В 1730 г. он был выпущен уже в 41-й раз. За два с половиной века с начала издания, *География* Птолемея с картами выпускалась в свет, в среднем, каждые шесть лет. На русском языке ни одного издания этого памятника не существует.

К концу XV в. количество карт в *Географии* стало увеличиваться, к стандартному набору, насчитывающему одну карту мира и 26 карт его частей, издатели стали добавлять «новые» карты земель расширяющегося мира. *Географии* Птолемея разных издателей будут содержать:

47 карт (М. Вальдземюллер, Страсбург, 1513),

54 карты (С. Мюнстер, Базель, 1545),

69 карт (Дж. Рушелли, Венеция, 1598).

Карты Птолемея были основаны на разном материале: и на географических координатах, и на рассказах путешественников. Птолемей отдаёт предпочтение координатам, полученным астрономическими определениями с помощью астролябии (Античная география. С. 289). Используя другой род сведений, полученных от купцов, которые «не заботятся об исследованиях истины, будучи занятые торговлей, и часто даже преувеличивают расстояния из хвастовства» (Там же. С. 299), Птолемей вносит поправки при их использовании. Однако, даже уменьшение им этих расстояний оказывалось недостаточным, ошибки карт Птолемея оказались такими, что устье реки Танаис (р. Дон) располагается на широте $54^{\circ}30'$, в результате чего очертания Меотийского озера (Азовское море) вытянуты к северу на дополнительные 7° . Земли, лежащие к северу от Меотиды и к востоку от реки Ра (р. Волга), со всеми изображёнными на картах реками и горами, следует считать вымыслами античных географов, которые воспроизвёл Птолемей. Именно эти земли на краю птолемеевской Ойкумены, проверить сведения о которых тогда было невозможно, стали удобным местом для размещения на них чудищ земных.

На своей двенадцатистовой *Carta Marina Navigatoria Portvgallen...* 1516 г. Мартин Вальдземюллер изобразил фигуры нескольких чудищ восточнее Каспийского моря, среди которых можно узнать кинокефалов, чудища с лицом на груди, антропофага и др. (*Die älteste Karte mit dem Namen Amerika aus dem Jahre 1507 und die Carta Marina aus dem Jahre 1516 des M. Waldseemüller (Ilacomilus) / The oldest map with the name America and the Carta marina of the year 1516 by M. Waldseemüller (Ilacomus) / Hrsg. von J. Fischer und Fr.R. von Wieser. Innsbruck, 1903 [repr.: Amsterdam, 1968]*).

Все пять базельских изданий *Географии* Птолемея Себастьяна Мюнстера содержат ксилографированную карту *Tabvla Asiae VIII*, на которой изображены: кинокефал, люди с лицом на груди, антропофаги, человек об одной ноге и карлики, сражающиеся с журавлём.

Упоминания о кинокефалах встречаются в многочисленных повестях о походах и деяниях Александра Македонского, в Откровении Мефодия Патарского (Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. М.; Л., 1966. С. 42; Учение об Антихристе в древности и Средневековье. СПб., 2009. С. 439; Повесть о рождении и победах Александра Великого. СПб., 2004. С. 178). В этих текстах кинокефалы оказались одним из тех «нечестивых народов», которые Александр прогнал к крайним пределам севера и затворил их там медными воротами вместе с Гогом и Магогом. На картах Птолемея есть и другие имена и объекты, связанные с Александром Македонским: несколько городов, основанных Александром – г. Александрия, колонны и алтарь Александра, Албанские (Каспийские) ворота, земли амазонок.

После карт Мюнстера изображение кинокефала на европейских картах России мне не встречалось, европейские путешественники о них не упоминали. В конце XVII в. неведомые земли северо-востока Азии изобразил на своей карте 1687 г. Николаас Витсен. Учёный мир уподобил эту карту открытию Колумба, а составитель первого перечня старинных карт России Герард Миллер отметил: «Сей картой начинается новый период в землеописании и истории ландкарт России» (*Миллер Г.Ф. Избранные труды.* М., 2006. С. 672). В 1730 г. капитан Беринг, вернувшийся из Первой Камчатской экспедиции, привёз карту восточного побережья России, основанную на астрономических определениях (*Греков В.И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725–1765 гг.* М., 1960. С. 42). Так край Ойкумены дошёл до берега Океана на востоке. Мест для обитания кинокефалов и других чудищ не стало окончательно. В России память о них сохранили лубочные картинки (Александр Великий. Путь на Восток. СПб., 2007. С. 453).

Все изображения, без которых текст этого сообщения оказывается неполным, будут доступны на сайте *Картографическая Rossica* – www.old-rus-maps.ru/2017-kino.pdf.

Ю.И. Быкова (Москва)

К вопросу о создании медали «В честь князя А.Б. Куракина» 1810 г. из собрания Музеев Московского Кремля

В собрании Музеев Московского Кремля хранится уникальная серебряная медаль (ММК. Инв. № ОМ-355), созданная на монетном дворе в Париже в 1810 г. по заказу русского посла во Франции князя Александра Борисовича Куракина (1752–1818). Памятная медаль посвящена чудесному спасению князя из пожара, случившегося в Париже 1 июля 1810 г. на празднике, данном австрийским послом князем К. Шварценбергом по случаю бракосочетания императора Наполеона с эрцгерцогиней Марией-

Луизою. По словам очевидцев, во время страшного пожара, в котором погибло около 20 человек (в том числе и жена самого австрийского посла), князь вел себя очень достойно. Несмотря на всеобщую панику и сильные ожоги, он продолжал вежливо пропускать вперед себя к выходу потерявших самообладание светских дам. В результате уже находящегося без сознания князя вытащили из здания французские офицеры. Выздоровление Куракина долгое время считалось сомнительным, хотя его окружали лучшие парижские врачи, в том числе личный доктор Наполеона (*Шильдер Н.К.* Катастрофа на балу у князя Шварценберга в 1810 году // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Сердобский научный кружок и уездный музей. Т. 3. СПб., 1897. С. 209–226).

На лицевой стороне медали изображен портрет князя и надпись: «ALEXANDER BORISSOWICZ PRINCEPS KURAKIN N. 18 Jan. A. 1752» (внизу подпись мастера – J.P. DROZ. F). Князь Александр Борисович Куракин был известен своей любовью к портретированию. Его писали почти все крупные мастера «россики» второй половины XVIII в.: А. Рослин, Р. Бромптон, М.Л.Э. Виже-Лебрен, Ж.Л. Вуаль, Л. Гуттенбрунн, а в период его пребывания за границей – такие иностранные мастера, как Г. Лундберг, П. Батони, Ж. Руа, И.Б. Лампи-младший, Ж.Б. Реньо, Ж.Д. Мунере и другие. Из представителей русской школы, создававших портреты князя, следует прежде всего назвать В.Л. Боровиковского и А.Х. Ритта. Зачастую князь предпочитал заказывать «программные» портреты, связанные с определенными событиями в своей жизни или какими-либо темами, волнующими его. Например, портрет И.Б. Лампи-младшего (ГРМ, 1807, повтор – Ярослав. худ. музей, 1811), посвященный заключению Тильзитского мирного договора, или полотно кисти В.Л. Боровиковского с мемориальной темой императора Павла I (ГТГ, 1801–1802) и многие др. (*Быкова Ю.И.* Частный заказ в русском искусстве XVIII – начала XIX века и князя Куракины. М., 2016).

На медали князь изображен со всеми имеющимися на данный момент наградами. Особое место среди них занимает французский орден Почетного легиона, который дипломат получил от Наполеона в 1807 г. за участие в подписании Тильзитского мирного договора. Предположительно, основой для создания профильного портрета Куракина на медали послужила гравюра Ж. Руа, выполненная в августе 1810 г., на которой князь изображен в профиль, без парика, сидящим в кресле с забинтованной левой рукой. Благодаря фотографии с Таврической выставки 1902 г. известен еще один профильный портрет князя, датируемый временем между 1802 и 1807 гг. и приписываемый В.Л. Боровиковскому (местонахождение оригинала неизвестно).

На оборотной стороне медали, реверсе, изображена лавровая и дубовая ветви, а также надпись «DIVINO AUXILIO / EREPTUS FLAMMIS / AD / SUORUM OMNIUMQUE / FELICITATEM / PARIS IIS / I. JULII. / A.D.

MDCCCX». («С Божьей помощью спасен от огня для всеобщего счастья. Париж. 1 июля 1810»). Символическое значение лавровой ветви – победа, награда за храбрость, мужественные подвиги, а дубовая ветвь «есть обозначение заслуг тех, кои своим подвигом спасали жизнь сограждан своих» (Эмблемы и символы. М., 2000. С. 53). Таким образом, к традиционным для монет и медалей того времени лавровым веткам, согласно концепции медали (помощь князя в спасении людей на балу), добавляется и дубовая ветвь.

Медаль выполнил известный медальер Жан Пьер Дроз (1746–1823), работавший на Парижском монетном дворе. Швейцарец по происхождению, Дроз получил начальное образование у своего отца. В 1764 г. он приехал в Париж для продолжения учебы в гравировальном искусстве. Его первая памятная медаль относится к 1780 г. В 1786 г. Дроз за модель монеты «Экю де Калонн» получил награду из рук министра финансов Франции. Эта монета была отчеканена Парижским монетным двором с надписью на канте, для которой гравер использовал шестичастные кольца (*virole brisée*) собственного изобретения. Дроз также известен как изобретатель прогрессивного метода тиражирования монет (процесс был более быстрым, а монеты печатались значительно точнее). Некоторое время он работал в Англии на монетном дворе Мэтью Болтона в Бирмингеме (Сохо). Возвратившись во Францию в 1799 г., он был избран на должность хранителя Монет и Медалей в Парижском монетном дворе. Этот пост он занимал в течение всей наполеоновской эпохи. Среди его известных работ – медаль, посвященная коронации Наполеона в 1804 г., медаль в честь заключения Тильзитского мирного договора 1807 г., монеты в 20 и 40 франков, на которых он выгравировал портрет Наполеона (находились в обращении с 1804 по 1814 гг.), а также шаблоны для монеты, отчеканенной в 1815 г. с номиналом в пять франков и посвященной знаменитым «Ста дням» (периоду возвращения Наполеона после изгнания) и др. (*Forrer L. Biographical Dictionary of Medallists, Coin-, Gem- and Seal- Engravers. 500 B.C. – A.D. 1900. London, 1904–1930. Vol. 1. P. 429–442*).

Памятная медаль в честь А.Б. Куракина была исполнена в двух материалах – в серебре и в бронзе (с позолотой). Серебряная медаль является большой редкостью. Естественно, более широкое хождение имели бронзовые медали. Их и сейчас можно видеть на различных аукционах и в собраниях государственных музеев (например, ГИМ. Инв. И IV 203). Некоторые из них сохранились в оригинальных круглых футлярах. Известны случаи, когда медаль вмонтирована в табакерку (к примеру, частное собрание С.А. Васильева).

Таким образом, благодаря желанию заказчика увековечить значимое событие своей жизни в медали и постоянной «привычке» А.Б. Куракина заказывать свои портреты у лучших мастеров своего времени, на свет появилась памятная медаль, занявшая достойное место в медальерном искусстве XIX столетия.

Особенности формирования кириллических компиляций в конце XIX – начале XX в. (на примере рукописного старообрядческого сборника из собрания ОР РНБ)

За долгий период своего существования старообрядческая компилятивная культура прошла длительный путь изменений и трансформаций. На каждом этапе своего бытования она стремилась наиболее полно выражать догматические и бытовые потребности старообрядческих общин. Совершенно особый вид компиляции приобрели на рубеже XIX–XX вв., когда старообрядческая вероучительная доктрина подверглась значительной «демократизации» под влиянием ряда общественно-политических процессов.

Весьма отчетливо подобные изменения мы можем проследить на примере компиляции из Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, хранящейся под шифром Q 506 (РНБ. НСРК. Q 506). Обращение к первой главе показывает, что данный сборник был написан в эпистолярном стиле и являлся ответом некоей Доросиде Васильевне на два посланных ею годом прежде сочинения об антихристе. Именование собеседницы «почтенной старицей» и «...пожелание от Бога всякого блага...» дают нам понять, что между собеседниками установились крайне доброжелательные и духовно-близкие отношения. Это, ввиду крайнего религиозного радикализма составителя, который обнаруживается впоследствии, указывает на принадлежность обоих авторов к одному старообрядческому согласию.

Как и Доросида Васильевна, составитель сборника был пожилым человеком, о чем свидетельствует его нежелание писать большую книгу, так как она «превышает нашу дряхлость». Наравне с отказом создавать большое произведение старец сообщает и о нецелесообразности написания «малых» книг, так как они не дают возможности раскрыть тему достаточно подробно. Кроме того, очень образно и лаконично автор постулирует основания, которые должны выражать жанровую природу сборников. По его словам, большинство вероучительных тем уже достаточно широко описано в литературе «как исторически, так и аллегорически», причём «как аллегория без истории не бывает, так и история без аллегории не оживляется» (РНБ. НСРК. Q 506. Л. 2 об.–3). Тем самым составитель указывает на широко распространенную в среде старообрядческих книжников тенденцию использования рационалистических и художественно-эмоциональных аргументов в доказательство своего вероучения.

Поскольку очень немногие старообрядческие авторы оставили упоминания о причинах, определявших состав и «устройство» их компилятивных произведений, рассматриваемый памятник книжности является цен-

ным свидетельством того, что староверы имели четкое представление о критериях, которым должно соответствовать содержание сборников, а не создавали свои подборки хаотическим образом.

Рассуждениям составителя об антихристе предпослана ремарка о том, что его «неученый науками ум вряд ли может коснуться такой глубины». Данное замечание свидетельствует об авторе как носителе весьма прогрессивных взглядов относительно характера ведения полемики. Придерживаясь крайне консервативных воззрений на предмет догматического противостояния «никониан» и «раскольников», книжник тем не менее значительно переосмысливает «методологию» и средства эристики. Думается, составитель сборника являлся представителем «переходного» поколения старообрядцев, находившихся под строгим контролем устоявшейся книжной традиции, но вместе с тем осознававших необходимость её адаптации к новым общественно-политическим условиям (*Пругавин А.С.* Запросы и проявления умственной жизни в расколе // *Русская мысль*. 1884. Кн. 1. С. 161–198, здесь С. 168).

Во второй главе книги налицо тесное переплетение богословских рассуждений старообрядческого книжника с опубликованным в 1816 г. епископом Филаретом (Дроздовым) «Начертанием церковно-библейской истории». Отметим, что данная глава является естественным продолжением предыдущей части компиляции, где составитель широко распространялся о засилье в книжной традиции исторической проблематики без какого-либо духовного её осмысления. Текст епископа Филарета, таким образом, становится наиболее показательным проявлением столь негативной, по мнению старовера, тенденции.

Цитируя «Книгу Фотия...», составитель сборника признаёт допустимость выплаты дани царю ради сохранения веры (РНБ. НСРК. Q 506. Л. 83 об.). Следующий фрагмент той же книги со ссылкой на «исторические материалы и документы» прославляет пустынножительство в качестве одной из нераздельных с покаянием добродетелей (Там же. Л. 86).

Примечательно, что следующие три сочинения вступают в существенное противоречие с ранее высказанным. Одобряя, как и прежде, укрывательство в пустынях, старец подчеркивает, что бегство должно являться естественной реакцией староверов на попытки сбора с них податей (Там же. Л. 90). Думается, что наличие в сборнике двух диаметрально противоположных мнений по столь значимому для староверов вопросу, как отношение к действующей светской власти, являлось попыткой книжника особенно эффектно преподнести читателю наиболее предпочтительную для составителя точку зрения. Сходные примеры уже описывались М.В. Першиной при рассмотрении беспоповской книжности (*Першина М.В.* Филипповская община г. Тюмени и Братский двор // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2009. № 3. С. 19–23, здесь С. 23).

Можно весьма уверенно определить автора как приверженца старообрядческого согласия странников. Наиболее явным указанием на это являются многочисленные призывы читателей к бегству из мира, чаще всего встречающиеся в заключительных главах книги (РНБ. НСРК. Q 506. Л. 90, 93, 95 об.).

Итак, интересующая нас компиляция относится к началу XX в. и происходит из среды старообрядцев-странников. С целью наиболее эффективного воздействия на читателей составитель строго регламентировал структуру композиции, уделяя особое внимание оптимальному, с его точки зрения, объему, а также «взаимодействию» глав с использованием художественно-эмоциональной и рационалистической форм повествования. Составителю сборника присущи довольно неординарные воззрения, соединявшие вероучения различных толков староверия. Пользуясь весьма прогрессивной, с точки зрения «старолюбцев», формой ведения полемики, компилятор при этом сохранял крайне радикальные взгляды на предмет межконфессионального взаимодействия и сотрудничества «истинных христиан» с государственными структурами.

И.А. Вознесенская (Санкт-Петербург)

Неизвестный экземпляр гравированного портрета царевны Софьи из собрания БАН

История создания гравированных портретов царевны Софьи Алексеевны подробно представлена в статье М.А. Алексеевой (*Алексеева М.А. Портрет царевны Софьи гравера Тарасевича // ПКНО. 1975. М., 1976. С. 240–249*). Опираясь на показания из «Розыскных дел о Федоре Шакловитом и его сообщниках» (Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Изд. Археографической комиссией. Т. 1–4. СПб., 1884–1893), исследовательница убедительно доказала, что заказанный Федором Шакловитым через дьяка Андрея Виниуса в Амстердаме в 7195 (1686/87) г. гравированный портрет Софьи представляет собой известную гравюру с латинскими стихами. Шакловитый принес Виниусу рисунок, сделанный по образцу западно-европейской гравюры цесаря Римского в окружении семи «курфюрстов» на орле, только вместо «курфюрстов» вокруг портрета Софьи должны были находиться добродетели. Рисунок был послан Виниусом Николаю Витгену в Голландию, и вскоре Авраам Блотелинг напечатал около 100 экземпляров этой гравюры. М.А. Алексеева указала два экземпляра этой гравюры, которые в настоящее время хранятся в РНБ и ГМИИ. Портрет Софьи помещен в центр гравюры, по овалу в три строки титул на латыни, вокруг семь медальонов с аллегорическими фигурами добродетелей с латинскими обозначениями, внизу латинские стихи, прославляющие царевну, в два столбца. Двуглавый орел в настоящей гра-

юре отсутствует. Д.А. Ровинский полагал, что этот портрет был вторичен по отношению к такой же гравюре, выполненной Леонтием Тарасевичем, только с текстом на русском языке. Описывая портреты Софьи, Ровинский под № 5 помещает «несохранившийся» оригинал Леонтия Тарасевича, под № 6 – копию этого портрета, исполненную в 1777 г. А. Афанасьевым, и только под № 8 он помещает гравюру А. Блотелинга, называя ее копией с гравюры Тарасевича (Афанасьева) (*Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов*. Т. II. СПб., 1889. Стлб. 1656–1663).

М.А. Алексеева обратила внимание на то, что в розыском деле говорится о том, что в 1689 г. на загородном дворе Федора Шаковитого гравер Тарасевич и учитель Богдановский печатали на листах персону великой государыни в орле. Таким образом, исследовательница пришла к выводу, что Тарасевичем мог быть изготовлен только портрет Софьи Алексеевны с царскими регалиями на тулове двуглавого орла и семью медальонами с добродетелями и виршами внизу из собрания А.Е. Пальчикова, который был опубликован в 1895 г. (*Алексеева М.А. Портрет царевны Софьи*. С. 242. См.: *Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов XVI–XIX вв.* Т. 2. СПб., 1895. Стб. 988).

В основном собрании БАН (30.2.52) находится гравированный портрет Софьи Алексеевны, который в описи назван «копией с портрета царевны Софии Алексеевны по гравюре Л. Тарасевича», середины XVIII в. Однако это – гравюра Авраама Блоделинга конца XVII в. Лист размером 42,1 x 30,6 см с латинским текстом. Филигрань бумаги *Strasburg bend* с литерами C&IHonic, которую можно датировать 1683 г. (сходна с № 429 у Черчиля).

Можно предположить, что это та самая гравюра, с которой в 1777 г. была сделана копия А. Афанасьевым в русском переводе и которая затем исчезла из поля зрения исследователей. Ровинский заметил, что «экземпляр этой гравюры находился в 1777 г. в Академии Художеств; куда он девался потом, неизвестно» (*Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов*. Т. 2. Стб. 1658–1659). В сноске Ровинский приводит цитату из Петровского сборника материалов для истории Академии Художеств (Т. 1. С. 221): «в Апреле 1777 года собранием Академии Художеств заключено было в Академию наук сообщить, дабы благоволено было публиковать о гравированном при сей Академии портрете царевны Софьи Алексеевны точного подлинника ее времен, которому эстампу подканцеляристу Векшину и производить продажу ценою по тридцати копеек». Из текста, надо сказать, совсем не значит, что подлинник хранился в Академии художеств, а не в Академии наук. М.А. Алексеева доказала, что Афанасьев копировал гравюру Блотелинга. Таким образом, историография, на протяжении долгого времени игнорировавшая сведения о том, что Тарасевич изготовил портрет Софьи на фоне ор-

ла, «создала» никогда не существовавший портрет Софьи с виршами на русском языке, которые затем были переведены на латынь.

Обратившись к розыскным делам о Федоре Шакловитом, можно с уверенностью сказать, что заказанный в Голландии Шакловитым портрет Софьи имел эскиз, образцом для которого послужила гравюра цесаря римского, то есть императора Леопольда I, с семьей «курфюрстами в орле», которых требовалось заменить «на дары сиречь добродетели» (Розыскные дела. Т. 1. С. 596). В результате на портрете, который был напечатан Блотелингом, орла нет, зато есть семь добродетелей (Prudentia, Pudicitia, Justitia, Spes Divina, Magnanimitas, Liberalitas, Pietas). По каким-то причинам А. Блотелинг не стал изображать двуглавого орла – символ имперской власти и ограничился лишь добродетелями. Латинские стихи, восхваляющие Софью, содержат перечисленные добродетели.

Какая же гравюра послужила образцом для эскизного рисунка, посланного в Голландию? Широко известен портрет Леопольда I, изображенного в Титулярнике 1672 г. Ю.М. Эскин предположил, что прототипом для этого портрета послужила гравюра, близкая к гравюре 1666 г. из собрания ГИМ (ИЗО. Я-28. П 1. № 8.) (*Эскин Ю.М. Новые данные о портретах в Титулярнике из собрания РГАДА // Русский исторический портрет. Эпоха парсуны: материалы конференции / Труды Государственного исторического музея. Вып. 155. М., 2006. С. 106.*). Однако автор перечисляет несоответствия в виде поворота фигуры в другую сторону, императорского облачения поверх лат и лаврового венка на голове, которых нет на портрете Титулярника. Скорее всего, прототипом портрета императора Леопольда I в Титулярнике послужила другая гравюра. Портретов Леопольда существовало довольно много и более близких по виду. Мы знаем, что в Москве в 1686 г. был его портрет на орле с семьей гербами курфюрств.

В.В. Волков (Ржев)

История изучения Нового Рогожского книжного собрания

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 14-01-00208а
«Научное описание старопечатных книг кирилловского шрифта
XVI – первой четверти XIX в. из собрания Библиотеки редких книг и
рукописей Русской Православной Старообрядческой Церкви»*

В последние годы внимание научной общественности все более привлекает собрание икон, облачений, предметов церковного убранства, рукописных и старопечатных книг старообрядческого центра при Московском Рогожском кладбище. Долгое время эти собрания находились на

попечении Московской Рогожской старообрядческой общины, но в первое десятилетие XXI в. работа по организации изучения и сохранения возложена на музейно-архивно-библиотечный отдел Московской митрополии Русской Православной Старообрядческой Церкви.

Нынешнее книжное собрание сформировалось в послевоенные годы XX в. и получило название Новое Рогожское книжное собрание, в отличие от того, которое формировалось на Рогожском с конца XVIII в. и до национализации Советской властью в 1918 г. Несмотря на этот «разрыв», продолжает существовать «генетическая» связь между этими собраниями.

Е.М. Юхименко, характеризуя старообрядческие библиотеки, выделяет три вида: библиотеки крупных старообрядческих центров, общин и частные собрания поборников и сторонников «старой веры» (*Юхименко Е.М. Старообрядчество: История и культура. М., 2016. С. 544–551*). Рогожское собрание интересно тем, что сочетает в себе черты всех перечисленных видов. Представляет интерес история изучения собрания.

Первой работой, посвященной Рогожскому книжному собранию следует считать брошюру А. Рыбакова «Духовная библиотека при Московской старообрядческой общине Рогожского кладбища» (М., 1911). Основную часть работы занимает обзор достижений в области церковно-библиотечного дела и рекомендации по каталогизации фонда.

В Отделе рукописей РГБ на правах самостоятельного фонда (Ф. 247) хранятся рукописи, поступившие в результате национализации 1918 г. В его составе находятся 934 ед. хранения XIV–XX вв. Обзор фонда подготовлен И.Д. Кудрявцевым (Рукописные собрания Гос. библиотеки им. В.И. Ленина: Указатель. Т. 1. Вып. 2. С. 37–52).

Помимо рукописных книг, в фонды РГБ поступили и старопечатные книги XVI–XIX вв. В отличие от рукописной, эта часть собрания только в последние годы вводится в научный оборот. В конце 2000-х гг. выходят каталоги книг кирилловской печати из собрания НИО редких книг РГБ (*Немировский Е.Л. Книги кирилловской печати 1491–1550. М., 2009; Немировский Е.Л., Емельянова Е.А. Книги кирилловской печати 1551–1600. М., 2009; Емельянова Е.А. Старообрядческие издания кирилловского шрифта конца XVIII – начала XIX в. М., 2010*). Эти описания позволяют восстановить частично фонды старопечатных книг, находившиеся в собрании до национализации.

Новое Рогожское книжное собрание впервые попадает в поле зрения общественности в 1956 г., когда выходит альбом «Древние иконы старообрядческого кафедрального Покровского собора при Рогожском кладбище в Москве» (М., 1956), подготовленный Московской архиепископией РПСЦ.

На страницах альбома, в основном, представлен краткий обзорный очерк с описанием икон XIV–XVII вв. Среди пяти представленных книг – четыре рукописи, из которых две певческие, а также дано указание на

экземпляр «Евангелия Учительного» изданного Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем в Заблудове (1569). Описательная часть в альбоме научный характер не носит: это скорее очерк популярного характера с объяснением функций предметов и агиографических особенностей.

В 1982 г. Ю.А. Лабынцевым была составлена краткая опись старопечатных книг кирилловского шрифта XVI–XIX вв., хранящихся в книгохранилище. В описи значилось 553 экземпляра книг кирилловского шрифта XVI–XIX вв.

В 2004 г. в Московской митрополии РПСЦ был создан специальный отдел, впоследствии получивший название музейно-библиотечно-архивного отдела, для работы в котором были приглашены специалисты, имеющие подготовку и опыт работы с этими памятниками, а также установлены связи со специалистами из ГИМ, ГМДРИ им. А. Рублева, музеев Московского Кремля и ряда др.

С этого времени начинаются работы Е.М. Юхименко по систематическому исследованию всего многообразного комплекса источников по истории и культуре Рогожского старообрядческого центра. В 1990–2000-е гг. ею был разработан комплексный подход междисциплинарного исследования разнообразных источников (архивных документов, памятников книжности, иконописи, декоративно-прикладного искусства, литургического назначения, геральдики, сфрагистики и др.) на примере такого старообрядческого центра, как Выго-Лексинское общежитие. Методика, во многом воплотившая в себе подходы, совпадающие с подходами О.М. Медушевой (Теория и методология когнитивной истории. М., 2008), вполне применимая для исследования источников по истории и культуре духовных центров старообрядчества, успешно была применена при исследовании собраний Рогожского центра.

Е.М. Юхименко представила исчерпывающую на сегодняшний день картину по составу и содержанию, источникам комплектования и основным этапам формирования «первоначального» Рогожского книжного собрания, национализированного Советской властью и поступившего в основную своей части в Румянцевский музей.

В труде «Древности и духовные святыни старообрядчества: Иконы, книги, облачения, предметы церковного убранства» (М., 2005) Е.М. Юхименко представила обзор Нового Рогожского книжного собрания, а также описание 13 рукописей XVI–XIX вв. и одной печатной книги XVII в.

Специалистами отдела были составлены предварительный перечень старопечатных и рукописных книг, научное описание рукописных книг и гектографированных изданий XVI–XX вв., завершается подготовка научного каталога кирилловского шрифта книг XVI–XIX вв. В инвентарную опись на сегодняшний день включено более 7000 единиц старопечатных

книг, рукописей, однолистных и гектографированных изданий, а также книг гражданского шрифта XVI–XX вв.

Дальнейшее изучение истории Рогожского книжного собрания будет способствовать лучшему пониманию природы формирования старообрядческих библиотек.

*Е.Н. Горбатов, Т.А. Опарина,
С.М. Шамин (Москва)*

**Биографии иноземных потешников царя Михаила Федоровича:
Феска Цымбальников / Федор Завальский**

We gratefully acknowledge the support provided by the National Endowment for the Humanities for this article (project № RZ-51635-13, any views, findings, or conclusions expressed in this article do not necessarily represent those of the NEH)

Информация об иноземных потешниках царя Михаила Федоровича встречается практически во всех работах, посвящённых личности этого государя и придворной культуре его времени. Обычно авторы, рассматривая данный вопрос, опираются на труды И.Е. Забелина. В 2016 г. нами была предпринята попытка написать биографии двух потешников – Юрия Проскуровского и Ивана Ермиса (*Опарина Т.А., Шамин С.М.* Биографии иноземных потешников царя Михаила Федоровича: Юрий Проскуровский и Иван Ермис // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Мат-лы XXVIII Междунар. науч. конф. М., 2016. С. 458–460). Данная публикация продолжает эту работу. В ней рассматривается биография органщика Федора Завальского.

Завальский, также как и его коллега Юрий Проскуровский, скорее всего, прибыл в Москву из Речи Посполитой в 1625 г. в свите епископа Владимирского и Брестского Иосифа (Курцевича), поставленного позднее архиепископом Суздальским и Тарусским (*Горбатов Е.Н.* Материалы к биографии архиепископа Иосифа (Курцевича) // Вестник церковной истории. 2011. № 3–4. С. 233–242). Имя Завальского в списке пожалованных за выезд мы не встречаем. Судя по всему, оно скрыто среди не названных поимённо слуг: «да служней челяди 11 человеком, возницам 2-м человеком, руским людем 3-м человеком: всем им 19 человеком по сукну аглинскому, по 5 рублей денег человеку» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1625 г. Д. 2. Л. 156). Таким образом, в отличие от Проскуровского, получившего 12 рублей, Завальский не принадлежал даже к низшим слоям благородного сословия. Из более поздних документов следует, что Завальский служил Иосифу сызмальства (РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 82. Л. 55) и был его келейником (РИБ. 1875. Т. 2. № 160. Стб. 553).

Из челобитной барабанщика Я.И. Губаревского узнаём, что при дворе архиепископа Завальского называли Феска Цымбальников: «А тот, государь, келейник Феска Цымбальников ис тех мест и по си места живот свой мучит в темницы» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 82. Л. 99). Можно предположить, что прозвище дано по профессии отца Завальского. Таким образом, он был потомственным музыкантом.

Жизнь в качестве архиепископского келейника Завальского тяготила. 6 декабря 1628 г. на празднование Николы зимнего он при посадских людях подал воеводе Андрею Федоровичу Наумову челобитную на архиепископа «в государеве слове». Воевода послал Завальского в Москву к Патриарху Филарету, однако тот челобитчика не поддержал, а напротив, выдал жалобщика Иосифу. Тот водил Завальского в кандалах по церквям и бил, устрашая народ, а потом послал его в заточение на дальнюю окраину епархии в Козьмодемьянск (РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 82. Л. 55).

Иосиф не удовлетворялся наказанием лично Завальского. Его пытали с требованием назвать сообщников. Среди оговоренных оказался и Губаревский. Последний, однако, смог сбежать и укрыться от архиепископского гнева, поступив на службу в полк Петра Кинемонта барабанщиком. В 1634 г. Губаревский вместе с полком был на государеве службе в Можайске. Узнав, что над Иосифом все-таки начато следствие (21 марта 1634 г.), Губаревский подал челобитную, в которой рассказал о собственных бедствиях и о том, что Завальский, бывший на архиепископа еще в 1628 г., томится в цепях (РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 82. Л. 99; *Малов А.В.* Командиры частей нового строя в 1628–1636 гг. (от подготовки к Смоленской войне до роспуска частей нового строя после ее окончания) // АЕ за 2009–2010 гг. М., 2013. С. 135).

Завальского привезли в Москву и отправили на патриарший двор 7 августа 1634 г. (РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 82. Л. 96, 102–104), а уже около 14 сентября 1634 г. появилась указная грамота царя Михаила Федоровича к архиепископу Иосифу об извержении его из сана и ссылке в Соловецкий монастырь, в которой обвинениям Завальского отводится заметная роль (*Горбатов Е.Н.* Указ. соч. С. 240–242). По возвращении из ссылки Завальского как крещеного через «обливание», а не в три погружения, повторно крестили. Скромное пожалование в «4 аршина сукна аглинсково багрового» за «подначальство и за крещенье» он получил 22 ноября 1634 г. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 290. Л. 166–166 об.). Дальше его следы теряются вплоть до того момента, когда 4 декабря 1638 г. царь Михаил Федорович «указал быть у своей государевы органной потехи с арگانным мастером с Юрьем Проскуровским в товарищах иноземцу Федору Завальскому, потому что Юрью быть у того дела одному не мочно, а ему Федору то арғанное дело за обычей» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 2905. Л. 1).

6 декабря 1638 г. Завальского приводят к присяге, однако, как становится ясно из последующих документов, жалование ему не назначено, то

есть он в службу в Потешной палате «не верстан». 24 мая 1639 г. глава приказа Большого дворца князь А.М. Львов, который ведал потехами Михаила Федоровича, по какой-то причине вспомнил про Завальского и направил постельничему Ф.И. Игнатьеву в Постельный приказ (руководивший Мастерской палатой, которой подчинялась Потешная палата) запрос о Завальском (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 2930. Л. 1; Д. 2932. Л. 1).

Однако вместо решения вопроса о верстании Завальского жалованием, появился новый царский указ, в соответствии с которым быть «в своеи государеве потешной полате у цынбалного и у арганного дела в мастерех» Михаил Федорович приказал стрельцу Иванова приказа Головленкова Якову Тимофееву (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 2930. Л. 1; Д. 2934. Л. 1). За органную игру Завальский был пожалован в 147 (1638/1639) г. «в приказ»; позднее, 7 июля 1640 г., царь указал дать ему прибавку к прежнему жалованию, однако о новых пожалованиях за «органную потеху» речи уже не шло (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 295. Л. 228). Позднее имя Завальского в документах Оружейной палаты не встречается.

Н.И. Горская (Смоленск)

Документация волостных судов как источник изучения крестьянского мира

Документация волостных судов является важным источником для изучения крестьянской жизни великорусских губерний второй половины XIX – начала XX вв. (1861–1918 гг.). Она содержит большую информацию о таком сложном и многоплановом явлении, как крестьянский правовой порядок, а также об организации и деятельности крестьянского сословного суда, не связанного с общей судебной системой России. Используются материалы Государственного архива Смоленской области (ГАСО). Ф. 781 (Зубакинский волостной суд Сычевского уезда). Оп. 1. Д. 10-21; Ф. 926 (Ярыгинский волостной суд Сычевского уезда). Д. 1-15; Ф. 930 (Гревский волостной суд Сычевского уезда), Оп. 1. Д. 1, 4; Ф. 927 (Соколово-Субботниковский волостной суд Сычевского уезда). Оп. 1. Д. 12-15 и др.

Документы крестьянских судов, с нашей точки зрения, можно разделить на два вида: 1) судопроизводственные акты (книги судебных решений, отдельные дела, протоколы заседаний съездов земских начальников, кассационные и апелляционные жалобы в вышестоящие инстанции); 2) отчетные документы (книги регистраций, книги записей решенных дел, алфавитные списки осужденных за кражи и мошенничество и др.).

Документация волостных судов постоянно усложнялась и видоизменялась. В 1861–1889 гг. записи различались «от суда к суду», в зависимости от ответственности судей: либо фиксация факта (перечень дел за месяц, заменяющий судебное решение; фиксация решения с указанием фа-

милей участников); либо более полное описание с указанием фамилий судей, характера и описания дела и судебного решения. Общий формуляр отсутствует или используется не всеми судами. Наличие отчетной документации незначительно. Постепенно формальной стороне судопроизводства уделяется все большее внимание.

После 1889 г. вплоть до Первой мировой войны (точнее, в большинстве судов до 1916 г.) ситуация принципиально иная: закрепляется формуляр, применяются бланки и печати, подробные записи отдельных дел; резко возрастает массив отчетной документации, имеются сводные списки осужденных по отдельным видам правонарушений.

Основную информацию содержат судопроизводственные акты и сводные отчеты. Они позволяют выяснить:

1) состав судей (длительность пребывания в должности судьи); возрастной, гендерный, социальный состав осужденных; свидетели и их показания (что осуждается, что оправдывается, явка свидетелей, их отношение к суду);

2) преобладающий вид дел – гражданские или уголовные; их динамику, характер дел и социальных отношений (распространенность краж, семейные и общинные отношения, земельные и торговые дела, дела по найму и т. п.);

3) основу принятия решений – «обычай» (его трактовка: добросовестность, грех) или закон (после 1889 г.); отношение к обычаю и закону;

4) систему наказаний (частота назначения тех или иных наказаний, их «популярность» у крестьян, отношение к телесным наказаниям);

5) систему исполнения наказаний; как часто не приводились в исполнение и почему, где содержались осужденные;

6) эффективность; наличие рецидивистов, их численность и социальный портрет, наказание малолетних преступников и женщин;

7) законность или справедливость решений по наличию обжалований в уездное по крестьянским делам присутствие или уездный съезд земских начальников; количество и основания отклоненных или удовлетворенных жалоб;

8) отдельные дела, рассмотрение их в судебных инстанциях позволяют реконструировать «частные истории», судьбы отдельных людей; совокупность судебных дел – «обыденную» жизнь той или иной волости, деревни;

9) отношение крестьян к своему суду в целом, к мировым судам, земским начальникам, следовательно, к существовавшему порядку вещей и к государственной власти.

Использование судебной документации включает в себе определенные сложности. В первую очередь – это большие лакуны в документации целого ряда судов, что не позволяет видеть картину в целом, скажем, в рамках уезда или тем более губернии; отсутствие однотипных докумен-

тов в судах одного периода. Необходимость привлечения большого массива материалов и статистической обработки.

А.Л. Грязнов (Вологда)

Происхождение и социальный статус белозерских слободчиков XV – начала XVI в.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ,
проект «Каталог белозерских актов XIV – XVI вв.» №16-11-35002*

Обустройство слобод важное мероприятие, получавшее, как правило, поддержку княжеской власти, а роль слобод, в первую очередь в освоении незаселенных пространств, и сам объем льгот, на долгие годы отражались в памяти населения в виде включения элемента «слободка» в состав названия волости.

Договорные и жалованные грамоты показывают, что обустройство слобод было связано с индивидуальным пожалованием конкретному лицу. По белозерским материалам прослеживается довольно широкое распространение слобод, которые располагались во всех районах обширного региона (*Грязнов А.Л. Белозерские слободы XIV–XV вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2016 год: Аграрное освоение и демографические процессы в России X–XXI вв. М.; Уфа, 2017*). К сожалению, далеко не всегда собственно о слободчиках можно найти подробные сведения, но в ряде случаев удается идентифицировать их потомков и тем самым понять, как участие в обустройстве слобод отразилось на судьбе конкретной семьи.

Самой известной белозерской слободой является Рукина, располагавшаяся на белозерско-вологодском рубеже в районе Волока Славенского. Вероятно, своё название она получила по имени Ивана Руки, упомянутого в документах времен Кирилла. Его привлечение в качестве послуха свидетельствует об относительно высоком статусе в то время, но ничего не говорит о происхождении. Однако поскольку слобода была передана князем Михаилом Андреевичем Кириллову монастырю, то, скорее всего, семья слободчика вынуждена была вернуться к своим прежним занятиям. Действительно, в судебном деле конца XV в. старожильцы вспоминали, что 50 лет назад в деревне Ивашовой жил Иван Рукин, а ранее – его отец Павел Рукин (АСЭИ. Т. II. № 334). Хронология жизни отца и сына Рукиных свидетельствует, что, скорее всего, речь идет о сыне и внуке Ивана Руки, которые были волокославенскими крестьянами.

В грамоте Андрея Дмитриевича на починки на Уломе указано, что их «разделали» Еска и Клим с товарищи (АСЭИ. Т. II. № 46). Примечателен один из слободчиков – Клим. Вероятно, он тождественен волочанину

Климу Жеребцову, продавшему Кириллу две пустоши и участвовавшему в нескольких сделках в качестве послуха. Следовательно, и в этом случае мы имеем дело с крестьянином, который занимается обустройством слободы. Причем, этот крестьянин перед переселением в слободу продает свои прежние владения.

В одной из кирилловых грамот послухом назван Федюк Гаврилов сын Жалобина (АСЭИ. Т. II. № 36), с отцом которого можно связать название слободки Жалобинской. Примечательно в данном случае полное трехсоставное именование Федюка, но, вероятно, эта семья также происходила из местных крестьян, во всяком случае, среди землевладельцев эта фамилия не встречается.

Более подробные сведения о крестьянской семье, связанной с обустройством слободы, содержатся в житии прп. Александра Ошевенского. Его отец Никифор Ошевен жил в районе оз. Воже, но переселился в окрестности Каргополя. В тех краях он подыскал место для поселения и получил у новгородского боярина Ивана Григорьевича слободскую грамоту. Главным мотивом переселения Никифора были некие насилия и скорби, связанные с прежним местом жительства. На новое место вместе с отцом переселились сыновья Никифора, здесь же позднее жили и его внуки. Собственно, выбор места для основания Ошевенского монастыря был обусловлен близостью к дому родителей преподобного Александра.

Такое же переплетение крестьянской и монастырской колонизации видим на столетие позже. Около 1511 г. белозерский писец И.М. Заболоцкий выдал Косте Микулину с. Головину слободскую грамоту на заселение Конечного леса на окраине Арбужевской волости (АГР. Т. I. № 55). Немногим позднее слободчик приглашает старца Марка Ворону, который основывает в этих местах пустыню, позднее превратившуюся в монастырь. И если о предках и потомках Кости Головина сказать что-либо определенное затруднительно, то значительно больше сведений мы имеем о его соседе Михаиле Гневаше Стогинине, получившем в начале XVI в. слободскую грамоту на земли на границе с Конечным лесом со стороны Череповской волости.

Родословная Стогининых прослеживается с середины XV в. и Михаил принадлежал уже как минимум ко второму поколению администраторов низшего звена. Его дед Иван Щока был мелким вотчинником, а отец Микула Стогинин – посельским князя Михаила Андреевича. Сам Михаил Гневаш был житничим приказчиком на Белоозере. Участие в управлении княжеским хозяйством самым благоприятным образом сказалось на материальном благополучии семьи Стогининых. В первой половине XVI в. они владели вотчинами в нескольких волостях, двором в городе, продолжали участвовать в управлении дворцовым хозяйством (о значении рода Гневашевых в XVI в. см.: *Грязнов А.Л.* Новая элита в Белозерье в XV – начале XVI в. // Материалы II Всероссийской научной конференции «Не-

красовские чтения» (памяти д.и.н., проф. Ю.К. Некрасова). Вологда, 2017), причем, владения в Череповской волости потомки Гневаша сохраняли до опричнины.

В середине XV в. на границе Водоги и Углы по грамоте великой княгини собирал слободу Федор Костер. Образовавшуюся таким образом вотчину – с. Домшино он завещал своим сыновьям, а на рубеже XV–XVI вв. этой вотчиной владел его внук Иван Осколок Костров. Вероятно, двоюродным братом Ивана Осколка (и, следовательно, внуком Федора Костра) был Ощепок Савелов с. Костров действовавший в 1506 г. в Арбужевской волости в качестве администратора великого князя (АФЗХ. Ч. 1. № 309).

Таким образом, сохранившиеся источники демонстрируют некоторую закономерность. Для первой половины XV в. более характерно привлечение в качестве слободчиков местных крестьян. Для второй половины XV – начала XVI в. в числе слободчиков видим представителей семей, вовлеченных в административную или иную деятельность в княжеском хозяйстве. Это может быть связано как с расширением и усложнением княжеского хозяйства, так и с ослаблением контроля над злоупотреблениями местных элит в результате включения Белозерья в состав великокняжеских владений.

М.Г. Гусаков (Москва)

Реконструкция метрологических величин по материалам археологических раскопок в Москве

Значение метрологии как вспомогательной исторической дисциплины для установления подлинности, хронологии и топологии исторических и археологических источников неоспоримо. Обращение к метрологии в археологии связано с потребностью определения хронологии артефактов, извлеченных из культурного слоя. В данном сообщении нас будут интересовать наблюдения за размерами погребений средневековых некрополей. Эти данные служат одним из критериев для установления как времени и места возникновения артефакта, так и его топографии.

Для нашего исследования древней метрологии мы взяли параметры погребальных камер (гробов), извлеченных из раскопок московского некрополя в храме Троицы в Полях в Китай-городе (раскопки А.Г. Векслера в 1999 г.), а также параметры погребений из некрополя, раскопанного в Пятницком конце г. Смоленска (раскопки М.Г. Гусакова в 2009–2010 гг.). Нас интересовал период XV–XVII вв. в средневековой Москве и Смоленске. Археологические материалы по погребальной практике Руси XI–XVII вв. позволяют проследить развитие погребальной традиции в религиозном, культурном и в социальном планах.

Вначале мы выстроили типологический ряд по параметрам погребальных сооружений из раскопок в церкви Троицы в Полях. Разработка предлагаемой типологии представляется важным этапом в истории изучения средневекового погребального обряда. Этой возможности не дают письменные источники, которые представляют нам взгляды лишь определенной части феодального общества, как правило, его высших слоев.

Церковь «Троицы, что в Старых Полях» была окружена достаточно большим и многослойным (многоярусным) кладбищем. Каменно-кирпичный храм был возведен только в XVI в. Кладбище было еще при деревянной церкви, и этот факт подтверждается археологическими раскопками. Оно окружало храм Троицы со всех сторон. Погребения были обнаружены и внутри контура храма – в четверике и в абсиде. Были также зафиксированы погребения, относящиеся к начальному периоду существования храма.

Всего было вскрыто 258 погребений: из них мужских – 119, женских – 58, детских – 59; не ясных – 22. Все погребения по размерам погребальных камер (гробам) достаточно четко делились на несколько групп. Из 258 погребений: в колодах – 3; в саркофагах – 4; в склепах – 4; в дощатых гробах – 231; не ясных (не сохранившихся) – 15.

Самым массовым видом погребения было захоронение в дощатом гробу. Эти захоронения разделяются на 7 групп (все погребения в гробах мы перевели для большей ясности из сантиметров в локти, величина русского локтя колебалась в пределах 45–50 см, в среднем 47,5 см): длина в 1 локоть (детские погребения) – 16; 2 локтя (94 см) – 52; 3 локтя (141 см) – 46; 4 локтя (188 см) – 108; 5 локтей (235 см) – 4. Длина остальных погребений неясна. Все погребения делятся на четыре уровня. Речь идет о соблюдении санитарной нормы при погребении – о разнице в глубине погружения в грунт. Санитарной нормой считалась яма, вырытая на глубину длины лопаты – 120 см.

Погребения 1 уровня, т. е. на глубине 120 см от дневной поверхности (ДП), величиной: в один локоть (47,5 см) – 10; в два локтя – 7; в три локтя – 5; в пять локтей – 2. Погребения 2 уровня, т. е. на глубине 220 см от ДП, величиной: в один локоть – 5; в два локтя – 27; в три локтя – 22; в четыре локтя – 49; в пять локтей – 7; в семь локтей – 1. Погребения 3 уровня, т. е. на глубине 360 см от ДП, величиной: в один локоть – 2; в два локтя – 24; в три локтя – 23; в четыре локтя – 67; в пять локтей – 2. Погребения 4 уровня, т. е. на глубине 480 см – 1.

Аналогичную картину, правда, с небольшими отклонениями, дала раскладка погребений из некрополя в Смоленске на Студенческой ул. в 2009 г. Всего было раскопано 182 погребения. Было зафиксировано два уровня залегания погребений в диапазоне от –284 до –494 см. Здесь было отмечено три типа погребальных камер: в колоде – 39, в антропоморфной колоде – 2, в дощатом гробу – 136. На глубине от –240 до –360 см – за-

фиксировано 55 погребений, на глубине от –360 до –494 см – 106. Некрополь в Смоленске оказался более древним, чем московский.

Проделанная процедура раскладки по приведенным параметрам дает нам основания перевести эти данные в хронологический диапазон. Дело в том, что 1 уровень – это сравнительно недавние погребения, т. е. погребения совершенные в XVIII – XVII вв. Погребения на глубине 2 уровня – XVII–XVI вв. Погребения 3 уровня относятся к периоду XVI–XV вв., 4 уровня – XIV–XIII вв. Конечно, это достаточно грубая раскладка археологического материала. Однако она дает нам право оперировать этим материалом при сопоставлении таких показателей, как пол, возраст, социальный статус покойного, с типом конструкции его погребальной камеры и с вещевым инвентарем. Исследование погребальных сооружений показало, что предлагаемая типология снимает многие вопросы, особенно связанные со временем бытования того или иного типа погребения.

Т.П. Гусарова (Москва)

Каталоги участников венгерских государственных собраний XVII в. как источник изучения политической элиты

Среди многочисленных, разнообразных источников по социально-политической истории Венгерского королевства раннего Нового времени важное место занимают те, в которых отражена деятельность государственных собраний – высших политических форумов венгерских сословий. В качестве темы доклада взяты списки участников венгерских государственных собраний XVII в. Зная списки и тех, кто стоит за вписанными в них именами, можно составить представление о структуре сословных съездов, о раскладе политических сил в королевстве, приверженцах и противниках политики венского двора, соотношении сил католиков, протестантов и различных социальных групп. Исходя из каталогов, можно делать некоторые наблюдения о том, как на этих съездах были представлены носители государственных должностей, чиновники разного уровня центральной и местной администрации.

Однако в готовом виде списков участников не существовало и перед исследователем стоит задача восстановить их. Этой работой я и занималась; методика и результаты работы представлены в докладе. Для исследования использованы материалы девяти государственных собраний 1618–1662 гг. из нескольких архивов, собранных в Венгерском Национальном архиве: архива Королевской канцелярии, архива Казначейства, архивного собрания материалов государственных собраний Дёрдя Мартона Ковачича.

Сложности начинаются уже при выявлении самих списков. На съезды приглашались светские магнаты (бароны) и прелаты – персональными письмами от имени монарха, они заседали в Верхней палате; по два-три представителя комитатского дворянства, свободных королевских городов, церковных корпораций; представители Хорватско-Славонского королевства, связанного с Венгрией династической унией; представители отсутствующих баронов; послы трансильванских князей, владевших землями в королевстве. Помимо этих депутатов, в работе собраний принимали участие присяжные заседатели Королевской судебной палаты. В принципе имена всех их должны были бы быть отмечены в Королевской канцелярии: сначала в предварительных списках приглашенных, а во время собрания – списками в действительности прибывших на съезд. Но это далеко не так. Во-первых, не все списки сохранились, лакуны касаются целых собраний. Но и сохранившиеся списки далеки от того, чтобы быть полными. Так, на государственных собраниях приблизительно до 1630 г. в Королевской канцелярии сохранились только поименные списки членов Верхней палаты, делегаты Нижней перечислены лишь по названию своих корпораций (комитат такой-то, город такой-то). То же самое касается и посланцев Хорватско-Славонского королевства. Более того, нельзя точно знать, это списки приглашенных или на самом деле появившихся на собрании депутатов.

В 1630-е гг. Королевская канцелярия стала внимательнее относиться к спискам участников и все чаще отмечала всех прибывших по именам (депутат X от комитата N). Но и эти каталоги страдают лакунами. Для их уточнения я привлекла другой тип источников – дневники депутатов государственных собраний, написанных самими участниками по собственной инициативе. В одних списки имеются, в других такие сведения приходилось собирать из текста: на основе списков членов разных комиссий, компиляторов статей законов и жалоб сословий. Авторами дневников были дворянские депутаты Нижней палаты. По известным причинам, в отличие от Королевской канцелярии, их больше интересовали имена коллег по Нижней палате, в первую очередь, дворянских. Это отразилось и на представленных ими данных. В некоторых случаях в Королевской канцелярии сохранилось несколько каталогов одного собрания. Но они не всегда совпадают, и тогда приходится проводить сравнения с теми же дневниками.

Более тщательная работа Королевской канцелярии с каталогами государственных собраний проявилась и в том, что приглашенные магнаты стали «сортироваться» по отдельным группам: королевские советники, бароны по должности, просто бароны (т. е. унаследовавшие титул) с указанием титулатуры. Отдельно называются судьи и присяжные заседатели Королевской судебной палаты, которые не входили в число депутатов, но участвовали в работе собраний по долгу службы. Строгая «сортировка» депутатов Нижней палаты по категориям не представляется возможной,

так как одни и те же лица могли выступать на одном собрании в нескольких категориях, из чего также можно делать интересные выводы.

Немалую сложность представляет уточнение имен, представленных в каталогах, и идентификация их носителей. Нередко встречаются одни и те же имена (например, Пешти, Хорват и др.), причем, применительно к одному или соседствующим комитатам. Следует выяснить, не ошибка ли это, а если – нет, то один это человек, однофамильцы или полные тезки. Другая сложность работы со списками состоит в том, что одно и то же имя может писаться по-разному, поскольку в ту эпоху в венгерском языке еще не устоялись правила передачи звуков на письме. Более того, один и тот же человек на разных собраниях мог фигурировать под разными именами, так как, например, мог сменить свое родовое имя. То обстоятельство, что делопроизводство на государственных собраниях велось на латинском языке, отразилось и в каталогах. Имена писались в их латинском виде, из-за чего бывает крайне сложно говорить об этнической принадлежности того или иного депутата. Так, Иоанн мог быть и венгром Яношем, и словаком Яном, и немцем Иоганном или даже итальянцем Джованни. А латинский Wolfgangus мог с тем же успехом быть и австрийцем Вольфгангом, и венгром Фаркашем.

Восстановление списков участников государственных собраний представляет собой лишь первый шаг для дальнейших исследований, в первую очередь, просопографического характера. Так, мне удалось восстановить биографии некоторых дворянских депутатов, их общественную деятельность и службу в различных учреждениях. Их изучение дает возможность воссоздать социальный портрет депутатов государственных собраний, проследить изменения в депутатском корпусе и подумать над их причинами. Ведь важной целью занявших венгерский престол австрийских Габсбургов было формирование верных династии, послушных аристократии и дворянства, обеспечивая за ними ключевые посты при дворе, в военной сфере, административном и судебном аппарате. Насколько успешной показала себя эта политика?

А.Н. Гуслистова (Вологда)

Генеалогия вологодских купцов Колесовых в XVI–XIX веках

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект
«Генеалогия купечества г. Вологды XVII–XVIII вв.»*

№ 15-11-35002 а(р)

Семья Колесовых относилась к «старым» вологодским купеческим династиям, существование которых измерялось несколькими столетиями.

В 1790 г. Матвей Федорович Колесов становится вторым городским головой Вологды, а основатель рода – Конан Колесов живёт в первой четверти XVII в. В переписной книге 1646 г. упоминается его вдова Анница, живущая с двумя детьми Афанасием и Ульяном. В 1650-е гг. братья активно занимаются торговлей, по переписной книге 1677/78 гг. имеют взрослых сыновей, поэтому годы их рождения можно определить как конец 20-х – начало 30-х гг. (Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII века. М., 2008. Т. 1. С. 55, 59, 133, 139).

В 1650–70-е гг. братья Колесовы торгуют в городах Сухонско-Двинского речного пути (Тотьме, Великом Устюге) мелкооптовыми партиями овощей, владеют малотоннажными судами (днищечко, лодейка, лодка) (Таможенные книги Московского государства XVII века. М.; Л., 1951. Т. 2. С. 479, 539, 623; Т. 3. С. 11, 51, 143).

Сын Ульяна Конанова – Гаврила (1660 г.р. – умер до 1722 г.), имел двух сыновей – Ивана (1694 г.р.) и Андрея (1703 г.р.) и пятерых внуков (сыновей Андрея) – Якова (1744–1745), Матрену (1749 г.р.), Федора (1752 г.р.), Ивана (1767 г.р.), Елену (1759 г.р.). (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 1. Д. 699. Л. 125 об.).

Однако главой семейной компании в первой четверти XVIII в. становится Марк Афанасьев с. Колесов (1652 г.р.). Он и его братья – Иван (1671 г.р.) и Матвей (1675–1755) не только расширяют сферы и объемы предпринимательства – торгуют наряду со съестными припасами мануфактурой и листовым железом, но и имеют собственное производство кож, солода и пива, а также увеличивают свою торговую флотилию до шести крупнотоннажных судов (РГАДА Ф. 273. Оп. 1. Ч. 8. Д. 32740. Книга выписей Архангельской таможни 1725 г. Л. 95–95 об.; *Гуслистова А.Н.* Торговый речной флот вологжан в начальный период Петровских реформ // Историческое краеведение и архивы. Вып. 11. Вологда, 2004. С. 101; Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII века. Т. 2. С. 92, 301).

У Марка было двое сыновей Степан (1698–1760-е) и Иван (1680 г.р.), четверо внуков – сыновей Степана: Федор (1719 г.р.), Степан (1722 г.р.), Афанасий (1729 г.р.) и приемный сын Федор (1755 г.р.), один правнук Иван (1747 г.р.) – сын Степана Степанова с. Колесова (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. 676. Книга 1722 г. Л. 36 об., 74; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 1. Д. 689. Книга 1748 г. Л. 157; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 1. Д. 699. Сказки 1763 г. Л. 50 об., 110).

Степан Марков с. Колесов торговал вместе дядьями Иваном и Матвеем, но основной торговый капитал сконцентрировался в руках сына и внука Матвея Афанасьева с. Колесова – у купцов I гильдии Федора Матвеева и Матвея Федорова д. Колесовых (ГАВО. Ф. 476. Оп. 2. Д. 3. Ведомости о количестве капитала купцов г. Вологды. Л. 2).

Федор Матвеев с. Колесов (1720–1789) открывает в 1756 г. на паях с А.А. Шапкиным железоделательный завод при рудниках, который через год пришлось перенести на новое место. Какое-то время завод работал успешно и даже выполнял заказы Синода, но в 1766 г. его перепрофилировали на бумажную фабрику, которая оставалась в собственности уже сына Федора – Матвея до 1792 г. (*Козина Г.Н.* Вологодские купцы-фабриканты и заводчики (XVIII – начало XX в.) // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 91–92). Федор, помимо таких обычных городских служб для купечества, как ларечный у кабацкого сбора и староста у сбора подушных денег, был в 1767 г. выбран единственным от Вологды депутатом Уложенной комиссии, а также руководил местным самоуправлением в 1773–1774 гг. в качестве городского старосты, а в 1780–1781 гг. был заседателем вологодского губернского магистрата (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 4211. Обывательская книга 1787 г. Л. 507 об.–508; ГАВО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 17. Обывательская книга 1792 г. Л. 191 об.–192). В 1787 г. им было составлено духовное завещание, где он, помимо прочего своего имущества, упоминает корабли «Святой Анфиноген», оставленный в Архангельске, и «Святой Николай», оставленный в Амстердаме и английских торговых партнёров – Гасельгренов (ГАВО. Ф. 178. Оп. 10. Д. 715. Л. 16 об.–19 об.).

Матвей Федоров с. Колесов (1742–1795), будучи представителем пятого поколения торговой династии, был владельцем кирпичных, солодовенных, бумажных заводов и пивоварни, трёх домов и девяти каменных лавок в городских рядах. После учреждения Грамоты на права и выгоды городам Российской империи 1785 г. был вторым по счету городским головой (1790–1792) (ГАВО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 17. Обывательская книга 1792 г. Л. 192 об.–193; *Мясникова Л.Н., Якунина О.В.* От первого городского головы до современного главы города Вологды (1785–1999 годы). Список руководителей города // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2000. С. 162). В 1787 г. он поставил на свои средства въездные ворота в город, за что его вскоре награждают именной медалью (*Зайцев В.В.* Из истории учреждения медали для награждения вологодского купца Матвея Колесова // *Послужить Северу...*: историко-художественный и краеведческий сборник. Вологда, 1995. С. 85–80).

XVIII веком деятельность Колесовых не заканчивается. Один племянник Матвея Федорова с. Колесова – Василий Алексеев с. Колесов (1786 г.р.) в начале XIX в. записан купцом II гильдии и владеет сально-свечным заводом в Вологде (1831–1848). Второй племянник – Иван Алексеев с. Колесов (1778–1852) переехал в Москву, в 1809 г. записался купцом I гильдии, закупал в Китае через Кяхту крупные партии чая и был известен своей благотворительностью (Русский биографический словарь. Т. 9. СПб., 1903. С. 71).

В течение шести поколений Колесовы сумели подняться из рядовой посадской семьи до верхушки гильдейского купечества и местного самоуправления городом, а торговый капитал семьи проделал эволюцию от специализации на мелкооптовой транзитной торговле до собственного промышленного производства и торговли за рубежом.

А.Г. Гуськов (Москва)

Родословная думного дьяка Е.И. Украинцева

Генеалогические исследования рода Емельяна Игнатьевича Украинцева, крупного приказного деятеля второй половины XVII – начала XVIII вв., слабо представлены в исторической литературе. В имеющихся биографиях основное внимание уделялось служебной и дипломатической деятельности одного из последних руководителей Посольского приказа (*Рогожин Н.М.* Емельян Украинцев // *Международная жизнь.* 1999. № 11. С. 55–64; *Гуськов А.Г.* От Андрусово до Эгера: 45 лет на службе Отечеству (очерки жизни Е.И. Украинцева) // *Сборник русского исторического общества.* Т. 9 (157). М., 2003. С. 293–308 и др.). Некоторые подробности о предках думного дьяка можно почерпнуть из статьи А.В. Лаврентьева. Описывая серебряную шкатулку-мошевик, подаренную Е.И. Украинцеву во время пребывания в Константинополе, историк в числе прочего привел характеристику его родословной (*Лаврентьев А.В.* Ковчег-мошевик. 1700–1706 гг. // *Лаврентьев А.В.* Люди и вещи. Памятники русской истории и культуры XVI–XVIII вв., их создатели и владельцы. М., 1997. С. 159–176).

Основным источником по генеалогии дипломата является родословная «скаска», представленная Е.И. Украинцевым в Палату родословных дел в 1694 г. Её оригинал был уничтожен в пожаре 1812 г. Однако в Российском государственном архиве древних актов в фонде 286 («Герольдмейстерская контора при Сенате») сохранилась пространная выписка из упоминаемой родословной, появившаяся в 1757 г. благодаря запросу одного из дальних родственников думного дьяка (РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 433. Л. 286 об., 295 об.). Материалы «скаска» дополняются несколькими поминальными синодическими записям: 1) на стенках ковчега-мошевика, находящегося в фондах Государственного исторического музея, 2) в составе синодиков Никольского Староладожского и Васильевского монастырей.

Е.И. Украинцев вышел из рода мелкопоместных дворян, по преданию относившегося к фамилии Лукиных. Его далекие предки выехали с юго-западных земель Руси, находившихся под властью литовских князей, и пустили свои корни на Рязанщине. Верная служба Отечеству и царям приносила им земельные пожалования и небольшой доход. И хотя никто более не получил такой известности, как Емельян Игнатьевич, некоторые

из представителей рода смогли подняться из обширной массы служилых «по отечеству». Возможно, здесь не обошлось без покровительства высокопоставленного родственника. Так, в «Боярской книге 7194 (1685/1686) года» в стольниках были записаны: двоюродный брат Гурь Родионович с поместьем и денежным окладом в 600 четвертей и 30 рублей соответственно; родные братья Иван – 1000 четвертей, 86 рублей 59 копеек и Сава – 950 четвертей, 75 рублей; племянник Иван Савич без оклада (РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 433. Л. 286 об., 295 об.). Кроме того, в житецких списках за более ранние годы упоминались: Ерофей и Иван Никитичи, Матвей, Ипполит и Евтроп Федоровичи – троюродные братья.

Один из дальних родственников, Григорий Иванович Украинцев (двоюродный дед), активно участвовал в подавлении восстания Болотникова, получив в награду из рук Василия Шуйского поместье в Рязском уезде. Вскоре во время набега крымских татар его захватили в плен, а затем вывели в Константинополь. Кроме него побывали в крымском плену еще двое Украинцевых: Андрей Иванович и Федор Михайлович. Последний был захвачен под Чудновым вместе с боярином Василием Борисовичем Шереметевым и пробыл затем в неволе около 12 лет.

Другой брат его деда, Иван Иванович, в 1614 г. занимался организационным обеспечением похода воеводы И.Н. Одоевского под Астрахань, посланного для борьбы с остатками войск самозванцев. Позже он участвовал в неудачной Смоленской войне, а затем служил на засечной черте.

Родной дед думного дьяка, Юрий Иванович, находился в русском войске во время осады Смоленска в 1632–1634 гг. полками М.Б. Шеина. Под стенами этого города, потерянного Московским государством в годы Смуты, он и сложил голову. Отец, Игнатий Юрьевич, погиб, когда Емельян еще находился в отроческом возрасте. После восстания Богдана Хмельницкого и принятия Украины в состав Московского государства начался конфликт с Речью Посполитой. Военные действия развернулись на территории Великого княжества Литовского, в районе Вильно. В войске, осаждавшем в 1655 г. столицу Литвы, находился родитель будущего дипломата, который «идучи с службы ис-под Вильна умре под Брянку».

Многочисленные войны унесли жизни и многих других представителей рода Украинцевых. Родные дядья, Михаил и Родион, погибли, как и отец, в ходе русско-польского конфликта в Литве. В разное время были убиты крымскими татарами: Степан Васильевич (брат прадеда) – под Москвой, Алексей Лукич (троюродный дед) – под Пронском, Василий Лукич (троюродный дед) – под Зарайском, Никита Григорьевич (двоюродный дядя) – под Конотопом в 1659 г., Артемий и Григорий Григорьевичи (двоюродные дядья), Иван Никитич (троюродный брат) – за Днпром в черкасских городках под Чудновым. Ипатий Иванович (двоюродный дед) – умер в Переяславле-Рязанском в годы Смуты. Филипп Михайлович

(двоюродный брат) – убит в ходе боя с турецким великим визирем в 1679 г. по дороге из-под Чигирина на бужинском перевозе через Днепр.

В целом, можно отметить, что род Емельяна Игнатьевича представляет собой классический род мелкопоместных дворян, верой и правдой служивший Отечеству. По прадедам, дедам, дядьям думного дьяка, участвовавших во всех войнах XVII в., в которых большинство из них сложило голову, можно изучать военную историю России.

М.М. Дадыкина (Санкт-Петербург)

**Три загадки монастырского архива:
Соляная реформа 1646 г. и ее влияние на делопроизводственную
практику монастырских соляных промыслов**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ,
проект № 16-18-10255*

В некоторых случаях, анализируя монастырскую документацию, можно оказаться в запутанном лабиринте загадок. Итак, перед нами черновые и беловые книги соляного промысла Спасо-Прилуцкого монастыря в Соли Вычегодской 1640-х гг.

Загадка 1. Формуляр. По своей структуре книги состоят из нескольких частей, порядок расположения которых уже сложился:

1. Приход денег и продажа соли.
2. Расход денег.
3. Книги дровяной покупки и сечи дров.
4. «Кузло» и оплата труда солеваров.
5. Выварка соли.

Каждая часть имела свой заголовок, иногда части отделены друг от друга чистыми листами. Неожиданное изменение формуляра наблюдаем в книгах 1644/45, 1645/46 и 1646/47 гг. Теперь структура книги следующая:

1. Выварка соли
2. Приход+продажа соли
3. Расход на содержание промысла
4. Дрова и их сечка
5. Кузло, оплата труда солеваров

Почему выварка соли отрывается от статей об оплате труда работников и перемещается в начало книги, нарушая логику ее построения? Но это лишь первый вопрос.

Загадка 2. Почерк. Беловая книга за 1644/45 г. (РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 46) написана двумя почерками. Почерк № 1 – более ровный, аккуратный, им написаны еще книги 1643/44 г. Второй писец, дьячок Жданко Афонасьев, известный по имени из книг 1645–1648 гг., имеет хорошо

узнаваемый размашистый, немного заостренный почерк. Чем было вызвано такое разделение работы? Попробуем сопоставить данные о почерках с анализом листов бумаги, на которых они встречаются. Всего в книге десять тетрадей с разным количеством листов. Лист 8 первой тетради не имеет своей половины, которая была обрезана (на нем половина филиграни). Тетради 8 и 9 соединены последовательно и вшиты в середину тетради 7. Первым почерком написана большая часть тетрадей 1, 3, вся тетрадь 5 и четыре средних листа тетради 7. Второй писец использовал оставленные пустыми разделительные листы первоначальной книги (обычно его записи начинаются с марта), а также написал заново текст на л. 6–7, вшитых в книгу в конце первой тетради перед обрезанным л. 8. Им же написаны новые полные тетради 6, 8 и 9, причем, последние две были вшиты в середину тетради 7, к тетради добавлены «внешние» л. 0–57, а ее ранее чистый последний л. 56 также был дополнен записями, выполненными почерком Жданки.

Загадка 3. Бумага. Наш первый писец использовал бумагу с филигранью «Орел» (Гераклитов, тип 1061 (1644)), а второй – с филигранью «Лотарингский крест» и литерной контрамаркой. Причем, листы второй бумаги были вставлены в переплет (и очень искусно), возможно, вместо изъятых листов с прежним текстом, написанным рукой первого дьячка. Бумага с филигранью «Орел» использовалась в том же промысле для изготовления прихода-расходных книг в 1644 г., а вот бумага с «Лотарингским крестом» появится только в книгах мая 1646 – августа 1647 гг. и будет использоваться позднее. Возможно, «люфт» небольшой, и все же загадка существует.

Почему после мая наступает... сентябрь. Книга следующего года в заголовке на обложке и во всех заголовках частей датирована временем с 1 сентября 154 (1645) по 1 сентября 155 (1646) г., но неожиданно записи заканчиваются временем половодья – апрелем (черные) или маем (белые) 1646 г. (Архив СПбИИ. Ф. 271. Оп. 2. Д. 199 и 198 – беловые книги, Д. 200 – черные). При сравнении книг по структуре оказывается, что в беловую не были включены книги продажи соли, имеющиеся в черновом варианте. Беловой вариант книги в настоящее время состоит из двух отдельных дел, причем разрыв проходит как раз там, где следовало быть книгам о соляной продаже. Возможно, это косвенно указывает на то, что беловик был расшит, указанная часть вынута, а далее книгу или плохо шили обратно, и она распалась, или вовсе не делали этого. Зачем?

В мае 1646 г., было начато ведение новых книг (РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 96 – черная, Архив СПбИИ. Ф. 271. Оп. 2. Д. 205 – белая), которые продолжают вплоть до конца августа 1647 г., т. е. это книги за полтора промысловых года. В самих книгах была сделана правка, в беловой книге на обложке был исправлен год: «155» на «156», а также по стертому «мая» той же рукой вписано «сентября». В заголовок книг внесено имя

соляного головы Осипа Семенова Облезова, прибывшего в апреле 1646 г. (Архив СПбИИ. Ф. 271. Оп. 2. Д. 198).

Рассмотрим итоговую, беловую книгу. В ней девять тетрадей, составляющие шесть книг-частей. Каждая часть имеет свой номер цифирью на первом листе начальной тетради. Книга написана на однородной бумаге, филигрань «Лотарингский крест», внизу литеры RB. Вторая тетрадь представляет собой согнутый пополам лист, приплетенный к тетради 1. В тетради 4 утрачен (вырван) последний лист, парный л. 17 с утратой текста: после слов на л. 19 об. «со ста с восмидесяти семи пуд по две гри/[...]» текста нет. В книге расходной части в тетради 5 у листов 20 и 21 обрезаны парные половины и к обрезах как к фальцам под сшивкой подклеены непарные им листы 26 и 27. На л. 27 – только верхняя часть филигрании, лист подклеен, поэтому парный ему по схеме л. 20, не имеет продолжения изображения. Текст внешне не нарушен, но, возможно, была внесена правка и листы переписаны заново набело.

Итак, правке, причем довольно тонко выполненной, подвергались все книги за сентябрь 1644 – август 1647 гг. Причиной было то, что в феврале – марте платили оброки и пошлины за предшествующий промысловый год. Но указом 7 февраля 1646 г. пошлины были повышены, тарханы отменены, что заставило старцев вносить изменения как в текущий учет, так и в уже готовые книги, по которым надо было теперь платить высокие пошлины. Промыслу грозили убытки. Именно поэтому была остановлена на пять месяцев одна из варниц, из новых книг исчезали статьи о продаже соли. Тогда же была исправлена готовая книга за 1644/45 г. Эту работу успешно выполнил дьячок Жданко Афонасьев по указанию приказного старца (или даже властей монастыря), поэтому он использовал бумагу, купленную в 1646 г.

Т.Н. Джаксон (Москва)

**Лимфьорд и перешеек Харальда:
северная оконечность Ютландии в описаниях
средневековых скандинавских авторов**

*Работа выполнена при финансовом содействии
РНФ (проект № 14-18-02121)*

Северная оконечность Ютландии представляет собою остров (Северо-Ютландский остров, Nørgøyske Ø), отделяемый от полуострова Ютландия протянувшимся с востока на запад проливом, название которого – Лимфьорд, Limfjorden (букв.: «известковый фьорд») – указывает на то, что он не всегда был проливом. Вход во фьорд находился в его восточной части, что маркировано топонимом Хальс (Hals) – названием гавани и

населенного пункта, лежащего на северном берегу Лимфьорда, у самого входа в него. И в древнеисландском и в современном датском языке слово *háls/hals* – это «шея», и в качестве географического названия вполне могло использоваться как обозначение «горла» залива, фьорда. Известно, что узкая песчаная коса, отделявшая на западе фьорд от Северного моря, была размыта сильнейшим штормом 3 февраля 1825 г. Так возник Agger Kanal, который функционировал лишь до 1877 г., однако штормом 1862 г. был размыт еще один выход в Северное море, на 3 км южнее прежнего, – Thyborøn Kanal, навигация в котором поддерживается и в настоящее время (<https://da.wikipedia.org/wiki/Limfjorden>). Итак, древний фьорд в начале XIX в. превратился в пролив. Однако история Лимфьорда несколько сложнее. Об этом свидетельствуют тексты средневековых скандинавских авторов, которые и будут рассмотрены в данном докладе.

В целом ряде древнескандинавских источников имеются свидетельства наличия соединения Лимфьорда с Северным морем на много веков раньше указанного выше времени. Так, два исландских скальда XI в., описывая поездку Кнута Могучего из Дании в Англию (1026–1028), упоминают именно этот маршрут: Торарин Славослов в поэме «Тёгдрапа» (строфа 1) говорит, что конунг Кнут, отправляясь в путь, вывел свои корабли из Лимфьорда, а Сигват Тордарсон в «Драпе о Кнute» (строфа 8) рассказывает, как Кнут вернулся из этого славного похода с запада и вошел в Лимфьорд. Небезынтересным комментарием сопровождаются строфы Торарина в «Круге земном» Снорри Стурлусона (около 1230 г.): «Здесь (т. е. в этой поэме – *Т.Д.*) говорится о том, что сочинивший эти стихи своими глазами видел то, о чем он рассказывает, ибо Торарин гордился тем, что, когда Кнут конунг приплыл в Норвегию, он был вместе с ним» (ОН 172). Скальд тем самым позиционирует себя как очевидца этого похода.

Но вот как пишут о том же походе датские хронисты конца XII – начала XIII в. Свен Аггесен в гл. 11 «Краткой истории датских королей» (после 1185 г.) сообщает, что Кнут, собравшись в поход на Англию, «отправился к Хумлumu, который в те дни был заливом, соединяющимся с морем; там он велел собраться войску». Хумлум (Humlum) на современной карте Дании – это небольшое поселение к югу от Оддесунна, примерно в пятидесяти км от западного выхода из Лимфьорда. Но вот слова Свена «в те дни был заливом» заставляют думать, что за полтора века на открытом выходе в океан образовался песчаный перешеек. Нашу догадку подтверждает Саксон Грамматик, сообщающий в «Деяниях датчан» (начало XIII в.), что, собирая флот, Кнут приплыл в Лимфьорд, «из которого узкий канал ведет к морю, некогда судоходный, но сейчас перекрытый наступающими песчаными отмелями» (XI. 13). Простирающимся от пролива Каттегат на востоке до Северного моря на западе видится Лимфьорд Саксону и во времена Оттона I (936–973): по свидетельству хрони-

ста, преследуя Харальда Гормссона, он дошел до Лимфьорда, «который в ту пору своими водами отрезал Вендсюссель» (Х. 2). Автор Жития Св. Кнута (около 1220 г.) уточняет, что Кнут перешел «через реку, которая зовется Лимфьорд, к острову Вендель. Поскольку тогда он был островом... сегодня его скорее называют мысом, чем островом». Любопытно, что сведения о существовании в X–XI вв. западного выхода из Лимфьорда принадлежат двум, хоть и скандинавским, но не взаимосвязанным традициям: датские хронисты не обращались к стихам скальдов за информацией, хотя последние безусловно заслуживали и (по общему мнению исследователей) заслуживают доверия.

Время наступления песков и уничтожения свободного выхода из Лимфьорда в западном направлении может подсказать отразившийся в «Круге земном» Снорри Стурлусона рассказ о норвежском конунге Харальде Суровом Правителе, который вскоре после основания им торгового города Осло (1048 г.) как-то летом на нескольких легких кораблях и с небольшим войском поплыл на юг по Вику (Осло-фьорду), приплыл на Ютландию, начал грабить, но, встретив сопротивление местных жителей, вошел на кораблях в Лимфьорд и, преследуемый датчанами, добрался до того места, где «внутренняя часть залива отделена от моря на западе узким перешейком». «Ночью же, когда стемнело, они разгрузили корабли и перетасили их через перешеек, и до наступления дня они закончили работу и вновь приготовили корабли к плаванию, после чего отплыли на север вдоль Ютландии» (HarSig 58). За этим рассказом Снорри следуют слова: «Тогда сказали они», и приводятся две строки скальдической строфы: «Вывался Харальд из рук данов». В «Саге о Кнютлингах» (ок. 1250 г.) и «Саге о Хрольве Пешеходе» (начало XIV в.) преодоленное Харальдом препятствие получает имя: «внутри фьорда на запад к морю лежит перешеек Харальда, ибо здесь конунг Харальд Сигурдарсон велел перетасить свои корабли, когда спасался от конунга Свейна» (GHS 37). Эти факты заставляют думать о существовании устной традиции, связанной с неудачным военным предприятием Харальда Сигурдарсона, которая донесла до нас также сведения об исчезновении к середине XI в. сквозного пути через Лимфьорд, наличие которого фиксируется скальдами начала того же века. Если же эта история принадлежит фантазии Снорри Стурлусона, то уж превращение Северо-Ютландского острова в часть полуострова Ютландия к рубежу XII–XIII вв. сомнения не вызывает.

К сожалению, остается открытым вопрос о том, когда тот сквозной водный маршрут, который исландские скальды первой трети XI в. называют Лимфьордом, перестал этим фьордом быть. Боюсь, что письменных источников для его решения не существует.

**Людвиг Гессен-Гомбургский.
Материалы к истории военной элиты 1730–40-х годов**

Принц Людвиг Гессен-Гомбургский, судя по материалам его архива в фондах ВИМАИВиВС, был личностью совершенно особенной и одновременно эталонно типичной для русской культуры 1730–40-х гг. (библиографию и ссылки на документы см.: *Вознесенская И.А.* Архив ландграфа Людвиг Гессен-Гомбургского как источник по истории военной элиты 1730-х гг. // *Правящие элиты и дворянство России во время и после Петровских реформ (1682–1750).* М., 2013. С. 213–224). Настолько особенной, что его биографию трудно отнести к какой-либо группе, отвечающей обычным характеристикам просопографического описания. В разные периоды своего пребывания в России он входил и в состав иноземцев, предпочетших армейскую службу флотской, и в число т. н. немецкой партии при дворе Анны Иоанновны. При Елизавете Петровне стал одним из четырех генерал-фельдмаршалов русской армии, в то время как еще один генерал-фельдмаршал – князь И.Ю. Трубецкой – приходился ему тестем.

Начал он службу в России с 18 лет полковником Нарвского полка. Быт его был скромным. Долги легко объясняются чудовищными задержками выплат жалованья. Покой в Ревеле, которые он занял в 1726 г., выехав из жилища в Гапсале, удалось снять за 13 рублей в месяц – «уговорили с творецком» (Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 3. Д. 107. Л. 1). В описи квартиры указаны 3 «избы», обитые шпалерами, и три помещения без шпалер, в том числе 2 комнаты поварские. Среди мебели нет кровати, но есть деревянные шкафы «без самка», столы разной величины и 16 стульев (6 обиты кожей, 1 сломан), на кухне деревянные лавки. В 1727 г. государыня Екатерина Алексеевна пожаловала ему с братом Карлом дом «бывшего господина Синявина» на Адмиралтейской стороне, в котором, правда, не было «людских покоев» (Там же. Д. 107. Л. 382–382 об.). Принц писал государыне и полицмейстеру о своей проблеме, чтобы ему разрешили продолжить начатое плотниками строительство.

С повышением по службе принц на многие годы погрузился в походную жизнь. Однако в 1738 г. он по случаю приобрел жильё в Немецкой слободе в Москве, которое годилось в качестве путевого дома, но роскошью не отличалось. Главной его ценностью, кроме тепла после протопки, были стаканы и вино. Впрочем, принца после свадьбы в 1738 г. вполне устраивал дом на Миллионной, принадлежавший его высокородной супруге – Анастасии Ивановне, урожденной княжне Трубецкой.

В годы после миротворческих успехов принца в Польше у него появилось имение в Малороссии, которое приносило урожай гречихи. Отчёты по делам имения он регулярно получал с 1738 г.

Среди пристрастий принца к материальным благам отметим склонность к гурманству. Первые симптомы этой благородной слабости можно обнаружить в доношениях ему в Гапсаль, где среди перечисления пересылаемых припасов для полка есть упоминание о вине и огородных овощах для принца (Там же. Д. 92. Л. 180 об.).

Позже, после его пребывания командующим русских войск на Кавказе, ему отсылали из Астрахани в Петербург арбузы. Из Москвы и Малороссии – варенье и огурцы, а также рыбу и вино. В письмах к нему на персидском языке его мусульманские доброжелатели передавали поздравления с Пасхой не только ему и его супруге, но и кухмейстеру, который, видимо, был бессменным. На обороте одного из писем просителей, набросан расчет за покупку посуды и продуктов, предназначенных к изысканной трапезе: вкушать предполагалось кофе с сахаром, сыр, мед и чернослив с французской водкой (Там же. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 505. Л. 105 об.). Все прочее невозможно измерить ни фунтами, ни рублями.

На балах он был естественен и мил. В работе чрезвычайно деятелен. Всё, чем он занимался в годы, когда его повысили в чинах и предоставили возможность проявить себя на Кавказе и в Польше, отмечено искрами личности, живущей в стиле барокко. На Кавказ он ехал в одном обозе с музыкантами – «флейщиками и гобоистами»; недалеко от крепости Святого Креста его ждало опасное приключение, но он ловко выиграл бой с татарами, остроумно расставив небольшие силы и артиллерию, попал в окружение и еле усакал от погони; в Дербенте исследовал местную экзотику, покупал перстни, изорбафы и даже верблюдов. Коллегией иностранных дел ему дана была инструкция и алфавит (символический образ мира!) с ключом к тайнописи, на которой он получал вести от резидентов в Турции и Иране; общался с кабардинцами, калмыками, армянами, грузинами из разных социальных слоев. Среди грузин были и торговцы, и доверенные лица грузинского царя Вахтанга.

В Польше он успокоил волнения в Подольском воеводстве оружием вверенных ему войск и казнью своих же казаков-разбойников. Во Львове и других городах устраивал торжественные приемы и балы, в том числе в честь русской императрицы; крестил детей, общался с духовенством и местной аристократией.

Будучи генерал-фельдцейхмейстером (1735–1745 гг.) принц много времени уделял организации фейерверков и инвентарям в этой области. В московской резиденции обеих благоволивших ему русских императриц в Анненгофе он не только занимался салютами, исполненными символических аллегорий, но даже помогал с подбором персонала для театра. Как ценитель внешних эффектов военной службы, он позаботился о новом долгожданном и роскошном знамени Артиллерийского полка (1738 г.), которое с 1721 г. не менялось и только латалось. В 1744 г. под его наблюдением было построено столь же дорогостоящее знамя для лейб-кампанцев.

Конечно, таким человеком дорожили обе русские царицы, которые заботились о развитии придворной культуры и прививали новые социальные навыки своему окружению. Поэтому нельзя приписывать блестящую карьеру принца только лишь его происхождению и мнимой безобидной ничемности, как можно подумать, просмотрев очерки о нем. Он был ярким носителем новой для России зрелой западноевропейской барочной культуры, и это и есть, как мы полагаем, тот важный признак, по которому следует судить о принадлежности принца к тому или иному кругу лиц элиты двух правлений эпохи дворцовых переворотов.

Л.И. Добровольская (Санкт-Петербург)

К вопросу об изготовлении орденских знаков во время царствования императрицы Елизаветы Петровны

Формирование орденой системы Российской империи, начавшей свое существование при Петре I, предполагало создание структурного подразделения, осуществлявшего ведение орденских дел. Первоначально этими вопросами занимался Посольский приказ, затем – Коллегия иностранных дел (далее – КИД), а с 1797 г. – Орденский Капитул. Одним из направлений деятельности КИД в этой сфере было обеспечение необходимого количества орденских знаков, складывавшегося из новых знаков и прошедших реставрацию или переделку знаков, возвращенных после смерти кавалеров.

Благодаря ряду публикаций, базирующихся на архивных материалах и воспоминаниях современников, в настоящее время известны имена некоторых мастеров, изготавливавших первые орденские знаки. Это золотых дел мастера Вестфаль, Ефим Фрезе, Иван Бейер, А.Я. Клерк; работавшие в Оружейной Палате с эмальями А.Г. Овсов и, предположительно, Г.С. Мусикийский; звезды вышивали в мастерских барона А.Г. Строганова (*Дуров В.А. Русские боевые награды за Полтавское сражение // Нумизматика и сфрагистика. Вып. 5. Киев, 1974; Орден Св. Александра Невского при Петре I // 17 ВНК. М., 2013. С. 180–182; Вилинбахов Г.В. Награды России. Ордена. СПб., 2006. С. 18; Левин С.С. Изготовление первых знаков ордена Св. Андрея Первозванного // 15 ВНК. М., 2009. С. 224–225*).

Документы, хранящиеся в АВПРИ, позволяют не только дополнить этот список, но и представить себе работу КИД по заготовлению орденских знаков. В архивных делах начала 60–70-х гг. XVIII в. содержатся сведения о количестве заказываемых знаков, их ценах и использовании знаков, возвращенных после умерших кавалеров. Есть в них упоминания о мастерах – изготовителях знаков (Ф. 17. Оп. 1. Д. 43, 45).

В июле 1753 г. в КИД имелось 23 креста ордена св. Андрея Первозванного: пять новых и 18 старых, имевших повреждения. Высочайшим Указом было определено переделать последние на 10 «по новому фасону» у золотых дел мастера в Москве или Петербурге – где «дешевле возьмут». Необходимое для этого золото было получено при переплавке старых крестов с добавлением иностранных червонцев. Готовые знаки тщательно взвешивались, после чего производилась оплата «работы по договору якоже и к письму по финифте изображения св. Андрея на краске и на прочее» (Д. 45. Л. 16).

Подобный указ касался и знаков ордена св. Александра Невского. В октябре 1752 г. в КИД имелось в наличии 10 крестов этого ордена, четыре из которых, старого фасона, предписывалось переделать и изготовить еще шесть крестов. Для получения золота нужной пробы на Санкт-Петербургский Монетный Двор (далее – СПбМД) были отправлены старые кресты, три золотые с эмалью медальона по цене 6 руб. 90 коп. за штуку и три небольших слитка весом 11 $\frac{5}{8}$ зол. по цене 30 руб. 9 коп. Вес золота после удаления эмали равнялся 86 $\frac{3}{8}$ зол., что вместе со слитками составило 1 фунт 2 зол. (418,068 г). Для приведения полученного золота 79⁰ в установленную пробу 84⁰ было использовано 111 голландских червонцев весом 89 $\frac{3}{4}$ зол., а также истрачено 5 $\frac{1}{4}$ зол. меди. В полученном слитке было 2,5 фунта (902,133 г) золота, $\frac{1}{2}$ зол. составил угар. Расходы за медь и за работу плавильщиков составили 90 коп. Через регистратора Ивана Дронова слиток был передан в КИД, где был занесен в приход с оценкой в 496 руб. 65 коп.

Впредь предписывалось иметь в Коллегии не менее десяти крестов ордена св. Андрея Первозванного, и 15 – ордена св. Александра Невского, причем кресты должны быть одного фасона и проходить обязательное клеймление (Д. 45. Л. 16; Д. 43. Л. 1, 5, 6).

В документах названы имена двух мастеров, производивших орденские знаки: иноземец Роджер Паулер и петербургский золотых дел мастер Петр Родшер. Первый упомянут в связи с изготовлением элементов для цепей и знаков ордена св. Андрея Первозванного. Второй изготовлял кресты ордена св. Александра Невского и финифтяные медальоны для их ремонта. Предполагалось, что Родшер будет делать кресты ордена св. Андрея Первозванного, для чего в октябре 1753 г. ему из Москвы был послан образец орденского знака для выяснения стоимости работы (Д. 45. Л. 2, 4, 13, 15; Д. 43. Л. 6).

Помимо орденских крестов в КИД имелся необходимый запас звезд, некоторые из которых от долгого лежания пришли в негодность: «почернели и оббились». Их было решено отослать для выжигания серебра на СПбМД. Определенный интерес представляют цены на эти звезды, представленные в учетных документах: три звезды ордена св. Андрея Первоз-

званного оценены по 3 руб. 96 коп., и четыре – по два руб. каждая; звезда ордена св. Александра Невского оценена в два руб. (Д. 45. Л. 7).

Через несколько лет Указом от 26 августа 1759 г. предписывалось купить или изготовить по присланным образцам по шесть звезд обоих орденов, не дороже четырех руб. за штуку. Они были заказаны в доме барона Николая Строгонова. Половину заказа было обещано изготовить через неделю, и 20 сентября они были отправлены в Петербург в «особливом ящике, обернутом вощанкою». Через 10 дней была отправлена вторая часть заказа и образцовые экземпляры. Тогда же были выплачены полагавшиеся за звезды 48 руб. (Ф. 17. Оп. 1. Д. 72).

Кроме крестов, цепей и звезд, в комплект орденских знаков входили орденские ленты, которые, как следует из документов, закупались за границей. В 1758 г. российский дипломат (в 1756–1757 гг. поверенный в делах при французском дворе) Ф.Д. Бехтеев (1716–1761) на выданные из КИД 300 руб. закупил в Париже «кавалерских лент пунцовых 26, а голубых 66 аршин», а также коробочки к ним. Бехтеев превысил смету на 46 руб. 63 коп., разница была возвращена ему из средств на чрезвычайные расходы (Ф. 17. Оп. 1. Д. 69).

Сумма ассигнований на орденские знаки напрямую зависела от количества награждений. В 1760 г. на изготовление и покупку знаков двух российских орденов было выделено 3500 руб., а в феврале 1762 г. (вместе со знаками ордена св. Анны) – уже 5000 руб. (Ф. 17. Оп. 1. Д. 82). Знаки орденов св. Андрея Первозванного и св. Александра Невского, украшенные бриллиантами, и св. Екатерины через КИД не заказывали: их изготавливали бриллиантовых дел мастера как за рубежом, так и в России, в Москве и Санкт-Петербурге (*Лопато М.Н.* Ювелиры Старого Петербурга. СПб., 2006. С. 205, 206, 209; *Кузнецова Л.К.* Петербургские ювелиры. Век восемнадцатый, бриллиантовый... СПб., 2009. С. 101, 117).

Л.И. Добровольская (Санкт-Петербург)

К истории создания труда графа Шарля Пажоля «Armée Russe»*

Одним из важных аспектов изучения наградной системы любого государства, наряду со сведениями об учреждении и бытовании орденов, является информация, касающаяся как внешнего вида орденских знаков, так и их изображения в фалеристической литературе. Это относится и к орденским знакам, входившим в наградную систему Российской империи. Хорошо известно, что на протяжении своей более чем двухвековой истории дизайн орденских знаков неоднократно менялся. Происходило это как в законодательном порядке, так и при смене фирмы-производителя. Информация, касающаяся – среди прочего – и этих изменений, нашла отражение в

орденских статутах, Высочайших указах и повелениях (в том числе включенных в ПЗРИ), ряде архивных документов и некоторых обобщающих трудах по фалеристике. Правильности изображения первых российских орденов в ряде западных изданий посвящена статья М.А. Добровольской «Первые русские ордена в зарубежной научной литературе XVIII в.» (Генеральдика в прошлом, настоящем и будущем. СПб., 2000. С. 22–25).

В дальнейшем отношение к качеству подобных изображений изменилось, о чем можно судить по хранящемуся в РГИА делу «О составлении по высочайшему повелению рисунков орденских звезд, медалей и лент» (Ф. 496. Оп. 2. Д. 1610) для труда капитана французского Генерального Штаба графа Шарля Пажоля (1812–1891), посвященного российской армии. Документы датируются 1851 г. и представляют собой переписку по этому вопросу Капитула орденов и Военного Министерства.

Согласно рапорту Управляющего Военным Министерством кн. В.А. Долгорукова (1804–1868) Канцлеру российских орденов гр. В.Ф. Адлербергу (1792–1884), гр. Пажолю было дано высочайшее разрешение на получение из Капитула изображений орденов, звезд и медалей. Составление рисунков было поручено известному российскому архитектору академику А.И. Кракау (1817–1888), занимавшему в то время должность штатного архитектора в Кабинете Его Императорского Величества. Начальником Литографии департамента Военных поселений была представлена таблица с указанием, во что обойдется «награвирование и раскраска» или «нарисование с раскраской» орденских и других знаков отличия.

Из таблицы видно, что стоимость награвирования орденских знаков колеблется от 50 (св. Андрея Первозванного с цепью, Белого Орла) до пяти руб. (св. Анны 4 ст.), для тех же орденов раскраска – от 12 до двух руб., рисунок на бумаге – от 30 до трех рублей. Для орденских знаков свв. Александра Невского, Георгия и Анны 1-х ст. и свв. Екатерины, Владимира и Станислава 1-ых и 2-х ст. стоимость награвирования составляла 40 руб.; раскраски – 10 руб., рисунок на бумаге стоил 25 рублей. Награвирование знаков орденов свв. Георгия 2-й ст., Владимира 3-й ст., Анны 2-й ст. без короны и Станислава 3-й ст. стоили 20 руб., раскраска – пять руб. (для знака ордена св. Георгия) и шесть руб. (для остальных), рисунок – 10 и 15 руб. соответственно. Низшие степени орденов свв. Георгия и Владимира стоили 10, три и шесть рублей.

Награвирование холодного оружия стоило пять руб., раскраска – один руб., рисунок – три рубля.

Золотые и серебряные медали с надписями «За усердие», «За усердную службу», «За полезное», «За храбрость», «За отличие», «За спасение погибавших» стоили шесть, два и четыре руб. (среднего размера), малые – пять, два и три рубля.

Интересно, что стоимость некоторых знаков того же времени производства фирмы Кейбель была ниже, чем их награвирование и раскраска,

рисунок на бумаге стоил немного дешевле. Так, знаки высших степеней орденов свв. Георгия и Владимира (без мечей) из золота 72-й пробы стоили 13 руб., 3–4-й ст. – восемь руб.; св. Анны 1-й ст. – 18 руб., 2-й ст. – 15 руб., св. Станислава 1-й ст. – 35 руб., 2-й ст. – 32 руб. (с короной); 3-й ст. – 17 рублей.

Что касается стоимости сложных в исполнении орденских знаков, она намного превосходила суммы, присланные Литографией.

Так, знак ордена св. Андрея Первозванного стоил 89 руб. 40 коп., цепь – 260 руб.; св. Екатерины 1-й ст. – 350 руб., 2-й ст. – 175 руб.; Белого Орла – 114 руб. 15 коп. Это же относится и к холодному оружию. Например, палаш, оценивался в 525 руб., кавалерийская сабля – в 305 руб., а казачья шашка – в 296 руб. (РГИА. Ф. 496. Оп. 2. Д. 1624).

Поскольку общая сумма в 482 руб. серебром, выставленная Литографией, была весьма значительной, встал вопрос об оплате расходов. Кроме того, часть медалей (за 1812 и 1814 гг., за Турецкую войну, Польскую и Венгерскую кампании) надо было получать в Инспекторском Департаменте Военного Министерства.

Для решения проблемы Капитул Орденов предложил использовать книгу Ж. Брессона, поскольку помещенные в ней изображения российских орденов «нарисованы и раскрашены совершенно удовлетворительно, согласно Высочайше утвержденным образцам». (*Bresson J. Précis historique des ordres de chevalerie, décorations militaires et civiles, reconnus et conférés actuellement par les souverains régnants en Europe et dans les États des autres parties du monde. Paris, 1844*). В итоге из Капитула гр. Пажолю были отправлены два листа рисунков с золотыми и серебряными медалями и лентами общей стоимостью в 26 рублей.

Труд гр. Пажоля был издан в Париже в 1856 г. (*Pajol Charles. Armée Russe. Paris, 1856*). Хранящийся в РНБ экземпляр состоит из 80 листов, 56 из которых – цветные литографии с изображениями солдат и офицеров русской армии и членов императорской семьи; на остальных – флаги, детали обмундирования, таблицы, представляющие структуру российской армии. Только на одном листе (Таб. 5–6) помещены изображения знаков орденов Белого Орла, св. Станислава и *Virtuti Militari*, серебряный Знак отличия Военного ордена, знак выслуги лет на георгиевской ленте за 15 лет, восемь медалей, получаемых через Военное Министерство (кроме упомянутых выше медали «За Персидскую войну» 1826 г., «За взятие Ахульго» 1839 г. и оборону Севастополя 1854–1855 гг.). Очевидно, Пажоль решил ограничиться изданием лишь некоторых орденов, знаков и медалей, вошедших в наградную систему в XIX веке.

В настоящее время этот труд, являющийся большой библиографической редкостью, хранится в разной комплектности в крупных отечественных и зарубежных библиотеках, ведущих музеях, а также продается на таких известных аукционах, как Christie's.

** Тезисы доклада на конференции 2016 г., пропущенные при подготовке прошлого сборника материалов. Редколлегия приносит автору свои извинения.*

К.А. Елохин (Москва)

К вопросу о геральдике знати майя

Во время завоевания испанцами Юкатана и сразу после него потомки династии властителей г. Майяпана из рода Кокомов, титуловавшиеся *ха-лач виник*, сохранили за собой большие земли и получили титульный предикат «дон», герб и звание Капитана. Другие представители знати народов майя имели те же привилегии, хотя количество земель в их владении было не очень большим и с течением времени (и в результате продаж некоторых участков) уменьшалось.

Исследователь Р. Гублер описывает документ, который хранится в Музее г. Саусвеста, в коллекции Вилларда, и называется «Редкие документы Королевского Дома Кокомов». Материал документа – бумага, размер: 11 $\frac{3}{4}$ x 8 дюймов, в центре водяные знаки в виде инициалов «L.D.», на одной из страниц изображены птица и крест. Птица держит в когтях стрелу. Справа над её хвостом изображено солнце с девятью лучами. Вероятно, птица может являться тотемом рода Кокомов. Сопровождающая надпись гласит: «индейская вышивка, найденная в Сотуте, представляющая силу, согласно повествованиям индейцев». Имеется там же и другая надпись: «Наследие Кокомов по их заказу: копия на испанском языке о гербе семьи Кокомов в хорошо понятных иероглифах» (*Gubler R. Primus inter pares: The Ruling House of Cocom // Indiana. 2000/2001. Vol. 17/18. P. 239–267*).

Известны и другие случаи предоставления новой колониальной властью гербов касикам Гватемалы, пережившим Конкисту. Например, герб, данный представителю знатного рода из народа киче, титуловавшемуся *Нихаиб*. Знать народов майя имела и иные гербоподобные знаки.

Изучение геральдики знати майя невозможно без понимания положения их знати. У каждого из народов майя в XVI в. знать обладала разными титулами, в зависимости от местных культурных традиций и могла владеть рабами.

В начале XVI в. лишь представителям индейской аристократии разрешалось селиться в основанных испанцами городах, а прочим индейцам это было запрещено. К концу XVIII в. всё изменилось, и незнатные майя, поселившиеся в городах, работали сапожниками, каменщиками, плотниками, торговцами свечами и их изготовителями, а также глашатаями. Потомки знатных майя, которым не довелось занять руководящие посты, занимались раскрашиванием многоцветных сосудов, иллюстрированием

рукописей, художественной обработкой камня. Менее трети представителей знати получали возможность занять руководящую должность, большая же часть знати народов майя становилась монахами.

Богатство в понимании майя, означало не присвоение и накопление материальных ценностей, а обладание гарантированными правами и полномочиями на использование человеческих ресурсов, бедные же люди работали сами на себя и чья-либо помощь им не гарантировалась.

В связи с этим становится понятным тот факт, на который обратили внимание отечественные исследовательницы Е.Ю. Лыкова и Н.А. Коновалова отмечавшие, что в начале XVI в. в Новой Испании местная знать «была лишена многих привилегий. По свидетельству испанского чиновника Сориты, «сеньоры поселения, называемого Утатлан..., были также бедны и нищи, как и самый бедный индеец. Их жены готовили тортильи, поскольку не имели слуг и средств их содержать, сами таскали воду и дрова для своих домов» (Лыкова Е.Ю., Коновалова Н.А. «Испанизация» и «духовная конкиста» Центральной Америки: первые шаги // Мир индейцев. История, культура, мифология, фотографии, фильмы [электронный ресурс] – Режим доступа: URL: [http:// www.indiansworld.org/ lycspan.html](http://www.indiansworld.org/lycspan.html) #. V-TLC_197IU (дата обращения: 23.09.2016); см. также: Carmack R.M. Evolucion del Reino Quiche. Guatemala, 1979. P. 297). Оставаясь властью для своих соплеменников, знать майя зачастую выглядела в глазах испанцев такими же нищими, как и остальные общинники и признание их благородства было маловероятным. Доказательством благородного происхождения могли бы служить документы, такие как, например, «Генеалогическое древо Шиу», сохранившееся в составе так называемых «Бумаг Шиу из Йашха» (*Quezada S., Okoshi Harada T. Papeles de los Xiu de Yaxa, Yucatán. México, 2007*).

Очевидно различие представлений о власти и богатстве у конкистадоров и майя, чья знать иногда выглядела в глазах испанцев экономически необеспеченной, а также отсутствие земли и большого количества зависимых людей, что не позволяло испанской знати признать представителей знати майя равными себе.

В отличие от других американских цивилизаций, так или иначе принявших и поддерживавших конкистадоров, майя вплоть до конца XVIII в. отнюдь не везде признавали власть испанцев. Тогда становится понятным, почему касикам народов майя испанцы практически не жаловали гербы и титульный предикат «дон».

Испанская корона раздавала гербы вовсе не так щедро, как это происходило в эпоху Реконкисты на Пиренейском полуострове. В XVI в. монархи и их советники не забывали о том, что в Испании и так был высок процент лиц, свободных от уплаты налогов (10 % населения, согласно современным данным)» (Лыкова Е.Ю. Города конкистадоров: социальная стратификация и власть // Мир индейцев ... – Режим доступа: URL: <http://>

[www.indiansworld.org/ conquistador_ciudad.html#](http://www.indiansworld.org/conquistador_ciudad.html#). V-TLC_197IU (дата обращения: 23.09.2016)). Поэтому требовались исключительные обстоятельства для того, чтобы какой-либо конкистадор стал хлопотать в Испании о даровании герба тому или иному местному владыке.

В городах селились потомки *халач виников*, власть которых была номинальной; настоящая власть была в руках глав сельских общин *батабов*, у которых гербов быть не могло. Большое значение имела депопуляция местного населения, с уменьшением которого исчезала и власть местной знати, и её важность для испанцев. По этим причинам местная знать практически не вписалась в складывавшуюся аристократию Новой Испании. Поэтому геральдика как эмблематическая система не прижилась, за отдельными исключениями, у правителей майя, гербы для большей части которой были практически недоступны.

И.Е. Ермолова (Москва)

Римский император Констанций II

Фигура Констанция II, находившегося в тени затмевавшего его современника Юлиана, который получил в христианской литературе прозвище Отступника, до последнего времени привлекала мало внимания исследователей. Тем не менее этот правитель достаточно долго находился у власти: с 323 г. в должности Цезаря, в 337 г. был провозглашен Августом, с 350 по 361 г. правил единолично, и его деятельность заслуживает отдельного рассмотрения.

Основным источником по данной проблеме является труд выдающегося римского историка Аммиана Марцеллина, который был свидетелем, а иногда и участником описываемых событий.

У Аммиана Марцеллина встречается довольно много негативных суждений об императоре Констанции, поскольку именно этот период его правления освещен в сохранившейся части текста «Деяний». Главные обвинения, которые историк предъявляет правителю, сводятся к его чрезвычайной подозрительности, склонности верить любому слуху о злоумышлении против его власти, зависимости от мнения приближенных. Аммиан утверждает: «Всякий донос, сомнительный или даже заведомо ложный, он принимал за чистую монету. ... И как на болезненный организм сильно действуют даже ничтожные потрясения, так он, при своей ограниченности и подозрительности, все, о чем ни доходили до него вести, считал совершенным или задуманным на гибель ему, и убийствами невинных делал кровавым свое торжество. Стоило только возникнуть слуху, что кто-нибудь из военных чинов или гражданских властей, или просто какой-нибудь видный в своей среде человек стоял на стороне вражеской партии, как его заковывали в цепи и тащили, как дикого зверя, хо-

тя бы с обвинением выступал личный недруг данного человека, или даже не оказывалось обвинителя вовсе; словно было достаточно, что его называл слух, что был сделан донос, что он отдан под суд, чтобы произнести над ним смертный приговор, присудить к конфискации имущества или к ссылке на острова. К жестокости императора в случаях, когда речь шла об умалении или оскорблении величества, и к его вспыльчивости и возбужденной подозрительности присоединялась кроважидная лесть придворных, которые преувеличивали разные случайные происшествия и притворно выражали глубокую скорбь по поводу опасности для жизни государя, от благоденствия которого, по их лживым заявлениям, непосредственно зависит благосостояние вселенной. Поэтому когда ему подносили на утверждение, согласно обычаю, приговор, он никогда, как рассказывают, не миловал осужденных за эти и тому подобные проступки» (*Amm. Marc.* XIV. 5. 1–5; здесь и далее перевод Ю.А. Кулаковского, А.И. Сонни). Еще один повторяющийся мотив в характеристике Констанция – его победы в борьбе с соперниками за власть и постоянные поражения в конфликтах с другими народами: «Насколько во внешних войнах этот государь терпел урон и потери, настолько он возносился удачами в междоусобицах и был весь забрызган гноем, истекавшим из внутренних нарывов государства» (*Amm. Marc.* XIV. 10. 16; XVI. 10. 2; XXI. 16. 15; XIX. 12. 16; XX. 11. 32; XXI. 1. 2).

При анализе суждений подобного рода возникает вопрос о степени их объективности. Проблема достоверности исторического источника всегда имеет первостепенное значение. Если же таковым является историческое сочинение, то чрезвычайно важно попытаться понять, почему его автор в тех, или иных случаях мог быть субъективен, так как полностью беспристрастных текстов не существует.

По мнению многих авторитетных исследователей творчества Аммиана Марцеллина, его труд в целом достоверен и объективен, трактовка событий, как правило, основывается на очевидных доказательствах.

Большое значение историк придает источникам изложенной им информации и утверждает, что свой труд он писал как на основе того, что довелось ему видеть как современнику, так и того, что можно было узнать у непосредственных свидетелей при тщательном опросе (*Amm. Marc.* XV. 1. 1; 9. 6; XXII. 8. 1; XXII. 15. 1). Глубокая осведомленность в делах империи и компетентность в их интерпретации обусловлены служебной деятельностью Аммиана Марцеллина, который в течение не менее семи лет был протектором-доместиком (штабным офицером) под началом магистра конницы на Востоке Урзичина и был ему чрезвычайно предан (*Amm. Marc.* XIV. 9. 1; XVIII. 6. 5; XIX. 8. 12).

Но не всегда причастность Аммиана Марцеллина к тому, что он позже описывал, способствовала усилению объективности повествования. Видимо, против воли автора личные мотивы и пристрастия проникали в

текст. Историк страстно обвиняет императора Констанция в недоброжелательном отношении к своему любимому командиру, а его окружение в злостных интригах против него, но степень их козней явно преувеличена, так как во всех действиях Констанция по отношению к Урзицину Аммиан усматривает тайный смысл (*Amm. Marc.* XV. 2. 1–6; XV. 5. 19; XX. 2). Натянутые отношения непосредственного начальника с императором были не единственным фактором, усугублявшим негативное отношение историка ко всем действиям правителя. Признанным кумиром автора «Деяний» является Юлиан. Все это, вероятно, привело к тому, что не только изображение отдельных событий в «Деяниях» могло быть весьма односторонним, но и представление о том, что главной причиной атмосферы всеобщей подозрительности и неопределенности был характер Констанция, явилось истинным отражением его собственного опыта.

Свидетельством того, что Аммиан – выдающийся историк, и труд его в целом действительно достоверен и объективен, является то обстоятельство, что, несмотря на его враждебность к Констанцию, которого он, видимо, считал тираном, в его собственном труде можно найти опровержения суждений об этом императоре. Так, Аммиан Марцеллин неоднократно сообщает о дельных распоряжениях Констанция во время военных действий (*Amm. Marc.* XIV. 10. 12; 15; XVII. 13. 6; XIX. 11. 4), о его заботе о безопасности государства (XVI. 10. 20; XV. 8. 1–6), о его победах над пограничными народами (XVII. 12; 13.11; 24; XIX. 11. 15; XX. 11. 32), о вполне справедливых судебных разбирательствах (XV. 2. 9) без которых в тогдашней политической обстановке было не обойтись (*Amm. Marc.* XIX. 12. 17), о том, что он обладал не только пороками, но и добродетелями (XVI. 10. 10–14; XXI. 16. 1–7), наконец, о том, что он старался украсить города новыми постройками (XVI. 10. 17).

Таким образом, при внимательном и непредвзятом чтении «Деяний» оказывается, что Констанций II был не таким уж плохим правителем.

А.Е. Жуков (Санкт-Петербург)

Водяные знаки Супрасльского сборника 1507 года: предварительные наблюдения

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 16-04-00276

«Русская рукописная Библия Матфея Десятого 1507 г.

Подготовка издания»

Супрасльский сборник 1507 г. (БАН, 24.4.28) является выдающимся памятником древнерусской письменности. Его составитель, Матфей Иванович Десятый, попытался соединить под одним переплетом славянские переводы книг Ветхого и Нового заветов, ранее бытовавшие разрозненно.

Книжник написал текст изящным полууставом с использованием киновари, синей краски и золота, украсил листы рукописи инициалами и заставками. Таким образом, Библиейские книги Матфея Десятого являются не только уникальным памятником, который можно поставить в один ряд со знаменитой Геннадиевской библией, но и шедевром славянского книжного искусства.

Исследователи неоднократно обращались к изучению сборника. В частности, рассматривались кодикологические особенности данной рукописи. В ней были выявлены два почерка. Первый принадлежал самому Матфею Десятому, второй – другому писцу (*Алексеев А.А., Лихачева О.П.* Супрасльский сборник 1507 г. // Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги. Л., 1978. С. 56–58). Было установлено также, что Сборник состоит из двух частей. Первая часть (л. 1–477 об.) содержит собственно библиейские книги (*Алексеев А.А., Лихачева О.П.* Указ. соч. С. 60–84), во вторую (л. 478–550) вошли службы праздникам из Минеи праздничной и Триоди (Там же. С. 85). Однако вопрос о кодикологических особенностях Сборника 1507 г. нуждается в дальнейшем изучении. В настоящей работе мы обратимся к анализу водяных знаков бумаги, на которой написана рукопись.

А.А. Алексеев и О.П. Лихачева указали только два водяных знака – голова быка (*Briquet Ch.M. Les Filigranes. Vol. 4. Genève, 1907. № 15391, 1496 г.*) и тиара (*Briquet. Vol. 1. № 4922, 1506 г.*). Следовательно, по мнению ученых, Сборник написан на бумаге всего двух партий. Однако в ходе просмотра филиграней рукописи нам удалось установить, что водяных знаков в Библиейских книгах Матфея Десятого намного больше. В общей сложности в обеих частях Сборника было выявлено приблизительно сто различных филиграней. Подавляющее большинство водяных знаков принадлежит к двум разновидностям – голова быка под крестом, обвитым змеей (без дополнительных элементов) и тиара под крестом. Однако встречаются и другие сюжеты. Так, на л. 331, 333, 335, 337 просматривается филигрань «три горы» (вид: *Piccard G. Wasserzeichen Dreiberg. T. 2. Stuttgart, 1996. P. XVI. № 2437–2440, 1495–1502 гг.*). На л. 15 помещен водяной знак, интерпретировать сюжет которого затруднительно. В альбомах филиграней этот тип выявить нам пока не удалось.

Подобное разнообразие водяных знаков встречается в небольших кодексах, предназначавшихся для личного пользования. Однако для рукописей «парадных», к числу которых принадлежит Сборник 1507 г., данная ситуация не типична. Однозначно ответить на вопрос, почему в Библиейских книгах Матфея Десятого была использована бумага множества различных партий, затруднительно. Однако можно сформулировать некоторые суждения по данной проблеме, основываясь на сведениях записи, которую оставил сам Матфей Десятый на л. 476 об.–477 об. В ней книжник сообщает: «И Господь Богъ не прѣзрѣ желаниа моего и испльни

похотѣние мое, обрѣтох бо врѣмя благополучно написание сеа книги и въ коего вельможи пребывах, ему же имя Феодоръ, писарем бывши въ Великом княжествѣ Литовскомъ, бѣ бо христолюбецъ. И в того испросих, обрѣсти от службы в покоя. Он же ми дасть по моему усрѣдию и начах писати сию книгу въ Великом княжествѣ Литовскомъ въ граде, нарицаемем Вилини <...> И кончаю за пять лѣтъ, отнелъ же начах писати, их же имена напрѣдъ книги сея писаны, которые суть въ неи книги. Написаша же ся сиа книги при великом короли польском, князи литовском, руском, жомойтскомъ брата короля Александра Жикгимонтъ. При томъ же митрополитѣ киевскомъ и воеводѣ виленскомъ въ лѣто седмьтысущъ пятое на десят индикта десятии круга солнечнаго пятого на десять Луны четвертое руки законное тридесятии месяца февраля 21 на память преподобнаго Тимофеа въ день единъ неделный въ монастыри Пречистыа Благовѣщення, нарицаемем Супрасль въ дрѣжавѣ благовѣрнаго и христолюбиваго вельможи Александра Ходкевича при създатели тоя обители игумене Пафнотии» (БАН. 24.4.28. Л. 476 об.–477).

В процитированном отрывке привлекают внимание два момента. Во-первых, работа над Сборником продолжалась долгое время и велась в разных местах. Поэтому нет ничего удивительного в том, что была использована бумага множества различных партий. Во-вторых, согласно записи, книжник начал работу с благословения некоего «писаря Федора». Можно высказать догадку, что сам вельможа и выдал Матфею Десятому писчий материал, причем «по остаточному принципу». К Матфею попало то, что не было использовано при делопроизводстве. Это могли быть листы из различных партий бумаги.

Таким образом, Супрасльский сборник 1507 г. представляет большой интерес с точки зрения изучения филиграней древнерусских рукописей. Материалы, содержащиеся в нем, могли бы лечь в основу небольшого альбома филиграней. В настоящей работе мы изложили лишь некоторые предварительные наблюдения над бумагой данного сборника. Дальнейшее изучение кодикологии Библийских книг Матфея Десятого, возможно, позволит уточнить наши выводы.

Исторический опыт регламентации военных знамен в России в XVIII–XX вв.

Функциональное назначение военного знамени таково, что оно предполагает оказание ему особых почестей в среде его бытования. Существует целый комплекс связанных с этим церемониалов: ритуал вручения Боевого Знамени, ритуал приведения к военной присяге, ритуалы размещения знамени в части (вынос и относ знамени, строевой смотр, хранение), ритуалы отдания воинских почестей знамени, ритуалы участия знамени в парадах, торжественных мероприятиях.

В России на протяжении веков складывалось особое отношение к знаменному церемониалу, которое зафиксировано законодательными, нормативными актами. В тоже время, как отмечают специалисты, «знакомство с историей армий других государств, в частности Европы, позволяет сделать вывод, что нигде, кроме России, воинские знамена не играли той роли, не стали тем священным символом в армии, ради которого офицеры и солдаты шли на смерть». Такое отношение к знамени в русской армии сложилось не под воздействием каких-либо законодательных актов, а передавалось от поколения к поколению. В дальнейшем преемственность традиций стала основополагающим звеном соответствующих нормативных статей и Воинских уставов.

История развития знаменных церемониалов своими корнями уходит в глубину веков. Летописные сведения указывают на существование в Древней Руси определенных, причем строго установленных правил функционирования знамен. Как отмечают исследователи, уже в XIII в. под стягом отправлялась церковная служба и заключались договоры. Общественно-политическое развитие Московского государства способствовало совершенствованию знаменного церемониала. По мнению специалистов, в России XVI–XVII вв. существовал достаточно стройный и отработанный военный церемониал, состоявший из целой серии как церковных, так и чисто военных ритуальных действий.

В начале XVIII в., в связи с организацией регулярной армии, регламентация военных знамен получает нормативную основу. Воинским Уставом 1716 г. четко определяется порядок знаменного церемониала. Особыми статьями предусматривалось принятие военной присяги под знаменем, определялась ответственность за сохранность знамени, вводились военные чины при знамени – прапорщик и подпрапорщик, устанавливался порядок выноса знамени, и отдание ему чести. Следует отметить, что на протяжении всего XVIII в. наряду с тем, что совершенствовались знаменные церемониалы, оказывались особые почести знаменам, они по-прежнему не были выделены из предметов обмундирования и снаряжения.

Совершенно иное значение военным знаменам стали придавать при Павле I. Воинский Устав 1796 г. законодательно закреплял за военными знаменами значение войсковых регалий. По положению Устава предусматривалась особая присяга солдат на верность знамени. Впервые вводилась специальная глава «Об освящении новых знамен и об отдаче старых», которой определялся специальный церемониал освящения знамени в качестве военной святыни, а старые знамена получали статус боевых реликвий, особо почитаемых в воинской части.

В XIX в. продолжился процесс регламентации военного знамени в исторической среде. Учитывая нравственное значение знамени, как полковой регалии, в начале XIX в. вводится правило пожалования знамени при особой Грамоте, которой отводилась роль юридического документа, подтверждающего факт пожалования воинской части знамени. Опыт использования знаменных Грамот оказался настолько востребован, что правило пожалования воинской части при особой Грамоте стало нормой.

По сложившейся традиции XIX в., все редакции Воинского Устава о гарнизонной службе содержат разделы, посвященные регламенту размещения знамен в части. В соответствии с организационными изменениями армейских частей уточнялись, конкретизировались правила выноса и отношения знамен, их участия в строевых смотрах, в караулах. Все изменения и дополнения в знаменном регламенте помимо статей Устава, утверждались именными императорскими Указами или приказами по Военному Ведомству.

К началу XX в. в России сложился специальный знаменный регламент, ритуалы которого сформировали особое церемониальное искусство. Традиции знаменного церемониала имели большое значение не только для армейской среды, но и для общественной, культурной жизни Российской империи.

В ходе военных действий Первой мировой войны установленные Правила для парадов и церемоний продолжали исполняться с учетом боевой обстановки на фронтах. Но военные неудачи на фронтах, революционные события 1917 г. нарушили сложившийся порядок регламентации знамен в армейской среде. Как показала история, пренебрежение исполнением знаменных ритуалов способствовало падению нравственного, боевого духа русской армии. По свидетельству русского генерала П.Н. Краснова, «какое это было трогательное и душу поднимающее зрелище – вынос знамени к полку на чужой земле, в походе. Редко кто не перекрестится, увидев свое знамя. Смелее и спокойнее становятся люди. Дерзновеннее дух. Но не многие части могут похвалиться тем, что всегда и при всех тяжелых обстоятельствах встречали знамя, как подобает, – с церемонией, выносили как покойника. Так и вынесли его совсем из рядов армии. Тогда и армия умерла».

В советское время при декларативном отречении от исторических традиций знаменного церемониала русской армии игнорировать их было невозможно. М.В. Фрунзе писал: «Надо использовать весь опыт истории, все самое ценное, наполнив его новым идейным содержанием».

Учитывая огромное моральное значение в идеологическом, военно-патриотическом воспитании воинов, первостепенное внимание уделялось церемонии вручения, независимо от вида знамени, будь то боевое, наградное или шефское. Поэтому уже с первых дней создания Красной Армии требовалось решить вопрос о порядке этих мероприятий. Исторически сложившийся ритуал не отвечал идеологическим установкам нового государства. Отстранение Церкви от общественной жизни сделало невозможным освящение знамени, а боевая обстановка Гражданской войны не способствовала выполнению церемониала прибавки знаменного полотнища к древку. К 1923 г. удалось разработать новую форму церемониала, в которой говорилось: «в день, назначенный для приема войсковой частью знамени, приказом по части назначается парад. На парад выводится воинская часть в полном составе, в караульной форме, с оркестром музыки». Знамя вручалось при особой почитаемой святыне Грамоте.

Отношение к знамени как особо почитаемой святыне позволило сконцентрировать вокруг него все события, происходящие в части, что нашло отражение и в формировании ритуалов отдания почестей знамени. Во многих церемониальных действиях сохранилась преемственность исторического прошлого русского воинства: принятие присяги у знамени, отдание воинского приветствия знамени, вынос его во время особо торжественных мероприятий в части.

В Красной Армии широкое распространение получила традиция фотографирования у развернутого знамени части лучших воинов, которая также имеет исторические корни. Еще в ходе боевых действий Русско-японской войны 1904–1905 гг. особо отличившихся воинов фотографировали у развернутого военного знамени. В период Первой мировой войны эта церемония имела свое продолжение.

В то же время в советский период сформировались свои знаменные ритуалы. Так, церемония вручения воинской части ордена и его прикрепления к полотнищу — традиция, которая родилась в годы Гражданской войны. Особым приказом Реввоенсовета Республики от 8 мая 1919 г. определялось, что «орден Красного Знамени может быть присужден войсковым частям Красной Армии за особые отличия, оказанные в боях, для крепления его на имеющихся революционных знаменах».

В Положении от 1943 г. церемониалу вручения и прикрепления ордена отводился целый раздел: «ордена Союза ССР, которыми награждаются войсковые части и соединения, прикрепляются к знаменному полотнищу в левом верхнем углу на лицевой стороне». Следует отметить, что награждение орденом становилось поводом для вручения Боевого Знамени тем со-

единениям и объединениям, которым по Положению его вручение не предусматривалось. С другой стороны, понимая высокое нравственное значение государственной награды, военное руководство предпринимало меры по художественному оформлению наградных отличий воинских частей и соединений. В 1948 г. были введены знаменные орденские ленты, которые соответствовали расцветке ордена. К древку они крепились в верхней части полотнища знамени; если часть имела несколько орденов, столько же крепилось и лент. Наличие орденских лент придавало Боевым Знаменам особое значение воинской доблести. Совершенствование знаменных церемоний нашло свое отражение в законодательных и нормативных документах, в специальных статьях Воинских Уставов Советской Армии.

В настоящее время силовые ведомства располагают уникальным опытом применения знаменных церемониалов. Современными Воинскими Уставами определен ритуал подъема и спуска Государственного Флага и отдавание ему воинских почестей. Данный ритуал в советское время успешно использовался в пограничных войсках, на заставе перед выходом на охрану рубежей Отечества. Специальными статьями Устава определен особый церемониал вручения Боевого знамени воинской части, в состав которого включен церемониал крепления (прибивки) знаменного полотнища к древку. Данный ритуал является возвращением исторической традиции русской армии.

Ю.Н. Звездина (Москва)

Стационарный крест с образом сердца из собрания Саратовского художественного музея им. А.Н. Радищева

Стационарный крест из собрания Саратовского художественного музея – произведение малоизвестное и малоизученное, но включенное в экспозицию как интересный памятник своего времени (инв. № П-1574). Он был создан в XVIII в., по всем признакам, украинским мастером. Крест серебряный, украшенный гравировкой. Стоян покрыт орнаментом, с обеих сторон креста помещены композиции, связанные с темой страданий Христа и Распятия. С оборотной стороны креста – фигура полуобнаженного Христа в рост, вверх – полуфигура Бога Отца, по сторонам – Иоанн Предтеча и ангел, внизу – герб, определение которого в будущем позволило бы уточнить время и место создания предмета и его владельца. С лицевой стороны – Распятие с главой Адама в подножии, с полуфигурами предстоящих Богоматери и Иоанна Богослова. Деталь, ставшая темой нашего сообщения, помещена на лицевой стороне вверх, над изображениями солнца и луны – это юный Христос, окруженный Орудиями Страстей, на фоне пламенеющего сердца.

Редкая композиция заслуживает особого внимания еще и потому, что у нее есть первоисточник, и он достаточно хорошо известен. Гравюра Никодима Зубрицкого из Уневского издания «Евангелия учительного» Кирилла Транквилиона (Ставровецкого) 1696 г. представляет юного Христа в окружении Орудий Страстей, композиция вписана в образ крылатого пламенеющего сердца, увенчанного четырьмя гвоздями.

«Учительное евангелие» Кирилла Транквилиона широко разошлось по всей России. Издание 1696 г. прослеживается в разных частях страны, в том числе на Русском Севере. Особенно примечательно это потому, что именно на севере сохраняется созданный в 1852 г. образ «Христос – Святая Евхаристия», написанный в Москве по заказу некоего устюжанина и затем привезенный в Великий Устюг. Необычная икона хранится в собрании Великоустюгского музея-заповедника. В среднике воспроизведена вариация на тему гравюры Никодима Зубрицкого: крылатое пламенеющее сердце, в которое вписан Христос в окружении орудий страданий. Различие в том, что Спаситель не представлен юным безбородым отроком, но в соответствии с православным канонам. Кроме того, сердце вписано в круг, означающий дискос, то есть представляет Евхаристию (*Сорокаты В.М.* Образ Прокопия Устюжского в иконе // Житие святого праведного Прокопия Устюжского. М., 2003. С. 148–149. См. также: *Звездина Ю.Н.* Особенности темы сердца в поздней русской иконе (на примере образа 1852 г. из собрания Великоустюгского музея-заповедника) // XV Науч. чтения пам. И.П. Болотцевой (1994–1995). Ярославль, 2011. С. 242–256).

Деталь, гравированная на стационарном кресте, в свою очередь является вариацией, а не точной копией гравюры Никодима Зубрицкого. Юный Христос здесь не вписан в образ сердца, а помещается перед ним. Он также показан в окружении Орудий Страстей. Христос восседает на перекрещенных лестнице и столпе бичевания, в правой руке Он держит связку прутьев (очевидно, розги). Справа – скрещенные молот и клещи, слева – трость в виде камышинки, изогнутый стебель которой покрыт листьями так, что они образуют подобие своеобразного украшения, вторящего торжественным ветвям и венкам и служащего прославлению Спасителя. Ряд облаков ограничивает сцену снизу. Юный Христос предстает как небесное видение. За Его спиной – крест, за крестом – изображение сердца, увенчанного терновым венцом (на католический манер). В сердце можно разглядеть руку, несущую плоть – одно из Орудий Страстей. По сторонам сердца – копьё и губка на древке. Крылья отсутствуют, но сердце также показано пламенеющим.

Памятник из собрания Саратовского музея – редкий образец, демонстрирующий широкое прохождение упомянутой выше гравюры Никодима Зубрицкого в церковное искусство. Притом он заполняет лауну между 1696 г. (дата выхода «Евангелия учительного» в Уневе) и 1852 г. (дата создания иконы «Христос – Святая Евхаристия» из Великого Устюга).

Как видим, в XVIII в. также создавались вариации на тему гравюры с юным Христом в сердце, притом композиция могла воспроизводиться на серебре. Это важное свидетельство востребованности гравюры, отразившейся в разных видах искусства – иконописи и серебряном деле.

В заключение выражаю искреннюю благодарность сотрудникам Саратовского художественного музея им. А.Н. Радищева и Великоустюгского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника за предоставленную возможность работы с памятниками, рассмотренными в данном сообщении, и необходимые консультации.

С.В. Зверев (Москва)

Несостоявшийся Нумизматический сборник Московского нумизматического общества 1917 года

Нумизматические сборники Московского нумизматического общества (МНО) выходили в 1911, 1913 и 1915 годах. Четвертый выпуск намечался в 1917 году. На это указывает предисловие к изданному в 1922 г. каталогу С.И. Чижова «Дроздовский клад русских денег времени вел. Кн. Василия Дмитриевича Московского», где сказано, что «к рукописи были приложены готовые семь таблиц, предназначавшиеся для Нумизматического сборника Московского Нумизматического Общества». Наличие полностью готовой рукописи с описанием состава клада и уже отпечатанного тиража таблиц с фотографиями монет прямо указывает на начало печатания материалов сборника.

Остальное его содержание в значительной мере можно воссоздать.

С.И. Чижев был секретарем МНО и по сложившейся традиции должен был опубликовать отчет о деятельности Общества за 1915–1917 годы.

Также в новом сборнике должен был быть помещен «Измененный Устав МНО» как ассоциированного члена Русского Исторического Музея, который еще в январе 1915 г. был подан на утверждение в Министерство народного просвещения.

Безусловно, готовились к печати некрологи скончавшихся в 1915–1916 гг. известных нумизматов, являвшихся членами МНО – А.А. Левенстима (1857–1915) и И.И. Толстого (1858–1916).

Еще в Нумизматическом сборнике 1915 г. С.И. Чижев сообщил о медалях «Бельгийскому народу» и «Русские братьям-полякам», выпущенных в 1914 г. Петроградским общественным управлением по инициативе и оплате И.И. Толстого. В готовящемся сборнике он должен был дать описания выпущенных в 1915 г. новых медалей «Русская столица героям-славянам» и «Русские армянам в годину испытания».

Эту патриотическую тему мог продолжить Н.Н. Малевинский, выступавший в Москве комиссионером по распространению благотворитель-

ных медалей «Гордость России – русский солдат 1914–1915» и «Слава русской женщине в ее подвиге 1914–1917», которые были выпущены существовавшим в столице Русским обществом нумизматов.

Также С.И. Чижев должен был рассказать об истории создания памятных рублей 1914 г. в честь 200-летия победы русского флота при мысе Гангут (1714) и рублевиков 1915 г. Этим монетам был посвящен его доклад на одном из заседаний МНО в 1916 г.

Также он мог дать информацию о плакетке и жетоне в честь московского нумизмата и хранителя Исторического музея А.В. Орешникова, в память 30-летия его научно-литературной деятельности. Алексей Васильевич был одним из самых авторитетных и известных членов Общества, и таким образом его коллеги решили почтить заслуги ученого. Плакета работы медальера Е.И. Малышева была исполнена петербургской фирмой «Август Жаккар» в 1915 г. и вручена А.В. Орешникову вместе с золотым жетоном-брелоком 4 марта 1916 г.

Председатель МНО В.К. Трутовский также всегда активно участвовал в изданиях Общества. В готовящийся Нумизматический сборник 1917 г. он по сложившейся традиции должен был дать статьи, написанные на основе докладов, озвученных на заседаниях МНО: «К истории подделки монет кустарным способом в Нижнем Новгороде в 1821 г.» и «О плакетке в память 200-летия морской победы Петра первого при Гангуте из собрания Оружейной палаты» (оба доклада 1916 г.).

Также в сборнике могли найти воплощение темы, заявленные В.К. Трутовским на не состоявшийся из-за войны XV Археологический Съезд в Новгороде: «Что такое цага», «Басма Казанского летописца» и «О значении иллюстраций Лицевого свода» (где он находил важные данные о денежном обращении и чеканке монет в Средневековой Руси).

А.В. Орешников также всегда участвовал в изданиях МНО. В 1916 г. он сделал доклад «О наградной медали МНО», который наверняка бы воплотился в заметку в новом сборнике.

Но более всего А.В. Орешникова в это время уже интересовали древнерусские златники и сребреники. И.И. Толстой верно определил их, как монеты конца X – начала XI вв. князей Владимира Святославича, Святополка Окаянного и Ярослава Мудрого. А.В. Орешников решительно дискутировал с петербургским нумизматом и предлагал свою – увы, ошибочную – атрибуцию этих монет, распределяя их между разными русскими князьями X–XII веков. К 1917 г. он подготовил по этой теме статью «Задачи русской нумизматики древнейшего периода», которая была опубликована в «Известиях таврической ученой архивной комиссии» в 1918 г., но отдельные оттиски ее были напечатаны в 1917 г. Быть может, готовилась она для очередного Нумизматического сборника МНО и лишь по необходимости была передана провинциальному изданию?

Другим авторитетным участником изданий МНО был историк и коллекционер Н.П. Лихачев, который мог предоставить в готовящийся сборник материалы по русской и византийской сфрагистике.

В Нумизматическом сборнике МНО 1917 г. должна была найти продолжение тема о местных выпусках денег, появившихся во время Первой мировой войны. Она была начата коллекционером М.С. Воробьевым в предыдущем Нумизматическом сборнике 1915 г. сообщением о 50 и 20 коп., выпущенных в Лодзи в 1914 г. В 1915 г. появились новые местные денежные знаки, а в 1916 г. в обращение поступили металлические боны германской оккупации.

Сделанный М.С. Воробьевым в 1916 г. на одном из заседаний МНО доклад «О фабрикации в Вятской губернии отливок с русских и иностранных монет в качестве украшений для инородцев» также мог превратиться в статью.

Коллекционеры Москвы наверняка отметили бы в подготавливаемом к печати сборнике нумизматические памятники Февральской революции 1917 г. Тогда в большом количестве появились всевозможные жетоны с революционными символами и аллегориями, надписями «В память Российской революции», «Свобода. Равенство. Братство», «Свободная Россия» и т. п. или с портретами А.Ф. Керенского.

Нумизматический сборник МНО 1917 г. так и не вышел в свет, но сведения о научной и общественной деятельности членов МНО позволяяют реконструировать основную часть его содержания.

Г.А. Зверкина (Москва)

О постулатах Евклида

Древнегреческая математика известна тем, что в ней впервые появились аксиомы (первоначальные, базовые недоказуемые факты) и постулаты, самым знаменитым из которых является 5-й постулат «о параллельных прямых». Всего в «Началах» Евклида имеется 9 аксиом и 5 постулатов (Начала Евклида. Кн. I–VI. М.; Л., 1948):

Αἰτήματα – ПОСТУЛАТЫ (Требования)

П1. Что от всякой точки до всякой точки <можно> провести прямую линию.

П2. И что ограниченную прямую <можно> непрерывно продолжать по прямой.

П3. И что из всякого центра и всяким раствором <может быть> описан круг.

П4. (Акс. 10.) И что все прямые углы равны между собой.

П5. (Акс. 11.) И если прямая, падающая на две прямые, образует внутренние и по одну сторону углы, меньшие двух прямых, то продолженные

эти две прямые неограниченно встретятся с той стороны, где углы меньшие двух прямых (заметим, что самая популярная переформулировка П5 звучит так: Через точку, не лежащую на данной прямой, можно провести одну и только одну прямую, параллельную данной).

Далее следуют хорошо известные девять аксиом (которые Евклид называет *Κοινὰ ἔννοια* – Общие понятия). Интересно, что постулаты приводятся ранее аксиом, но часто последние два постулата часто относят к аксиомам; современное слово «постулат» происходит от «postulare» – «требовать, просить». Но часто можно слышать «Я постулирую» в смысле: «Я ввожу аксиому».

В чём же разница и каковы роли аксиом и постулатов?

То, что аксиомы используются в доказательствах как некая база, всем понятно. А что же такое постулаты?

Изучение истории науки невозможно без учёта исторического контекста. Но часто мы представляем себе древних исследователей примерно в обстановке привычной современному учёному: заваленный книгами стол, бумаги, пишущие приборы и удобные чертёжные инструменты; научные инструменты на столе или рядом, как, например, на картине Доменико Фетти «Архимед» (1620).

Этот взгляд на условия работы учёных прошлого подобен работам художников средневековья (и позднее) с изображением событий прошлого. На картинах и фресках мы видим Святое Семейство в одеждах XVI в., соратников Ганнибала в чулках и туфлях с загнутыми носами на фоне каравелл времён Колумба, античных героев в интерьерах эпохи возрождения, и даже библейских персонажей в лаптях и косоворотках.

Каковы же были условия работы древнегреческих учёных?

До VII в. до н.э. папирус в Греции был недоступен. Тексты для длительного пользования писались на кожах, кусках ткани, выбивались на каменных и металлических панелях.

После допуска фараоном Псамметихом греков в Египет у греческих сочинителей появился папирус, который, кстати, был дорог. Но создание Александрийской Библиотеки в IV в. до н.э. привело к полному запрету вывоза папируса из Египта: писчий материал требовался копиистам Библиотеки. Около V в. до н.э. был изобретён пергамент, тоже недешёвый материал для письма.

На чём же писали древнегреческие учёные и школяры?

Люди среднего достатка и богатые граждане пользовались восковыми табличками, известными на Руси как черы. Обычно эти таблички были небольшими – размером примерно с ладонь. И только богатый человек мог позволить себе восковую табличку большего формата; один из богатейших граждан Афин Платон оставил после себя целую библиотечку восковых табличек с «Диалогами».

Также использовались осколки керамики (остраконы), камни и – для

построения чертежей – расчищенные *в меру ровные* земляные площадки (ср. соревнования средневековых каменщиков). Циркули для черчения по земле были большими и тяжёлыми, вместо линейки, возможно, часто использовался натянутый шнур.

Итак, древнегреческий чертёж (часто решавший некоторую вычислительную задачу) обычно строился на земляной (песчаной) площадке, и чем точнее он был построен (т. е. чем тоньше линии и меньше точки) – тем точнее было решение задачи. Отсюда представление древнегреческих математиков об идеальных линиях, не имеющих ширины и о точках «без частей». И отсюда «Требования» к тому, какой должна быть поверхность под чертежом: *Площадка должна быть достаточно большой и идеально ровной (плоской).*

А теперь вернёмся к постулатам и «переведём» их на современный язык.

П1. *Поверхность, на которой строится чертёж, не имеет в своей середине ям, дыр и кочек.*

П2. *Поверхность, на которой строится чертёж, достаточно большая.*

П3. То же самое.

П4. *Поверхность в некотором смысле ровная: если строить углы на поверхности с перемежающимися кочками и впадинами, то «прямые» углы окажутся разными; но, например, на сфере или на более сложном объекте – поверхности Лобачевского – все прямые углы одинаковы. Общее у этих примеров то, что это поверхности с постоянной кривизной. Так что П4 можно понимать так: чертёж строится на поверхности постоянной кривизны.*

П5. Прямая на произвольной поверхности – это линия, имеющая наименьшую длину из всех линий, соединяющих данные точки. Прямая на сфере (поверхности с положительной кривизной) получается, если пересечь сферу плоскостью, проходящей через центр сферы; легко заметить, что П5 на сфере не выполняется: там *все прямые пересекаются под прямым углом! И параллельных прямых нет вообще!* Точно также не выполняется П5 и на поверхности Лобачевского (поверхности с отрицательной кривизной). То есть П5 требует: *чертёж должен строиться на плоскости, т. е. поверхности нулевой кривизны.*

Конечно, понятие кривизны появилось намного позже создания «Начал». Но Евклид в П4 и П5 доступными ему и его современникам средствам требует: *чертёж строится именно на плоскости.*

В Средние века с сочинением Евклида познакомились ученые Византии и Халифата, у которых не было недостатка писчего материала (бумаги) и имелись удобные чертёжные инструменты. Поэтому им был непонятен смысл П4 и П5. Они стали пытаться доказывать П5, отнеся П4 к аксиомам. Множество сочинений на эту тему стало известно позднее в Европе, что породило новую волну попыток доказать П5. Это заверши-

лось созданием неевклидовой геометрии К.Ф. Гауссом, Я. Бойяи и Н.И. Лобачевским. Публикация Н.И. Лобачевского «Воображаемая геометрия» (1835) стала первой.

М.В. Земляков (Москва)

**К вопросу о палеографических и кодикологических
особенностях оформления списков *Lex Salica*
конца VIII – XVI вв.**

Этот доклад посвящён одному из наиболее важных правовых источников средневековой Западной Европы – Салической правде. Несмотря на наличие огромного количества критических изданий и источниковедческих исследований, которые касались самых разных аспектов этого памятника (в том числе вопросов палеографии и кодикологии), споры о целях и процессе создания отдельных списков ведутся до сих пор.

В задачи настоящего доклада входят: обзор рукописной традиции *Lex Salica* (с указанием места и времени создания её семей); классификация списков по их внешним признакам (формату, миниатюрам); обоснование гипотезы об основных целях создания списков Салической правды.

Списки принято делить на восемь семей. Наиболее ранней, возникшей не позднее 507–511 гг. при дворе Хлодвига, считается *семья А* из четырёх рукописей (обозначаемых условными номерами от А–1 до А–4) по 65 титулов. За ней следует *семья В*, два списка которой по 80 титулов находились в XVI в. в Фульде, но не сохранились; она возникла, по-видимому, при сыне Хлодвига, австразийском короле Теодерихе (511–533). *Семья С* включает в себя 65 (С–5 и С–6) или 66 (С–6а) титулов; её возникновение принято относить ко времени 567–596 гг., а составление её протографа могло происходить в королевстве Гунтрамна (561–592).

Семьи D (D–7, D–8, D–9) и E (от E–11 вплоть до E–16) представляют собой каролингскую рецепцию редакции *Lex Salica* VI в., будучи разделены на 100 и 99 титулов. *Семья D* возникла при Пипине Коротком в 751–764 гг., а *семья E* – при Карле Великом не позднее 798 г. *Семья K* (от K–17 до K–81) из 70 титулов основана на текстах семей VI–VIII вв., имевшихся в распоряжении знатоков права времён Карла Великого, и относится ко времени проведения Ахенского собора 802 г. *Семья S* (S–82, S–83) является плодом систематизации текста семьи K аббатом Лупом из Феррье, сделанной при Людовике Благочестивом в аббатстве Фульды к 836 г., а *семья V* (V–84) даёт представление о проекте перевода Салической правды на восточнофранкский диалект, задуманном Людовиком (аргументацию см.: *Pactus legis Salicae* / Hrsg. von K.A. Eckhardt. Göttingen, 1954. Bd. 1. S. 58–231; *Lex Salica* / Hrsg. von K.A. Eckhardt. Weimar, 1953. S. 16–78).

Всего на данный момент можно утверждать о существовании в стемме Салической правды минимум 91 списка (наиболее полный перечень: *Pactus legis Salicae* / Hrsg. von K.A. Eckhardt. Hannover, 1962. P. XII–XXVII). Три из них (K–80, K–80a, V–84) дошли до нас в качестве несброшюрованных фрагментов; пять не сохранились и известны лишь по изданиям XVI–XIX вв. (И. Герольд, Ж. дю Тилле, Л. Муратори и др.). В остальном формат известных нам кодексов, в которых содержатся списки *Lex Salica*, можно представить в виде следующей таблицы:

формат семья	fol.	4°	8°	12°	нет данных
A	2	–	2	–	–
C	1	2	–	–	–
D	2	–	1	–	–
E	3	3	–	–	–
K	14	34	11	1	6
S	1	1	–	–	–

Некоторые гипотезы о целях создания того или иного списка Салической правды можно сделать на основе формата и оформления кодекса, в который он был помещён. Так, принято считать, что большие кодексы *in folio*, богато оформленные и зачастую украшенные миниатюрами, предназначались в раннее Средневековье для подношения светским и духовным должностным лицам и создавались по специальному заказу (см.: *Bischoff B. Paläographie des römischen Altertums und abendländischen Mittelalters*. Berlin, 1979. S. 38–40). К таковым относится *Париж. BNF. Lat. 4404 (A–1)*. В нём роскошные миниатюры с изображением римских императоров, короля Хлотаря и алеманнских законодателей (л. 1–2 об., 197 об.) соседствуют с одним из наиболее полных к началу IX в. собраний светского права, а именно: Римской правды вестготов (Бревиария Алариха), Салической, Алеманнской, Рипуарской правды и значительной части капитулярного материала времён Карла Великого (см.: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8426042t.r=4404?rk=64378;0>. Дата обращения: 12.01.2017 г.). Можно даже предположить, что этот кодекс мог быть создан по специальному заказу двора императора Карла Великого.

Более скромным по оформлению, однако всё же с присутствием в нём цветных инициалов и рубрик, предстаёт перед нами список в составе рукописи *Монпелье. Bibliothèque Interuniversitaire (Sect. Médecine). H. 136 (D–7)*. Наряду с Салической правдой здесь помещены памятники вульгаризированного римского права – Бревиарий Алариха и один титул из Римской правды бургундов, а также капитулярный Карла Великого 803–813 гг. Кодекс был, возможно, создан при дворе Людовика после 819 г. (номер фотоконии в каталоге библиотеки Института MGH – K 028,29).

Хотя мы лишены прямых доказательств, можно предположить на основе содержания (римское право), что подобные этим кодексы формата *in folio* могли быть заказаны и изготовлены не только для двора, но и для монастырских и епископальных библиотек.

Помимо формата, важную роль для выдвижения гипотезы о назначении того или иного списка, помещённого в определённый кодекс, играет его окружение. Так, ряд кодексов *in quarto*, содержащих списки Салической правды, явно предназначались в качестве судебныхников или сборников права (других правд, капитуляриев, постановлений соборов, юридических формул и т. д.), которые можно было брать с собой в дорогу. Наиболее яркими примерами этого рода являются кодексы *Париж. BNF. Lat. 9654 IX в.* (А–4; шифр в каталоге MGH – K 028,27) и *Париж. BNF. Lat. 4632 (K–39; описание взято из каталога: Mordek H. Bibliotheca capitularium regum Francorum manuscripta: Überlieferung und Traditionszusammenhang der fränkischen Herrschererlasse. München, 1995. P. 516–518)*. Последний был создан к середине IX в. по распоряжению «адвоката Аутрамна» в Сент-Амане; в нём оказались собраны воедино Салическая, Рипуарская и Алеманнская правды, а также ряд капитуляриев Карла Великого и Людовика. Помимо них, к такого рода судебникам можно отнести рукописи *РНБ. Q. v. II. 11* начала IX в. (K–81) и *Ивреа. Bibliotheca Capitolare. Ms 33* середины IX в. (K–77; с припиской в конце: «Leges barbarorum et capitularia quaedam. Codex membraneus saec[ulo] X»; имеется фотокопия в библиотеке Института MGH – A 0350,10–11).

В.И. Иванов (Краснодар)

Церковные печати Кубани первой половины XIX века

На территории Черноморского казачьего войска с 1800 по 1870 г. руководство церковной жизнью осуществляло Екатеринодарское духовное правление (далее – ЕДП), которое подчинялось последовательно архиереям нескольких епархий. Известны несколько вариантов печатей ЕДП. Первая была изготовлена, очевидно, вскоре после открытия ЕДП. Судя по оттискам 1810 г., в правлении использовали две похожие матрицы. Одна печать была круглая, легенда по окружности написана курсивом: «*Печать Екатеринодар. Духов. Правления*». Другая – овальная с круговой же легендой, но печатными буквами: «П:В:Ч: ЕКАТЕРИНОДАРСКАГО: ДУХОВНАГО: ПРАВЛЕНІЯ» (сокращение – печать Войска Черноморского). В центре обеих печатей изображение государственного герба: двуглавый орел под тремя коронами, в лапах – скипетр и держава. В первой печати между голов орла возвышается купол храма с крестом. На груди орла трехгранный (1-я) и семигранный (2-я) щиты с гербом Москвы – всадник (вправо), поражающий копьём дракона. В первой из-за щита

выходят лучи восьмиконечной звезды, а во второй щит окружает цепь знака ордена св. апостола Андрея Первозванного (Государственный архив Краснодарского края, далее – ГАКК. Ф. 690. Оп. 1. Д. 67. Л. 28 об., 239 об.). Известно, что войсковой протоиерей Кирилл Россинский хранил у себя дома две печати: одну – официальную медную, которую он забрал в 1818 г. из сундука в Правлении, а другую, стальную, сделал, очевидно, частным образом (ГААО. Ф. 599. Оп. 12. Д. 3559).

После создания Кавказской епархии (1843 г.) и до закрытия ЕДП в 1870 г. использовалась новая печать с горизонтальной легендой, занимавшей нижнюю половину печати: «ЕКАТЕРИНОДАР/СКАГО ДУХОВ/ПРАВЛЕНІЯ». В верхней половине – изображение двуглавого орла под короной над извивающейся лентой (ГАКК. Ф. 690. Оп. 1. Д. 178. Л. 49 об.; Д. 182. Л. 77 об.).

Екатеринодарское духовное училище (далее – ЕДУ), открытое в 1818 г., также имело свою печать (ГАКК. Ф. 690. Оп. 1. Д. 127. Л. 2). Легенда ее круговая: «ПЕЧАТЬ: В:Ч: ЕКАТЕРИНОДАРСКАГО ДУХОВНАГО УЧИЛИЩА». Почти всю печать занимает государственный герб: двуглавый орел под тремя коронами со скипетром и державой в лапах, выполненный практически так же, как на второй печати ЕДП образца 1810 г. (вероятно, одним мастером), но на груди – пятигранный щит со скорпионом, пронзенным кинжалом. Щит окружен андреевской цепью. Скорпион – символ дьявола, а также зла, злости и предательства Иуды Искариота (*Апостолос-Каппадона Д.* Словарь христианского искусства. [Б.м.], 2000. С. 205; *Холл Д.* Словарь сюжетов и символов в искусстве. М., 1996. С. 511).

Слева под лапой двуглавого орла изображен круглый предмет, похожий на глобус с подставкой и рукояткой; сверху в него упираются ножки циркуля. Глобус и рукоятка обвиты змеем. Справа, под другой лапой орла изображены весы, между чашками которых висит лира. Глобус – символ Земли, атрибут Бога-Отца, Христа как Царя Небесного. Глобус, обвитый змеем (правда, с яблоком в пасти), олицетворял человеческую греховность, преодоленную непорочным зачатием (*Апостолос-Каппадона Д.* Указ. соч. С. 54, 84). Змей символизировал злого искушителя, мог трактоваться как образ еретика. Изображение глобуса (земного шара) часто встречается на масонских грамотах и в других документах (Русское масонство. М., 2006. С. 351, 503, 545 и др.). Циркуль (символ совести и справедливости) в масонстве был одним из самых распространенных атрибутов. Его носили все члены братства вольных каменщиков. Он использовался в обряде кровного союза и нерушимого братства при приеме новых членов ложи (*Соколовская Т.О.* Статьи по истории русского масонства. М., 2008. С. [91]). Весы – символ взвешивания добрых и злых дел, праведников и грешников на Страшном Суде. Лира в раннехристианском искусстве была одним из атрибутов Иисуса Христа (*Апостолос-*

Каппадона Д. Указ. соч. С. 43, 126–127). Она встречается в масонских изображениях как элемент всеобщей гармонии (Соколовская Т.О. Указ. соч. С. 80). Весь богатый набор символов и знаков этой печати позволяет предположить связь смотрителя Екатеринодарского духовного училища протоиерея Кирилла Россинского с масонством.

Кроме печатей церковных учреждений, которые он возглавлял, первоприсутствующий ЕДП, смотритель ЕДУ, войсковой протоиерей К. Россинский пользовался и личной печатью. Печать имела овальную форму. Легенда вверху по окружности на латыни (в зеркальном отражении): «*Aliis Serviando Consumor*» (Служа другим – расточаю себя). Вверху, посередине надписи изображение Ока (глаза) в треугольнике с сиянием. Это ранний символ Бога-Отца, его всеведения, вездесущности и бдительности. Помещенное в треугольник, символизировало бесконечную Троицу. На печати под Оком – горящая свеча на подсвечнике. Она – символ Иисуса Христа, «Светоча Мира»; символ самопожертвования.

В центре печати – две горизонтальных прямоугольных плиты, между которыми расположен ромбовидный щит с монограммой GKP. Буква G использовалась масонами в эмблеме «подмастерья» (2-й градус в масонской иерархии) как символ Бога, Голгофы, знания, а две другие буквы – инициалы владельца. В нижней части – два 4-х конечных наперсных креста, свисающих на цепи и на ленте, и крест ордена св. Анны (ими был награжден владелец). Хотя на этой печати нет самых популярных символов свободных каменщиков («циркуля» и «наугольника»), можно с большой долей уверенности говорить о принадлежности владельца к одной из масонских лож.

Каждая приходская церковь должна была иметь свою печать. При проверке в 1852 г. оказалось, что печати как просфорные, так и церковные есть во всех церквях, кроме молитвенного дома станицы Вышестеблиевской. В станице Старокорсунской пользовались старой печатью, на которой была надпись: «Екатеринодарского уезда, куреня Старокорсунскаго Благовещенской церкви», хотя курени были переименованы в станицы еще в 1842 г., а новая церковь здесь посвящена Рождеству Богородицы (ГАКК. Ф. 690. Оп. 1. Д.185. Л. 7, 15). Помимо официальных церковных печатей, все благочинные и, вероятно, приходские священники имели свои личные печати, содержание которых отличалось большим разнообразием.

**Некоторые аспекты методики реконструкции
древнерусских времяисчислительных систем
(на примере передвижного (пасхального) года)**

Полностью разделяя взгляды на задачи и методы историко-хронологического исследования, выработанные в работах Н.В. Степанова (*Степанов Н.В.* Единицы счета времени (до XIII века) по Лаврентьевской и 1-й Новгородской летописям // ЧОИДР. 1909. Кн. 4 (231). С. 1–74), который считал, что основная цель хронологии состоит не в редукции древних дат, а в тщательной реконструкции истории древних систем учета времени и соотношении их с современной системой, мы попытаемся продемонстрировать, что использование специальных методов историко-хронологического исследования позволяет раскрыть структуру подвижного календаря, использованного для датирования в летописях (на материалах новгородского летописания: Новгородской первой летописи, Новгородской четвертой летописи (далее – НЧЛ) и Софийской первой летописи).

Здесь мы рассмотрим те методы историко-хронологического исследования, которые позволяют проводить критическое изучение и редукцию древнерусского передвижного (пасхального) года.

Специфика христианского подвижного (пасхального) цикла заключается в том, что все дни этого календаря так или иначе, имели привязку к недельному расписанию, что позволяет использовать данные хронологические элементы в качестве опорных при реконструкции времяисчислительных систем (эра, календарный стиль, структура подвижного года). Для такого рода дат применим практически весь арсенал историко-хронологических методов: комплексные методы (календарно-математического согласования разнотипных элементов; метод определения годовых границ комплексов; метод выделения хронологических слоев), сравнительные методы (метод анализа несинхронных датировок, астрометрический метод). Подробно о методике историко-хронологического исследования летописей мы уже писали (*Иванова Н.П., Цыб С.В.* Методика историко-хронологического исследования: по материалам новгородских летописей // Известия Алтайского государственного университета: Серия История, политология. 2015. № 4/1 (88). С. 121–127). Продемонстрируем на нескольких примерах эффективность использования указанных методов.

Использование технологии базы данных позволило вычленить в составе указанных новгородских летописей только те известия, в которых есть датирующие отсылки к подвижному православному циклу. Все они укладываются в рамках Триоди: 10 недель до Пасхи – Постная Триодь, и 8 недель после Пасхи – Цветная. После праздника «Всех святых», кото-

рым завершается триодный цикл, и по мере удаления от этой вехи, в структуре календарного года отыскивались другие промежуточные опорные точки: Петров пост («В Петрово говѣние»), Рождественский (Филиппов) пост («въ Филипово говѣніе») и некоторые стабильные месяцесловные праздники. После Петрова поста в летописях практически не встречается пасхальных отсылок.

Счет седмицевок пасхального года в современном православном календаре ведется двумя способами: до праздника Пасхи в порядке – понедельник–воскресенье, после Пасхи – воскресенье–суббота. Однако анализ пасхальных известий новгородских летописей показывает, что, скорее всего, так было не всегда. В ранней богослужебной практике Древней Руси ломка в структуре пасхального календаря, т. е. переход от счета недель понедельник–воскресенье на счет воскресенье–суббота, происходил не перед Пасхой, а на рубеже 3–4-й седмицы, в Крестопоклонное воскресенье (*Степанов Н.В.* Указ. соч. С. 27–29). Так, в НЧЛ под 6894 г. говорится о походе смоленского князя Святослава Ивановича с братичем Иваном Васильевичем, князем Глебом Святославичем и братом его Юрием на литовцев, отвоевать завоеванный ими город Мстиславль. «Въ великое говѣніе, на средокрестной недѣли, мѣсяца марта въ 22» (ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. М., 2000. С. 343–344) – так датируется сбор князей для начала похода. Использование метода согласования элементов комплекса позволяет установить, что все хронологические элементы этого известия согласуются между собой (22 марта – начало похода; 18 апреля, на Страстной неделе – подошли к городу, простояли 11 дней; 29 апреля – сражение и гибель двух первых князей). Применяя один из методов для расчета пасхального воскресенья, удалось установить, что Пасха в 6894/1386 г. была 22 апреля, 4-я неделя Великого поста приходилась на 26 марта – 1 апреля. 22 марта не попадало на эту неделю, оно выпадало на 3-ю неделю, которая называется в современной пасхалии Крестопоклонной. Возможно, у летописца произошло смешение этих двух недель. Можно предположить, что происходило смешение названий седмиц: и 3-я, и 4-я седмица могли называться «крестопоклонными», поскольку в конце 3-й седмицы отмечается Крестопоклонное воскресенье, а само поклонение Кресту приходилось на большую часть 4-й седмицы. Наличие дополнительных хронологических ориентиров (18 апреля – «в сред(у) на Страстной недѣли», 29 апреля – «еже есть в Фомину недѣлю, на антѣпасхоу»), позволяет не только реконструировать дату Пасхи этого года, но и установить эру и календарный стиль, использованные летописцем – константинопольская эра мартовский календарный стиль.

В 6924 г. говорится о рукоположении владыки Самсона. Приводится несколько дат: «в субботу 3-ю поста 21 (марта – *Н.И.*)», «в недѣлю средокрестную въ 22 д(е)нь (марта – *Н.И.*)», «на память святого отца Василья» (ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 406). Используя ту же методику, выясняем, что

Пасха в 6924/1416 г. была 19 апреля. Тогда 4-я неделя поста была с 23 по 29 марта, а 3-я неделя с 16 по 22 марта по юлианскому календарю. Однако здесь Крестопоклонное воскресенье (22 марта) отнесено к следующей 4-й, средокрестной неделе. Поэтому, возможно, что здесь продолжается сдвигка в счете недель, и счет воскресенья – суббота начинался с Крестопоклонного воскресенья. Тем более, что возведение Самсона митрополитом Фотием во иеромонахи, датируется субботой 21 марта и относится к 3-й неделе поста.

Хронологические ссылки в новгородских летописях, относящиеся к 3-й и 4-й неделе Великого поста, демонстрируют, что окончательная структура пасхального года по крайней мере в начале XV в., еще не сформировалась. Таким образом, использование методики историко-хронологического исследования помогает в редукции структуры древнерусского подвижного календаря и других времяисчислительных систем, а также конкретных дат.

Б.С. Илизаров (Москва)

**Книга как средство политической манифестации
(О некоторых особенностях прижизненных
изданий произведений И.В. Сталина)**

Большевики в период гражданской войны видели в массовой книге, прежде всего средство агитации и пропаганды идей мировой революции, социализма, а так же средство военной и социальной мобилизации населения. С приходом в 1923 г. к власти И.В. Сталина роль пропагандистской книги меняется: она все более становится средством манифестации интеллектуальной мощи вождя, его «законного» места в одном ряду с Лениным, Марксом и Энгельсом, т. е. «гением всех времен и народов». Ни один дореволюционный глава Российского государства даже не пытался демонстрировать с помощью печатного слова интеллектуальную или научную сверхэрудицию. Только Иван Грозный в переписке с Курбским, да Екатерина II в частной переписке с энциклопедистами вторгались в мировоззренческие проблемы. Назвать их интеллектуалами даже по меркам того времени затруднительно. Большевистские вожди впервые в мировой государственной практике (после деятелей Великой французской революции) прибегли к использованию светского интеллектуального продукта в качестве важнейшего средства манипулирования сознанием больших масс людей.

Если Ленин и многие большевики первого ряда еще до революции получили известность в качестве партийных теоретиков и интеллектуалов, то Сталин, будучи малоподготовленным и творчески несостоятельным человеком, вынужден был искусственно «подтягиваться» до их уровня.

Достигалось это не только путем самообразования, которым он упорно занимался в 20-х – 30-х гг. XX в., но во многом благодаря развитию навыков заглавного партийного пропагандиста, формулирующего идеологические установки партийно-государственному аппарату и всему многонациональному советскому народу. Особое место в системе сталинской партийно-государственной пропаганды занимали не очень многочисленные произведения вождя, главным образом, публичные выступления и статьи в периодической печати, издаваемые и переиздаваемые в отдельных сборниках. Точная и всеобъемлющая статистика прижизненных изданий в СССР произведений Сталина отсутствует (в отличие от произведений Ленина), как отсутствует и их исчерпывающее библиографическое описание. Учитывая, что Сталин находился у власти более 30 лет и сейчас занимает особое место в трагической истории XX в., эти обстоятельства затрудняют исследовательскую и учебную работу.

Сталин придавал особенное значение публикациям собственных произведений: он сам и исполнители его замыслов видели в них средство укрепления и оформления культа личности. Наряду с репрессивной машиной, важнейшей составляющей, формировавшей культ, был миф об особой прозорливости, таланте и уме «ближайшего ученика и продолжателя дела Ленина». В этих условиях любое публичное слово, любой опубликованный текст, рассматривался как сакральный, смысл которого был «непостижим» и требовал контролируемой трактовки через разветвленную сеть партполитпросвещения. В архиве Сталина (РГАСПИ. Ф. 558) сохранились практически все тексты произведений на разных стадиях подготовки к печати, в машинописном виде или в виде макетов тематических сборников и отдельных работ. Все они несут на себе следы многочисленных авторских правок, нередко искажавших смысл первоначальных публикаций.

В мае 1924 г. вышел сборник «Об основах ленинизма». Этот сборник статей и выступлений стал базовым, с помощью которого Сталин заявил претензию на роль главного теоретика и практика построения социализма в СССР, на роль единственного руководителя партии и государства. Он подхватил понятие «ленинизм», которым широко оперировали его союзники, а затем противники (Г. Зиновьев) в борьбе за лидерство. С тех пор он присвоил это и многие другие понятия и идеи разных деятелей советской эпохи. В 1926 г. вышло первое издание сборника «Вопросы ленинизма», включившее предыдущее издание «Об основах ленинизма», дополненное текстами ряда новых выступлений и заметок. Наконец, в 1930 г. вышло второе дополненное издание этого же сборника объемом в 720 страниц. С тех пор сборник ежегодно переиздавался тиражом от 125 тыс. до 130 тыс. экземпляров каждый. Причем в 1931 г. вышло два издания: третье и четвертое. А за один только 1932 г. вышло три издания сразу (6-е, 7-е и 8-е), поскольку 9-е издание помечено 1933 г. Не исключая,

что в данном случае Сталин прибег к мистификации, демонстрируя необычайную популярность своих работ. Возможно, они все же были отпечатаны, но микроскопическими тиражами. Разумеется, это предположение требует проверки. В 1934 г. вышло 10-е издание, которое, возможно, стереотипно тиражировалось (выпускалось дополнительными «заводами») до 1938 г. включительно. В 1939 г. вышло 11-е и последнее издание сборника, из которого в очередной раз «в целях сохранения прежнего объема книги» были изъяты произведения более ранних лет и добавлены новые. Нет сведений о военных годах, но известно, что сборник тиражировался в 1939–1941 гг. и с 1946 по 1953 гг., т. е. 11 лет и каждый раз (если верить выходным данным) в количестве 4 млн. экз. (серией «заводов»), объемом в 40 п. л. каждый. Формат, объем и полиграфическое оформление оставались неизменными, за исключением издания 1951 г., вышедшего в обложке ярко красного цвета (прежние издания были светло-серыми). И это один только сборник произведений Сталина, тогда как за все годы его правления вышло несколько сотен наименований, постоянно дублирующих друг друга.

С 1944 и до 1953 гг. ежегодно тиражировался сборник текстов выступлений, приказов, докладов, приветственных телеграмм, речей: «И.В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского союза», каждый завод которого достигал от 50 до 400 тыс. экземпляров. В 1946 г. приступили к изданию «Собраний сочинений», где все ранее и много раз опубликованные произведения вновь перепечатывались, причем каждый из томов, успевших выйти, тиражировался в количестве 500 тыс. экз., а в последующие годы еще и допечатывался. Большинство публикуемых в СССР произведений Сталина постоянно переводилось на основные языки мира, но печаталось в основном в отечественных типографиях и на своей бумаге.

С.С. Илизаров (Москва)

**«Лексикон» П.И. Рычкова
(рукопись ОР РГБ. Ф. 313 № 17 [М. 2931]):
кодикологические заметки**

Прошло меньше четверти века со времени создания Петром Великим Академии наук, что означало открытие науки в России, до публикации первых русских монографических трудов. Имеются в виду не просто книги (переводных научных сочинений вышло за это время не мало), а книг, написанных российскими учеными и основанных на отечественном материале. Такой точкой отсчета является издание в 1750 г. фундаментального труда Г.Ф. Миллера по истории Сибири. Такой же временной отрезок понадобился молодой российской науке, чтобы возникла отечественная энциклопедистика. В 1773 г. в Москве был опубликован первый русский

историко-географический словарь Ф.А. Полунина – Г.Ф. Миллера (*Илизаров С.С.* Первый русский географический словарь – памятник научной мысли // Географический лексикон Российского государства. М., 2012. С. 7–33). Этот словарь, дважды в XVIII в. переизданный в переработанном и дополненном виде, стал базовой моделью для иных справочно-энциклопедических изданий, включая региональные. К числу последних относится «Лексикон или словарь топографической Оренбургской губернии, в котором описаны все города, крепости, редуты, пригороды, остроги и селения, находящиеся во оной губернии...» составленный первым [член]-корреспондентом Санкт-Петербургской академии наук П.И. Рычковым в 1776–1777 гг. Об истории создания этого произведения, оставшегося неизданным, существует тематическая литература, по большей части восходящая к исследованию П.П. Пекарского, впервые опубликованного в 1867 г. (новейшее издание: *Пекарский П.П.* Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова // Жизнь и деятельность П.И. Рычкова. Т. 2 / Сост. и отв. ред. Г.П. Матвиевская. Оренбург, 2009. С. 182–187).

Основные моменты создания «Лексикона» Рычкова в самом сжатом виде следующие: 28 января 1776 г. Рычков писал Миллеру о работах по составлению «Лексикона». 5 мая послал к Миллеру первую букву словаря, прося совета. В это же время П.И. Рычков сообщил генерал-прокурору кн. А.А. Вяземскому о своей работе и получил его одобрение. 8 декабря отправил Вяземскому первую часть рукописи словаря, заключающую статьи от буквы А до М, приложив к этому «просительное» письмо на имя императрицы. В феврале 1777 г. получил от Вяземского ответ с приложением копии указа Екатерины II, данного Сенату о пожаловании Рычкова за службу и труды 15000 рублей. 9 февраля Рычков сообщал Миллеру о завершении работы и намерении через две почты отправить рукопись второй части «Лексикона» Вяземскому. 2 марта 1777 г. датировано посвящение Вяземскому. 15 октября 1777 г. П.И. Рычков умер.

Обращает на себя внимание скорость, с которой был подготовлен словарь, причем от начала составления и до завершения проводились рассылки запросов по присутственным местам, обработка полученных ответов и проч. В письме к Миллеру от 17 марта 1776 г. содержится пояснение об организации своего рода коллективной работы. Так, из полученных с мест материалов, сообщал Рычков, теперь «выбирают у меня под алфавет одни звания, а потом уже станут делать и описания, которые я, елико возможно, поправлять и дополнять буду» (*Пекарский П.П.* Указ. соч. С. 185).

Пекарский не видел рукописи «Лексикона» и не знал, существует ли полный список; со слов Д.В. Поленова ему было известно, что у того в имении хранится часть «Лексикона».

Рукопись «Лексикона» П.И. Рычкова, в свое время отправленная им А.А. Вяземскому, хранилась в его архиве до той поры, пока, неизвестно

при каких обстоятельствах, не оказалась в собрании коллекционера А.К. Федорова (около 1847–?). Коллекция рукописей Федорова состоит из материалов, в значительной степени связанных с именем и государственной деятельностью Вяземского. В 1885 г. коллекция поступила в Московский Румянцевский музей в количестве 62 единиц и была включена в состав Музейного собрания; с 1953 г. собрание Федорова имеет самостоятельный номер фонда (Рукописные собрания государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина: Указатель. Т. 1. Вып. 1 (1862–1917). М., 1983. С. 207–211).

«Лексикон» Рычкова содержит 2800 статей, в которых описаны: населенные пункты; военно-оборонительные сооружения; заводы, фабрики, рудники; различные территориальные единицы; физико-географическая номенклатура; животный и растительный мир; полезные ископаемые; прочие (монеты, выдающиеся лица, историки и географы, кладбища, доходы и т. д.) (*Матвиевский Е.П.* Последний труд П.И. Рычкова «Лексикон, или Словарь топографический Оренбургской губернии // Жизнь и деятельность П.И. Рычкова. Т. 4 / Сост. и отв. ред. Г.П. Матвиевская. Оренбург, 2011. С. 423–455).

«Лексикон» Рычкова представляет собой кодекс, размер блока которого составляет Т. I – 307 x 190 мм; Т. II – 327 x 205 мм. Поле для письма варьируется: Т. I – от 131 x 235 до 140 x 246 мм; Т. II – от 124 x 240, 130 x 240 до 140 x 248 мм. Поле для письма очерчено на лицевой стороне листа; в ряде случаев с проколами по углам. На странице от 35 до 40 строк в один столбец; между статьями пропуск – чистая строка.

Переплеты картонные с кожаными корешками и углами. На корешке сверху наклейки белой бумаги (поверх истертых), на которых штампом сделаны надписи (сверху вниз): «2931», «17» и «313 / Федоров». Известно, что все рукописи собрания Федорова имели на корешках одинаковые бумажные наклейки с вписанными от руки номерами.

Т. I рукописи «Лексикона». На обороте обложки сверху надписи: «ОХ. 18. II / 1885 г. / Изъ собр. А. Федорова / Вход № 2931. Ниже приклеен экслибрис «Московского Публичного и Румянцевского Музеев», на котором в нижнем поле вписано «№ 2931». Ниже надпись «ОХ. 18. II». Л. 1 – Титульный лист. Л. 2–4 об. – Посвящение А.А. Вяземскому; подпись – автограф П.И. Рычкова. Л. 5–198 об. – словарные статьи от А до К включительно. На Л. 58 «Карта Узбекского Туркестанского и Велико Бухарского владения». Очертания рек, Каспийского и Азовского морей выделены зеленым цветом; размер 307 x 203 мм.

Т. II. На обороте обложки сверху написано «Къ № 2931»; остальное тоже, что и в I-м томе. Л. 1 – Титульный лист. Л. 2–5 об. – Посвящение А.А. Вяземскому; подпись – автограф П.И. Рычкова. Л. 6–146 – словарные статьи от «М» и до конца. Между Л. 102 об.–103 вырван 1 лист с началом статей на букву «У», очевидно, до поступления рукописи в Румян-

цевский музей. Между Л. 106 об.–107 вырван 1 лист. Начиная с Л. 120 другой почерк; с Л. 128 новый почерк. Нижний край Л. 139 оторван.

Вся рукопись «Лексикона» написана на бумаге Ярославской мануфактуры Саввы Собакина-Яковлева, выпускавшаяся в 1764–1765 гг.; филигрань с гербом Ярославской губернии с литерным сопровождением «ЯМСЯ». Л. 58 с картой на бумаге лучшего качества.

Судя по листам использования (вероятно не в полной мере сохранившимся) исследователи обращались к рукописи 1-го тома 26 раз, с апреля 1960 г. по октябрь 2016 г.; к рукописи 2-го тома 37 раз с февраля 1952 г. по октябрь 2016 г.

В лексиконе имеется примечательная для истории вспомогательных исторических дисциплин особенность, на которую, видимо, никто не обратил внимания. Каждый раз перед началом статей на ту или иную букву имеется предварительная фраза, поясняющая цифровое значение буквы в церковнославянском языке. В посвящении Вяземскому, открывающем вторую часть «Лексикона», автор дал следующее пояснение: «Я приметил, что многие, а паче молодые наши канцелярские служители те старинные числа забывают, а некоторые и совсем уже их не знают. В старинных российских грамотах и в архивных письмах нет у нас иного летоисчисления и на все счету, как оными литерами. Трафлялось мне не однажды при слушании дел видеть, что чтец дела, хотя он и приказной служитель не может или не умеет оное счисление узнавать и ясно читать. Означивание сего старинного и церковного изчисления в таком словаре, которой больше всего способствовать будет в канцелярских делах и справках послужить им некоторым подкреплению памяти, чтоб они время от времени забывая сие для них весьма нужное, но не всем уже ведомое счисление, и вовсе его не забывали, к немалому в судебных и канцелярских наших правилах затруднению» (ОР РГБ. Ф. 313. Д. 17-2 (2931-2). Л. 4 об.) Как видно, П.И. Рычков выступал ревнителем старинного счета, но не с научно-историческими целями, а исходя исключительно из утилитарно-бюрократических задач.

Э.Г. Истомина (Москва)

Региональные проблемы исторической географии на современном этапе

В настоящее время со всей остротой выявилась необходимость полномасштабного отслеживания и учета исторических тенденций геополитического, социальноэкономического и геоэкологического характера при проведении современной региональной политики. Совершенно очевидно, что конкретно-территориальные историко-культурные ценности в значительной мере определяют стратегии в сфере охраны природы, поддержания

традиций культуры малочисленных народов, в формировании востребованности современных туристических объектов. В этой связи Ученым советом Русского географического общества еще в апреле 1996 г. было принято решение о создании современной серии «Историческая география России». Тогда же началась разработка проекта работы над региональными монографиями. На IV Международной конференции по исторической географии (Санкт-Петербург, 2011 г.) была утверждена схема историко-географического районирования России, по которой предполагалась подготовка серии книг. Однако, наряду со многими достоинствами, эта схема, с точки зрения исторической географии, имеет ряд недостатков и пробелов, уточнение которых осуществляется в процессе работы над конкретными монографиями. Наиболее остро ее уязвимость ощущается историками. В настоящее время успешными в этом плане представляются попытки создания интегральных общественно-географических систем, в которых намечается отход от существующего в гуманитарной среде устаревшего «размещенческого» подхода, не накладывающего никаких ограничений на предметное поле исследований (то есть когда лишь указывается местоположение объекта).

Комплексные монографии названной серии должны представлять собой фундаментальные историко-географические характеристики регионов в их этнокультурном разнообразии на основе широкого спектра исследований гуманитарного и естественно-научного профиля, содержать оценку роли историко-географической информации в территориальной дифференциации локальных социумов, этнических общностей, их материальной и духовной культуры в контексте исторического развития и современного природопользования.

В задачу выполнения проекта в качестве непереносимых условий вошли: методологическое и методическое обеспечение научного обобщения и практической значимости историко-географических исследований по изучению взаимосвязей в системе «ландшафт – этнос – природопользование»; ретроспекция этнических общностей и этноконтактных зон на локальном и региональном уровнях; классификация известных и вновь выявленных этнокультурных, исторических и природных памятников во всех регионах России; распространение знаний о природном, этнокультурном и историческом наследии как региональном компоненте национального достояния; активизация историко-краеведческой деятельности региональных социумов по их изучению.

В основу проекта положены следующие положения:

- историческая география – интегральное научное направление, совокупность естественных и гуманитарных наук, изучающих структуру, эволюцию, динамику и функционирование существовавших в прошлом и отражающихся в структуре современных ландшафтов пространственно-временных историко-географических систем и характер их освоения;

– серия «Историческая география» должна стать уникальным коллективным трудом по изучению историко-географического процесса формирования территории нашего Отечества;

– общестрановедческие и регионально-зональные результаты серии монографий могут быть задействованы в преподавании курсов по исторической географии в высшей школе и использованы государственными природоохранными структурами, муниципальными органами власти и управления, проектными организациями для создания экологического каркаса территорий и ландшафтного планирования, оценки природно-культурного наследия и концептуализации социально-экономического развития регионов; разработки туристической проблематики, в том числе экологического туризма, выявления и восстановления социокультурных ландшафтов, организации научных вузовских и школьных краеведческих исследований, постановки и решения других важных прикладных задач.

По данным современного историко-географического районирования предполагается подготовить 23 тома серии «Историческая география» по следующим областям: Русский Север, Северо-Запад России, Кольско-Карельская область, Северное Предуралье, Европейский центр России, Волго-Камская область, Среднерусское Черноземье, Поволжье, Южнорусская область, Северо-Кавказская область, Русский Промышленный Урал, Башкирия, Северо-Западная Сибирь, Верхне-Обская область (Старой Сибири), Кузнецко-Алтайская область, Саянская область, Таймыр-Путоранская область, Ангаро-Ленская область, Якутия, Яно-Индигово-Колымская область, Забайкалье, Север Дальневосточной области, Амуро-Приморская область. Работа на серией должна быть закончена в 2026 году.

В настоящее время подошла к завершению работа по подготовке первого тома – «Историческая география Кольско-Карельской области», которая осуществляется авторским коллективом, созданным на базе Петрозаводского госуниверситета с участием ученых Карельского Научного центра РАН и других образовательных и общественных организаций региона.

Реализация проекта потребовала консолидации усилий историков, географов, этнографов, археологов и представителей прочих гуманитарных наук, чья научная деятельность связана с исследованием пространственно-временных аспектов взаимодействия социума и природной среды преимущественно на региональном и локальном уровнях.

**«Карманный» список «Декреталий Григория IX» XIII в.
РНБ Lat. О. v. II. № 7**

Рукописные книги формата in-quarto были самыми употребительными на протяжении всего Средневековья. Форматы in-octavo и мельче были распространены меньше уже хотя бы в силу трудности их изготовления. Основную массу сохранившихся «карманных» книг западного Средневековья составляют молитвенники (книги часов, псалтири). Однако они появились достаточно поздно, во второй половине / конце XIII – XIV вв., когда получили распространение соответствующие благочестивые практики в среде мирян. Первой же областью, где «карманная» книга нашла применение, была пастырская литература, с XIII в. к ней добавляется учебная университетская литература – прежде всего знаменитые «карманные» парижские Библии XIII в. Связано это, как считается, со становлением в первой половине XIII в. Парижского университета и с появлением нищенствующих орденов и началом их проповеднической и преподавательской деятельности.

В собрании РНБ имеется минимум 14 «карманных» списков университетской литературы XIII в., из них семь Библий, три парижского производства – Lat. О. v. I. № 38, 43 и 174 (*Киселёва Л.И.* Латинские рукописи XIII в. РНБ. СПб., 2005. С. 11, 15, 191–242; *Лозутова М.Г.* РНБ. Каталог собрания латинских рукописей. Теология. СПб., 2015. С. 18, 216, 241). Присутствие «Liber Extra» в их числе необычно.

Манускрипт Lat. О. v. II. № 7 содержит «Декреталии Григория IX» с двумя указателями, вводная булла адресована Парижскому университету. Рукопись описана в каталоге Л.И. Киселёвой (Указ. соч. С. 236–237) и в каталоге О.Н. Блёскиной (РНБ. Каталог собрания латинских рукописей: право, философия, наука, литература и искусство. СПб., 2011. С. 67–68. № 131), происходит из коллекции П.К. Сухтелена. Дата и место создания палеографически и по иллюминации определяются как XIII в., Франция. Формат in-sedecim, 138x100 мм (поле текста 94x65 мм); пергамен; III+210 л.; два столбца; 46 строк; разлиновка свинцовым карандашом; наколы, репрезентанты (lettres d'attente), закладки (не отмечены в каталогах); готическое каллиграфическое книжное письмо; фолиация XV в.; большие инициалы «champie» и красно-синие средние инициалы с fleuroné; мягкий пергаменный переплет.

Отдельные моменты описания, относящиеся к количеству писцов, переплету, маргинальным пометам требуют уточнения.

Свой нынешний состав и вид рукопись обрела поздно, после XV в. При переплетении она была обрезана минимум на 2–4 мм по внешнему краю и на 15 мм – по нижнему, срезаны часть филиграней, маргиналий

XIII в., закладок, фолиации XV в. Нынешний переплет как минимум третий по счету; второй, судя по всему, был сделан в XV в. читателем, поставившем фолиацию. Судя по отверстиям для переплета, часть из них могла использоваться под каптал, т. е. прежний переплет/-ы, возможно, были не мягкие, а твердые.

Рукопись создана в мастерской высокого уровня профессиональными писцами и иллиминаторами. Каллиграфическое письмо трех писцов очень унифицировано, смена рук и прочие кодикологические швы, связанные с перепиской, малозаметны. Несмотря на то, что высота строки составляет всего 2–2,5 мм, а высота букв – около 1 мм, верхние выносные и малые вертикали в начале слов украшены треугольными «зачинами» или расщеплением, а конечное «е» кое-где – штрихами.

Для рукописей малого формата актуальным является вопрос о способе переписки – в разрезанных тетрадах или в неразрезанный лист. В данном случае разлиновка через разворот показывает, что переписка осуществлялась в разрезанных сшитых тетрадах. Переписка велась последовательно, основную часть работы выполнил писец 3, писцы 1 и 2 временами подменяли его. Возможно, писцы использовали одно и то же приспособление для накалывания: размеры полей у них разнятся, но ширина поля текста остается практически неизменной, привязки разметки к диагоналям и высоте строки не прослеживаются. Характерные огрехи разлиновки («расщепление» концов линий, линии с прогибом) у писцов 2 и 3 свидетельствуют о том, что линовали они на выпуклой (ограничительные линии) и вогнутой (строчные линии) поверхности, например, на коленях.

Подавляющее большинство «университетских» рукописей сводов канонического и римского права имеют формат in-folio, так как содержат пространственные ординарные глоссы с общепринятой трактовкой текста, по которым велось преподавание. Рукописи со студенческими пометами наглядно демонстрируют, как магистр зачитывал текст и глоссу, последовательно комментируя их. Lat. O. v. II. № 7 в силу своего малого размера ординарной глоссы не имеет. И если для рукописей Библии отсутствие комментария было нормой, и «карманный» формат лишь повышал функциональность списков, и без того высокую благодаря появившимся в XIII в. конкорданциям-индексам, то для «Декреталий» «карманный» формат был неудачным выбором.

Судя по владельческим записям на л. II–III, рукопись бытовала в основном в среде францисканцев региона Нидерландов – Бельгии – Рейнланда: в XIV в. она была дана во временное пользование брату Франциску из Амстердама, затем предназначалась для конвента в Лувене (дарение, завещание?), во второй половине XV в. – брату Франциску de Weda (из бургов Альтвид или Альтенвид, или же из рода графов Вид, владевшего Альтвидом) от Германа Рехтихузена, заместителя настоятеля францисканского монастыря в Дюрене (основан в 1459 г. францисканцами из Кобленца).

Несмотря на «карманный» формат, по рукописи пытались учиться. Помимо редких исправлений писцов и корректора, в ней сохранились маргиналии минимум трех читателей XIII–XIV вв. и трех – XV в. Одному из ранних читателей принадлежит фрагмент из ординарной глоссы на л. 2, другому – casus-резюме содержания отдельных глав, мнемотехнический стих и фрагменты глоссы на л. 54 об.–56, третьему – отдельные маргиналии и указатель титулов в конце на л. 204 об.–205. По тематике маргиналии второго читателя могут соответствовать подготовке к началу судебной тяжбы с кем-либо, но вероятнее другое: и он и первый читатель приносили раздобытую рукопись на вторую-третью лекцию магистра (глоссы идут к началу Книг I и II), убеждались, что работать с ней невозможно, и находили себе другой экземпляр.

В XV в. рукопись использовали еще самое меньшее три человека: один писал названия титулов на верхнем поле в книгах I–II (до X.2.19), второй – только на л. 76, 117, 125 об., третий, помимо названий титулов (в основном в книге IV), фигурных скобок, маникул и маргиналий, проставил фолиацию во всей рукописи и в указателе и добавил в конце на двух бумажных бифолиумах еще один, дублирующий, указатель титулов (л. 206–208 об.). Возможно, им же был добавлен в качестве защитного и л. 210 с датированным XIV в. фрагментом проповеди (?) против неверящих в существование ада.

Т.В. Кайгородова, С.В. Цыб (Барнаул)

Первая дискуссия о дате основания Москвы

В этом году москвичи собираются праздновать 870-летие своего города. Уже долгое время жители Москвы искренне верят в то, что основателем их города в 1147 г. был князь Юрий Владимирович Долгорукий, и далеко не все из них знают, что этот ориентир является условностью, адаптирующей для массового сознания первое летописное упоминание об их родном городе. Это сообщение Ипатьевской летописи выглядит так: «В лѣѣ хъ не. ...и приславъ Гюргии. рѣ приди ко мнѣ брате въ Московъ Стославъ же ѣха к нему. съ дѣтатемъ своѣмъ в малѣ дружинѣ. поима со собою Володимера Стославича. Шлегъ же ѣха. напередъ къ Гюргеви. и да е пардоусъ. и приѣха по немъ шѣ его Стославъ. и тако любезно цѣловаставъ днь патокъ на Похвалоу стѣи Бѣи и тако быша весели. на оутрии же днь повелѣ Гюрги оустроити шѣд силенъ и створи чѣ великоумъ и да Стославоу дары многы. съ любовию и снви его. Шлгови и Володимероу. Стославичю и моуже Стославлѣ оучреди. и тако ѡпоусти и...» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 339–340).

Н.М. Карамзин в полной мере оценил неопределенность этого сообщения: «К сожалению, Летописцы современные не упоминают о любо-

пытном для нас ее (Москвы) начале... По крайней мере знаем, что Москва существовала в 1147 году, Марта 28 (так он перевел летописную дату)...», и далее следовал набор сведений из «новейших Летописцев» (так он обозначил несколько повестей XVII в. о начале Москвы из Хронографа Дорофея Монеувасийского). Сам придворный историограф называл их собранием «явных ошибок» и трудом «совершенного невежды», что не помешало ему, однако, призвать всех «верить новейшим Летописцам» (Карамзин Н.М., 1991. С. 133, 309–311, прим. 301). Призыв был благодарно воспринят российским обществом, сомнения забыты, и вся читающая публика первой половины XIX в. стала считать датой основания Москвы те самые цифры, которые определил Н.М. Карамзин – 28 марта 1147 г.

Идея о праздновании московского юбилея впервые созрела в середине XIX в. Инициатива московской общественности и генерал-губернатора А.Г. Щербатова сопровождалась хронологической дискуссией. К этому моменту уже появились иные версии времени основания Москвы, и если одна из них отличалась от карамзинской только календарной датой (ее высказал казанский историк Н.С. Арцыбашев – 4 апреля 1147 г.) (Арцыбашев Н.С., 1838. С. 100, прим. 648), то другие отличались большим своеобразием. В хронологических таблицах, выпущенных математиком П.А. Афанасьевым, назывался 1140 г., появившийся, вероятно, в результате ошибочного расчета (Афанасьев П.А., 1821. С. 79), в ряде других популярных изданий встречался 1117 г., заимствованный из Пролога, где этим годом помечалось княжение Юрия в Москве, но самый невероятный вариант передавали некоторые газеты, повторяя совершенно фантастичную дату из грандиозной компиляции научных и околonaучных хронологических сведений князя А.И. Голицина, сообщавшего об основании Москвы «вещим» Олегом в 880 г. (Голицин А.И., 1805. С. 311–312).

Читательский интерес к этим версиям заставил в 1844 г. известного любителя хронологии П.В. Хавского опубликовать в губернских «Ведомостях» заметку с призывом соблюдать верность карамзинским выводам, при этом автор утверждал невозможность установления точной даты начала Москвы из-за недостатка информации. Свообразным отзывом на эту публикацию стала появившаяся через несколько дней газетная статья профессора И.М. Снегирева, который поддержал арцыбашевский пересчет летописного показания (4 апреля), поскольку в 1147 г. Похвальный Богородичный день, приходившийся на субботу пятой седмицы Великого поста, был 5 апреля, а его канун – днем раньше. Пересчет, осуществленный Н.М. Карамзиным, он осмелился объявить ошибочным (Снегирев И.М., 1844. С. 108–109). Таким образом, позиции сторон в намечавшейся дискуссии были определены предельно четко.

Почти год публикации П.В. Хавского и И.М. Снегирева оставались без широкого внимания, и только в 1846 г., когда мнение о необходимости юбилейного празднования стало приобретать широкую популярность,

спор оживился. В январе М.П. Погодин на страницах «Московитянина» поддержал карамзинскую дату и предложил ориентироваться на нее при подготовке праздничных торжеств (Погодин М.П., 1846. С. 287–289). Его мнение было одобрено в анонимной заметке, напечатанной в 49-м номере университетских «Ведомостей», причем, ее автором был, вероятнее всего, А.И. Герцен (в 40-х гг. XIX в. нередко использовавший псевдоним «А.» для своих газетных публикаций). Вслед за этим П.В. Хавский, забыв о своем мнении двухгодичной давности, решительно примкнул к «антипогодинской» стороне, что было совсем не удивительно в контексте его вечных пикировок с известным историком; не удивительно также, что три своих заметки он поместил в столичной «Северной пчеле» (№ 77, 97, 125), издатели которой рады были поддержать любого противника их московского конкурента М.П. Погодина. Полемический запал П.В. Хавский завершил в хвастливой авторецензии на свою пока еще не опубликованную книгу о Москве (Хавский П.В., 1846. С. 103–106).

В дискуссии также принял участие И.Е. Забелин, тогда еще мало известный чиновник и начинающий публицист. Хотя формально в этом споре он поддержал И.М. Снегирева и П.В. Хавского (Забелин И.Е., 1846. С. 393), тем не менее, вызвал резкое недовольство последнего, который усмотрел в забелинских рассуждениях ошибки в вопросе о соотношении древнерусских календарных стилей.

На этом дискуссия, собственно говоря, и закончилась. Официальный Петербург на протяжении всего 1846 г. вроде бы демонстрировал полное равнодушие к проблеме московского юбилея и срокам его празднования. В последние дни декабря было издано распоряжение Николая I совместить юбилейное торжество со встречей Нового года, поэтому празднество поспешно провели 1 января 1847 г., смешав карты всех спорщиков. На неофициальном уровне юбилей все же был отмечен собранием московских ученых и журналистов на дружеском обеде в доме М.П. Погодина 8 марта 1847 г., т. е. по «карамзинскому расписанию», причем, здесь мирно соседствовали как его сторонники (М.П. Погодин, С.С. Шевырев и др.), так и противники (А.М. Снегирев). Не успокоился лишь П.В. Хавский, продолжавший в последующие годы реанимировать былое противоборство с М.П. Погодиным, не получая, правда, ответа и поэтому объявивший себя победителем дискуссии (Хавский П.В., 1849. С. 607–608; 1851. С. 1117).

Следует признать, что такое несуразное ее завершение было предопределено заранее, поскольку летописное сообщение не давало надежных оснований для построения историко-хронологических выводов. Пересчет 6655-го летописного года в 1147 г. был сделан произвольно, с позиции господствовавшего в XIX в. мнения о применении в древнерусской письменности только константинопольского счета лет от С. М., и это мнение можно признать сейчас безнадежно устаревшим. Такими же произвольными были и обе версии пересчета на юлианский календарь пасхально-

седмичного показания Ипатьевской летописи. Совсем не случайно, даты Н.М. Карамзина и И.М. Снегирева расходились на недельный срок (28 марта и 4 апреля). Придворный историограф, а вслед за ним и М.П. Погодин, как недостаточно искушенные пасхалисты, считали, что предпасхальные седмидневки исчисляются так же, как и послепасхальные, т. е. в порядке от воскресения до субботы; как раз в этом случае 5-я суббота Великого поста (день Похвалы Богородицы) в 1147 г. будет приходиться на 29 марта. И.М. Снегирев же, будучи прекрасным знатоком календарного расписания православных праздников, знал, что предпасхальные седмицы считались от понедельника до воскресения и, предполагая применение такого же порядка в XII в., перевел на юлианский календарь Похвальный день как 5 апреля. Мы знаем, однако, о том, что в древнерусской Пасхалии применялись оба названных способа счета предпасхальных недель, так что каждая из дискутируемых дат могла быть как верной, так и ошибочной. Иными словами, установление истинного времени встречи Юрия Владимировича и Святослава Ольговича в «Москве» возможно только в контексте тщательного изучения запутанной хронологии летописного изложения той междоусобной войны, участниками которой были князья-союзнники, и одним из эпизодов которой была их знаменитая московская встреча.

Т.М. Калинина (Москва)

Киев (Куйаба) на уникальной арабской карте XI века

В 2002 г. увидел свет доселе неизвестный труд «Книга чудес наук и диковин виденного воочию» (*Kitāb Gharā'ib al-funūn wa-mulāḥ al-'uyūn*) анонимного автора. Это копия XIII в. анонимного арабского трактата, состоящего из двух книг: I – о небесах, в десяти главах; II – о земле, в двадцати пяти главах. Оригинал не сохранился. Сочинение публикуется в полном объеме на новом веб-сайте, организованном Бодлеанской библиотекой (Оксфорд) (*Medieval Islamic Views of the Cosmos / The Book of Curiosities*: <http://www.bodleian.ox.ac.uk/bookofcuriosities>). Здесь находятся данные о труде и его авторе, переводы с арабского языка и краткие пояснения на английском языке авторов исследования к отдельным частям карты. Высококачественная электронная версия копии оригинального текста и иллюстраций дает возможность просмотра, посредством наведения курсора «мышки», арабского текста и перевода его на английский язык. Такая форма публикации удобна как потому, что рукопись находится в неудовлетворительном состоянии, так и по причине самого содержания трактата – в виде схем и карт (*Mohammad Abbatoui. The Book of Curiosities or a medieval Islamic View of Cosmos // Muslim Heritage. Discover the golden age of Muslim civilization (Foundation for Science Technology and*

Civilisation: [http:// www.muslimheritage.com/ article/book-curiosities-or-medieval-islamic-view-cosmos](http://www.muslimheritage.com/article/book-curiosities-or-medieval-islamic-view-cosmos)).

Исследователи полагают на основании ряда признаков, что трактат был написан в промежутке 1020–1050 гг. (Ibidem; *Johns J., Savage-Smith E. The Book of Curiosities: A Newly Discovered Series of Islamic Maps // Imago mundi. 2003. Vol. 55. P. 7–8*).

Автор использовал данные книг более двадцати предшественников, а также оригинальную информацию, полученную от современных ему торговцев и путешественников, был литератором, но едва ли ученым (*Johns J., Savage-Smith E. The Book of Curiosities... P. 9–10; Rapoport Y., Savage-Smith E. The Book of Curiosities and a Unique Map of the World // Cartography in Antiquity and the Middle Ages: Fresh Perspectives, New Methods (Technology and Change in History) / R.J.A. Talbert, R.W. Unger. Leiden; Boston, 2008. P. 121–138. Plates IV–VI*).

На картах «Книги чудес», так же, как на подавляющем большинстве арабских карт, юг показан сверху, север – снизу. Труд содержит прямоугольную карту мира (имеется и круглая, но здесь мы не касаемся её). Автор, вероятно, опирался на несохранившуюся карту ал-Хорезми (IX в.), поскольку некоторые картинки в его сочинении аналогичны изображениям в книге Анонима (например, Яхонтовых и Лунных гор, истоков и течений Нила). Ему были известны основы построения прямоугольной карты, изложенные Сухрабом (X в.), который переписал «Книгу картины Земли» ал-Хорезми (*Johns J., Savage-Smith E. The Book of Curiosities... P. 13–31*).

В правой нижней части карты мира показана Европа с очень большим Пиренейским и Иберийским полуостровами, Пелопоннесом, хотя имен на карте нет. Цепь морей, начинающаяся, как на картах «классической школы» арабских географов, из Атлантики и тянущаяся через Гибралтар, проходит через Средиземное море и включает в себя остальные моря как заливы, без названий. Далее воды переходят в Константинопольский пролив (как у ал-Истахри и Ибн Хаукаля), но наименования тоже нет. На берегу пролива отмечен Константинополь, вблизи – коричневая каменная стена (*Rapoport Y., Savage-Smith E. The Book of Curiosities... P. 124*). Я предполагаю, что изображены «Длинные стены», греч. Μακρὸς τεῖχος – внешний рубеж обороны в 50 км от Константинополя от Деркоса на Черном море до Силимврии на Мраморном. Стены были построены в 512 г., впоследствии разрушались из-за землетрясений и недосмотра властей, тем не менее восстанавливались и существовали и в гораздо более позднее время.

Здесь же на карте Анонима вставлен текст: «Границы вблизи Константинополя необитаемы; в области множество народов, говорящих на языках, отличных от своих соседей из других гор. Они живут очень близко друг к другу, несмотря на их различия и междоусобицы. Некоторые из них, точнее, большинство, и самые известные из них, подчиняются правителю Византии. Их религия – христианство». Эта фраза почти анало-

гична фрагменту из главы о море Рума книги Ибн Хаукаля (*Opus geographicum auctore Ibn Haukal (Abū'l-Kāsim ibn Haukal al-Nasībī)*... «*Liber imaginis terrae*» / Ed. collatio textu primae editionis aliisque fontibus adhibitis J.H. Kramers. Lugduni Batavorum, 1938–1939 (далее BGA II²): P. 193).

На карте Анонима правее Константинополя, снизу вверх, есть надпись: *сакāлиба*. Ниже Константинополя и правее – надпись: *ал-Кūмāн*. Исследователи интерпретируют это название как искаженное *ал-Кūйāба*. Топоним *Кūйāба* не обозначен на картах географов «классической школы», но он встречается в текстах сочинений ал-Истахри и несколько шире – у Ибн Хаукаля: «Вывозят от них (хазар – *Т.К.*) мёд, воск и меха, но привозят [товары] из областей русов и булгар, а также шкурки бобров, которые возят по всему свету. Бывают они только в тех северных реках, которые [текут] в стороне булгар, русов и *Кūйāба*...» (*Viae regnorum. Descriptionis moslemicae auctore Abu Ishāk al-Fārisī al-Istakhrī* / M. De Goeje. Leiden, 1870 (далее BGA I): P. 221; BGA II²: P. 392). «Русов три вида. Один из них – самый близкий к Булгару, и их [русов] властитель находится в городе, называемом *Кūйāба*...» (BGA I: P. 223; BGA II²: P. 397).

Этноним «куман» знаком византийским источникам, на Руси куманы были известны как половцы. У арабов – только в труде ал-Идриси (XII в.) и его последователей (*Бартольд В.В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // *Он же.* Сочинения. М., 1968. С. 99; *Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. Текст, перевод, комментарий). М., 2009. С. 72). Используются разные арабские буквы: «*қаф*» (*ал-қūмāн* – Аноним), «*кяф*» (*ал-кūмāн* – ал-Идриси). Эти обстоятельства позволяют полагать, что правы интерпретаторы карты Анонима, считающие, что здесь встречается искаженное название *Кūйāба*. В таком случае это – единственное обозначение Киева на арабских картах; форма имеет основой, вероятнее всего, известия Ибн Хаукаля.

Р.К. Кармов (Нальчик)

Экслибрисы как исторический источник по истории Научной библиотеки Кабардино-Балкарского государственного университета

Не секрет, что экслибрисы дают возможность проследить некоторые интересные подробности из жизни книги, но, кроме этого, они помогают выявить этапы формирования и пути комплектования библиотек, тем самым нередко отражая и события в истории всей страны. В Научной библиотеке КБГУ собрано до трех тысяч редких книг, и история появления этих книг в библиотеке университета еще ждет своего исследователя. Мы в данной работе попытаемся сделать первый шаг в этом направлении,

показав некоторые из экслибрисов и выслушав мнения знатоков в этом вопросе.

1. В книге, изданной в 1829 г., автор Гёте, «Произведения» (на немецком языке), стоит экслибрис библиотеки города Бремена.

2. На книге «Десятилетие вольной русской типографии в Лондоне», изданной в 1863 г., стоит печать Ташкентского Педагогического и учительского института имени Ежова. Причем слово «Ежов» замазано чернилами. Инвентарный номер 47849.

3. Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской Епархии, изданные в 1869 г., хранились в свое время в библиотеке Александро-Невской лавры под №109-Н.

4. «Обзор внешней торговли России по Европейской и Азиатской границам за 1879 год» 1880 г. издания хранился в библиотеке Департамента торговли и мануфактуры.

5. «История славянских литератур», изданная в 1881 г., хранилась в частной библиотеке Горлова из города Иркутска.

6. «Полное собрание драматических сочинений и переводов А.Ф. Федотова» 1890 г. издания происходит из частной библиотеки Черкесова, располагавшейся в Санкт-Петербурге по адресу Невский д. 54. Инвентарный номер 9898.

7. «Юбилейный сборник сведений о деятельности бывших воспитанников института гражданских инженеров» 1892 г. издания попал в библиотеку КБГУ из библиотеки 3-го Туркестанского стрелкового полка.

8. «Материалы по археологии Кавказа», выпуск 4, 1894 г. издания хранились в библиотеке кабинета истории материальной культуры 1-го Московского государственного университета под № 2649.

Как мы видим, разброс мест, откуда пополнялся фонд библиотеки, огромный, и это только небольшая часть. Со временем мы планируем провести полный анализ и сможем сделать аргументированные выводы о путях пополнения фондов. А пока из всех этих книг, по нашим предположениям, только одна попала в библиотеку из местной библиотеки. Это, как ни странно, «Юбилейный сборник сведений о деятельности бывших воспитанников института гражданских инженеров». Вроде бы библиотека 3-го Туркестанского стрелкового полка не имеет никакого отношения к Кабардино-Балкарии, но дело в том, что и в архиве КБР есть дела этого воинского подразделения. Нам удалось установить, что часть Туркестанского стрелкового полка в 1917 г. вместе с Дикой Дивизии эвакуировалась в Нальчик. Соответственно в Нальчик прибыли их архивы и другие материальные активы, в том числе и книги.

Мы изучили практически все экслибрисы на книгах, но не смогли найти книг из частных библиотек, которые были изъяты до и после революции у местной интеллигенции. Между тем, по архивным источникам точно известно, что такая экспроприация проводилась. Возможно, эти

книги менялись на такие же из других регионов. Надеемся, что дальнейшая работа даст ответы на эти и на многие другие вопросы.

А.Н. Кежутин (Нижний Новгород)

**От «белой ромашки» к «красному цветку»:
эволюция символов как отражение противотуберкулезной борьбы
в СССР в межвоенный период**

В советской и постсоветской историографии традиционным считается тезис о принципиально новом, основанном на решительном отвержении дореволюционного опыта, подходе советского правительства в отношении борьбы с социальными болезнями в целом и с туберкулезом, в частности. Благотворительности общественных организаций и частных лиц, нерегулярности и избирательности в оказании помощи революционное правительство стремилось противопоставить организацию противотуберкулезной борьбы на принципах бесплатности и общедоступности, на строго научных началах при плановом характере.

Символ белой ромашки, служивший эмблемой Всероссийской лиги по борьбе с туберкулезом с 1910 г., после укрепления советской власти стал олицетворением старых принципов организации противотуберкулезной работы и требовал замены, как и сами принципы уходящей эпохи. Альтернативой ему представлялась эмблема в виде герба РСФСР – серпа и молота, украшенного красным цветком, которая и была введена с февраля 1924 г. (*Коровкин В.С.* О «туберкулезных трехдневниках» в Украине // *Український пульмонологічний журнал.* 2002. № 3. С. 69). Показательной в данном случае выглядит традиционная антитеза: «белый – красный».

При этом трудное социально-экономическое положение страны, разруха послевоенных лет, голод, эпидемии не позволяли в ближайшей перспективе осуществить благие начинания в деле оздоровления населения и реализовать декларируемые принципы на практике. Главным препятствием становились типичные дореволюционные проблемы: недостаточное финансирование, дефицит медицинских кадров, слабая сеть лечебных учреждений, массовая безграмотность населения, особенно, в санитарно-бытовых вопросах. С аналогичными проблемами новая власть столкнулась практически во всех отраслях социальной сферы. Российский исследователь Т.М. Смирнова справедливо отметила: «Для реализации принятых законов и воплощения в жизнь провозглашенных лозунгов был необходим соответствующий государственный механизм... опытные кадры, средства, время и наличие жесткой системы контроля...» (*Смирнова Т.М.* Дети страны Советов. 1917–1940. М.; СПб., 2015. С. 48–49). Все это требовало немедленного и всестороннего госу-

дарственного участия. Однако правительство по объективным причинам испытывало сильные затруднения и было вынужденно привлечь к решению проблемы народосбережения широкую общественность.

Поэтому система мероприятий по активизации общественной инициативы и сбора средств на борьбу с социальными болезнями, разработанная в рамках деятельности Всероссийской лиги по борьбе с туберкулезом, вновь становилась актуальной в межвоенные десятилетия. Осуществление практической работы в виде проведения «туберкулезных трехдневников», кружечных сборов, публичных лекций, демонстраций, устройства специальных диспансеров, санаториев, столовых и иных учреждений на общественные средства было единственным адекватным решением и являлось прямым продолжением аналогичной деятельности дореволюционного периода в новых политических условиях. Существенным положительным отличием становились максимально широкий охват населения и действительная государственная поддержка.

Вовлечение народных масс в борьбу с социальными болезнями вместе с проводившимися мероприятиями по ликвидации безграмотности, культурному просвещению, противодействию беспризорности, бродяжничеству и нищенству позволили уменьшить масштабы народного бедствия, стабилизировать ситуацию на фронте противотуберкулезной борьбы. Вместе с тем, опыт 1920-х гг. наглядно продемонстрировал, что общественность даже при постоянной поддержке государства не способна самостоятельно исцелить общество от социальных болезней, а их естественное изживание грозило растянуться на несколько десятилетий. Очевидной становилась необходимость огосударствления всей системы борьбы с социальными болезнями в стране.

С начала 1930-х гг. на фоне начавшихся индустриализации и коллективизации происходит свертывание системы общественных мероприятий по борьбе с туберкулезом, передача всех функций данной работы государственным учреждениям, разработка и реализация пятилетних планов развития здравоохранения. Одновременно сам вопрос о существовании социальных болезней в СССР становится политическим, и из открытой печати исчезают конкретные сведения о заболеваемости и смертности населения. Архивные документы начала 1930-х гг. позволяют установить, что общее состояние распространения социальных болезней оставалось близким к показателям 1914 года. Особенно тяжелая ситуация в РСФСР складывалась в традиционно неблагополучных в данном отношении национальных автономиях Нижегородского края: Вотской, Марийской, Чувашской, а также в национальных районах других областей (Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 2256. Л. 74). При этом необходимо отметить некоторую тенденцию к улучшению ситуации в борьбе с социальными болезнями в целом и с туберкулезом в частности. Решительный перелом стал

возможен только к началу 1940-х гг., что явилось доказательством эффективности политики огосударствления борьбы с социальными недугами и показателем действительного перехода от принципов дореволюционной Лиги к основам новой системы.

Таким образом, вслед за декларативными заявлениями об отказе от «буржуазного» опыта и начале строительства нового здорового общества по иным принципам и другими методами советская власть взяла на вооружение концепцию дореволюционного этапа противотуберкулезной борьбы и реализовала ее в новых условиях. Стабилизация внутреннего положения страны в 1930-е гг. позволила начать строительство новой системы здравоохранения. Переходя к аналогии с символами, представляется, что на практике происходил не отказ от «белой ромашки», а ее рецепция и постепенное перерождение в «красный цветок».

М.Ю. Киселев (Москва)

Из истории организации исследований по исторической географии и картографии

Архив Российской академии наук по праву считается одним из крупнейших информационных центров по истории Российской академии наук, ее учреждений и организаций, отечественной и зарубежной науки и культуры, научного наследия российских ученых. В фондах архива сохранились документы по истории организации в нашей стране исследований по исторической географии и картографии.

В фонде С.Б. Веселовского отложилась докладная записка ученого об организации в Институте истории АН СССР кабинета исторической географии и картографии, направленная 26 сентября 1945 г. в Отделение истории и философии АН СССР (Архив РАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 341. Л. 1–1 об.). В записке указывалось, что в 1938 г. по инициативе С.Б. Веселовского в Институте истории была организована группа по сбору и подготовке материалов для Атласа исторической географии. В группу вошли С.Б. Веселовский, Ю.В. Готье и М.Н. Тихомиров, которые к 1941 г. составили и подготовили к печати первый том Атласа. Однако в связи с войной и смертью Ю.В. Готье работа была прервана.

При обсуждении вопроса о подготовке Атласа выяснилось, что существовавшие атласы Е.Е. Замысловского, Ф.Ф. Торнау и других очень устарели, давно стали библиографической редкостью и совершенно не удовлетворяли научных требований. По мнению ученого, недостаточная разработанность исторической географии СССР очень неблагоприятно отражалась на изданиях Института истории, что приводило к необходимости подготовки к ним специальных карт. При этом составление этих

карт поручали случайным вольнонаемным сотрудникам и результаты получались весьма неудовлетворительные.

С.Б. Веселовский считал, что историческая география, как важная вспомогательная историческая дисциплина, находилась в «большом пренебрежении». Поэтому он считал необходимым организацию в Институте истории Кабинета исторической географии и картографии. Основными задачами кабинета должны были быть:

- сбор и научная разработка архивных и печатных материалов; составление по ним карт; создание топонимической картотеки для составления атласов;

- подготовка материалов и карт для большого Атласа исторической географии СССР;

- составление учебных атласов нескольких типов: небольшого атласа для учащихся средних школ, педагогических техникумов и вузов; атласа для преподавателей указанных учебных заведений; стенных карт большого масштаба.

Ученый сообщал о работе в период 1935–1945 гг. по сбору архивных материалов для составления стенных карт: подготовлены 5 поуздных карт «Русь в XIII–XVII веках», которые он предлагал издать, чтобы сделать их доступными для учебных заведений, не располагающих достаточными средствами для приобретения по особым заказам. При этом работа ученого поддерживалась Институтом истории АН СССР, хотя нерегулярной и недостаточной.

С.Б. Веселовский предлагал включить работу Кабинета по исторической географии и картографии в пятилетний план работы Института истории АН СССР. Для организации работы кабинета он предлагал выделить две комнаты общей площадью 40–50 кв.м., приобрести чертежный стол и электролампу, набор карт различных масштабов, шкафы для хранения карт и картотечные ящики. Для обслуживания кабинета предлагалось пригласить двух постоянных сотрудников для сбора архивных материалов, подготовки карт и создания картотеки. На докладной записке С.Б. Веселовского имеется резолюция вице-президента АН СССР В.П. Волгина «В пятилетний план». В заявлении С.Б. Веселовского в дирекцию Института истории АН СССР от 10 декабря 1945 г. (Архив РАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 341. Л. 2об.) указывается, что для организации работы кабинета необходимо выделить 21600 рублей на 1946 г.

Представленная информация позволяет утверждать, что С.Б. Веселовский был одним из организаторов исследований по исторической географии и картографии в нашей стране.

Печать Бориса Васильевича Шорина 1651 года

Разыскания последних десятилетий открыли новое в историографическом плане явление – существование в России второй половины XVII в. персональных печатей, принадлежавших представителям служилой части русского купечества, которые обладали присваиваемым царским указом чином «гостя». В 2000 г. были опубликованы печати, хозяевами которых были видные предприниматели своего времени – гости Иван Данилович и Семен Иванович Панкратьевы (*Тимошина Л.А.* Гербовые печати гостей Панкратьевых в конце XVII в. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1999. М., 2000. С. 416–425). Печати были приложены к отправленным в 1692 и 1693 гг. письмам, а изображения на них оказались воспроизведениями личных гербов отца и сына, исполненных как подражания западноевропейским аналогам. На печати старшего читаются его инициалы, обозначенные кириллическими и латинскими буквами. Хронологическая приуроченность и особенность художественного оформления позволяли предположить, что само появление данных артефактов стало следствием наметившейся политики преобразования русского общества, проводившейся молодым царем и его ближайшими единомышленниками.

Много позднее была обнаружена печать другого гостя – Гаврилы Мартыновича Фетиева, которая скрепляла его официальное обращение в качестве куратора винной торговли в Вологде и ее округе к властям Спасо-Прилуцкого монастыря. Документ датирован 1675 г., и это дает основание полагать, что начало использования личных печатей российскими предпринимателями не связано с новшествами правительства царя Петра. Изображение на печати Фетиева является криптограммой, образованной тремя буквами русского алфавита, представляющими инициалы владельца – «Г[аврила] М[артынович] Ф[етиев]». Каких-либо следов откровенного подражания гербовым печатям западноевропейцев, с которыми по долгу службы или частным порядком приходилось общаться вологжанину, не наблюдается (*Кустерев С.Н.* Печать гостя Гаврилы Фетиева // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Мат-лы XXVIII Междуна. науч. конф. Москва, 14–16 апреля 2016 г. М., 2016. С. 271–273).

Присутствие на печатях И.Д. Панкратьева и Г.М. Фетиева их личных инициалов отражает проявленное хозяевами стремление придать удостоверяющему знаку большую конкретность, лишаящую возможности атрибуции его какому-либо иному лицу. Это существенным образом отличает печати служилых купцов от множества аналогов, использовавшихся в те же годы представителями других социальных групп.

Отец и сын Панкратьевы и Гаврила Фетиев не единственные из числа

чиновных купцов, оттиски личных печатей которых сохранились и доступны для изучения специалистами. 28 августа 1651 г. находившийся в Архангельске Борис Шорин написал письмо, адресованное в Вологду архимандриту Спасо-Прилуцкого монастыря Серапиону и содержавшее просьбу, касавшуюся сберегаемых в обители лошадей автора эпистолы. Послание купца носило деловой и подчеркнуто личный характер и никак не было связано с исполнением им каких-либо казенных поручений. Архимандрит, получивший 8 сентября того же года адресованное ему обращение, должен был, в первую очередь, увидеть скреплявшую свернутый бумажный лист миниатюрную черновосковую печать и убедиться в ее целостности. До настоящего времени оттиск дошел в частично разрушенном виде, поэтому видимое на нем изображение может с равным успехом трактоваться и как изображение некоего предмета-символа, например, ключа, и как криптограмма, содержащая в себе скрытые инициалы владельца, расположенные, подобно печати Фетиева, вокруг вертикального столба.

Борис был старшим из двух сыновей одного из богатейших купцов XVII в. гостя (с 1641 г.) Василия Григорьевича Шорина. Принадлежность его самого к числу гостей отмечается исследователями, лишь начиная с 1657 г. (*Голикова Н.Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998. С. 123). Документы позволяют сделать поправку, поскольку уже годом ранее Борис Васильевич как гость ведал сбором пошлин в Архангельской таможне (РГАДА. Ф. 141. 1668 г. № 289. Л. 37), а в мае того же 1656 г. полковник Денис Денисов сын Фонвизин продал свою недвижимость «гостям Василью да Борису да Федору Шориным» (РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 4. Кн. 6014. Л. 481 об.). Более того, еще в марте 1653 г. в адресованной таможенным головам г. Романова грамоте с прочетом из Посольского приказа утверждалось, что она появилась вследствие челобитной, которую подали «гость наш Василей Шорин з детьми своими з гостем з Борисом да с Федором» (РГАДА. Ф. 141. Оп. 3. 1653 г. № 34. Л. 2, 5), что отвергает сомнения относительно обладания высшим купеческим придворным чином старшим из братьев существенно ранее, чем принято было считать.

Однако такая поправка не является решающей при определении социального статуса автора письма архимандриту Серапиону, поскольку пока нет свидетельств присвоения ему чина уже в 1651 г. Правда, как сын гостя Борис непременно входил в состав гостиной сотни, корпорации, исполнявшей специфические службы при царском дворе и за его пределами.

Таким образом, печать, скреплявшая письмо Бориса Шорина спаском архимандриту Серапиону, является наиболее ранним сфрагистическим памятником, принадлежавшим некогда члену торгово-предпринимательского сообщества. Как и в случае с Панкратьевыми, печать Шорина употреблялась в личной деловой переписке, не связанной с государственной службой, что подчеркивает ее персональный характер. Обнаруже-

ние же ее на бумаге с текстом письма 1651 г. дает основание возводить появление таких атрибутируемых чиновному купечеству аксессуаров ко времени не позднее середины XVII столетия.

Особого внимания заслуживает тот факт, что печать на письме архимандриту Спасо-Прилуцкого монастыря принадлежит торговому человеку гостинной сотни, чей отец был удостоен гостевого звания, высшего для данной социальной группы в придворной иерархии. Обзаведение младшим членом гостевого семейства личной печатью заставляет подозревать наличие таковой и у главы дома – Василия Григорьевича, то есть повторения ситуации, имевшей место в семье Панкратьевых. Равным образом следует видеть в наличии у Бориса своей печати отражение широкого распространения в купеческой среде этого рода персональных отличительных знаков.

С.С. Ковалёва (Москва)

Списки избирателей Московской губернии 1917 года как генеалогический источник

События 1917 года трагически повлияли на дальнейшую историю России, но некоторые документы того периода оказывают существенную помощь при проведении генеалогических исследований настоящего времени.

Как правило, последствия смены власти – это упразднение старых и утверждение новых властных структур, должностей. Временное правительство взяло на себя подготовку к выборам в Учредительное собрание. Вся территория России была разделена на избирательные округа, примерно соответствующие границам губерний.

4 сентября 1917 г. были образованы Московская городская и Московская губернская избирательные комиссии по выборам в Учредительное собрание. В Москве и ее губернии выборы в Учредительное собрание состоялись во второй половине октября – ноябре 1917 г.

На уездном уровне формировались уездные, на губернском – губернские земские собрания. Из представителей земских управ были созданы избирательные комиссии по выборам в земство. Выборы в земские органы Московской губернии и думы уездных городов были проведены летом 1917 г.

В Центральном историческом архиве Москвы (ныне ЦГА Москвы ОХД до 1917 г.) отложился на хранение фонд 2336 «Уездные избирательные комитеты по выборам в земство», в котором сосредоточены разные документы, в том числе и списки избирателей, всего 1016 ед. хр. Есть также фонд 2337 «Уездные Комиссии по делам о выборах в Учредительное собрание», в котором помимо протоколов, положений и прочих документов имеются списки избирателей по выборам в Учредительное соб-

вание в городах, волостях и округах, на заводах и фабриках Московской губернии, всего 187 ед. хр.

Некоторые аналогичные документы (Списки избирателей по выборам в уездное земство по волостям с указанием деревень; на заводах и фабриках) можно найти в фонде 2339 «Волостные избирательные комиссии по выборам в земство Московского уезда 1917 года» и фонде 2334 «Дмитровский, Московский, Клинский уездные Комиссары Московской Губернии 1917 г.».

Генеалоги-любители редко привлекают данные фонды в своих поисках, не имея представления о том, насколько важна и содержательна может быть информация из этих документов.

Документы датированы периодом августа-сентября 1917 г. В выборах принимали участие все жители старше 20 лет (в том числе женщины) всех населённых пунктов Московской губернии. Записи велись по фамилиям, в алфавитном порядке. Это особенно важно, так как в метрических книгах до 1917-го года у непривилегированных сословий Московской губернии фамилии писали не всегда, и не потому что их не было. Фамилии имелись даже у крепостных крестьян, пусть и уличные, прозвищные, но в обязательном порядке документально они стали учитываться уже только в советские годы.

В том или ином населённом пункте принимали участие в выборах только те, кто фактически проживал там, но списки могли составляться и по фактическому проживанию, и по приписке. Некоторые попадали в списки дважды. Например, многие работали на заводах и фабриках, списки избирателей всех мануфактур, заводов и фабрик Московской губернии в этих фондах также присутствуют, и рабочие как избиратели были записаны в этих документах. Встречаются пометы «в армии», «в плену».

В документе письменно указывалось название населённого пункта, волости и уезда. Чернилами заполнялись разделы: фамилия, имя, отчество; порядковый номер по списку; возраст избирателя; связь с волостью (проживает, работает, служит, имеет домашнее обзаведение); адрес избирателя (например, в чьем доме проживает), и карандашом ставилась отметка об участии в выборах. В списках расписывался председатель волостной избирательной комиссии.

Фонды разделены на описи по уездам Московской губернии. В описях документы не расписаны по населённым пунктам, указана только волость. Поэтому необходимо знать к какой волости относился искомый населённый пункт в период выборов. Даже если известна волость, для поиска необходимой деревни может потребоваться просмотр нескольких документов. По объёму документы небольшие, в общей сложности 10–50 листов на бумаге не очень хорошего качества.

Поскольку жители населённых пунктов записаны в алфавитном порядке, то довольно просто вычисляются родственные связи у носителей

одной фамилии; по возрасту и по отчеству можно понять, кто кому кем приходится и таким образом восстановить состав семьи, взрослых её представителей, на 1917 год.

Списки избирателей Московской губернии в земство и Учредительное собрание 1917 г. являются ценнейшим и важнейшим источником генеалогических исследований в тех случаях, когда нужно найти семью старообрядцев, чьи метрические книги сохранились очень фрагментарно. И чтобы построить генеалогическое древо за XIX в., возможно по именам и возрастам связать информацию из списков избирателей с подворной переписью Московской губернии, которая проводилась в 1869–1871 гг. и сохранилась в архиве в полном объёме.

Также списки избирателей помогут найти верное направление в тупиковых генеалогических поисках, когда в метрических книгах нужная информация не нашлась. Часто первоначальные исходные данные в генеалогическом поиске бывают неточными или неверными, и если начать работу со списков избирателей, то это позволит избежать многих бесполезных усилий при просмотре метрических книг. Указанные возраста населения в этих списках позволяют вычислить примерный год рождения, а это, соответственно, дает возможность понять, за какие года в метрических книгах следует в дальнейшем искать информацию о рождении / крещении.

Архивный поиск в бывшем ЦИАМ (ныне ЦГА Москвы ОХД до 1917 г.) при исследовании родословных непривилегированных слоев населения следует начинать именно со списков избирателей 1917 г. Эти документы существенно облегчат работу, дадут новые данные или же решат другие сложные задачи генеалогического исследования.

А.Ю. Козлова (Коломна)

Сведения о 12-летнем восточном календаре в «Толковой Палее»

Вопрос о бытовании в книжности Древней Руси 12-летнего восточного календаря поднимался неоднократно. Одно из первых исследований по данному вопросу – знаменитая статья В.Ф. Райана (*Ryan W.F. The Oriental Duodenary Animal Cycle in Old Russian Manuscripts // Oxford Slavonic Papers. New series. 1971. Vol. 4. P. 12–30*), основные положения которой были повторены автором (*Райан В.Ф. Баня в полночь: исторический обзор магии и гаданий в России. М., 2006*). Итоги изучения данной проблемы были подведены А.А. Романовой (*Романова А.А. Древнерусские календарно-хронографические источники XV–XVII вв. СПб., 2002*). А.А. Романова, во-первых, акцентировала внимание на высказывании Райана, что в нарративных древнерусских памятниках, кроме текстов ярлыков, дававшихся «ордынскими царями русским митрополитам», вос-

3) Датировка Александро-Невского списка до сих пор вызывает большие споры – границы очень широки: в библиотеке Александро-Невской Лавры его отнесли к XIII в. (*Родосский А.К.* К материалам для истории славяно-русской библиографии. 2. Единственный древнейший список Толковой Палеи, принадлежащий библиотеке Александро-Невской Лавры, а нынча составляющий собственность библиотеки СПб. Духовной Академии // Христианское чтение. Вып. 2. 1882. С. 590– 609), а Грибов – к концу XIV в. (*Грибов Ю.А.* О реконструкции новгородского иллюстрированного сборника XIV в. // Хризограф. Вып. 3. М., 2009. С. 253–267).

Текстологический анализ Александро-Невского, Увар. № 85 и Музейского № 1197 списков показывает, что писец, который переписал Увар. № 85 и первую половину Музейского списка (см. об особенностях почерка данного писца в указанных сочинениях Ю.А. Грибова), очень четко и последовательно передавал текст своего антиграфа, позволяя только в некоторых случаях орфографическую правку: так, например, он пытался устранить цоканье.

Ни Увар. № 85, ни Музейский № 1197 не являются по отношению друг к другу антиграфами, о чем свидетельствуют механические пропуски слов или строчек, которые легко восстанавливаются при обращении к Александро-Невскому списку. Все пропущенные отрезки текста в Александро-Невском списке в Увар. № 85 и Музейском № 1197 передаются совершенно одинаково. Тот отрезок текста, в котором содержится 12-летний восточный цикл, в Александро-Невском списке отсутствует, но одинаково представлен в Увар. № 85 и Музейском № 1197, что представляет возможность предположить, что когда-то в самом Александро-Невском списке он тоже находился и завершал так называемую естественнонаучную вставку, связанную с календарными понятиями.

Указанные факты свидетельствуют, что, во-первых, существует очень большая вероятность того, что в «Толковой Палее» – древнерусском памятнике, включающем, кроме толкований, элементы нарратива, 12-летний восточный календарь присутствовал; во-вторых, ссылка на «Толковую Палею» в рукописи ГИМ. Собр. Барс. № 2187 совсем не случайна: эти сведения не в виде таблицы находились уже в старшем пергаменном списке «Толковой Палеи».

А.М. Колызин (Москва)

Изменения оформления денег Дмитрия Донского в связи с метрологией монетного чекана

Установлено, что чеканка монет в Великом княжестве Московском при великом князе Дмитрие Ивановиче Донском началась в ноябре 1381 г. (*Колызин А.М.* О начале чеканки монет в Москве в XIV в. // Деся-

тая Всеросс. нумизматич. конф. Тез. докл. и сообщений. Псков. 15–20 апреля 2002 г. М., 2002. С. 162–164; *Он же*. Начало чеканки монет в Москве // Московский Кремль XIV столетия. Древние святыни и исторические памятники. (Памяти святейшего патриарха Московского и Всея Руси Алексия II). М., 2009. С. 442–447; *Он же*. Спорные вопросы ранней московской чеканки // Нумизматические чтения 2012 года. К 150-летию со дня рождения П.В. Зубова (1862–1921). Москва. 4–5 декабря 2012 г. Мат-лы докладов и сообщений. ГИМ. М., 2012. С. 67–71; *Он же*. Начало чеканки монет в Москве при великом князе Дмитрии Донском: Спорные вопросы // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Мат-лы XXV Междунар. науч. конф. Москва. 31 января – 2 февраля 2013 г. М., 2013. Ч. II. С. 354–357).

Самые ранние анонимные (без имени князя, только с великокняжеским титулом) деньги Дмитрия Донского с поясным изображением воина с мечом и топором на одной стороне и читаемым подражанием благопожелательной арабской надписи с именем хана Токтамыша на другой стороне – чеканились по весовой норме около одного грамма (весовой максимум 0.98–1.02). Чеканка таких монет продолжалась до весны 1382 г. Их известно 278 экземпляров (*Гайдуков П.Г., Гришин И.В.* Надчеканки на деньгах Дмитрия Ивановича Донского // Нумизматические чтения 2011 г. М., 2011. С. 57).

Если судить по соотношению сохранившихся анонимных и именных монет этого князя, видимо, в конце весны 1382 г. им на смену приходят именные деньги Дмитрия Ивановича, которых известно несколько типов. Самые ранние именные несут то же изображение воина с топором и мечом, но на реверсе подражание дирхему хана Узбека, а также есть экземпляры с подражанием имени Тактамыша. Средний вес всех этих именных монет Донского с воином и частью имени в поле монеты по опубликованным экземплярам равен 0,98 г, то есть совпадает с весом его первых анонимных монет.

Другой тип именных денег Дмитрия имеет на аверсе поясное изображение человека влево, держащего за язык змея, тело которого образует круговой ободок монеты, разделяющей надпись и изображение. На реверсе – читаемое подражание имени Токтамыша. Эти деньги, судя по опубликованным экземплярам, имеют средний вес 1,01 г (*Гайдуков П.Г., Гришин И.В.* Именные денги великого князя Дмитрия Ивановича Донского // Великий Новгород и средневековая Русь. М., 2009. С. 332, 335).

Третий тип именных монет Дмитрия Донского несет на аверсе погрудное изображение человека с саблей влево, а на реверсе – также читаемую благопожелательную арабскую надпись с именем Токтамыша. Средний вес таких опубликованных денег равен 0,93 грамма.

Последний тип именных денег Донского, составляющий немного более половины всех его именных денег, имеет на аверсе изображение пе-

туха с четвероногим существом над ним. Почти все монеты этого типа на реверсе имеют также имя Токтамыша. Очень редко встречаются реверсы с подражанием дирхему Узбека (?). Эти монеты более легкие и их средний вес по опубликованным экземплярам равен 0,92 г (*Гайдуков П.Г., Гришин И.В.* Именные денги великого князя Дмитрия Ивановича Донского // Великий Новгород и средневековая Русь. М., 2009. С. 335, 337). Переход к чеканке монет такого веса связан с денежной реформой в Москве, призванной восстановить равенство веса трех московских денег двум золотоордынским дирхемам, так как вес дирхема был понижен вследствие реформы хана Токтамыша (*Колызин А.М.* О весовых нормах монет, рубле-слитке и счетном рубле великого княжества Московского последней четверти XIV – первой половины XV века // Нумизматический сборник. ГИМ., Ч. 13. М., 1998. С. 54; *Он же.* Торговля древней Москвы (XII – середина XV в.). М., 2001. С. 145–148).

Надо отметить, что чеканка монет с петухом началась, судя по всему, после разорения Токтамышем Москвы в конце августа 1382 г., и причину перехода от денег Донского с изображением вооруженного воина (князя?) к «не воинствующему» типу с петухом следует искать именно в «наказании» князя за столь вызывающее оформление своих денег, косвенно напоминающее таким образом о недавнем разгроме татар в Куликовской битве.

Имеются еще несколько типов денег, относимых мною к чекану последних лет княжения Дмитрия Ивановича (после 1386 г.). Данные деньги имеют обе стороны без татарских элементов оформления, но при этом они несут круговую надпись с великокняжеским титулом (анонимные, без имени князя). Эти монеты были отнесены Г.А. Федоровым-Давыдовым к чекану Суздальско-Нижегородского княжества под властью Москвы в конце XIV – начале XV в. Их характерная особенность, по мнению исследователя, заключается в сюжетах на монетах, характерных для московской чеканки (поясное изображение воина с мечом и топором, иногда перед ним помещена отрубленная голова, как на деньгах Дмитрия Донского, изображение Кентавра, как на деньгах Владимира Андреевича Храброго, и пр.), но технике, характерной для чекана Суздальско-Нижегородского княжества. Я уже отмечал «недостаточность» аргументов в пользу нижегородской чеканки данных монет и аргументировал их московский чекан. К чекану же части подобных монет в Суздальско-Нижегородском княжестве после присоединения его к Москве я отношу именно деньги анепиграфные, без надписей (более низкого ранка по классификации Г.А. Федорова-Давыдова) (*Федоров-Давыдов Г.А.* Монеты Нижегородского княжества. М., 1989. С. 109–130; *Колызин А.М.* О монетном чекане в последние годы княжения Дмитрия Донского // Нумизматический сборник МНО. Ч. 2. М., 1992. С. 21–32; *Он же.* О весовых нормах монет, рубле-слитке и счетном рубле великого княжества Московского последней четверти XIV – первой половины XV века // Нумиз-

матический сборник. ГИМ. Ч. 13. М., 1998. С. 55; *Он же*. Торговля древней Москвы (XII – середина XV в.). М., 2001. С. 136–145).

Монетный чекан при Дмитрии Донском не только отражал политическую ситуацию того времени оформлением монетного поля, надписями и пр., но также своим оформлением реагировал и на метрологические изменения. Изучение раннего этапа чеканки Великого княжества Московского важно для понимания истории периода русского феодализма.

Н.А. Комочев (Москва)

Вспомогательные исторические дисциплины в современном учебном процессе (заметки постороннего)

Жизнь российской высшей школы последних лет уже приучила к тому, что калейдоскоп событий каждый сентябрь налетает как вихрь, принося с собой слияние и переформирование ВУЗов, оптимизацию структур, переход к Болонской системе или прием абитуриентов на основе ЕГЭ, регулярную смену многочисленных «поколений» образовательных стандартов, специальностей... Высшее образование, словно заново рождается каждый год. Еще не так давно университетская жизнь мало менялась десятилетиями, сейчас же редкие сотрудники ВУЗов строят реальные рабочие планы более чем с годовой перспективой. Как же чувствуют себя в этих условиях классические «вспомогательные исторические дисциплины» (далее ВИД) в рамках традиционных исторических специальностей?

Заметим, что современное образование характеризуется сочетанием двух взаимоисключающих крайностей. Это, с одной стороны, его все более практическая направленность (в ущерб фундаментальной научной составляющей) – для успешной самоокупаемости ВУЗы должны выпускать специалистов, хорошо востребованных на рынке труда, а не абстрактных «ученых», профессиональная реализация которых неуловима для экономических прогнозов. С другой стороны, это превалирование в учебных планах «обязательных» дисциплин общего профиля, не связанных прямо со специальностью будущего выпускника. Они изучаются «для общего развития», наполняют собой расписание и разбавляют дисциплины основной специальности. Эти две легко объяснимые тенденции сочетаются с другими (о некоторых сказано выше) и в результате образуется довольно пестрая картина, историческая оценка которой в свое время, конечно, будет сделана. Но пока наблюдается раздробление курсов и, как следствие, уменьшение количества часов. Это можно считать общемировой тенденцией, поскольку и в Европе наблюдаются схожие явления (в том числе и в отношении ВИД).

Ранее в ИАИ при подготовке «историков-архивистов» (5 лет обучения) курсы распределялись примерно так: ВИД – изучали на первом кур-

се, источниковедение – на втором, историю исторической науки – на третьем, теорию и методологию истории – на четвертом. В результате почти 4/5 времени своего обучения студент так или иначе сталкивался с близкими сюжетами, рассматривая их на разных уровнях. В своей основе эта схема сохранена и ныне, однако есть отличия. Они связаны с тем, что: 1) часть материала нужно передать «магистратуре», следовательно, студенты-бакалавры чего-то «недополучают»; 2) количество часов на традиционные ВИД уменьшилось, а изучаются они больше в связи с чем-нибудь (например, книжной культурой или архивным делом), что само по себе хорошо, но не способствует усвоению ВИД как самостоятельных направлений; 3) практика современных занятий сделала почти невозможными (в силу излишней загруженности студентов и преподавателей) спецкурсы, ранее активно читавшиеся по инициативе преподавателей на свободные темы. Спецсеминары и кружки, еще сохранные в ИАИ исключительно благодаря энтузиазму их руководителей, имеют несколько другую функцию. Именно спецкурсы, не заявленные в утвержденных министерством планах, позволяли факультетам знакомить студентов с дисциплинами, не попавшими в число «обязательных» или даже КПВ (классический пример – дипломатика, сохранявшаяся в МГИАИ десятилетиями именно в качестве спецкурса).

Актуальность ВИД в университетах напрямую связана с их общей востребованностью. Если в 1930–1940-е гг., при создании МГИАИ, эти дисциплины были основой подготовки архивиста-практика (и им, соответственно, уделялось больше внимания), ныне ситуация изменилась. Современные документоведение и архивоведение, частью уже электронные, редко позволяют востребовать навыки чтения древнерусских текстов, перевода дат и формулярный анализ частноправовых актов. Такие умения активно и ежедневно применяют сотрудники лишь нескольких федеральных архивов и рукописных отделов в стране. Основной же состав документации, относящийся к новейшему времени, таких навыков не требует (это вовсе не значит, что ВИД неприменимы к источникам новейшего времени, речь идет лишь о формальной востребованности). Таким образом, ВИД становятся своеобразным «эксклюзивом», уделом относительно небольшой группы специалистов и любителей, а значит, все менее распространенным понятием в расписании студенческих занятий.

С другой стороны, актуальность ВИД всегда была связана с тем, что почти все из них имели в своем развитии «практический» этап. Например, развитие дипломатики связано с эволюцией методики экспертизы актов, палеография выросла из практических задач переписки, издания и датировки рукописей и т. д. Когда есть такая связь, актуальность дисциплин никто не будет отрицать. Ныне, в эпоху активного развития информационных технологий, эта связь ВИД с практической деятельностью либо тает, либо меняет свой облик. Каким образом палеографические или

сфрагистические навыки, например, могут помочь в источниковедении делопроизводства любой современной организации или информации социальных сетей? Опытов применения методики ВИД к таким источникам на данный момент очень мало.

Все говорит о том, что помимо сохранения славных традиций ВИД (что само по себе принципиально важно), желательны активные меры по их обновлению и «актуализации» в современных условиях. В этой связи, на наш взгляд, были бы уместны: 1) разработка методики ВИД применительно к источникам нового и новейшего времени, в том числе массовым и электронным; 2) разработка и внедрение курсов ВИД, специально ориентированных на разные специальности (историки, филологи, лингвисты, культурологи, музеологи, искусствоведы, юристы, даже музыканты и художники); 3) активное возрождение спецкурсов по ВИД (их тематика и количество напрямую зависит от возможностей преподавателей ВУЗа), а также спецсеминаров и кружков, стимулирующих научную активность студентов. Без научной составляющей высшее образование в значительной мере теряет свой смысл. Разнообразные спецкурсы могли бы существенно дополнить обязательную программу.

Автор хорошо понимает, что далеко не все зависит от преподавательских инициатив, но и они сами по себе много значат. Как по другому поводу сказал поэт: «Стремись в заоблачные выси, но стой при этом на земле». Роль такой «земли» или основы для историка выполняют источниковедение и ВИД, без которых никакие «выси» не будут доступны. Несмотря на подзаголовок в теме статьи, автор этих строк не считает себя совсем посторонним по отношению к вспомогательным историческим дисциплинам и хочет надеяться, что они сохранят и преумножат свои традиции в стенах наших высших учебных заведений и в результате прочно отвоеуют себе место, принадлежащее им по праву.

И.Г. Коновалова (Москва)

Типы регионального описания в арабской географической литературе IX–XII веков

Средневековая арабская география является одной из наиболее значительных традиций землеописания как по объему собранных сведений, так и по способам презентации географической информации. Важнейшим средством описания ойкумены в арабских географических сочинениях служило проведение границ – природных, этнографических, государственно-административных, лингвистических, религиозных. Разные принципы разграничения позволяли арабским ученым выстраивать разные форматы изложения в зависимости от выбранного ими масштаба – всемирного, регионального, странового. Региональный подход широко при-

менялся в сочинениях разных жанров. Где-то выходя на первый план, где-то играя подсобную роль, региональный формат всегда сочетался с другими структурными принципами, диктуемыми задачами сочинения. Самой сложной моделью такого сочетания являлось описание всей ойкумены, когда та или иная страна или народ должны были быть охарактеризованы не только как таковые, но и как часть целого. Всемирный масштаб предъявлял особые требования к автору географического сочинения, так как простая сумма региональных описаний сама по себе еще не обеспечивала целостного взгляда на мир.

В рамках всемирного землеописания арабские ученые использовали несколько типов региональной характеристики.

Хронологически первый тип регионального описания был разработан в середине IX в. Ибн Хордадбехом, автором «Книги путей и государств». Предложенный им тип описания был тесно связан с его профессиональной деятельностью в почтовом ведомстве халифата, где он имел доступ к информации о путях сообщения внутри халифата и вне его. Основную часть описания в книге Ибн Хордадбеха занимает перечисление дорожников, относящихся к территории Халифата. Изложению этих сведений отведены четыре больших раздела, соответствующие четырем сторонам света, где последовательно говорится о путях, которые вели из Багдада – пространственного центра повествования, – в Среднюю Азию, Индию и Китай, Северную Африку и Испанию, Византию и Закавказье, Аравию. После характеристики маршрутов по Аравийскому полуострову, завершающей описание южных областей Земли, говорится, сколько всего почтовых дорог было на территории Халифата. Приводимая Ибн Хордадбехом цифра в 930 дорог как бы подводит итог всему предшествующему изложению, после чего он обращается к новому сюжету – характеристике трансконтинентальных путей купцов *ар-разанийя* и купцов-русов, а затем переходит к заключительному разделу книги – описанию чудес и диковинок Земли. Разработанный Ибн Хордадбехом тип описания, в котором важнейшим инструментом презентации информации были маршрутные данные, оказался очень востребован в арабской географии и положил начало особому жанру географической литературы – «книгам путей и государств».

В середине X в. представители так называемой «классической школы» арабских географов (ал-Балхи, ал-Истахри, Ибн Хаукал) разработали иной тип землеописания, сформировавшийся под сильным влиянием персидских традиций представления земли как совокупности историко-географических областей. Укорененность в персидской культуре повлияла на композицию их сочинений, в которых центральное место занимает Иран, а географическое деление земли, несмотря на формальное использование ими принятого большинством исламских географов греческого термина «климат» (араб. *иклим*), фактически основано на системе иран-

ских областей-*кишваров*. В основной части сочинений авторов «классической школы» последовательно характеризуются 17 регионов исламского мира с прилегающими к ним территориями, а также три моря – Румское (Средиземное), Персидское (Индийский океан) и Хазарское (Каспийское). Единство изложения в какой-то мере обеспечивается обширным введением, где дается общая религиозно-политическая картина мира, в рамках которой выстраивается иерархия мировых империй и определяется место исламских стран и народов в мировом геополитическом контексте. Той же цели служит и карта мира, которая – наряду с отдельными картами 17 регионов и трех морей – входила в состав этих сочинений.

Еще большая роль карты в описании мира как единого целого характерна для географического сочинения ал-Идриси (середина XII в.), составленного по заказу норманнского правителя Сицилии Рожера II (1130–1154). Центральное место в труде ал-Идриси отводилось не сохранившемуся до наших дней серебряному диску с картой мира, которая содержала не просто генерализованную информацию географического толка, но являлась формой политического дискурса, манифестацией символической власти над пространством. Сохранившаяся же часть труда ал-Идриси представляет собой описание всех областей ойкумены, сопровождающееся подробной прямоугольной картой мира (на карту нанесено около 2500 наименований, а в тексте сочинения их в 2,5 раза больше). Принимая во внимание огромное количество данных, которыми оперировал ал-Идриси, можно сказать, что использованная им система климатов была нужна прежде всего для упорядочения собранного материала. Не случайно, каждый климат ал-Идриси – и это явилось его нововведением, – в свою очередь, механически разбил на десять поперечных частей-секций (*джуз*'), равных по длине и ширине. Соответственно, описание стран и народов ал-Идриси ведет по климатам, с юга на север, а внутри климатов – по секциям, с запада на восток. Если группировка сведений по климатам создавала иллюзию целостного взгляда на мир, то в действительности за внешней климатической оболочкой скрывались принципы описания, подчинявшиеся исключительно собственной логике. Текст ал-Идриси построен преимущественно по принципу «описания пути», где дорожники, основанные прежде всего на устной информации, отражают такую систему пространственной ориентации, в которой местонахождение объектов всегда относительно, поскольку оно определяется по отношению к воспринимающему субъекту, неподвижному или движущемуся. Таким образом, формальное структурирование материала по климатам и секциям уступает свое место фактическому преобладанию множества субъективных точек зрения на организацию того или иного пространства.

Некрологи Ростиславичам в Ипатьевской летописи: биография и похвала

После смерти Ростислава Мстиславича, князя смоленского и киевского, его сыновей, ставших вместе с их ближайшими потомками заметными фигурами в политической истории южнорусских и западнорусских земель, летописцы начали называть «Ростиславичами». Поскольку это наименование встречается в летописях разных регионов, можно думать, что так их называли и современники.

М.Д. Присёлков, обратив внимание на пространные некрологи братьям Ростиславичам, читающиеся в Ипатьевской летописи (далее – Ип), выдвинул гипотезу о существовании «Семейной хроники Ростиславичей», сложившейся в период киевского княжения Рюрика (*Присёлков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 88–89.*). При этом исследователь утверждал, что все они написаны по шаблону и не содержат реального биографического материала. Тем не менее некрологи Святославу, Роману, Мстиславу и Давыду Ростиславичам хотя и имеют повторяющиеся тексты, но обнаруживают и индивидуальное – в отношении описания летописцем внешности, нрава и судьбы братьев. Более того, их оценки порой не находят соответствия в летописных статьях, касающихся деяний этих князей. С точки зрения приобщения материала некрологов к реконструкции особенностей личности князей, их биографии важны даже традиционные формулы, ибо они сознательно использовались или опускались летописцем.

Первый некролог – это некролог **Святославу** Ростиславичу, второму сыну Ростислава, умершему в 1170 г. Некролог ему является самым кратким и содержит все общие для Ростиславичей похвальные формулы (о любви «ко всем», попечении о монастырях и церквях, щедрости к дружине и проч.). Князь «баше храборъ на рати», – формула не везде присутствующая и словесно варьируемая. Святослав Ростиславич княжил в Новгороде, однако в период его юношества (ясно, что он в это время не имел княжения, а был при отце) есть свидетельство о его геройском поведении на поле брани. В конце 1154 – начале 1155 г. он сначала победил половцев под Переяславлем, а затем защитил в критической ситуации отца. Когда под Ростиславом пал конь, Святослав соскочил со своего и «заступи ѿца своего и поча са бити» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 475). Другой «воинский» эпизод зафиксирован лишь Новгородской первой летописью (далее – НПЛ). Под 6672 г. повествуется о том, как Святослав с новгородцами пришел на помощь к ладожанам, осаждаемым шведами. Шведы были полностью разбиты. В Новгороде счастливым его княжение назвать нельзя, по выражению Ип, новгородцы «не добръ живау» со Святославом. Он

и умер «на Волоцѣ бѣ бо тогда воюя Новгородскую волость» (Там же. Стб. 550). Краткость и малая индивидуальность некролога Святославу объясняется, по-видимому, тем, что он мало бывал в Южной Руси, похоронен в Новгороде, к тому же не оставил потомства, которое обычно радует о памяти предка.

Мстислав (ум. в 1180 г., будучи «оунь»), младший из братьев, удостоился самой обширной похвалы, сопровождающейся, как и у всех братьев, кроме Святослава, подробным рассказом о его преставлении. В похвале есть описание внешности: «возрастомъ бѣ середнии. вбразомъ лѣпъ». Говорится также, что он был «крѣпокъ» на рати и «всегда бо тоснашеться на великаѣ дѣла» (Там же. Стб. 610), последнее выражение, очевидно, взято из предыдущей летописной статьи, где Мстислав характеризуется, когда его призывают на стол новгородцы. Из его летописной биографии мы знаем, что это не является лишь фигурой речи, а его действия, слава бесстрашного полководца, наконец, присутствие его войск в решительные моменты развития событий играли значительную роль. Он обладал лидерскими качествами, был предан роду, смел и, если думать, что его монолог в ответ на приглашение новгородцев отражает его реальные слова, представлял свои деяния как миссию: он призван «страдати ѿ всего срѣца . за вѣчино свою» (Там же. Стб. 607).

Роман (ум. в 1180 г.), видимо, имел выдающиеся внешние данные: «возрастомъ высокъ. плечима великъ. лицомъ красень». Он характеризуется с некрологе как смиренный, кроткий, незлобивый и правдивый. В значительной степени эти качества подтверждается данными его биографии. Он принимал участие не во всех военных кампаниях, где участвовали другие Ростиславичи, ушел в Смоленск по требованию Андрея Боголюбского, ибо был не только неконфликтен, но и «правдивъ», очевидно, считая, что, признав Андрея за «отца» и приняв его волю стать киевским князем, должен выполнить его же волю, когда тот приказывает покинуть этот стол. Его братья, захватив Киев, не посылают за ним, видимо, зная его позицию, а сажают на киевский стол Рюрика. При этом о «крепости» его на рати в некрологе ничего не сказано. В похвале только этому князю к повторяющимся у всех словам «любовь имѣяше ко всемъ», – прибавлено: «и к братьи своѣи. истѣнноую нелицемерноую» (Там же. Стб. 617). Вместе с тем, наряду с проявлениями братских чувств и готовности идти на помощь, в летописной информации о его действиях есть и другое. Хотя и против воли («нужею» – по приказу Андрея Боголюбского), в 1173 г. Роман посылает войска во главе с сыном на своих братьев. Но если в этом случае его можно упрекнуть в малодушии, то в другом – он, напротив, проявляет разумную твердость и волю. Когда Мстиславу вздумалось пойти на Полоцк с новгородцами за обиды более чем столетней давности, Роман послал помощь своему зятю, полоцкому князю, а к Мстиславу от-

правил послов с твердым заявлением: «ѡбиды ти до него нѣтоуть. но же идеши на нь. то первое пойти ть на ма» (Там же. Стб. 609).

Хотя о **Давыде** (ум. в 1197 г.) сохранилось немало информации, обилие неясностей и недомолвок делает его летописный образ противоречивым. В некрологе он с точки зрения внешности характеризуется как средний ростом и «ѡбразомъ лѣпъ». Относительно же воинской доблести здесь звучит та же характеристика, что и у Мстислава: «бѣ бо крѣпокъ на рати всегда бо тоснашеться на великаѡ дѣла» (Там же. Стб. 703). Не во всех военных походах из-за распрей со смольнянами Давыду удавалось показать себя с лучшей стороны. Учитывая, что формула про великие дела, как было выяснено, взята из текста, связанного со Мстиславом, нужно считать, что в некролог Давыда она была перенесена из некролога младшему брату.

Относительно другой формулы, повторяющейся у Мстислава и Давыда, картина, видимо, обратная. Про обоих братьев говорится: «злыѡ кажна ѡкоже подобаетъ. цѣрмъ творити».

Что здесь можно сказать о Мстиславе? Его позицию Андрей Боголюбский считал определяющий во время противостояния с Ростиславичами («в тобѣ стоять. все»), это подтверждается оценкой летописца: «Мѣстиславъ бо ѡ оуности навѣклъ баше. не оуполошится никоѣ же. но токмо Бѡ единого блюстисѡ». Он приказал остричь мечнику, посланному Андреем, голову и бороду, считая обращение Андрея Юрьевича к Ростиславичам оскорбительным – как «къ подручнику и просту члѣку» (Там же. Стб. 573). Однако едва ли именно этот факт определен как «злыѡ казна». В остальном его действия, известные по летописям, не отмечены какой-то особой жесткостью – большей, чем это было обычно при военных действиях.

В биографии же Давыда такой факт отмечен. Правда, Ип о нем молчит, информация содержится в НПЛ (1186 г.): «Въстанъ бысть Смоленскѣ промежи княземъ Давыдомъ и смолянны и много головъ паде лучьшихъ мужъ» (НПЛ. С. 38). Таким образом, здесь Давыд «поделился» приписанной к нему формулой с младшим братом.

М.А. Корзо (Москва)

О взаимодействии книжных традиций в Речи Посполитой XVII века

Важной формой взаимодействия различных книжных традиций в XVII в. была переводческая деятельность, способствовавшая популяризации на национальных языках латинских памятников религиозного содержания. Переводы зачастую не упоминали об их истинных авторах; случалось и так, что переводчики сами не имели об этом представления. Наибольший интерес представляют ситуации, когда латинский текст функ-

ционировал не только в иной языковой, но и конфессиональной среде. Подобная практика получила широкое распространение в Речи Посполитой XVII в., где католические памятники зачастую становились основой для православных текстов. Посредником в переводе с латинского языка на т. н. простую мову или литературный язык православных Речи Посполитой служил польский язык.

Примером взаимодействия книжных традиций стало распространение сочинений бельгийского иезуита, полемиста и автора аскетико-назидательных сочинений Франца Костера. Библиография фиксирует единственный случай публикации сочинения Костера в Речи Посполитой и перевода его на польский язык. Речь идет о трактате о т. н. четырех последних вещах, изданном в латинской версии «*De quatuor novissimis*» в 1603, 1605 и 1606 гг. и в переложении польского иезуита Петра Скарги в 1606 г. (*Estreicher K. Bibliografia polska*. Т. 14. Kraków, 1896. S. 430–431; *de Backer A., Sommervogel Ch. Bibliothèque de la Compagnie de Jésus*. Vol. II. Bruxelles; Paris, 1811. Col. 1518–1520; *Kowzan J. Franciszek Coster i Piotr Skarga. Dwa utwory „de quattuor hominis novissima” – próba analizy porównawczej // Prace Literackie*. 2002. Т. 41. S. 65–74). «*De quatuor novissimis*» Костера не было самостоятельным сочинением, но частью его более пространныго труда, который издавался с некоторыми содержательными изменениями под четырьмя вариантами названий: «*Bulla*» (1576), «*Piarum et christianarum Institutionum*» (1581), «*Libellus Sodalitatis*» (1586), «*Thesaurus Piarum*» (1586). Сочинение создавалось на основе поведений Костера, адресованных членам созданной и опекаемой им Марианской Содалиции в Кёльне (*Brzosa U. Die Geschichte der katholischen Kirche in Düsseldorf. Von den Anfängen bis zur Säkularisation*. Köln; Weimar; Wien, 2001. S. 448).

В действительности существовал польский перевод и полной версии сочинения Костера, который вышел анонимно в Кракове под названием «*Skarb duszny*» (в 1582 г. без указания места печати и типографа и в 1594 г. в краковской типографии Анджея Пётрковчика). Переводчик попытался придать данной книге более универсальный характер, адресовав «*Skarb duszny*» более широкому кругу читателей, а не только членам Марианских Содалиций. Впоследствии книга использовалась в том числе и для нужд религиозной формации в женских монастырях бенедиктинок (*Górski K. Matka Morteńska*. Kraków, 1971. S. 43). Но самое удивительное, что популярность сочинения Костера в Речи Посполитой (пусть и в его анонимной форме) не ограничивалась лишь кругом приверженцев католицизма: данный труд привлек внимание и православных авторов.

Речь идет о двух эпизодах переложения Костера на «простую мову». В обоих случаях за основу было взято одно из краковских изданий Пётрковчика, на что указывает значительное число полонизмов в переводах. Первый эпизод связан с публикацией двух Полууставов виленского пра-

вославленного братства: первый из них датируется в библиографии около 1637–1640 гг. (Кніга Беларусі: 1517–1917. Зводны каталог / Ред. Г.Я. Галенчанка. Мінск, 1986. № 136), второй – около 1643–1644 гг. (Там же. № 148). В их составе встречается поучение «Наука и приклады, до частого спасеннаго исповеданія греховъ», призванное побудить верующего к более частой, регулярной исповеди. Данный фрагмент был практически дословно позаимствован из польского издания Костера. Были исключены лишь фрагменты, которые могли ассоциироваться у православного читателя с практиками католиков.

Второй эпизод связан с издательской деятельностью Киево-Печерской Лавры, в стенах которой вышло пособие по исповеди под названием «Наука о тайне святого покаяния» (Киев, 1671). Предисловие к «Науке» не упоминает о ее польских или латинских источниках или прототипах, хотя уже используемая в памятнике богословская терминология наводит на мысль о том, что его составители обращались к каким-то польско-язычным сочинениям. «Skarb duszny» был использован далеко не в полном объеме: переводились лишь те порции текста, которые непосредственно связаны с таинством исповеди, с практикой испытания совести, с анализом различных категорий грехов и «лекарств» против них. Лаврские издатели также совершили композиционную перестановку как самих параграфов, так и материала внутри отдельных разделов и глав. Параграф, опубликованный ранее в составе виленских Полууставов, был переведен на этот раз без сокращений. Несмотря на то, что книгообмен в пределах Киевской митрополии функционировал весьма исправно и киевское духовенство было знакомо с книжной продукцией типографий Великого Княжества Литовского, велика вероятность того, что в данном конкретном случае лаврские издатели вообще не знали о предшествующем опыте перевода данного фрагмента.

«Наука» 1671 г. не всегда слепо придерживается польского оригинала. Редакторская правка состояла, в первую очередь, в некотором расширении и дополнении содержания: переводчик не вводит никаких новых сюжетов, но обогащает текст рядом деталей, отражающих повседневные практики приверженцев православия.

Это был последний эпизод издания сочинения бельгийского иезуита Костера «простой мовой» в XVII в., но не последний эпизод распространения данного сочинения среди православных: в 1686 г. на землях современной западной Украины была сделана рукописная копия «Науки» 1671 г. и с этого момента сочинение Костера получает хождение также и в рукописной форме.

**Автограф Юрия Ивановича Токмакова:
книжника или воеводы?**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ,
проект 15-31-01017 «Славяно-русские рукописи первой
половины XVI века Библиотеки Российской академии наук:
исследование и подготовка каталога»*

Юрий Иванович Токмаков – один из немногих людей XVI столетия, который хорошо известен исследователям, занимающимся как военной историей, так и древнерусской литературой. Биография князя Ю.И. Токмакова хорошо изучена и документирована. Он начал служебную карьеру в 1550-х гг., что известно из упоминаний в Тысячной книге и Дворовой тетради 1550-х гг., и на протяжении четверти столетия служил воеводой на рубежах Московского царства. В 1550-60-х гг. Токмаков находился преимущественно на южных границах; но со второй половины 60-х гг. он постоянно служил на границе с Литвой, участвуя в многочисленных походах. Место его службы менялось буквально каждый год. Можно полагать, что его умелая политика предотвратила жестокий разгром Пскова, подобный разгрому Новгорода, Иваном Грозным в 1570 г., поскольку именно Ю.И. Токмаков был наместником Пскова в это время. Ему же царь поручил защищать Москву в 1572 г. во время похода Девлет-Гирея.

Сохранились сведения не только о военной биографии Ю.И. Токмакова; он назван автором «Повести о Выдропусской иконе Божией Матери», которая начинается словами: «Списано благоверным князем Егорием Звенигородским, иже именуется Такматон» (повесть опубл.: Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Г. Кушелевым-Безбородко. Вып. 4. СПб., 1862. С. 180–184). В повести описываются события как XV столетия, так и 1560-х гг., современные Ю.И. Токмакову, который опирался на рассказ некоего Феодора, ученика Филиппа Колычева во времена его игуменства в Соловецком монастыре. Главные события повести разворачиваются в новгородских землях, на пути из Москвы в Новгород, то есть именно там, где служил Токмаков. Все это снимает малейшие сомнения в авторстве Ю.И. Токмакова. Литературные достоинства повести, написанной книжным языком, но без излишеств и «плетения словес», с соблюдением законов жанра, показывают ее сочинителя талантливым и начитанным автором, прекрасно знакомым с тем, как строится повествование о чудесах, и в совершенстве владеющим литературными приемами.

Другие свидетельства также указывают на Ю.И. Токмакова как на книжника. Д.М. Буланин обратил внимание на то, что принадлежавший

Написанная в два столбца неумелыми корявыми буквами, с плывущими строками, запись принадлежит человеку, которому нечасто приходилось браться за перо. Подражая делопроизводственному полууставу, Токмаков каждую букву пишет в несколько приемов, а самые неудачные обводит повторно. Он не знает, что слово «Бог» принято писать под титлом; написав слово «неверных», он исправляет его на «невирных», очевидно, в соответствии со своим произношением. Решив дополнить вкладную запись прославлением Ивана Грозного (что нехарактерно для подобного рода записей), Токмаков быстро запутывается в собственной фразе и повторяет слова «всяя Руси» трижды, а «ему» – дважды. В тупик ставит его и слово «обдерже», для которого он оставляет два варианта. Наибольшую сложность для Токмакова составляет написание выносных букв, что приводит к путанице, в том числе в словах «сын», «Евангелие» и в числительных – хотя написание подобных слов является азами, с которыми знаком даже начинающий писец.

Все это говорит о Ю.И. Токмакове, как о человеке непривычном к писанию. Как же можно согласовать это с его авторством «Повести о Выдропусской иконе Божией Матери»? Следует ли понимать слово «списано» лишь как «сочинено» или в данном случае следует склониться к значениям «написано по инициативе» или даже «написано по рассказам»? Такие вопросы встанут при знакомстве с автографом Ю.И. Токмакова.

О.С. Кротов (Ростов-на-Дону)

География донского старообрядчества в XVIII веке

География старообрядчества на территории войска Донского изучалась ещё дореволюционными исследователями. Они выделяли территории преимущественного распространения старообрядчества на Дону. Вместе с тем не вполне исследованным остается вопрос о границах и масштабах распространения старообрядчества у донских казаков в XVIII в. и, следовательно, о масштабах этого явления.

Земля донских казаков являлась территорией распространения различных старообрядческих толков и согласий с самого возникновения раскола в Русской православной церкви.

Первые скиты староверов на Дону появляются во второй половине XVII в. В основном старообрядцы бежали в район среднего течения Дона и его левых притоков – Хопра, Бузулука, Медведицы. Эти места заселения оставались для них основными, первые старообрядческие поселения появляются здесь уже к 1680-м годам. В 1686 г. на Медведице было 17 старообрядческих поселений, в каждом из которых насчитывалось по 19–20 куреней, а всего жителей – до 2 тысяч. Не только беглые, но и большая часть местного казачьего населения восприняли идеи приверженцев ста-

рой веры. Многие старшины и даже некоторые войсковые атаманы, особенно на первых порах, тоже считали себя ревнителями старой веры. Рядовое казачество оказалось более восприимчиво к идеям староверов. После подавления Булавинского восстания большая группа казаков-старообрядцев во главе с Игнатием Некрасовым ушла с Дона на Кубань. Таким образом, уже после Булавинского восстания география движения старообрядчества начала расширяться за счет переселения на Кубань.

Источники позволяют сделать вывод, что постепенно на Дону география распространения старообрядчества стала расширяться. Покинули Дон после разгрома Булавинского восстания далеко не все казаки-старообрядцы. Они в значительной части переселились в городки, позже в станицы, по Среднему и Нижнему Дону, стали жить среди местных казаков и даже заниматься проповедью. Так, в доносе одного из протопопов говорится, что «воры (старообрядцы) на Кагальнике» «прелестные письма от городка к городку распространяют». Уже к 20 годам XVIII в. старообрядчество находит поддержку не только в северной части войска Донского, но и по рекам Чир и Кагальник, и даже в самом Черкасске.

Источники содержат сведения о принадлежности донских старообрядцев к определенным толкам и соглашениям. Приверженцы разных согласий проживали на территории одной станицы. Но при этом заметно, что старообрядцы, приемлющие священство, переходящее от православной церкви (беглопоповцы), и приемлющие Белокриницкую иерархию проживали по Чиру и Медведице, а представители различных беспоповских согласий – главным образом по р. Калитве.

Власти вели активную борьбу со староверами на Дону в течение всего XVIII в. Однако сломить сопротивление казаков-старообрядцев или выселить их с территории Дона им не удалось. Старообрядцы нашли на Дону не только приют и мирную жизнь. Они нашли верных союзников в лице рядового казачества, которое упорно сопротивлялось вмешательству государства в религиозные дела.

Отсутствие четкой церковной структуры на Дону и относительная свобода от Воронежской епархии и даже от Москвы приводили к достаточно вольному положению бежавших на Дон старообрядцев. Более того, указы императрицы Екатерины II по сути даже узаконили положение казаков-старообрядцев с некоторыми оговорками. Эти указы по существу способствовали распространению старообрядчества на территории войска Донского, усилили влияние приверженцев старой веры в донских станицах. Масштаб записи донских казаков в двойной раскольниковый оклад настолько напугал церковные и светские власти, что в 1765 г. была создана комиссия для расследования обстоятельств, приведших к росту числа старообрядцев среди казаков. Согласно материалам этой комиссии, раскол распространился в станице Терновская, по которой было начато расследование в отношении казаков станицы, не признающих святые таин-

ства и власть священника. Однако следствие выявило не только переход практически всей станицы Терновской в старообрядцы (544 человека), но и обнаружило большое количество «раскольников» в ряде других станиц: Нижнекаргальской, Траилинской, Зимовенской, Ведерниковской – всего более 200 казаков-староверов. Деятельность комиссии была прекращена войсковой канцелярией, которая сочла, что Воронежская епархия не имеет права проводить расследования в отношении казаков.

С 60-х гг. XVIII в. география донского старообрядчества охватывала практически все течение реки Дон, начиная от поселений вокруг Черкаска и дальше на север, включая такие станицы, как Терновская, Цимлянская, Верхне-Каргальская и Усть-Хоперская, вплоть до Хопра и Медведицы. По сути, уже к началу движения Е. Пугачева на Дону старообрядчество присутствовало повсеместно. Вместе с тем есть сведения о попытках противостояния «раскольникам» казаков, относивших себя к православной церкви. Как писал донской историк есаул Е. Кательников в 1818 г., его отец, Никифор Ермолович, вел самую решительную борьбу со старообрядцами в своей станице Верхне-Курмоярской.

В конце XVIII в. граница России выходит на реку Кубань, обустривая которую правительство переселяет сюда запорожцев и донских казаков. В 1794 г. началось массовое перемещение донцов на Кубань. Кубанский историк Ф.А. Щербина отмечал, что это были донцы-староверы, отправленные на Кубань как бунтовщики за энергичное отстаивание казачьего «урыда» отбывания военной службы по очередям.

Таким образом, в течение всего XVIII в. география распространения старообрядчества на Дону расширялась за счет станиц, находящихся по Среднему и Нижнему Дону. В конце столетия территория проживания донских старообрядцев увеличилась в результате переселенческой политики Российской империи, которая привела к распространению старообрядчества по Кавказской линии на Кубани.

А.К. Круглов (Санкт-Петербург)

К вопросу о типологии русского переплета: переплет «в затылок»

К вопросу о типологии и периодизации русского средневекового переплета впервые обратился С.А. Клепиков, который опирался на внешне очевидные признаки: выделка кожи, характер тиснения, наличие металлических украшений. Отмечался только один конструктивный элемент: в течение XV в. на смену «ременному креплению» досок к блоку приходит «шнуровое крепление». Недостаточность и ошибочность такого описания конструктивных элементов переплета «в силу отсутствия профессиональных навыков» и «временный и случайный характер» интереса к этому

материалу уже отмечались в литературе (Мокрецова И.П. Древнерусский обиходный переплет по материалам Синодального собрания РГАДА // Художественное наследие. № 19. 2001. С. 31).

То, что из всех признаков, характеризующих переплет, в качестве одного из основных было выбрано именно тиснение, обусловлено, несомненно, опытом работы над альбомами филиграней, которые Клепиков начал публиковать с начала 1950-х гг. Позже надежды на использование оттисков от штампов для датировки и локализации переплетов были подвергнуты сомнению.

В упомянутой выше статье И.П. Мокрецовой был предложен подход к изучению переплета, основанный на опыте реставрационной работы и интересе к конструктивным элементам переплета. (Там же. С. 34.) В качестве основного признака, определяющего тип переплета, было предложено использовать способ шитья и только во вторую очередь – элементы оформления переплета. Побуждение к развитию переплетного ремесла в истории обусловлено стремлением избежать осознаваемых недостатков в конструкции переплета. Внимание к этому аспекту позволяет на новом уровне поставить вопрос о типологии и истории переплета (Круглов А.К. К вопросу о типологии русских переплетов пергаменных рукописей: техника шитья XIV–XV вв. // Специальные исторические дисциплины. Вып. 2 / Отв. ред. Б.Л. Фонкич. М., 2017, в печати)

Подход, основанный на рассмотрении конструктивных элементов, позволяет не только изучить сам переплет, но и закладывает основу для выработки языка кодикологического описания, адекватного объекту, и может быть расценен как подготовка предметной базы специальных исторических исследований. Результаты подобного исследования необходимы и в практике научного подхода к обеспечению сохранности и реставрации средневековых рукописей. В исследовательской практике, как и в быту, основания типизации определяются в зависимости от поставленных целей. Множество возможных вариантов типизации не порождает ни хороших, ни плохих типологий, но есть типологии, не отвечающие заявленным целям.

Изучение кодекса как нетекстового источника исторических сведений должно опираться на признаки, значимые во время создания и исторического бытования рукописи. То есть необходимо соотнести нашу типологию с представлениями создателей и пользователей рукописи.

Для средневековых переплетов значимыми признаками были, прежде всего, признаки, обеспечивающие сохранность, и в меньшей степени (для обиходных переплетов) – признаки, отражающие особенности внешнего вида. До оформления подчас просто «руки не доходили». Этим объясняются пустые места, оставленные для отсутствующих заставок и миниатюр, не раскрашенные инициалы и обилие так называемых переплетов «в

затылок» или «в пятку», которые являются функционально полноценными переплетами, оставленными без оформления.

Строя типологию, основанную на конструктивных признаках, из которых основной – шитье (переплетание), приходится признать, что переплеты «в затылок» не являются отдельным типом переплета, подобно тому, как пустые места вместо заставок и не раскрашенные инициалы, обозначенные только контурами, не являются особым типом или стилем оформления.

Переплеты «в затылок» внешне просты и однотипны: доски в размер блока и кусок кожи, покрывающий корень и доски на одну треть или около этого, без заворотов на внутреннюю сторону досок. Доски не имеют ни желобков, ни скосов на ребрах. Капталов нет. Крайне редко можно встретить тиснение. Застежки делались всегда самым простым способом: деревянные спни на лицевой поверхности верхней доски и ремень с прорезью-петлицей на нижней.

Такие переплеты встречаются достаточно часто на рукописях XV–XVI вв. Большинство из них шито цепочкой, т. е. без швальной опоры.

Переплет «в затылок» может быть в любой момент «доработан» до нормально оформленного переплета. Для этого не надо ничего удалять из уже сделанного, достаточно срезать деревянные спни на верхней крышке. Затем изготовить каптал, одеть переплет кожей (поверх той, что уже покрывает корень), сделать тиснение, прикрепить металлические застежки на ремнях и, может быть, прибить жуки. Вместо кожи можно использовать ткань.

Вполне возможно, что переплет «в затылок» был этапом бытования многих наших рукописей. На это с уверенностью будет указывать загрязнение досок под покрытием – в тех случаях, когда это можно увидеть. Возможно, такой переплет был столь же обычен для изготовленных на продажу рукописей, как в более позднее время – продукция Печатного двора, распространяемая «в тетрадах», о чем свидетельствуют описи XVI–XVII вв.

Некоторые переплеты, которые в современных описях определяются как «в затылок», когда-то имели полное тканевое покрытие, утраченное позже вместе с клеем, который может начисто съедаться насекомыми и микроорганизмами в неоттапливаемых или нерегулярно отапливаемых помещениях. Кожаное покрытие оставляет более заметные следы.

Если корень рукописи имеет под кожей оклейку холстом, это может говорить о том, что переплет был изначально исполнен как «до конца оформленный». В тех редких случаях, когда мы имеем «затылок», оклеенный холстом, следует подозревать скорее утрату покрытия, чем изначально переплет «в затылок».

К концу XVI в. переплетчики в России стали переходить к шитью книг на шнурах или ремнях с использованием швального станка. Такие

переплеты следует отнести к типу, который в англоязычной литературе принято называть готическим. Переплеты «в затылок», шитые на шнурах или ремнях, встречаются значительно реже, в основном – это ремонт рукописей более раннего времени. Редкость таких переплетов можно объяснить тем, что шитье на опорах требует иного типа крепления досок, и простая оклейка корня и части досок уже не будет полноценным долгоживущим переплетом.

А.С. Кручинин (Москва)

Пират под государственным флагом: вексиллология и психология

В исторической и популярной литературе, посвященной морскому разбою, давно уже укоренилось «разоблачительное» утверждение, что «пираты XVII–XVIII вв. далеко не всегда плавали под «Веселым Роджером» (флагом с черепом и костями), чаще прикрываясь флагом одной из морских держав, чьи корабли можно было встретить в том же регионе». Справедливый в целом, этот тезис представляется все же слишком общим, поскольку в использовании разбойниками государственных флагов можно выделить несколько мотивов, заметно друг от друга отличающихся.

Самый очевидный из этих мотивов – маскировочный – не только имел место, но и право на существование отнюдь не среди одних пиратов: сблизиться с врагом или неизвестным кораблем под чужим флагом было дозволено даже военным кораблям или каперам (приватирам), однако с первым выстрелом следовало поднять свой настоящий флаг. Подробно описаны, к примеру, действия самого известного приватира, ставшего «беззаконным» пиратом – английского капитана В. Кидда, не только останавливавшего жертвы для досмотра, подняв французский флаг, но и далее провоцировавшего их на предъявление именно французских пропусков (предусмотрительный купец имел, конечно, в запасе пропусков от различных государств и властей). «Приблизившись к ним, Капитан Кидд вызвал их к себе, – рассказывал на суде один из пиратов о событиях 1697 г., – сам же приказал французу (члену команды. – А.К.), выйдя на палубу, притвориться Капитаном. И когда их Капитан поднялся к нам на борт, он подошел к этому Месье Ле Рою, ложному Капитану, и, предъявив ему бумаги, сказал, что это Французские Пропуска. И Капитан Кидд сказал: Богом клянусь, не правда ли, ты попался? Ты теперь английский приз». Итак, применение чужого флага, хотя и является предосудительным с моральной точки зрения, не включает в себе ничего специфически-пиратского, на протяжении веков относясь к разряду «всеобщих» военных хитростей.

Более интересно использование государственных флагов в общепризнанно «пиратском» регионе – Карибском море в последней трети XVII в. Действительность оказывается здесь значительно затуманенной легендой о «Береговом Братстве» – полудемократическом-полуанархическом сообществе «вольных пиратов» Тортуги или Ямайки. Основой же легенды является, пожалуй, широко известная книга А.-О. Эксквемелина «Американские морские разбойники» (первое издание – 1678 г.). Несмотря на бесспорно хорошую информированность и выдающуюся наблюдательность автора, в некоторых случаях он сообщает откровенно лживые сведения, в первую очередь о Г. Моргане, которого явно ненавидит. Приписывая молодому Моргану статус «белого раба» на определенный срок, а затем подручного «старого пирата Мансвелта», Эксквемелин лишь ввел в заблуждение многие поколения читателей: Морган впервые упоминается в документах в 1662 г. как офицер Порт-Рояльского полка (на Ямайке) в связи с получением приватирского свидетельства, а «пират Мансвельт» (на самом деле Э. Мэнсфильд) со своими товарищами четырем годами позже письмом на имя губернатора Ямайки изъяснял «большое рвение к службе Его Величеству». В сущности, речь должна идти не об интернациональном «Береговом Братстве» апатридов, а, по удачному выражению современного историка, о «пиратском империализме как двигателе европейской коммерческой экспансии», вполне патриотичном по духу и не оставляющем сомнений в «праве» этих приватиров выступать под государственными флагами.

В то же время приватирские свидетельства могли использоваться довольно странным образом, так что сегодня трудно объяснить, почему вообще такая бумага в определенных обстоятельствах воспринималась как оправдательный документ. Скажем, пират-мемуарист В. Дампир свидетельствует о раздаче в 1685 г. свидетельств, выданных карт-бланш французским губернатором Пти-Гова (на Эспаньоле), от его имени французским капитаном-приватиром Ф. Гронье, содержали же они... разрешение «на рыболовство и охоту на зверя и птицу». Причудливость ситуации усугубляется еще и тем, что происходило это в Тихом океане, где вопрос о правомочности охоты на Эспаньоле (Гаити) отнюдь не являлся насущным. Каким образом эти документы легитимизировали «грабежи по всей Америке», недоумевал, похоже, уже сам Дампир; в довершение всего, получение лицензии от имени «французских властей» как будто не влекло за собою перемену флага на французский.

Свою специфику имела «вексиллологическая политика» пиратов в морях и землях, которые еще не были поделены между европейскими державами, где не существовало покушения на колониальные права какой-либо короны, а «конкуренция» с торговыми компаниями могла вестись едва ли не на равных: сами купцы не упускали возможности поразбойничать. При таких нравах трудно было бы ожидать от явных пиратов,

чтобы они считали себя стесненными какими-либо правилами, а плавание под европейскими флагами в этих чужих морях, вероятно, имело психологическое основание именно в противопоставлении себя, европейцев, «маврам» – персам, индийцам, китайцам и проч. При этом налицо и «эхо» приватирских времен, когда уроженцы Соединенного Королевства поднимают английский «флаг Святого Георгия» – объединенный «Union Jack», прерогативу Королевского военного флота. Узко-национальные различия, как ни странно, не играют здесь роли, и под английским флагом плавают и коренной англичанин из Плимута Г. Эвери (1695), и шотландец Э. Инглэнд и даже его подчиненный-ирландец Дж. Сигар (1720), и валлиец Б. Робертс (1722). В XVIII в. «флаг Святого Георгия» начинает соседствовать с «Веселым Роджером» или «Старым Роджером», что может свидетельствовать об определенном кризисе в пиратской символике и «идеологии» (самосознании). Разрешения этот кризис, однако, не успел получить, поскольку «пиратский империализм» вытесняется «коммерческим» (деятельностью Африканских, Ост-Индских и прочих компаний), а затем и государственной колониальной экспансией, при которой авантюристам-одиночкам, под черным или государственным флагом, уже не остается места на морских просторах.

А.В. Кузьмин (Москва)

Космос Роберта Фладда (К 400-летию издания «Истории Микро- и Макрокосма»)

Модель Вселенной Роберта Фладда (Fludd, de Fluctibus; 1574–1637), английского теолога, доктора медицины (писавшего также под псевдонимами: Рудольф Отреб и Иоахим Фризий), содержит единственный геоцентрический Космос, не статична и представляется не замкнутой, включает при этом все основные элементы моделей мира – как греческой философии (в первую очередь, Платона и пифагорейцев), так и библейского мировоззрения (*Flud R. Utriusque Cosmi Maioris Scilicet et Minoris Metaphysica, Physica Atque Technica Historia. Oppenheimii, 1617; Йейтс Ф. Джордано Бруно и герметическая традиция / Пер. Г. Дашевского. М., 2000*).

Космос Фладда, по крайней мере, отчасти отвечает (инвариантен) антропному космологическому принципу XX в., поскольку *Космос Фладда* эволюционирует от «пустоты» до человека, создаваемого Богом по подобию Космоса (именно Космоса) в центральной части сотворённого им мира. Фладд в согласии с Платоном считает, что человек подобен Космосу. Многие элементы «этапов творения» Фладда представляются в наши дни ранненаучным, образным наброском многих космологических идей XX века.

В противоположность своему главному научному оппоненту, Иоганну Кеплеру, Фладд не ограничивается изучением самой планетной системы, напротив, оставив её традиционный вид, интуитивно, опираясь на библейскую историю творения, выстраивает «эволюцию» всей «крупномасштабной» Вселенной, которая приводит к возникновению нашего *планетарного Космоса* и впоследствии – человека. Весь процесс определяет воля, исходящая от Бога, пребывающего «над» «самой высокой (первой) сферой», и передаётся от сфере к сфере – от более высокой к более низкой, вплоть до сферы Земли. Преодолевает ли Фладд «ограниченность» пространства? По моему мнению, да. По крайней мере, пространство *вообще* – пространство Бога – бесконечно, хотя пространство *нашего мира* – *Космоса*, хоть и дополненное «высшими» сферами «над сферой неподвижных звёзд», всё же представлено замкнутым, хотя и значительно увеличившимся в объёме, по сравнению с классическими моделями (включая модель мира Николая Коперника), завершаемыми «сферой неподвижных звёзд».

Модель Космоса Фладда, таким образом, возможна как математическое (в пифагорейском смысле) развитие идеи Платона о подобии человека Космосу. Кроме того, эта модель показывает, что *причина* нашего мира имеет сложную природу и расположена «за» («выше») «сферы неподвижных звёзд», или, как принято говорить в наши дни – в «дальнем Космосе», т. е. за пределами нашей Галактики. «Преодолев» первую сферу, Фладд, в отличие от Бруно, видит там, в первую очередь, не бесконечное пространство, а иную («ранее неизвестную») последовательность сфер высшего порядка, «движение-преобразование» которых, происходящее согласно божественной воле, приводит к созданию нашего земного мира и человека.

А.В. Кузьмин (Москва)

Проблемы изучения генеалогии Румянцевых

Изучение источников показывает, что в средневековой Руси и Русском государстве действовали представители одной графской и нескольких дворянских фамилий Румянцевых (иногда – Румянцовых). В XVI – начале XVIII в. представители этой фамилии были приказными деятелями. Исследованием происхождения Румянцевых занимались несколько авторитетных генеалогов. Среди них можно выделить князя А.Б. Лобанова-Ростовского, В.В. Руммеля и Н.Н. Селифонтова. По мнению Н.П. Лихачева, упоминаемые в источниках Румянцевы были одного происхождения. Однако этот вывод исследователя не подкреплён подробным изучением и анализом сведений документов прошлого. Выполняя эту задачу можно установить, что во второй половине XIV – начале XV в. в

разных княжениях Северо-Восточной Руси было образовано три служилых рода Румянцевых. Они были однофамильцами, но не родственниками друг другу. Уточнение их персонального состава замедляет отсутствие подробных родословных росписей Румянцевых.

Древнейший из них род был образован во второй половине XIV в. Согласно записи на рукописной книге, около 1394 г. в Ярославский Спасо-Каменный монастырь старец Касьян Румянец привез из Сербии книгу Слова св. Григория Богослова. Родственником (братом?) Касьяна был Никифор. В 1443/44 г. его сын старец Ферапонтова монастыря Иев, а также внуки Иван, Василий и Иван Меньшой дали сельцо Сарьское в Белозерскую Стромынскую Успенскую обитель. В начале XVIII в. их однородцы еще сохраняли свои владения на Белозерье и Вологде.

Предком нижегородско-суздальского рода был Василий Румянец, старейший боярин великого князя Бориса Константиновича. Судя по данным писцовых книг, во второй половине XIV–XV вв. в Нижегородском княжении Василию Румянцу и его потомкам принадлежали сельцо Румянцево на р. Глинке в Закудемском стане и Румянцевский ключ в Березопольском стане. По актам последней четверти XVI в. в Гореновском стане Суздальского уезда располагалась вотчина Спасо-Евфимьева монастыря – сельцо Святиково и полусело Васильевское Румянцево. Можно полагать, что изначально это владение также принадлежало боярину Василию Румянцу, а суздальские вотчинники Святиковы и Румянцевы были однородцами. В 1392 г. Василий Румянец перешел на сторону владимирского и московского великого князя Василия I Дмитриевича. Это способствовало бескровному переходу под власть правителей Москвы Нижегородского княжения. В 1475–1479 гг. Иван, внук Василия Румянца, был на разъезде великокняжеской земли и владений Нижегородского Печерского монастыря на р. Пьяне. Его однородцем (сыном?) был Дементий, в 1504/05 г. – разъезщик в Юрьев-Польском уезде. Известны его дети – суздальские вотчинники Иван († после 1524/25) и Федор († после 1535/36), внук Андрей Иванович († после 1567–1569), высланный во время опричнины в 1565/66 г. из Суздальского уезда. Взамен утраченной вотчины он получил деревни на р. Сохнете в Ярославском уезде.

Нижегородского боярина Василия Румянца своим предком считали представители графской ветви Румянцевых. На самом деле, они были потомками видного и сильно измельчавшего во второй половине XV – середине XVI в. рода совершенно другого происхождения. В конце XIV – середине XV вв. они служили в боярах владельцам Боровско-Серпуховского, Радонежского и Дмитровского княжений, а в конце XV–XVIII вв. – в Русском государстве – дворянами и детьми боярскими по Москве, Дмитрову, Смоленску, Ярославлю, Козельску, Калуге и северо-западным уездам страны, включая Бежецкую, Деревскую и Шелонскую пятины

Новгородской земли. Представители этого рода Румянцевых были старинными вкладчиками Троице-Сергиева монастыря.

Родоначальником одной из его старших ветвей был дмитровский боярин Василий Иванович († после 1447), зять боярина московского великого князя Дмитрия Юрьевича Шемяки – Ивана Васильевича Галицкого, потомка утративших на рубеже XIV–XV вв. княжеский титул бывших владельцев Галицкого и Дмитровского княжений. Младшим братом В.И. Румянцева был Александр Румянцев, упоминавшийся в акте, изданном до 20 февраля 1463 г. По-видимому, его сыновьями были помещики Шелонской пятины Тимофей († 1519/25) и Дмитрий († после 1525) Александровы дети Румянцевы. В 1514 г. они попали в литовский плен в битве под Оршей. Внуками В.И. Румянцева были дмитровские вотчинники Матвей (Матюк) († после 1504/05) и Федор († 1533). У первого из них известно три сына: Илья († после 1523), Юрий (Юшка) († после 1543) и Иван.

От Ильи Матвеевича пошла старшая линия рода. Его сыном был живший во второй половине XVI в. смоленский помещик Петр Ильич. У него известно три сына: костромской помещик Федор и ярославские помещики Борис и Марк, получившие свои новые владения за службу и борьбу против польско-литовских интервентов в Смутное время. У Федора Петровича было три сына: Борис (около 1667 – после 1733), Елисей и Иван. У Елисея Федоровича – дети Иван и Матвей, а у его младшего брата Ивана Федоровича – сын Александр Иванович Румянцев (1680–1749), основатель графской линии рода. У Марка Петровича был сын Афанасий и внуки Яков, Петр, Ларион и Федор.

У Юрия Матвеевича известно несколько сыновей. В 1558/59 г. «Меньшик Юрьев» стал новиком и был записан в Дворовой тетради. Он был убит на службе в Козельске. В 1585/86 г. по его душе родные братья сын боярский Федор и троцкий инок Феодорит Юрьевичи, а также двоюродный брат Елизарий Иванович дали в Троице-Сергиев монастырь сельцо Власьево, находившееся в Бохове и Манатыне стане Московского уезда.

Младшая линия этой ветви продолжалась от московского дворянина, дмитровского и суздальского землевладельца Е.И. Румянцева, еще одного внука Матвея. В начале 1550-х гг. Е.И. Румянцев и его двоюродный брат Иван Федоров служили по дворовому списку из Дмитрова. В конце XVI в. Елизарий получил поместье в Подгородном стане Козельского уезда. У него известно два сына: Алексей († после 1610), отличившийся во время осадного сидения в правление царя Василия IV Ивановича Шуйского, и Гавриил († после 1629), выборный дворянин по Козельску с окладом в 550 чети, основатель московско-калужской ветви рода XVII – начала XX вв.

Бонапарт на русской военной службе

Известно, что молодой офицер французской армии Наполеон Буонапарте подавал прошение о зачислении на русскую службу (по наиболее достоверной версии это имело место в 1795 г.), и этого не произошло, поскольку, согласно существовавшему тогда порядку, иностранных военных принимали в русскую армию с понижением в чине на один ранг, на что Наполеон не согласился. Как теперь шутят, взяли бы его в русскую армию, он, может быть, отличился бы в битве при Бородино, воюя на русской стороне. Если же взглянуть на этот эпизод серьезно, то, несомненно, если бы этот скромный французский офицер поступил тогда на русскую службу, история Европы с конца XVIII века пошла бы по иному пути.

Однако то, что не удалось будущему императору, произошло с другим членом Дома Бонапартов — принцем Луи-Наполеоном-Жозефом-Жеромом (его сокращенно именовали во Франции принц Луи).

Родившийся 4 сентября 1865 г. (по другим данным — в 1864 г.), он был внуком младшего брата Наполеона I — Жерома Бонапарта (1784–1860), который в 1807 г. был возведен на трон короля Вестфальского и который был женат на принцессе Екатерине, дочери Фридриха I, короля Вюртембергского; и сыном Наполеона (1822–1891) и его супруги принцессы Клотильды Савойской, дочери короля Италии Виктора Эммануила II (1843–1911). Таким образом, он приходился внучатым племянником императору Наполеону I и двоюродным племянником Наполеону III (1808–1873) — президенту Франции в 1848–1852 и императору французов с 1852 по 1870 гг.

По окончании своего образования принц отбыв воинскую повинность во Франции в одном из конно-егерских полков.

В 1886 г. правительство Французской республики приняло антимонархический закон, согласно которому члены родов, чьи амбициозные представители теоретически могли претендовать на французский трон, должны были покинуть территорию страны (между прочим, этот закон был отменен Палатой представителей Франции лишь в мае 1950 г.). Принц Луи как раз принадлежал к той ветви рода, к которой перешли проблематичные наследственные права Дома Бонапартов (главой Дома в это время был его отец, чьи права должны были со временем перейти к старшему брату принца Луи — принцу Виктору Наполеону, родившемуся в 1862 г., а затем к его потомкам).

Так или иначе, принц Луи должен был эмигрировать и искать себе пристанище и подходящую его происхождению службу в какой-либо другой, желательно монархической стране. Уже в 1888 г. он командовал эскадром в одном из уланских полков армии Италии. Однако политические события заставили его покинуть и эту армию.

В конечном счете, он выбрал Россию. В это время происходило сближении между Россией и Францией, принц испросил разрешение императора Александра III вступить в ряды нашей армии, и в ноябре 1889 г., согласно его прошению, он был зачислен в 44 драгунский Нижегородский полк в чине подполковника. При этом в официальных документах он числился не под своей родовой фамилией, а как Его Императорское Высочество принц Людовик-Наполеон, и именовался Людовиком Карловичем. В полку он получил должность командира Его Императорского Величества эскадрона. Кроме того, принц нес обязанности члена, а потом и председателя полкового суда, а в январе 1895 г. был произведен в полковники и стал помощником командира полка по строевой части. В декабре 1896 г. на короткое время он был переведен в 45 драгунский Северский полк. В 1897 г. принц занял должность командира л.-гв. Уланского Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полка, а в апреле 1900 г. был удостоен чина генерал-майора. В 1902 г. он был назначен командующим Кавказской кавалерийской дивизией, занимая эту должность по март 1906 г. В 1903 г. был награжден орденом св. Андрея Первозванного, в 1905 г. — орденом св. Владимира 3-й степени (Список генералам по старшинству. Составлен на 1 июля 1913 г. СПб., 1913. С. 174).

На всех служебных должностях принц выделялся своими знаниями кавалерийской службы, всегда ровным отношением как к своим товарищам, так и к подчиненным, был строгим, но в высшей степени справедливым начальником. Вот его требования как начальника дивизии: «Успех в военное время зависит от воспитания и обучения мирного времени, на которое необходимо обратить самое серьезное внимание. Поэтому от начальников всех степеней, а в особенности от полковых и эскадронных командиров, требую самого серьезного отношения к делу воспитания и обучения вверенных им частей. Обращаю внимание всех чинов, чтоб воспитание и обучение солдата велось на точном основании существующего «Наставления» и особых указаний генерал-инспектора кавалерии. Необходимо, чтобы все служебные требования предъявлялись ясно и настойчиво. Только при этом условии нижние чины могут явиться разумными их исполнителями...». Кавалерийские сборы под его руководством всегда отличались отлично организованными учениями и маневрами.

В дни смуты 1905 года, когда на Кавказе разбушевались народные страсти, принц был назначен временным Эриванским генерал-губернатором. И на этой должности он проявил строгость и много такта, что в очень короткий срок помогло умиротворить противоречия между армянами и азербайджанцами в этом районе.

В марте 1906 г. принц был вынужден по непредвидимым обстоятельствам выехать за границу на продолжительное пребывание. Он был удостоен чина генерал-лейтенанта и с марта 1906 г. состоял по гвардейской кавалерии, числясь в списках л.-гв. Уланского Ее Величества полка. Ми-

ровая война 1914 г. застала его в Швейцарии. В первые же ее дни он обратился с письмом к президенту Франции Пуанкаре, прося разрешения вступить в ряды французской армии, но правительство Франции по политическим видам на это не согласилось. Не желая оставаться без дела, он собирался вернуться в Россию, но объявление Италией войны переменило его намерение, и он был назначен представителем Государя Императора при итальянской армии. По окончании войны он снова поселился в своем имении в Швейцарии и предался любимым историческим и научным занятиям. Иногда он приезжал во Францию, но всегда инкогнито, под фамилией графа Монкальери. В силу замкнутого характера он никогда не искал на родине популярности.

Принц скончался 14 октября 1932 г. в своем имении. Его погребение состоялось 20 октября в фамильном склепе близ Турина в присутствии его племянника, принца Наполеона. Так закончилась жизнь генерала русской армии из рода Бонапартов.

Для полноты картины, проследив генеалогию Дома Бонапартов, можно добавить, что родная тетушка генерала принцесса Матильда Бонапарт (1820–1904) с 1840 по 1846 гг. состояла в замужестве за Анатолием Демидовым князем Сан-Донато (1813–1870), а у старшего брата генерала, принца Виктора-Наполеона (1862–1926), от брака с дочерью короля Бельгии Леопольда II была дочь принцесса Клотильда, которая тоже связала свою жизнь с русским – Сергеем Виттом (1892–1990), претендовавшим в эмиграции на графский титул. Заметим, наконец, что, по иронии судьбы, внучатый племянник генерала Шарль Бонапарт, родившийся в 1950 г., породнился с родом традиционных правителей Французского королевства – с Бурбонами: в 1978 г. он вступил в брак с принцессой Беатрис, дочерью герцога Фердинанда де Кастро, представителя династии Бурбонов-Сицилийских.

В.С. Кулешов (Санкт-Петербург)

Хронология раннеаббасидских наместников Табаристана в устной традиции и в памятниках нумизматики: проблема корреляции разноплановых источников

История Табаристана (Южного Прикаспия) второй половины VIII – первой половины IX в. в том виде, в каком она документирована синхронными письменными и нумизматическими источниками, сводится к данным об ‘аббасидских наместниках: мы сравнительно неплохо знаем имена, последовательность и продолжительность правления назначаемых правителей, а также годы «нумизматической активности» тех из них, кто выпускал именные монеты. Источниковедческая ситуация – выразительная и одновременно поучительная: разноплановые и образцово не зави-

симые друг от друга источники хорошо коррелируют друг с другом в ключевых точках и при этом обнаруживают немало несовпадений в деталях. Выявление (и, по возможности, объяснение) таких несовпадений на фоне убедительных соответствий определяет «разрешающую способность» (иначе: границы точности) разнокачественных и разнонаправленных стратегий исторической документации (в нашем случае – просопографии и хронологии) и открывает путь взаимной проверки («юстировки», «калибровки») для многих аналогичных источниковедческих ситуаций. Методологический и иллюстративный потенциал такого «столкновения» (в смысле внутренней критики источников) кажется очевидным.

Список табаристанских наместников с указанием длительности их должностных сроков включен в состав «Страноведения» (*Ахбār ал-булдāн*) Ибн ал-Факйха ал-Хамадāнй (начало X в.) по тексту Мешхедской рукописи и восходит к полной версии «Книги путей и государств» (*Kitāb ал-масāлик ва-л-мамāлик*) ‘Убайдаллāха ибн ‘Абдаллāха Ибн Хурдāдбиха (IX в.). Необычайно важно то обстоятельство, что этот список может оказаться частью семейного предания самого Ибн Хурдāдбиха, приходившегося сыном табаристанскому наместнику ‘Абдаллāху ибн Хурдāдбиху; в любом случае, этот список входит в более широкий контекст локальной традиции (судя по сочинениям более поздних персидских историков Ибн Исфандийāра и Захйр ад-дйна Мар’ашй, в Табаристане существовала местная историография.) Формальные особенности этого списка указывают на то, что он сложился и бытовал как устный текст и до своей записи (которую – возможно, но не обязательно – осуществил сам Ибн Хурдāдбих) передавался по памяти. Текст (в факсимиле и в наборе) доступен в нескольких изданиях: Ас-Савад и Табаристан по Машхадской рукописи труда Ибн ал-Факиха ал-Хамадани / Изд. араб. текста, пер. и прим. О.В. Цкитишвили. Тбилиси, 1977 (далее – Цкитишвили); Collection of Geographical Works / Ed. by Fuat Sezgin et al. Frankfurt am Main; Cairo, 1987 (далее – Sezgin); Китāб ал-булдāн / Та’лиф Абй ‘Абдаллāх Ахмад ибн Мухаммад ибн Исхāk ал-Хамадāнй ал-ма’рūф би-Ибн ал-Факйх. Тахкйк Йūsuf ал-Хādй. Байрūt, 1416 х./1996 м. (далее – Ибн ал-Факйх, Йūsuf ал-Хādй).

Табаристанские наместники в 761–793 гг. ежегодно и в большом объеме чеканили на монетном дворе TPWLST’N, располагавшемся в городе Āмуде, серебряные монеты «арабо-сасанидского» дизайна, воспроизводившие стиль более ранних монет независимых *спахбедов* Табаристана – Дабвайхидов, или Дабуидов. Эти монеты (*полудрахмы*, они же *табаристанские драхмы*, они же *дирхамы табарй*) в последней трети VIII в. массово поступали в обращение восточных областей Халифата, Восточной и Северной Европы и хорошо представлены в нумизматических коллекциях. Современный уровень знаний о типологии этих монет представлен в корпусе Х.М. Малек (*Malek H.M. The Dābūyid Ispahbads and Early*

‘Abbāsid Governors of Tabaristān: History and Numismatics. London, 2004); заметным недостатком исторического раздела этой монографии является то, что ее автору осталось не известно сочинение Ибн ал-Факйха.

Ниже проводится краткое сопоставление сведений этих источников: сверенный по факсимиле рукописи список наместников, переданный Ибн ал-Факйхом, приведен полностью с исправлением ошибок предыдущих изданий (Цкитишвили. С. 40, 51; с. 11, 12 факсимиле, с. 23 араб. паг.; Sezgin. P. 303, 304 arab. pag.; Ибн ал-Факйх, Йусуф ал-Хадй. С. 574–576), даны соответствия из сочинения Ибн Исфандийāра и имена держателей монетной регалии с указанием дат их эмиссий по корпусу Малека. Летоисчисление в монетных легендах – по солнечной постийездигердской эре: 110 г. п. й. э. = 761/762, 141 г. п. й. э. = 792/793.

Хронологический блок (период), реконструируемая продолжительность	Список наместников по Ибн ал-Факйху (текст in extenso)	Соответствия у Ибн Исфандийāра (Malek 2004. P. 170–172)	Держатели монетной регалии (Malek 2004)	Продолжительность чеканки
I: 6,5 лунных лет по преданию, около 6 солнечных лет по монетам (около 760/761–766/767 гг.)	Абӯ-л-Хусайб <...>, была [продолжительность] его правления (<i>вилāйату-ху</i>) 2 года и 6 месяцев.	Абӯ-л-Хусайб (Абӯ-л-Хасйб)	Анонимные даб-вайхидского типа (постумные спяхбеда Хуршида) 110–115 гг. п. й. э.	Около 6 лет
	Затем правил Абӯ-л-‘Аббāс ат-Тўсй 2 года.	Абӯ-л-‘Аббāс Фазл ибн Сулаймāн Тўсй		
	Затем [правил] Абӯ Хузайма 2 года.	Хазим ибн Хузайма (Абӯ Хузайма)		
II: около 15,5 лунных лет по преданию, около 19 солнечных лет по монетам (около 763/764–781/782 гг.)	Затем [правил] Раух ибн Хāтим 2 года и 6 месяцев.	Раух ибн Хāтим	Раух ибн Хāтим, 112–114 гг. п. й. э.	Около 3 лет
	Затем [правил] Хāлид ибн Бармак 5 лет.	Хāлид ибн Бармак	Хāлид ибн Мухаммад, 115–120 гг. п. й. э.	Около 5 лет
	Затем [правил]	‘Умар ибн	‘Умар ибн	Около 11 лет

	‘Амр ибн ал-‘Алā’ 4 года.	ал-‘Алā’	ал-‘Алā’, 120–130 гг. п. й. э.	
	Затем [правил] Са‘йд ибн Да‘ладж 2 года.	Са‘йд ибн Да‘ладж	Са‘йд ибн Да‘ладж, 125–127 гг. п. й. э.	Около 3 лет
	Затем [правил] ‘Амр ибн ал-‘Алā’ 2 года.			
III: около 15,5 лунных лет по преданию, око- ло 14 солнеч- ных лет по монетам (около 779/780– 792/793 гг.)		Йахйā ибн Мйхнāк	Йахйā, 128–130 гг. п. й. э.	Около 3 лет
		‘Абд ал- Хамйд ибн Мазрӯб		
	Затем [правил] Тамйм ибн Синāн 3 года.	Тамйм ибн Синāн		
	Затем [правил] Йазйд ибн Мазйад 1 год и 4 месяца.	Йазйд ибн Мазйад		
	Затем [правил] Са‘йд ал- Джар.шй 6 месяцев.		Харашй, 131 г. п. й. э.	Около 1 года
	Затем [правил] Мукāтил ибн Сāлих 1 год.		Мукāтил, 126, 129 гг. п. й. э.	Около 2 лет с перерывом
	Затем [правил] Салм ибн Нāфи‘ 6 меся- цев.			
	Затем [правил] Джарйр ибн Синāн 4 года и 4 месяца.		Джарйр, 133 (?), 135–137 гг. п. й. э.	Около 5 лет с перерывом (?)
	Затем [правил] Сулаймāн ибн Дā’уд 4 месяца.	Сулаймāн ибн Мансӯр	Сулаймāн, 136–138 гг. п. й. э.	Около 3 лет
	Затем [правил] Хāний ибн Хāний 2 года.	Хāний ибн Хāний	Хāний, 136– 140 гг. п. й. э.	Около 5 лет
	Затем [правил] Хумайд ибн Кахтаба 1 год и 6 месяцев.	Хасан ибн Кахтаба и ‘Абдаллāх ибн Ках- таба	Кудайд, 140 г. п. й. э.	Около 1 года

	Затем [правил] Мукāтил ибн Сāлих так же повторно 6 месяцев.		Мукāтил, 136–141 гг. п. й. э. (второй отрезок)	Около 6 лет
		‘Усмāн ибн Нахйк		
	Затем [правил] Ибрāхйм ибн ‘Усмāн 6 меся- цев.		Ибрāхйм, 139? 140– 141 гг. п. й. э.	Около 2–3 лет
IV: около 32 лунных лет по преданию (от- резок от начала 790-х гг. до начала 820-х гг.)	Затем [правил] Са‘йд ибн Салм 6 месяцев.	Са‘йд ибн Салм		
	Затем [правил] ал-Джунайд ибн Да‘ладж 6 месяцев.			
	Затем [правил] Хаммād ибн ‘Абд ал-‘Азйз 6 месяцев.	Хаммād ибн ‘Абд ал-‘Азйз и ‘Абдаллāх ибн ‘Абд ал-‘Азйз		
	Затем [правил] ал-Мусаннā ибн ал- Хаджжāдж.	ал- Мусаннā ибн ал- Хаджжāдж		
	[Затем правил] ‘Абд ал-Малик ибн ал-Ка‘кā‘ 6 месяцев.	‘Абд ал- Малик ибн ал-Ка‘кā‘		
	Затем [правил] Йахйā ибн Ма‘āз 9 меся- цев.		Ма‘адд 138 г. п. й. э.	Около 1 года
	Затем [правил] Мұсā ибн Йахйā 9 меся- цев.	Мухаммад ибн Йахйā и Мұсā ибн Йахйā		
	Затем [правил] ‘Абдаллāх ибн Хāзим 1 год и 6 месяцев.	‘Абдаллāх ибн Хāзим		
		Джахзам ибн Джинāб		
		Ахмад ибн ал-		

		Хаджжәдж		
	Затем [правил] Са'йд ал- Джаухарй 1 год.	Халйфа ибн Са'йд ибн Хәрүн ал- Джаухарй		
	Затем [правил] Михравайх 2 года.	Михра- вайх (Махруйа) ар-Рәзй	Михрән, 135 г. п. й. э.	Около 1 года
	Затем [правил] ‘Абдалләх ибн (sic) ал-Х.з.амй 3–4 года.	‘Абдалләх ибн Са'йд ал-Харашй	‘Абдалләх, ‘Абдалләх ибн ‘Ариф, 139–141 гг. п. й. э.	Около 3 лет
	Затем [правил] ‘Абдалләх ибн Мәлик 4 года.	‘Абдалләх ибн Мәлик		
	Затем [правил] Мӯсә ибн Джа'фар 2 года.			
	Затем [правил] ‘Абдалләх ибн Мухаммад 3 года и 3 месяца.			
	Затем [правил] ‘Абдалләх ибн Хурдәдбих 1 год и 6 месяцев.			
	Затем [правил] ‘Абдалләх ибн Са'йд 2 года			
	Затем [правил] ‘Абдалләх ибн Абй Са'д 1 год.			
	Затем [правил] Мухаммад ибн 'х.й.х (<i>испор- чено</i>) 1 год.	Мухаммад ибн Хәлид		
	Затем [правил] Мӯсә ибн Хафс 4 года.	Мӯсә ибн Хафс		
	Затем [правил] Мухаммад ибн Мӯсә 2 года.	Мухаммад ибн Мӯсә		
		Мәзийәр		
V: Тахириды как наместники всего Хурасана с 205 г. х. (821)	Затем [правил] Тәхир ибн ал- Хусайн.			
	Затем [правил]			

до упоминания ‘Алида ал- Хасана ибн Зайда под 249 г. х. (863).	‘Абдаллāх ибн Тāхир.			
	Затем [правил] Тāхир ибн ‘Абдаллāх.			
	Затем [правил] Мухаммад ибн Тāхир и было его наместни- чество (<i>халīфату-ху</i>) совместным с Сулаймāном ибн ‘Абдаллāхом ибн Тāхиром, когда выступил против них ал- Хасан ибн Зайд ал-‘Алавй ал- Хасанй в году 249 <...>			

Здесь нет возможности подробно остановиться на каждом из весьма многочисленных (и немаловажных) расхождений в корпусе приведенных выше данных, отметим лишь ключевые моменты, обращающие на себя внимание. Прежде всего, отчетливо выделяются пять хронологических блоков, в пределах которых и между которыми устанавливаются соответствия устной традиции и нумизматики в именнике и хронологии наместников:

блок I: три наместника, правившие немногим более шести лет; им могут быть частично атрибутированы анонимные монеты, выпускавшиеся на протяжении шести лет не позднее монет Рауха ибн Хатима;

блок II: четыре наместника, имена которых взаимно-однозначно соответствуют именам держателей монетной регалии, а относительная хронология и общая продолжительность правления удовлетворительно соответствует нумизматическим данным (отметим хорошую корреляцию дат монет с именем ‘Умара со сведениями устной традиции о двух сроках его правления – до и после Са‘ида ибн Да‘ладжа);

блок III: последовательность наместников по-прежнему дает неплохие соответствия устной традиции и монет в именнике, относительной хронологии и общей продолжительности правления, хотя и не без лакун от нумизматики (пятеро наместников не представлены монетами, чему могут быть разные причины);

блок IV: последовательность наместников в целом не находит соответствий в нумизматической «колонке», а единичные отождествления в имен-

нике ненадежны (в самом списке подозрительно много различных ‘Абдаллāхов’); общее соответствие наблюдается лишь в том факте, что после начала 790-х гг. чеканка табаристанских дирхамов вовсе прекращается;

блок V – не восходит к устной традиции Табаристана, а добавлен Ибн Хурдāдбихом для доведения хронологии правителей до времени составления его труда, о чем свидетельствуют отсутствие указаний на продолжительность правления наместников и тот факт, что они – Тахириды, т.е. наместники не Табаристана, а всего Хорасана (с 821 г.). Если учесть то, что устная традиция определяет продолжительность предшествующего периода в величину немногим более 30 лет (начиная приблизительно с 793 г.), то получаемая отсюда дата тахиридского наместничества – около середины 820-х гг. – соответствует хронологии Халифата (по ат-Табарī и Ибн ал-Асйру) с погрешностью не более чем в 3–4 года.

В заключение хочу сказать, что мы, по-видимому, не должны ожидать от разноприродных исторических источников древности и раннего средневековья (особенно в областях на периферии «больших» культур) *полных, точных и неперменных* соответствий в мелких деталях: именах, погодных датировках, расчетах сроков правлений. Эти последние легко искажаются как памятью, так и рукописной традицией и не всегда документированы нумизматическими (и, шире, эпиграфическими) фактами. Однако чего мы вправе ожидать – так это *узловых и структурных* совпадений там, где фонд независимых источников предоставляет возможность путем сопоставления «колонок» проверяемо и убедительно реконструировать *сам исторический процесс* в виде текстовых (в том числе – списочных) фрагментов разной длины и содержания.

С.В. Кулинок (Минск)

Историография изучения фонда

Белорусского государственного архива научно-технической документации «Коллекция планов и схем городов Белоруссии»

В целях централизации хранения и широкого использования научно-технической документации Постановлением Совета Министров Белорусской ССР от 27 мая 1968 г. № 164 был организован Центральный государственный архив научно-технической документации, переименованный в мае 1993 г. в Белорусский государственный архив научно-технической документации (БГАНТД). Архив хранит документы Национального архивного фонда Республики Беларусь, содержащие ретроспективную информацию по истории развития науки, техники и культуры. Значительное место среди документов архива занимают планы и схемы городов за различные временные периоды. Уникальным в этом смысле представляется фонд № 6 «Коллекция планов и схем городов Белоруссии». Данный фонд

включает в себя 31 единицу хранения, которые хронологически охватывают период с 1748 по 1979 гг. Шестнадцать дел являются особо ценными, они переведены в цифровой формат. В статье делается попытка осуществить обзор документов фонда № 6, определить степень изученности, их место и роль в исторических исследованиях.

Часть планов касается городов, которые в настоящее время не находятся на территории Беларуси, но ранее входили в состав белорусских губерний: «План города Велижа» (1778 г.), «План Динабургского форштада Витебской области» (1811 г.) (в настоящее время – город Даугавпилс в Латвийской Республике – С.К.) и «План города Люцин» (1748 г.) (в настоящее время – город Лузда в Латвийской Республике – С.К.) (БГАНТД. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1, 3, 5). Некоторые документы представлены в копиях, фотокопиях и светокопиях.

Материалы фонда являются достаточно актуальными и востребованными у пользователей. Всего с ними ознакомились и работали более 100 исследователей. Отдельную группу документов составляют дореволюционные планы города Минска за 1783, 1793, 1797, 1800, 1858, 1903, 1905, 1910 и 1911 гг. (БГАНТД. Ф. 6. Оп. 2. Д. 6–9, 13, 14, 29–30). Эти планы использовались исследователями и историками, в первую очередь, при написании работ по истории г. Минска и истории градостроительства (*Шыбека З.В.* Мінск сто гадоў таму. Мінск, 2007. 304 с.; Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Мінска. У 5 кн. Кн. 2-я. Мінск, 2003. 712 с.). Также эти документы активно используются для определения урбанонимов (дореволюционных названий улиц, площадей, отдельных объектов). Легенды к планам широко использовались разработчиками при создании и наполнении сайта «Минск старый и новый» ([http:// www.minsk-old-new.com/](http://www.minsk-old-new.com/)).

Следующая группа документов представлена планами, в том числе генеральными, Минска советского периода: за 1925, 1934, 1936, 1939, 1940, 1957 гг. (БГАНТД. Ф. 6. Оп. 2. Д. 12, 18–22, 26). Эти документы позволяют проследить развитие города в советский период, изменение его топонимов и планировки. Белорусский исследователь Л. Моряков использовал эти материалы, в частности, при написании своей книги, посвященной истории центральной улицы Минска (сейчас – проспект Независимости) (*Маракоў Л.* Галоўная вуліца Мінска. 1880–1940. Кнігі 1, 2. Мінск, 2012–2013. 260 і 466 с.).

Отдельно следует сказать несколько слов о документах периода Великой Отечественной войны. Это «План города Минска» (1942 г., на немецком языке) и «План окрестностей города Минска» (1943 г.) (БГАНТД. Ф. 6. Оп. 2. Д. 24–25). План Минска за 1942 г. снабжен подробной легендой, в которой указываются названия (немецкие) улиц и расположение основных административных, военных, хозяйственных и культурных объектов. Интересным представляется сравнительный анализ этого плана, с планами Минска, которые хранятся в Национальном архиве

Республики Беларусь (НАРБ), например, с планом за 1944 г. (НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 101. Л. 187–189). В качестве иллюстраций эти документы использовались при написании исследований, посвященных истории Минска периода немецкой оккупации (например: *Кулинок С.В.* К вопросу о деятельности немецких разведывательно-диверсионных и шпионских школ в Минске в годы Великой Отечественной войны // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць. Вып 13: у 2 т. Т. 1. Мінск, 2015. С. 141–148).

Помимо вышеназванных документов в фонде хранятся «Схема исторического расширения г. Гродно» (без даты), «Проект детальной планировки жилого района в Жодино» (1967 г.), «План города Витебск» (1904 г.), «Схематические планы концентрационных лагерей смерти в Минске 1941–1944» (фотокопия), нивелировка и триангуляция Минска (1925, 1932 гг.) (БГАНТД. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2, 4, 16, 17, 28, 31).

Подводя итог отметим, что фонд № 6 является актуальным и востребованным у исследователей. Материалы фонда используются при изучении, в первую очередь, таких тем, как история архитектуры и градостроительства городов. Планы и схемы (картографический материал) активно использовались при написании монографий, статей, рефератов, курсовых, дипломных работ и диссертаций. К сожалению, с документами фонда не работали специалисты по исторической картографии В.Н. Темушев, А.А. Лукашов и др., которые бы дали профессиональное описание документов, осуществили бы внешнюю и внутреннюю критику из этих источников.

Т.С. Кутаренкова (Москва)

Дьявол, змея, летучая мышь и другие инфернальные символы на плакатах Белого движения

В годы Гражданской войны в России плакат играл важную роль в формировании населения и пропаганде. Колоссальную силу воздействия этого жанра четко осознавали как красные, так и белые. Печатью и распространением плакатов Белого движения занимались ОСВАГ на Юге России, Осведверх и Русское бюро печати в Сибири и другие осведомительные и информационно-пропагандистские органы на территориях, занятых белыми армиями (*Соколов К.Н.* Правление генерала Деникина (Из воспоминаний). М., 2007. С. 100).

Пропаганда белых была в первую очередь антибольшевистской. Наиболее популярными были сюжеты, связанные с красным террором: грабежи, насилие, убийства, поругание святынь и т. п. Большевистские вожды представлялись злыми гениями, инициаторами жестоких экспериментов над Россией и ее народом (Красный террор в годы гражданской войны (По материалам особой следственной Комиссии по расследованию

злодеяний большевиков). М., 2004. С. 86–87). Изображение должно было оказывать сильное воздействие на воображение зрителя, вызывать соответствующую реакцию. Существенную роль в достижение этого эффекта играла яркая символика, понятная и убедительная, апеллирующая к традиционным представлениям о природе зла. В создании образов большевиков использовались символы, отражающие не просто бесчеловечную, а дьявольскую природу большевизма.

Ключевым символом является сам дьявол. На многих плакатах мы можем увидеть его традиционное изображение в виде существа с рогами и хвостом. Дьявол, олицетворяющий абсолютное зло, как правило, выступает силой, руководящей действиями большевиков. Рассмотрим плакат под названием «Дело большевизма – дело дьявола». Матрос срывает с храма крест, а стоящий за его спиной дьявол словно подстрекает его (*Борисов (Ильин) И.В.* Белый плакат и афиша Гражданской войны в России. М., 2006. С. 51). На другом плакате мы видим, как дьявол дергает за веревочки пляшущих человечков с красными флагами. У его ног – руины России (ее аллегория – разрушенная крепость) (Там же. С. 86).

Однако не всегда дьявол изображался на плакатах белых армий именно в этом, привычном образе. Дьявольская сила нередко представала на плакатах в виде дракона или «змия». На хорошо известном плакате «За единую Россию» русский витязь поражает красного дракона, обвинившего Кремль (Там же. С. 58). Такое символическое изображение имеет очень глубокие корни: оно отсылает нас к «Чуду святого Георгия о змие», повествовании о «древнем змие» в «Откровении Иоанна Богослова» (Откр. 12:3; 20:2) и даже к античности (победа Геракла над Лернейской гидрой).

Второй вариант воплощения дьявольской силы – это именно змея. На плакате под названием «Возмездие» символом большевизма выступает змея или адская гидра (*Борисов (Ильин) И.В.* Указ. соч. С. 26). Этот змей олицетворяет сущность большевизма. На обвивающей его ленте начертаны слова «насилие», «предательство», «убийство» и т. д. Здесь же присутствует и уже знакомый символ – дьявол. С трезубцем в руке, он ожидает к себе большевиков, которых сгоняет в ад Архангел Михаил. Таким образом, символы дракона и змея позволяли воплотить собирательный образ большевизма.

Еще один inferнальный символ – летучая мышь или нетопырь. Согласно верованиям многих славянских народов, летучая мышь – животное нечистое. С ней связано множество суеверий и примет (Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Собр. М. Забылиным. Репринт. воспроизв. изд. 1880 г. М., 1990. С. 271). На одном из плакатов мы видим Троцкого в образе нетопыря с черными крыльями, сидящего на груде черепов (*Борисов (Ильин) И.В.* Указ. соч. С. 55).

На вышеописанном плакате, как уже было отмечено, встречается еще один символ – череп. Череп нередко использовался в эмблематике и век-

силлологии Белого движения: достаточно вспомнить это изображение на шевронах и знамени Корниловского ударного полка. Но в этом случае символ имел христианское трактование победы над смертью. И это был не просто череп, а голова Адама. Второе значение – как символа опасности и зла – очевидно, идет из массового сознания, от языческих представлений. И именно это значение имеет символ черепа на плакатах Белых армий, отражающих суть большевизма. Например, на плакате под названием «Кто управляет Москвой?» (Там же. С. 53) с черепом в руке изображен Свердлов, что сразу дает понять зрителю: это – персонаж отрицательный, несущий угрозу и смерть. Оголенный череп мы видим и на плакате «Что несет народу большевизм» Донского отдела осведомления. Всадник-смерть едет по полю, от него убегает крестьяне (Там же. С. 81).

Очень часто большевиков на белогвардейских плакатах «сопровождает» паук. В массовом сознании паук чаще ассоциируется со злом, обманом, дьявольскими кознями. Автор плаката «Все на защиту Сибири» изобразил огромного паука с головой Троцкого, который плетет паутину в Москве и тянет лапы во все концы страны. В Петербурге, Пскове, Туле, Саратове и Царицыне эти лапы уже отрубили белогвардейцы. Но паук смотрит на Сибирь... (Там же. С. 78). На плакате «Зловредный паук или рай коммунистов» это животное выступает в качестве символа большевизма в целом. Мерзкий паук с мертвой головой на спине плетет свою паутину, а по сторонам картинки насилия, грабежа, расстрелов. Пауки присутствуют и на плакате «Федеративная Советская монархия». На нем Ленин и Троцкий гротескно представлены в образах «правителей»: плащи, скипетр, держава, короны. Но «в роли» скипетра – костлявая рука. Вместо державы – шар с надписью «Россия» и распятием. В шар воткнут нож. На короне и галстук Троцкого – пауки. На короне Ленина – черепа (Там же. С. 53).

Авторы пропагандистских плакатов Белого движения четко осознавали важную роль символики и сознательно выбирали символы, тесно связанные с массовым, народным представлением о природе зла, основанном на христианских и дохристианских трактовках.

М.В. Леонов (Москва)

Просопографический электронный архив студентов Московского университета из города Ельца

К настоящему моменту не существует достаточно полного списка (не говоря уже о базе данных) студентов Московского университета с момента его основания до 1917 г. Создание такой базы данных (БД), несмотря на важность ее для генеалогических и других исследований, представляется пока практически неосуществимой задачей. Важным шагом в этом

направлении явилось создание в начале 2000-х гг. под руководством В.П. Пушкова базы данных выпускников Московского университета в период с 1876 по 1916 гг. (*Пушков Л.В., Пушков В.П., Завьялов С.М., Гришина З.В.* Выпускники Московского университета и формирование интеллектуального потенциала дореволюционной России (первые итоги создания базы данных) // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». № 31. М., 2003. С. 184–189). В одной из следующих работ авторы проекта обратили внимание на необычно высокий процент среди выпускников указанного периода студентов, окончивших гимназию уездного города Ельца, назвав это явление «елецким интеллектуальным феноменом» (*Завьялов С.М., Пушков В.П., Пушков Л.В.* Елецкий интеллектуальный феномен (Воспитанники Елецкой гимназии – выпускники Московского университета. 1881–1916 гг.) // Философия хозяйства. 2004. № 4. С. 9–20). Опубликованная в этой статье таблица, содержащая весьма краткие (без года рождения и года поступления в университет) сведения о трехстах питомцах Елецкой мужской гимназии, послужила основой для наших собственных работ в этом направлении. Но в качестве источника мы использовали не списки выпускников университета, а в первую очередь личные дела студентов, хранящиеся в Центральном государственном архиве Москвы (ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 286 – Оп. 331).

По каждой персоналии в этих делах обычно хранятся: прошения о зачислении в университет, аттестат зрелости (или его копия), копия метрического свидетельства, приписное свидетельство, диплом или выпускное свидетельство об окончании университетского курса, иногда фотографии и другие документы. В процессе работы нам удалось накопить значительное количество электронных копий указанных выше документов.

Здесь мы столкнулись с весьма распространенной проблемой. Известно, что какой бы продуманной ни была структура БД, заполняемая в процессе архивных поисков, все равно в какой-то момент выясняется, что найденный материал не укладывается в «прокрустово ложе» структуры запланированной БД. С другой стороны, ясно, что для успешной работы с большим количеством материалов в электронной форме желательно иметь средства для их структурирования и поиска. Для выхода из сложившейся ситуации было найдено следующее решение. Далее под электронным архивом мы будем понимать не только тематически собранную совокупность электронных документов, но и определенную структуру хранения и программного управления этими документами.

Кратко остановимся на принципах организации нашего просопографического архива. Единицами хранения будем считать как отдельные файлы, так и каталоги, сопровождаемыми метаданными – отдельными специальными «электронными карточками» – текстовыми файлами определенного формата, предназначенными для облегчения поиска данных в архиве. На этих «карточках» – содержательные характеристики описы-

ваемых ими единиц хранения: список ключевых слов, список фамилий, временной диапазон и т. д.

Поиск по архиву обеспечивается браузером Google Chrome с помощью javascript-сценариев, которые позволяют задавать тип поиска (по ключевым словам, по именам и типу файлов и т. д.) и указывать значения параметров поиска. Другими словами, наш архив – это специально организованная совокупность файлов и каталогов с метаданными и браузер со специальными программными сценариями для облегчения поиска. Результат поиска по форме аналогичен результату интернет-поисковика. Заметим, что количество и состав метаданных в процессе эксплуатации архива может (и должен) увеличиваться, что приведет к ускорению и улучшению качества поиска. В идеальном случае каждый файл должен быть сопровождается карточкой, но это слишком трудозатратно при большом количестве единиц хранения, поэтому мы остановились на компромиссном, но позволяющем уточнение варианте. Описанный метод был успешно применен и в работе над книгой о Елецкой мужской гимназии (*Саввина О.А., Леонов М.В.* История Елецкой мужской гимназии. Люди и факты. Ч. I: Преподаватели. Елец, 2015. 178 с.).

Вторым источником для нашего просопографического архива были выпущавшиеся в виде отдельных книг с некоторыми перерывами в 60-х и 70-х гг. XIX в., алфавитные списки студентов (см., например: Алфавитный список студентов И.М.У. за 1901/02 ак. год – М., 1901). Эти книги были интересны для нас не только как источник, но и как своеобразный «полигон» для написания курсовых и дипломных работ студентами факультета вычислительной математики и кибернетики МГУ (*Леонов М.В., Пенкин С.А., Егоренкова М.А.* Информационная система по студентам Московского университета 1901/02 учебного года // Программные системы и инструменты. № 13. М.: Изд. отдел факультета ВМК МГУ, 2012. С. 147–151).

Архитектура нашего электронного архива – это архитектура открытой программной системы, и поэтому позволяет расширять его вспомогательными программами, облегчающими формирование биографических и библиографических карточек, и других элементов для подготовки публикаций. Статистический анализ в настоящее время обеспечивается с помощью хранения основных данных по персоналиям и в формате программы EXCEL.

На момент подготовки тезисов доклада в архиве присутствуют данные о 360 студентах Московского университета. Фактически этот архив является «подвижной монографией», пополняемой по мере поступления новых данных из фондов ЦГАМ и из других источников.

Описанный подход к накоплению и обработке биографических данных студентов Московского университета может быть использован и для других проектов с аналогичными задачами.

Надгробные плиты из церкви Гребневской иконы Божией Матери в Донском монастыре

К 1926 г. Донской монастырь числился в списках Московского отделения народного образования (МОНО) как открытый для посещения историко-культурный и бытовой музей. С 1927 г. монастырский некрополь стал пополняться дворянскими надгробиями, привозимыми с закрывшихся и разорённых монастырских кладбищ. Фрагменты перенесённых надгробий до недавнего времени можно было увидеть на деревянной подставке рядом с Малым собором Донского монастыря. В связи с реставрацией они были перенесены к восточной монастырской стене.

Среди надгробий относительно хорошей сохранностью (отколота правая нижняя часть) отличается плита, с текстом в рамке без какого-либо декора, артиллерии генерал-майора Петра Ивановича Толстого (1718–1763), перенесённая из трапезной храма Гребневской иконы Божией Матери на Лубянке (Московский некрополь / Сост. Б.И. Саитов, Б.Л. Модзалевский. Т. 3. СПб., 1908. С. 215).

Генерал-майор П.И. Толстой был сыном подполковника Ивана Андреевича Толстого, представителя младшей нетитулованной ветви рода Толстых (*Руммель В.В., Голубцов В.В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 2. СПб., 1887. С. 511). По надписи на плите можно установить более точную дату смерти П.И. Толстого – «1 июля 1763 г.» на память святых Космы и Дамиана (в «Московском некрополе» дата «11 июня»).

До 1928 г. в храме Гребневской иконы Божией Матери велись реставрационные работы. Желая сохранить церковь от разборки, на чем с 1926 г. настаивал Москоммунхоз, реставраторы пошли на уничтожение пристроек. В 1927 г. была разобрана западная часть, включая трапезную, служившую усыпальницей (Православная энциклопедия. Т. XII. М., 2006. С. 318). Скорее всего, тогда же надгробие П.И. Толстого было перенесено на территорию Донского монастыря.

Там же, среди фрагментов надгробий, обращает на себя внимание большая плита с остатками первоначальной окраски. Изначально памятник включал в себя три надписи о погребённых (одна сверху и две внизу). Относительно хорошей сохранностью отличается правая нижняя надпись. Вот ее текст: «1728 года июня <...> пополуночи в 8 часу на память мученика Леонтия преставилася раба Божия девица Екатерина, дочь Василья Ивановича Волынского. Жития ее 20 лет и 6 месяцев и 23 дня». С помощью надписи можно установить день смерти девицы Екатерины Васильевны Волынской – 18 июня 1728 г.

Надпись левой нижней части сохранилась значительно хуже (трещина прошла прямо посередине текста): «1729 года <...> в 1 часу <...> преставилася девица Евдокия, дочь Василия Ивановича Волынского. Жития <...> 9 лет и 4 месяца». От верхней части остался осколок, где можно прочитать: «боярина Ивана <...> жития его 60 лет и 15 дней».

К сожалению, описание этой плиты не вошло в «Московский некрополь». Выскажем предположение, что она также была перенесена из трапезной храма Гребневской иконы Божией Матери. В своем очерке по истории церкви И.М. Снегирев упоминает, что среди погребенных в трапезной были представители рода Волынских (Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества / Сост. А. Мартыновым. Текст И.М. Снегирева. М., 1852. Год 3. С. 16).

Волынские жили рядом с храмом Гребневской иконы Божией Матери на Лубянке еще во второй четверти XVII в. В переписной книге Москвы 1638 г. к «храму Федосия Великого у Стрелецкой слободы, что у Пречистой Богородицы Гребневской» относился двор «Петра Васильева сына Волынского», рядом на «церковной земле, у Егорья в Лушках» были дворы «Моисея Иванова сына Волынского» и «Ондрея Васильева сына Волынского» (Переписная книга города Москвы 1638 года. М., 1881. Ст. 129, 132).

На Лубянке в приходе церкви великомученика Георгия в Старых Лучниках в середине XVIII в. был дом лейтенанта Федора Ивановича Головина и пустой дом Василия Ивановича Волынского (*Щербачев О.В.* Дворяне – прихожане московских церквей (по материалам исповедальных ведомостей Сретенского сорока 1750-х гг.) / Известия Русского генеалогического общества. Вып. 24. СПб., 2012. С. 62–63).

Федор Иванович Головин, сын окольничего И.И. Головина, был братом Феодосии Ивановны Волынской, жены Василия Ивановича Волынского, сына боярина Ивана Федоровича Волынского (*Долгоруков П.В.* Российская родословная книга. Ч. 3. СПб., 1856. С. 108; *Власьев Г.А.* Потомство Рюрика. Материалы для составления родословий. Т. 3. Князья Черниговские. Ч. 3. СПб., 1907. С. 95–96).

Можно сделать предположение, что «боярин Иван», упоминаемый на осколке надписи надгробной плиты, это – боярин Иван Федорович Волынский. Он единственный из рода Волынских был боярином в начале XVIII в. Девицы же «Екатерина и Евдокия Волынские» – дочери Василия Ивановича Волынского, сына И.Ф. Волынского, и Феодосии Ивановны Волынской, урожденной Головиной, старшие сестры княгини Анастасии Васильевны Долгоруковой-Крымской (1723–1801).

**Юридическая школа Болоньи на рубеже XII–XIII вв.
(на основе сравнительного изучения юридических рукописей)**

Периоду в истории юридического образования в Западной Европе, рассмотрению которого посвящен предлагаемый доклад, предшествовала уже достаточно длительная, почти столетняя настойчивая работа преимущественно итальянских юристов по изучению и комментированию текстов римского, а вслед за ним и канонического права. Одновременно разрабатывались и приемы обучения студентов с учетом их возможной будущей судейской карьеры. Все это непосредственно отразилось не только в появлении трактатов и пособий новых типов, но и в особом оформлении комментированных списков текстов римского и канонического права, основные правила которого установились уже к середине XII столетия.

Одновременно обозначились два основных направления работы с текстами римского права, которые сами современники связывали с деятельностью двух выдающихся учеников великого Ирнерия, воссоздавшего корпус текстов римского права и приступившего к систематическому их изучению – Булгара и Мартина. Первый отстаивал принципы строго лингвистического и текстологического подхода к памятникам римского права, как и первенствующее значение буквального истолкования правовых норм, признанных или установленных императором Юстинианом. Мартин, будучи признанным знатоком текстов римского права, в то же время старался исходить из более свободного понимания принципа справедливости, что сказалось и в его собственном внимании к нормам германского права. В Болонье явно возобладала линия Булгара, но в соседних Мантуе, Модене и особенно в Пьяченце, линия Мартина получила не меньшее, если не большее признание.

Образцы нового строгого оформления юридических рукописей, с неуклонным соблюдением пространственного расположения всех элементов страницы исходили из Болоньи, но в XII в. в Болонье еще не было достаточных сил и средств для широко поставленного копирования этих образцов. Рукописи копировались в самых разных центрах, пусть обычно и не столь удаленных от Болоньи, причем они получали традиционное художественное оформление, характерное вообще для рукописей того времени. Важнейшим элементом его служили красочные инициалы, исполняемые мастерами, воспитанными еще в монастырских традициях.

Но к последнему десятилетию XII в. вырос сам фонд наличных юридических рукописей, более активно стали работать и городские писцы, удовлетворявшие на месте запросы численно возросшего студенчества. Самостоятельная работа с книгой становилась уже неперенным элементом обучения праву. Кроме того, поля рукописей, старых и вновь созда-

ваемых, заполнялись все большим количеством глосс. В этих условиях болонские профессора и студенты, очевидно, сами указывали переписчикам на необходимость особого красочного выделения так называемых *notabilia*, воспроизводивших наиболее значимые понятия определенной части текста и позволявшие скорее уяснить его основной смысл. Последнее и прежде выделялись тем, что их краткий текст располагался треугольником ближе к краю страницы. Но теперь их стали выделять и красочной игрой пера в продолжение одной из линий заглавной буквы соответствующей записи. Орнаментальные мотивы, используемые в оформлении *notabilia*, скоро получили самостоятельное развитие и стали применяться, к примеру, для указания перехода к новой книге Дигест. Художественное оформление рукописи подчинилось сугубо практическим задачам, а вместе с тем стало и менее дорогим.

Лишь немногие ранние рукописи представляют примеры тесной связи нового болонского художественного оформления рукописи с особой ролью *notabilia*. Похоже, что, например, в Пьяченце эту новую моду вообще не спешили принимать. Не случайно, что до сих пор истоки особого художественного оформления болонских рукописей оставались белым пятном в истории юридической рукописи.

С первым распространением новых чисто болонских художественных мотивов совпало и массированное внедрение именно в Болонье в старые и новые рукописи глосс одного глоссатора из целой плеяды глоссаторов XII в., а именно, скончавшегося еще в 1162 г. в Провансе Рогерия, который, похоже, никогда не преподавал в Болонье, хотя там получил свое образование. Ученик Булгара, он умел признавать мнения оппонентов, а главное, в своих глоссах не ограничивался краткими указаниями ученого свойства, но последовательно разъяснял смысл каждого отдельного пассажа в интересующей его части юридического памятника. Нетрудно восстановить линию прямой человеческой связи болонского, а прежде, мантуанского правоведа Иоанна Бассиана с Рогерием и его творческим наследием. Бассиан сам был младшим учеником Булгара, как и его предшественник в юридической школе Мантуи Плацентин, отправившийся в Прованс, чтобы там в известном смысле заместить скончавшегося к тому времени Рогерия. Именно через Плацентина и его учеников Бассиан мог получить первые копии рукописей Рогерия, а затем, возможно, и сами эти рукописи.

Списки памятников римского права, принадлежавшие выдающимся юристам и содержавшие их записи, имели особую цену в первую очередь благодаря относительной исправности самого текста памятников римского права, достигавшейся, в частности, благодаря проделанному этими юристами сличению имевшегося у них списка с текстом сохранившейся до наших дней рукописи VI в., так называемой *Littera Florentina* или *Pisana*. Но ценились и записи самих юристов, причем по мере системати-

зации накопленных знаний все более и более. Но если первые копиисты глосс знали обычно почерк владельца рукописи и присваивали его личный знак глоссам, если не им составленным, то в некотором смысле им авторизованным, то новые поколения уже щедро расставляли такие знаки при множестве глосс, обнаруживаемых не только в так называемых *libri magistrorum*, но и в их ближайших копиях. Все это прекрасно видно в рукописях первой четверти XIII в. К этому добавим, что в периферийных по отношению к Болонье центрах можно наблюдать почти такое же увлечение глоссами Мартина, какое болонские рукописи демонстрируют в отношении глосс Рогерия.

А.В. Марей (Москва)

**Толедская рукопись Второй Партиды (Ms. 43-11):
Сюжет из истории политического права
средневекового королевства Кастилия**

«Семь Партид» Альфонсо X Мудрого представляют собой один из выдающихся памятников юридической мысли европейского Средневековья и фактически фундамент испанской правовой мысли Нового Времени. Вторая Партида занимает ключевую позицию в своде Альфонсо X Мудрого. Открывающая свод Первая Партида, посвященная каноническому праву, вписывает деятельность короля в контекст сакрального. Вторая Партида, в свою очередь, очерчивает тот контекст политического, в котором затем будут действовать нормы всех остальных Партид. Возможно, именно этими соображениями объясняется то, что, судя по первичному анализу рукописной традиции Партид, именно эти части свода редактировались и переделывались больше и дольше остальных пяти. В докладе речь идет об одной из рукописей Второй Партиды (Ms. 43-11 Толедского собора), анализ которой позволяет лучше представить себе историю бытования памятника во второй половине XIV – начале XV вв.

Рукопись 43-11 написана на пергамене (358 листов, формат 340 x 260 мм), текст расположен в 2 колонки по 33 строки в каждой. В состав рукописи входят Первая и Вторая Партиды, при этом рукопись составляет комплект с манускриптом 43-12 той же библиотеки, содержащим Третью и Четвертую Партиды соответственно. Вторая Партида занимает листы с 205r по 358v, при этом на листах с 197r по 204v расположено оглавление Второй Партиды с перечислением всех законов внутри титулов. Датируется рукопись 43-12 4 октября 1414 г., о чем свидетельствует надпись, сделанная писцом на последнем листе.

Рукописи 43-11 и 43-12 переплетены в бумагу и кожу. Бумажные листы переплета имеют филигрань в виде круглого щита (солнца? сферы?), коронованного пятизубчатой короной; в поле вписана восьмилучевая звезда, сильно вытянутая по вертикали, у ее лучей буквы S и A. От двух

нижних лучей звезды отходит вниз подвеска, включающая в себя буквы D и P и завершающаяся трехлепестковым цветком. Обнаружить эту филягрань или похожую на нее в издании Ш.М. Брикe мне не удалось.

Первые листы каждой из четырех Партид украшены растительным орнаментом. В орнамент титульного листа Первой Партиды (f. 1v) по четырем углам вписаны четыре фигуры пророков Аввакума, Давида, Исаяи и Иеремии. По четырем сторонам листа в орнамент вписаны четыре ангела, двое из которых, занимающие вертикальные поля, держат каждый по посоху, двое же, размещенные на верхнем и нижнем полях соответственно, поддерживают гербовые щиты. Герб на щите разделен на четыре четверти, в первой и третьей из них на синем фоне золотые прорезные кресты, каждый из четырех концов которых заканчивается цветком лилии; во второй и четвертой четвертях на червоном фоне золотые замки о трех башнях каждый. На титульном листе третьей Партиды (Ms. 43-12, f. 2v) фигуры отсутствуют, гербовый щит только один, вплетенный в орнамент по нижнему полю листа. Четверти на гербе перепутаны, в результате первая и третья заняты золотым замком на червоном поле, вторая и четвертая – золотым прорезным крестом на синем фоне. Титульные листы Второй и Четвертой Партид, соответственно, гербов не имеют, украшены растительным орнаментом, обвивающим лист по периметру. Инициалы титульных листов украшены геометрическим орнаментом с золотой краской; инициалы титулов и законов, значки параграфов выписаны красным и синим попеременно.

Оглавление Партиды, расположенное на ff. 197r–204v, соответствует *versio primitiva*. Текст, по внешним признакам, соответствует *versio elaborata*. При ближайшем рассмотрении становится понятно, что писец, по всей видимости, имел перед собой обе версии, причем ему лично казалась привлекательнее *versio primitiva*, в то время, как писцу-рубрикатору, расставлявшему заголовки и, очевидно, руководившему процессом, ближе была *versio elaborata*, освященная на тот момент королевским авторитетом.

Рукопись была заказана Хуану Альфонсо Трухильо его патроном, архиепископом Толедо доном Педро де Луна, племянником антипапы Бенедикта XIII. Однако адресатом рукописи был не сам архиепископ, а еще один из его воспитанников и доверенных лиц – Хуан Мартинес де Контрерас, в то время декан капитула Толедского собора, а в 1423–1434 гг. – архиепископ Толедо. Именно Контрерасу принадлежит герб, украшающий титульные листы Первой и Третьей Партид. Прелат, в отличие от своего покровителя, был юристом по образованию, недавно, на тот момент, закончившим Саламанкский университет со степенью бакалавра права и лиценциата канонов.

Начата рукопись была при жизни архиепископа де Луна, и первый том был расписан еще при нем. Второй, включивший в себя Третью и Четвертую Партиды, был закончен после смерти заказчика, на что указывают слова «да простит его Бог» (*que Dios perdone*) в записи, закрывающей рукопись 43-12. По всей видимости, именно смертью Педро де Луна и,

как следствие, прекращением оплаты, следует объяснять и худшее качество орнамента в рукописи 43-12 по сравнению с 43-11 (в частности, перепутанный герб), и остановку работы на Четвертой Партиде. Можно предположить, что, будь архиепископ Луна еще жив, его воспитанник мог бы получить в подарок полный комплект из Семи Партид. После смерти Хуана Мартинеса де Контрераса его наследником стал капитул Толедского собора. По всей видимости, рукописи Партид, среди прочих книг архиепископа, вошли в состав библиотеки капитула и оставались там все последующее время вплоть до наших дней.

Как и во всех остальных подарочных рукописях, в 43-11 практически совершенно отсутствуют маргиналии. Несколько пометок, встречающихся на полях у начала титулов и некоторых законов представляют собой черновые подписи названий соответствующих законов или титулов, сделанные, явно, для того, чтобы облегчить рубриковку его дальнейшую работу. Никаких других глосс нет, что совершенно явно указывает на то, что рукопись воспринималась Х.М. де Контрерасом именно как дорогой подарок и, хотя, возможно, и хранилась на почетном месте, все же совершенно не использовалась как свод законов.

А.В. Матисон (Москва)

«Генеалогические казусы» в истории православного духовенства России по материалам духовных консисторий

Интересной составляющей истории и родословия представителей различных сословий являются т. н. «генеалогические казусы», информация о которых щедро разбросана в разнообразных источниках. На первый взгляд, они представляют собой единичные факты, являющиеся скорее исключениями из общих принципов взаимодействия множества лиц в рамках единых социальных групп, в том числе и в сфере семейно-родственных отношений. В то же время, подобные казусы, именно в силу своей необычности, а порой и исключительности, некоторым образом «оттеняют» общую картину генеалогических связей и позволяют порой лучше понять ее особенности.

При изучении генеалогии православного духовенства России одной из основных категорий источников, где можно обнаружить сведения о «генеалогических казусах», являются делопроизводственные материалы духовных консисторий, отложившиеся в региональных архивах. Они включают многочисленные дела о назначениях, рукоположениях в сан, перемещениях, выходе за штат клириков, их матримониальных связях, взаимных тяжбах, жалобах священно-церковнослужителей на имя правящих архиереев и т. д.

В настоящем сообщении приводятся сведения об одном из подобных «генеалогических казусов», связанном со вступлением в 1780-е гг. в брак молодого причетника Тверской епархии. Эти сведения сохранились в документах духовной консистории, находящихся в Государственном архиве Тверской области (ГАТО. Ф. 160. Оп. 6. Д. 2645).

В XVIII столетии среди различных категорий населения продолжала сохраняться давно сложившаяся практика довольно раннего супружества. Согласно церковным установлениям, прописанным в «Номоканоне» (правило 53), минимальным возрастом вступления в брак для юношей считалось 15 лет, а для девушек — 13 лет.

Иногда, впрочем, случались нарушения даже этих весьма мягких норм, и возраст одного из супругов мог оказаться ниже положенного. Что удивительно, это происходило даже в среде духовенства, несмотря на то, что сами клирики и были призваны следить за соблюдением указанных правил. Все подобные случаи неизменно становились предметом рассмотрения в духовной консистории.

В 1787 г. один из благочинных донес в консисторию, что годом ранее священник погоста Черных Ручьев Вышневолоцкого уезда Филипп Сергеев обвенчал 12-летнего дьячка погоста Николаевского Раевского того же уезда Григория Самсонова с 23-летней девицей. После этого в консистории было начато длительное разбирательство, в ходе которого были допрошены все причастные к происшествию лица.

Совершивший таинство священник показал, что спрашивал о годах жениха, поскольку счел его малолетним, но причетники, привезшие Григория венчаться, уверили священника, что жениху 15 лет, а невесте — 17.

В ходе допроса матери Григория — вдовой дьячихи выяснилось, что именно она, «положив намерение за одиночеством и не имением работников женить сына своего объявленного дьячка Григорья, несмотря на его маловозраство, понудила его к оной женитьбе». По просьбе вдовы несколько причетников повезли ее сына и женили на племяннице упомянутого священника погоста Черных Ручьев Филиппа Сергеева — Евдокии Ерофеевой.

Сам дьячок Григорий Самсонов свидетельствовал, что возраста своего не знает, к женитьбе его действительно принудила мать, и, хотя он венчаться не хотел, его заставили, бив кнутом. Более того, выяснилось, что Григорий, который к моменту начала следствия уже стал отцом, так как его супруга родила сына Сергея, на самом деле после вступления в брак с женой «плотского сожития не имел и впредь с нею в законном супружестве жить за урослыми ее годами и своим несовершенством не желает».

Была допрошена и его жена Евдокия, которая показала, что «по вступлении в брак с оным мужем своим плотское соитие имела, отчего она, очреватив, и родила прошлаго 787-го года в октябре месяце, а которого числа

не упомнит, сына Сергея. Прелюбодеяния ж она Авдотья ни с кем не чинивала и впредь с оным мужем своим в законном супружестве быть желает».

По представленным выпискам из сказок 4-й ревизии 1782 г. следовало, что тогда Григорий был написан 9 лет, а будущая жена его Евдокия, дочь взятого в военную службу диаконова сына Ерофея Елизарова – 15 лет.

По рассмотрении дела консистория вынесла в 1790 г. решение, которым предписала: брак расторгнуть и обязать «обоих подпискою, чтобы совокупного сожителства не имели ни явно, ни тайно», Григорию по достижении законных лет вступить в новый брак, Евдокию, «яко ввапшую в блудодейство», препоручить для наложения епитимии ее духовнику и, «ежели кто ее согласится взять, за равного ей летами в замужество вступить дозволить», священника, венчавшего брак, лишить сана, а причастных церковнослужителей – их звания. Но поскольку все это произошло до объявления 28 июня 1787 г. Высочайшего манифеста «об отпущении вин всем преступникам, кроме смертоубийства и взятков», то клириков решено было помиловать, подтвердив «наикрепчайшею подпискою», что впредь ничего подобного совершать не будут.

В итоге, через несколько лет после этих событий – в ходе 5-й ревизии в 1795 г., Григорий Самсонов был по-прежнему показан дьячком в погосте Раевском, но женатым уже на девушке младше его тремя годами (дочери умершего священника Вышневолоцкого уезда), а Евдокия Ерофеева – выданной в 1794 г. замуж за крестьянина Вышневолоцкого уезда.

Приведенный случай является исключением из общего правила и представляет как раз необычный «генеалогический казус» в матримониальных практиках православного духовенства, изучение которых показывает, что обычно жених и невеста либо не имели существенной разницы в возрасте, либо жених был старше невесты на несколько лет.

А.Г. Мельник (Ростов)

Монастырские обиходники как источник по истории почитания святых в конце XV – XVII вв.

Почитание святых представляло собой характерную черту религиозной жизни русских монастырей конца XV – XVII вв. В ходе изучения этого феномена необходимо найти ответы на следующие вопросы. Каких святых выделяли из всего сонма угодников Божиих и особо почитали в определенном монастыре? Какова была иерархия этих святых в представлении соответствующего монастырского сообщества? Каковы были особые практики почитания тех же святых? Одним из источников, позволяющих ответить на эти вопросы, являются монастырские обиходники.

На поставленные вопросы данные источники редко отвечают прямо и определенно. Поэтому при раскрытии избранной темы приходится опи-

раться, в основном, на их косвенные свидетельства. Что же это за свидетельства?

В обиходниках обычно описываются «кормы», иначе говоря пиршества, полагавшиеся в дни праздников избранных святых. Практика «кормов» свидетельствует об особом признании в определенном монастыре указанных угодников Божиих. Они в глазах его насельников стояли явно выше всех остальных подвижников благочестия.

Существенно, что «кормы» в дни празднования памяти святых не были одинаковы, напротив, они отличались по количеству и качеству блюд и напитков.

Например, согласно обиходнику Троице-Сергиева монастыря 1590 г., самый скромный «корм» составляли «рыба да пиво сычено». Он полагался в праздники святых князя Владимира, Дмитрия Прилуцкого, Михаила Черниговского и Феодосия Печерского.

Более богатый «корм» – «колачи да рыба, по три меры меду» – подавался в праздники святых Варлаама Хутынского и Алексея митрополита. По-видимому, сходный по богатству стол – «ества, рыба и по три меры меду» – бывал в праздники святых Леонтия Ростовского, Кирилла Белозерского, Бориса и Глеба.

Несколько более обильный «корм» подавался в праздник Петра митрополита – «колачи да изъеда, да рыба и по три меры меду».

Наконец, самые богатые столы имели место в праздники св. Никона Радонежского – «калечи да рыба, да икра, пироги и оладьи, да по четыре меры меду» – и св. Сергия Радонежского – «корм большей, колачи и рыба, пироги и оладьи, да по пяти мер меду».

Надо полагать, чем более значим был святой в глазах троицких монахов, тем более богатый «корм» полагался в день его праздника.

Для избранной темы важно, что в Троицком обиходнике 1590 г. указаны виды богослужений, полагавшихся в праздники святых, – либо «бдение» (всенощное бдение), либо «большая вечерня» (великая вечерня). Конечно, всенощное бдение обозначало более высокий статус святых по сравнению с подвижниками благочестия, в праздник которых отправлялась великая вечерня.

В Троицком обиходнике 1590 г. явно прослеживается соответствие между видами богослужений и богатством «кормов». Так, святым (князь Владимир, Дмитрий Прилуцкий, Михаил Черниговский, Феодосий Печерский), в дни памяти которых подавался самый бедный «корм», полагалась лишь «большая вечерня». В праздники же остальных упомянутых подвижников благочестия, отмечавшиеся более обильными «кормами», осуществлялось всенощное бдение. Следовательно, по разнице в видах богослужений и в богатстве «кормов» можно определить различия в степени почитания избранных святых или, иными словами, их иерархию в представлении монастырского сообщества.

Судя по обиходникам, в некоторых монастырях были выработаны особые практики почитания «своих» святых, то есть тех подвижников благочестия, мощи которых в них покоились. Например, в Троице-Сергиевом монастыре в праздник масленицы осуществлялся ритуал поклонения монастырской братией раке с мощами св. Сергия; в Кирилло-Белозерском монастыре в праздник св. Кирилла настоятель облачался на службе в ризы этого преподобного, а небогатым богомольцам раздавали куски хлеба; в Иосифо-Волоколамском монастыре в праздник св. Иосифа Волоцкого всех пришедших в обитель кормили и подавали им деньги. Характерно, что «свои» святые в представлении насельников соответствующих монастырей всегда стояли выше всех остальных почитаемых подвижников благочестия.

В.В. Мильков (Москва)

Особенности трансляции естественнонаучных сведений античного происхождения в «Толковую Палею»

В «Толковой Палее» (далее – ТП) присутствует пласт научных сведений, восходящий к трудам античных авторов. К составителю ТП эти данные попадали из вторых рук, в процессе компоновки компилятивного ядра произведения. В памятнике, как и в произведениях экзегезы, наибольшее количество естественнонаучной информации присутствует в шестодневном разделе ТП. В части естественнонаучных данных ТП демонстрирует значительную зависимость от «Шестоднева» Иоанна экзарха Болгарского (далее – Ш) и его богословских источников.

Наибольшее количество наукозначимой информации воспроизводится в разделе, который озаглавлен «Слово о частях и членах человеческого тела» (ГИМ. Барс. № 620. Л. 28в–30а, здесь и далее отсылки даются на эту рукопись). Данный текст читается во всех редакциях ТП: толковой, коломенского типа; хронографической; промежуточной, соединяющей в себе признаки обоих этих видов. Относящийся к описанию устройства и функционирования человеческих органов комплекс анатомических сведений предположительно восходит к трактату Милетия «О естестве человека». Трактат был включен Иоанном экзархом в Ш (*Трифонов Ю.* Иоанн Экзарх Български и негово описание на човешкото тяло // Български преглед. 1929. Т. 1. Кн. 2. С. 165–202). Затем выборка из него воспроизведена в ТП (*Славова Т.* Тълковната Палея в контексте на старобългарската книжнина. София, 2002. С. 169–178). В сюжете излагалась христианизированная версия античных анатомо-антропологических данных, что при отсутствии в христианском регионе практики анатомирования умерших раскрывало тайну телесного устройства.

Вслед за Платоном и Аристотелем признаком, отличающим человека от животных, названо устремление головы вверх. При этом повторяется аристотелевское заблуждение, что мужские черепа, в отличие от женских, не имеют швов (Л. 28г; ср.: История животных. I. 40). Далее повествуется о том, что черепной костной коробкой охватывается мозг, к которому от глаз, ноздрей и других органов тянутся «корни» (жилы). В такой форме отразилось характерное для Аристотеля понимание жил как нервов, передающих сенсорные восприятия в мозг. Мозг человека, согласно ТП, не имеет сосудов, поэтому он холоден и любит теплоту. Тезис о бескровности мозга был обоснован Стагиритом в «Истории животных» (I. 67, 75–80). Этот орган назван вместилищем ума, которому, словно царю, повинуются тело, душа и сердечные желания (Л. 28г–29а). Понятие ума-владыки, локализуемое в мозгу, соответствует платонической традиции (Тимей. 73b-d; Федр. 249b-c; Федон. 66a-b). Мнение Аристотеля, который считал сердце центром нервно-психической деятельности, также отражено. Согласно палейному описанию, сердце находится в срединном месте со смещением в левую часть груди. Оно, в духе Аристотеля, названо «владыкой тела» (История животных. II. 49). Анатомически описаны легкие и селезенка, которая тонким сосудом соединена с кровеносной артерией (Л. 29г–30а).

Наряду с внутренними органами истолковывается действие и назначение внешних частей тела, в первую очередь тех, которые связаны с работой сенсорных механизмов. В произведении сообщалось, что звучащее слово по общей для ушей, глотки и губ жиле достигает ума. Сам же ум, согласно ТП, бесплотен и способен охватывать то, что вне чувств. Подчиняя себе «телесный сосуд», он стремится к небесному, чему препятствует порабощение плотскими влечениями (Л. 29а–29в). Ум здесь, соответственно с доктринальными установками, выступает орудием познания высшего порядка, поскольку идеальная сфера не подвластна чувствам.

В связи с объяснением механизма сенсорных восприятий дается представление о внутреннем ухе, благодаря которому осуществляется восприятие речи. Носу, кроме способности к обонянию, приписывается функция прокачки воздуха в грудь и гортань. Язык – не только орган распознавания вкуса. Вместе с нёбом (гортанью) он образует дыхательный механизм, который продолжается уходящим внутрь каналом (Л. 29г). Эти сведения восходят к «Истории животных» Аристотеля. Анатомический и сенсорный блоки объединяет общее для них стремление раскрыть механизм работы телесных органов.

Еще один блок естественнонаучных сведений содержится в «природоведческих» сюжетах ТП. Например, опреснение соленых вод объясняется фильтрацией их на путях прохода к земной поверхности через многочисленные подземные жилы (Л. 5а–5б). Механизм опреснения воспроизводится по Василию Великому, который, в свою очередь, излагал положение

ния Аристотеля (Метеорологика. А XIII. 351a, 352в; В XIII. 365в 25–35, 366a 5). Сам же фрагмент является пересказом текстов Василия из III. Раздел о круговороте воды в природе и об испарении, как причине насыщения небесного воздуха влагой (Л. 56–5в), так же восходит к III., который воспроизводит аргументацию Аристотеля в пересказе Василия Великого. К Аристотелю восходят сюжеты о самозарождении некоторых видов жизни (Л. 15а–15б; ср. История животных. V. 3, 6, 61, 141, 144).

В космологическом разделе приводятся интересные данные о размерах небесных тел. Окружность Земли определяется в 250 000 стадий, а ее поперечник в 80 000 стадий; по тем же параметрам размеры Луны – 120 000 и 40 000 стадий, а солнце только в поперечнике имеет 3 000 000 стадий (Л. 14а–14б). Сопоставимый сюжет имеется в III, где числовые характеристики несколько отличны и прилагаются к измерению шаровидных космических объектов. В нашем тексте показания близки расчетам Эратосфена Киренского (276–194 гг. до н.э.), который определял земную окружность в 250 000 стадий. Составитель ТП был принципиальным сторонником плоскостно-комарной космологии (Л. 2г–3б). Соответственно параметры небесных объектов, описывавшихся в геоцентрической парадигме, он переосмыслил в духе плоскостно-комарного мироустройства, представляя землю круглым плоским диском.

Сопоставление ТП с III выявляет сильное сокращение первоисточника, в результате чего происходило «вымыывания» научного компонента. В антропологическом разделе составитель ограничился только теми фрагментами, которые имеют отношение к чувству и мысли, т. е. резко сместил акцент с анатомо-физиологической тематики на специфически гносеологическую. Составитель существенно минимизировал связанные с чудом для него геоцентризмом научные данные.

Однако и после сокращения шестодневные разделы ТП выглядят по-научному конкретными и содержат значительный объем положительных знаний о физической части мироздания. Это дает основание относить памятник к разряду средневековых энциклопедий. Можно говорить о влиянии древнейшей славянской энциклопедии на древнерусскую и об оригинальной переработке исходных данных составителем ТП.

Н.А. Мининков (Ростов-на-Дону)

Сыскные начальства в войске Донском по документам о движении казаков 1792–1794 гг.

Рост населения на Дону в XVIII в. и усложнение задач внутреннего управления вызвали необходимость разделения обширной территории войска Донского. В целом до XIX в., и особенно до реформы 1835 г., изучено оно слабо. Началом административного деления войска Донского

было разделение его территории в 1743 г. на шесть частей во главе с нарочными старшинами, при которых были команды казаков. В дальнейшем эти части получили название сыскных начальств, поскольку главной их функцией оказался сыск беглых. Такое деление было нечетким и часто менялось. Сведения о нем содержит ряд документов канцелярии войска Донского о массовом движении казаков 1792–1794 гг. против нарушения властями традиций казачьего переселения в связи с необходимостью срочного заселения новой линии по Кубани (фонд 341 Госархива Ростовской области).

Всего к тому времени, по сведениям несколько более поздней войсковой грамоты на Хопер сысному начальнику майору Максиму Ермольеву от 11 августа 1797 г., на Дону имелось 11 сыскных начальств. Из них в документации войсковой канцелярии 1792–1794 гг. упомянуто восемь. В соответствии с традицией, восходящей еще к документации XVII в., поселения казаков – станицы разделялись по рекам, а сыскные начальства охватывали группы станиц по этим рекам. Из этих документов следует, что по Дону имелось пять сыскных начальств, названных по станицам, в которых пребывали сыскные начальники. Самое нижнее по Дону из упомянутых – Кочетовское, в котором сысным начальником был полковой есаул Иван Попов. Следующее вверх по Дону начальство, Цымлянское, упомянуто косвенно. В одном случае казак Цымлянской станицы Петр Тишин ехал в начале декабря 1793 г. «от Цымлянского начальника» в станицу Пятиизбянскую. В другом – в феврале 1794 г. полковой писарь станицы Верхне-Чирской Кондрат Жмурич от бунтовавших казаков «выбежал к цымлянскому начальнику». Чаще упоминалось находившееся выше по Дону Чирское сыскное начальство, на территории которого располагалось пять «буйственных» станиц – Пятиизбянская, Верхне-Чирская, Нижне-Чирская, Кобылянская и Есауловская. В декабре 1793 г. в это сыскное начальство посылался рапорт старшины Алексея Туроверова. Сысным начальником в этом начальстве был премьер-майор Варлам Денисов. В рапорте о событиях в Нижне-Чирской станице от 12 ноября 1793 г. упомянута канцелярия этого начальства. Очевидно, что свои канцелярии были и в других сыскных начальствах. Еще выше по Дону располагалось Качалинское сыскное начальство. В документах 1793–1794 гг. названы станицы, относящиеся к нему. Помимо самой Качалинской, из числа входивших в это начальство станиц в документах того же времени названы станицы Трех Островянская, Иловлинская, Старогригорьевская, Новогригорьевская и Кременская. Самым верхним по Дону сысным начальством было Казанское. В его составе, кроме самой верхней по Дону станицы Казанской, упомянута в рапорте о событиях октября 1793 г. станица Мигулинская в связи с тем, что казаки этой станицы так же, как в «буйственных» станицах Чирского сысного начальства, отказывались принимать войсковую грамоту о переселении на Кавказ. Сысным на-

чальником этого начальства в документах назван капитан Каньков.

Больше всего документов за 1792–1794 гг. относятся к Нижнему Хоперскому сыскному начальству, начальником которого был полковой есаул Иван Екимов. Центром начальства была самая нижняя станица по Хопру Букановская, рапорты из станиц направлялись «в Буканов». Самой верхней по Хопру станицей, входившей в это начальство, была Тишанская. В это же начальство входила самая нижняя станица по Бузулуку – Алексеевская. Из этой станицы направлялся рапорт И. Екимову в Букановскую от 3 сентября 1792 г. об отбытии из станицы казаков, снаряженных на Кавказскую линию. В то же время в составленном вскоре в Нижнем Хоперском начальстве реестре об отправлении казаков из станиц этого начальства на Кавказскую линию Алексеевская не названа в числе станиц, входивших в него. Значительно реже упоминается Верхнее Хоперское сыскное начальство, несмотря на то, что в станице Михайловской этого начальства в конце 1793 г. было активное выступление казаков против принятия грамот на переселение. В это начальство входили станицы от самой верхней по Хопру Михайловской до Бурацкой, находившейся выше Тишанской из Нижнего Хоперского сыскного начальства. Сыскным начальником упомянут секунд-майор Иван Погорелов. Станицы по Медведице входили в состав Медведицкого сыскного начальства. Его начальник, войсковой толмач Котломин упомянут в документах конца 1793 г. в связи с выступлением казаков в станице Раздорской на Медведице.

Не были упомянуты три сыскных начальства. Одно из них – Донецкое. На его территории отказывались принимать грамоты на переселение казаки станицы Каменской. Сыскное начальство было и в станицах по Дону ниже Кочетовской. Не было упомянуто еще одно сыскное начальство по Верхнему Дону, которое находилось между Казанским и Качалинским. К этому начальству относились станицы от Усть-Хоперской и Усть-Медведицкой до Кременской, входившей в Качалинское начальство. Но в станицах этого начальства принятие войсковых грамот прошло спокойно, и поэтому о сыскном начальстве, к которому они относились, в документах канцелярии войска Донского того времени не говорилось. Сыскные начальники, как известно из упоминавшейся грамоты майору Ермольеву, не получали жалованья, назначались «из достойных чинов» и через год или через два менялись. Отсутствие жалованья по этой службе могло быть причиной столь частой смены. Были также у них «наставления о произвождении судов и о колодниках», присылавшиеся из войска Донского. По новому порядку, известному из грамоты 1797 г., в сыскные начальства назначались по трое судей с жалованьем «из станичных доходов». Количество сыскных начальств было сокращено до семи. Еще одно разделение на семь сыскных начальств было в 1802 г. Новым начальством стало Миусское, где не было казачьих станиц.

Французская политическая эмблематика периода революции XVIII века

В годы Войны на независимость США 1775–1783 гг., в которой Франция принимала самое активное участие, в обществе наметилась тенденция к использованию новых политических эмблем. Развитие в стране научных и тайных обществ, салонов, интеллектуальных центров, формирование независимого общественного мнения способствовало быстрому росту популярности новых идей, а вместе с ними и интереса к новым эмблемам. Заметим, что эти процессы происходили в рамках всё ещё сословного общества Старого порядка, где существовала регламентированная геральдическая система.

Заседания Генеральных штатов в мае 1789 г. начались с шествия герольдов, и то было одно из последних появлений этих вестников традиции на публике. По мере развёртывания событий в 1789–1799 гг. появлялись всё новые условно-символические изображения определённых понятий или идей, а также репрезентации важнейших революционных событий. В этом процессе использовались многочисленные образы Античности, галльских традиций, символы Века Просвещения. Перевозбуждённое французское общество, охваченное революционным «неврозом», спешно и неразборчиво искало всё новые и новые символы сначала для выражения социального протеста, а затем для обозначения новых политических мифов, других политических категорий, а также новых социальных статусов. Одновременно с этим встал вопрос и о ликвидации геральдической системы Старого порядка, служившей ярким олицетворением монархии. Вместе с тем процесс уничтожения геральдического наследия – гербов, печатей, системы государственных наград, а также проявлений политической королевской пропаганды на произведениях искусства происходил в революционной стране очень прерывисто и неравномерно.

Несмотря на обширную двухвековую историографическую традицию изучения различных аспектов Французской революции, историография истории геральдики этого периода небогата и часто связана с изучением рождения новой революционной эмблематики (упомянем труды А. Коетлогона, Л.-М. Тиссерана, Р. Матьё и Э. Пиното). Отказ от геральдики и символов монархии происходил в два этапа. Сначала декретом 19 июня 1790 г. упразднялось французское дворянство, а вместе с ним и гербы. Специальных актов о ликвидации гербов и создании новых эмблем не издавалось, все эти эмблемы (триколор, кокарда, девизы, аллегии, печати, деревья свободы и т. д.) рождались стихийно и область их применения не имела каких-либо явных границ. Затем, уже после свержения монархии 10 августа 1792 г., началась череда актов Конвента: об уничтожении коро-

левских печатей 6–8 октября 1792 г., ликвидации гербов на зданиях, других объектах, декреты от 4 июля, 1 августа, 14 сентября и 24 октября 1793 г. об уничтожении монархических гербов и эмблем на государственных зданиях и церквях. Конвент старался регламентировать действия агентов в департаментах, но не мог обуздать ни парижских активистов, ни волны народного вандализма на местах, уничтожавшие под предлогом борьбы с «эмблемами гнусного феодализма» памятники культуры.

Новая политическая эмблематика рождалась ситуативно, и авторы эмблем остаются в тени легенды: в июльские дни 1789 г. появилась кокарда и сложились цвета национального флага, в апреле 1792 г., во время начала войны против антифранцузской коалиции укрепляется традиция сажать деревья свободы, после упразднения дворянства и титулов в июне 1790 г. фригийский колпак стал появляться в качестве нового символа нации и занял доминирующее положение к лету 1792 г. С появлением в качестве основного центра власти Конвента, а затем после 1795 г. поменялась структура власти и в департаментах, потребовались новые репрезентации власти с помощью актуальных и популярных эмблем, однако до 1799 г. в этом вопросе наблюдался плюрализм. Все ведомства, комиссары, департаменты, чиновники, армии имели свои собственные эмблемы. Единой утверждённой республиканской эмблемы не существовало, а каждая политическая группа, получавшая власть, стремилась создать собственные эмблематические репрезентации. Попытка создать и утвердить единую печать республики (декреты 17 ноября 1793 г. и 15 февраля 1794 г.) предполагала, что на ней будет изображён высокий обнажённый человек с палицей и с фигурой свободы, но эта попытка не увенчалась результатом. Конкуренцию «Геркулесу» создавала аллегория Франции как женщины, восседающей в кресле или стоящей с республиканским щитом и копьем в позе Афины. Часто в качестве основной эмблемы использовался революционный трофей, не имевший официального статуса, составленный из заимствованных у Античности элементов: фасций, секир, дубового или лаврового венка, национальных флагов с лозунгами, элементов вооружения, фригийского колпака, различных животных.

Важную роль в формировании республиканской политической эмблематики сыграла и масонская символика. Поскольку представители просвещённой элиты нередко являлись членами лож, многие важные её элементы (циркуль, наугольник, отвес, раскрытая книга, меч, улей, змей, пожирающий свой хвост, рукопожатие, звезда в лучах и др.) стали системообразующими элементами французской системы, затронули эмблематику «дочерних республик» и периодически появлялись в гербах и эмблемах XIX в.

Символика народного (и шире – социального) протеста эпохи Революции изучена недостаточно. Речь идет не только о восстаниях парижан 1792–1793 гг., но и о восстаниях в жерминале, прериале и вандемьере (1795 г.), не только о движении мюскаденов, но и о восстании в Вандее, о

движении шуанов, а также о многих роялистских восстаниях на юге Франции. Народные движения обладали своей эмблематикой, основанной на дореволюционной системе. Самым известным элементом этой эмблематики являлось Сердце Иисуса с крестом на белом поле, но эта система имела строго региональный характер.

Е.Ю. Мокерова (Киров)

К вопросу о датировке погребений вятских марийских могильников по нумизматическим материалам

В правобережье Средней Вятки проживает группа луговых мари, которые представляют собой «определенную целостность» и выделяются как «вятские марийцы» (*Шанран И.Г., Сенникова Л.А.* Вятские марийцы XVI–XVIII вв. Ижевск, 2014. С. 5).

На данный момент археологам известно 14 правобережных и два левобережных вятских могильника, часть из которых содержала нумизматический материал – монеты и счетные жетоны. Наиболее изучены нумизматические материалы Кадочниковского и Грековского могильников XVI – начала XVIII в. Следует отметить, что по количеству зафиксированных монет (140 и 437 экз.) эти кладбища выделяются не только среди вятской группы, но и среди всех марийских могильников (более 110 могильников, количество монет варьируется от трех до 62, исключение Картуковский могильник – 236 монет).

В ходе изучения нумизматических комплексов из захоронений Кадочниковского и Грековского могильников выяснилось:

1. Именно монеты дают опорную дату как всего марийского могильника, так и отдельных типов вещей в погребениях. Предметы из погребального инвентаря хозяйственно-бытового назначения аналогичной точностью не обладают. При этом, решая вопрос о правомерности датировки погребений по нумизматическим материалам, необходимо учитывать невозможность их безоговорочного использования в качестве хронологического маркера, так как существует период между временем чеканки и временем доставки нумизматических материалов на изучаемую территорию, а также временем функционирования монет и жетонов в среде местного населения до выпадения их в захоронения.

2. По периодизации Т.Б. Никитиной время существования кладбищ относится к четвертому этапу развития марийского этноса (*Никитина Т.Б.* Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола, 2002. С. 216). Могильники являются дохристианскими; погребальный инвентарь, в том числе и нумизматический материал, связан с языческими верованиями мари (для загробной жизни, строгого судьбы – одного из трех владык загробного мира и т. п.).

3. Основная масса нумизматического материала в захоронениях (серебряные проволочные монеты – денги и копейки – практически всех российских правителей XVI – начала XVIII в.) была изучена с помощью метода поштемпельного анализа. Однако следует обратить внимание на то, что значительная часть монет имеет плохую сохранность, поэтому определение некоторых типов и датировок может быть подвергнуто пересмотру и изменению атрибуции.

4. Монеты, найденные в погребениях, были разделены по их назначению на две категории: этнографические (украшения костюма) и культовые («обол мертвых»). Основным признаком, по которому было проведено разделение монет на две группы – это наличие или отсутствие отверстия/ий на монете для подвешивания (нашивки на основу). Однако такое деление монет носит весьма условный характер, что связано с неоднозначностью их функционирования. Монета с отверстием (украшение) в случае необходимости выполняла функцию платежного средства. По сравнению с ранним средневековьем, признак местоположения монеты в могиле не играл решающего значения (в большинстве случаев местоположение монет – украшений и «оболов мертвых» – совпадало, это области черепа, предплечья, груди, пояса).

5. Значительное число погребений, в которых зафиксировано совместное нахождение монет – украшений костюма и «оболов мертвых», – было продатировано по монетам-украшениям. Хотя следовало бы ожидать датировок в подавляющем большинстве по монетам – «обол мертвых», так как монеты-украшения проходили более длительный путь до попадания в захоронения, чем монеты другого назначения.

6. В ряде могил обнаружены немецкие счетные пфенниги 1586–1635 гг. Они были использованы как датирующий материал в случае отсутствия монет в могилах. Вопрос датировки погребений, где были сделаны совместные находки жетонов и монет, не может быть разрешен однозначно (слишком большой хронологический диапазон выпуска немецких жетонов) и остается открытым.

7. При датировке захоронений учитывалось «несоответствие» времени чекана монеты периоду правления царя, имя которого обозначено на монете: например, имя Федора Ивановича (1584–1598) на копейках Б.Ф. Годунова (1598–1605) или II земского ополчения 1612 г. и т. п.

8. Проанализировав датировки погребений Кадочниковского и Гревковского могильников по нумизматическим материалам, мы можем констатировать неравномерное попадание монет в погребения в различные хронологические периоды и различия по назначению. Могила XVI в. составляют 1/3–1/5 часть всех захоронений, в них находилось от 1/3 до 1/7 части монетного комплекса, при этом подавляющее большинство монет – «обол мертвых». В первой половине XVII в. наблюдается некий «всплеск» активности применения монет в погребальном обряде (поло-

вина всех монет Кадочниковского могильника и 3/4 монет Грековского могильника), они зафиксированы и в женских, и в мужских, и детских могилах. Появившиеся монеты-украшения резко преобладают над «оболом мертвых» (почти в два раза). А также именно в этот период для украшений используют немецкие счетные жетоны. Далее, во второй половине столетия, происходит резкое снижение количества монет обоих видов, и в начале XVIII в. после денежной реформы Петра I – практически угасание функции монет как элемента погребального инвентаря. Возможно, монеты теперь переходят из погребального в поминальный обряд.

В целом по нумизматическим материалам было определено время функционирования для Кадочниковского могильника – не ранее 30-х гг. XVI в. – после 1710-х гг., для Грековского – с начала XVI до конца XVII века.

Б.Н. Морозов, Р.А. Симонов (Москва)

Неизвестное практическое пособие по определению фаз луны конца XVII – начала XVIII века

В частной коллекции М.С. Бывшева в Москве находится деревянная доска иконного типа (размером: 26 x 23,5 x 2 см) с двумя антропоморфными цветными изображениями луны, на фоне звезд, в обрамлении двух концентрических колец. На верхней половине внутреннего кольца расположена шкала с индоарабскими (современными) цифрами, с числами от «1» до «31».

На нижней половине внешнего кольца расположена шкала из кириллических цифр, которыми были записаны числа от «1» до «19». Счет чисел начинается с «А» (1), находящейся в середине шкалы, с последовательностью следующих чисел натурального ряда через семь знаков (передаются нами современными цифрами): «8», «19», «11», «3», «14», «6», «17», «9», «1», «12», «4», «15», «7», «18», «10», «2», «13», «5», «16».

Каждой из данных шкал соответствует изображение одной из двух лун, расположенных «валетом». Между лунами находится небольшой кружок в самом центре изображения. Кружок, сделанный из картона, является следом некоего устройства, основанием которого кружок и являлся. По-видимому, с помощью этого устройства можно было определять фазы луны. Семь лунных дней определяли фазу луны. Чтобы число лунной фазы совпало, должно было пройти 19 лет. Это знание относится ко временам античности (цикл Метона, IV в. до н.э.).

Следовательно, с помощью этого пособия определяли лунные фазы. В зависимости от месяца, пользователи этого пособия могли устанавливать, когда начинается в данном календарном месяце лунный месяц. Возможно, это определялось с помощью подвижного устройства, ныне утраченного.

Данный предмет является уникальным, но, вероятно, использовался в практическом обиходе. Очевидно, он был изготовлен профессионалом, художником (иконописцем). Позднейшие владельцы подобных предметов могли принимать их за гадательное приспособление и скрывали, отсюда их редкость.

Традиция подобных пособий в России в конце XVII – начале XVIII в. существовала, но изучена недостаточно. Можно указать существовавшую подвижную схему, встречающуюся в рукописных памятниках. С ее помощью можно было по форме диска луны определить ее возраст, т. е. день лунного месяца (*Симонов Р.А.* О подвижной схеме для определения «возраста» луны в Миротворном круге из собрания РГБ // Семинар «Традиционная этническая культура. Народные знания». 19 ноября 1996 г. Информационный бюллетень № 2. М.: И-т этнологии и антропологии РАН, 1997. С. 4).

В последнее время повысился интерес к изучению традиции подобных знаний. На прошлой XXVIII конференции ИАИ РГГУ был сделан доклад, посвященный неизвестному календарно-астрономическому тексту (*Козлова А.Ю.* Дробные часы в тексте «Толковой Палеи» // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Мат-лы XXVIII Междунар. науч. конф. Москва, 14–16 апр. 2016 г. М., 2016. С. 279–281). Автор опубликовала текст, который нуждался в математической расшифровке. Расшифровка показала, что текст представляет собой расчетную модель изменения геометрии лунного диска по лунным фазам (*Симонов Р.А.* Расчетное моделирование изменения лунного диска (по списку XVII в. «А егда будет Луна») // Гуманитарный вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана . 2016. № 9 (47). С. 1–14).

Введение данного пособия в научный оборот расширяет наши знания о практической астрономии в России раннего Нового времени.

Л.Е. Морозова (Москва)

К вопросу о происхождении Собакиных

В исторической литературе утвердилось мнение, что третья супруга царя Ивана Грозного Марфа Васильевна Собакина принадлежала к художной семье провинциальных дворян. С.М. Соловьев даже считал, что её родственники были новгородскими купцами (*Соловьев С.М.* Сочинения. Книга 3. М. 1989. С. 679).

А.А. Зимин относил Собакиных к опричникам и полагал, что они были в родстве с Малютой Скуратовым (*Зимин А.А.* В канун грозных потрясений. М. 1972. С. 17, 20). Б.Н. Флоря утверждал, что отец Марии В.С. Собакин был из числа коломенских детей боярских (*Флоря Б.Н.* Иван Грозный. М. 2002. С. 275).

Сами Собакины объявили своим родоначальником выходца из Дании Ольгерда Прегу, который поступил на службу к тверскому князю Михаилу Ярославичу в 1294 г. и женился на его сестре Ярославе. В крещении он якобы получил имя Дмитрий (*Лобанов-Ростовский А.Б.* Русская родословная книга. Т. 2. СПб. 1895. С. 228).

Однако эта версия не выдерживает никакой критики. Выходец из Дании никак не мог носить имя Ольгерд, типичное для литовцев, и быть в XIII в. язычником. Не мог он и жениться на несуществующей тверской княжне.

На страницах летописных источников, начиная с XIV в., можно обнаружить имена реальных представителей рода Собакиных. Например, в летописной редакции родословных книг XVI в. указано, что при дворе великого князя Василия I седьмое место среди боярынь занимала Ульяна Собакина. При этом первое место было у княгини Анны, жены князя Юрия Патрикеевича и сестры великого князя. Второе занимала Анастасия, жена тысяцкого Василия Вельяминова, третье – Анна, жена боярина И. Морозова, четвертое – Марья, вдова Микулы Вельяминова и сестра великой княгини Евдокии Дмитриевны, пятое – Агрофена, жена Ивана Хромова, шестое – Марья Полуехтова (*Редкие источники по истории России.* Т. 2. М. 1977. С. 63).

Все эти женщины, как известно, были либо близкими родственницами великого князя, либо приходились женами видным боярам. Значит, и Ульяна Собакина была из их числа.

Далее во многих летописях указан московский боярин Василий Иванович, который в 1437 г. вместе с другим боярином из рода Кобылиных – Андреем Федоровичем Голтыевым, родственником великой княгини Марии Ярославны, участвовал в важных переговорах с послами ордынского хана Улу-Мухаммеда (*Московский летописный свод конца XV в.* Рязань, 2000. С. 353). Позднее Собакины и Кошкины даже породнились с помощью брака Тимофея Собакина с боярышней Кошкиной.

Все эти сведения говорят о том, что в XIII–XV вв. Собакины были видными московскими боярами. Попробуем определить их происхождение.

В одной из первых родословных книг, составленной в 40-х гг. XVI в. при московском великокняжеском дворе, в разделе о роде Фоминских князей (из смоленской ветви Рюриковичей), указано, что сын Федора Красного Большого Фоминского и бывшей великой княгини Евпраксии Федоровны Иван носил прозвище Собака (*Редкие источники по истории России.* Указ. изд. С. 165).

В летописях указано, что с 1345 г. Евпраксия являлась женой великого князя Владимирского и Московского Симеона Гордого. В 1346 г. без объяснения причин Симеон с ней развелся и вскоре женился на тверской княжне Марии Александровне (*Московский летописный свод.* Указ. изд. С. 239–240).

В родословной книге указывался предлог для развода: Евпраксию на свадьбе якобы сглазили, поэтому для мужа она казалась в постели мертвой (Редкие источники по истории России. Указ. изд. С. 165).

В новом браке с Федором Красным Евпраксия родила четырех сыновей. Второго из них, как уже указывалось, звали Иван Собака. У него в свою очередь было два сына: Семен Трава и Василий Иванович Собакин (Редкие источники. С. 166).

Этот В.И. Собакин, очевидно, и был тем московским боярином, который упоминался в летописях под 1437 г. У него был только один бездетный сын Михаил. На этом, казалось бы, род Собакиных должен был прерваться. Однако, мы вновь находим его представителей в разделе родословной книги о роде Нагих.

С.Б. Веселовский полагал, что Нагие-Собакины пошли от второго сына смоленского князя Константина Давыдовича Фоминского – от Федора Слепого, брата Федора Красного (*Веселовский С.Б.* Ономастикон. М. 1976. С. 33).

У Федора Слепого был один сын Андрей. Его сын Федор отправился служить в Тверь. Там он, очевидно, стал родоначальником Карповых, Нагих и Собакиных (Редкие источники по истории России. С. 166).

По другой версии Нагие пошли от сына Андрея – Григория, у которого было два сына: Семен и Данило Собака. У Семена были следующие сыновья: Иван Нагой, Борис Безум, Федор Свибло, Андрей Снага и Борис. Последние два умерли бездетными.

У Данилы Собаки были два сына: Василий и бездетный Григорий. Сыновьями Василия являлись: Иван, Степан, Григорий (Редкие источники по истории России. С. 177).

Степан Васильевич, очевидно, приходился дедом царской невесте Марфе Васильевне. Отцом ее являлся старший сын Степана – Василий Большой, дядьями – Василий Средний, Василий Меньшой и Григорий. Кроме того, у Марфы были родные и двоюродные братья: Калист, Степан, Семен и Петр (*Зимин А.А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 511).

Такое большое количество родственников мужского пола, несомненно, придавало вес невесте, поскольку в то время считалось, что и сама будущая жена способна родить много мальчиков.

Но главное, что могло привлечь Ивана Грозного к Марфе Собакиной, это то, что, вступая с ней в брак, он следовал сложившейся в великокняжеских семьях традиции – многократно родниться с представителями одного и того же рода. Из составленной при его дворе родословной книги царь мог узнать, что род Собакиных был достаточно древним и знатным, а одна из его представительниц уже была замужем за его предком великим князем Симеоном Гордым. К тому же Марфа состояла в родстве и с его первой супругой Анастасией Романовной.

Все эти достоинства третьей избранницы, видимо, так привлекали государя, что он захотел на ней жениться, несмотря на все время усугубляющуюся ее болезнь. Брак даже был официально оформлен – 28 октября 1571 г., хотя невеста вряд ли вообще могла присутствовать на своей свадьбе. Через короткое время – 13 ноября того же года она скончалась.

Позднее царь официально заявил, что фактически так и не стал супругом Марфы Васильевны Собакиной. Она умерла девственницей.

Совершенно очевидно, что молодая девушка была отравлена придворными интриганами, которые были против возвышения многочисленных Собакиных. Ведь её отец еще до свадьбы получил боярство, два дяди – окольничество, а брат стал кравчим. Но в то время доказать преступление, связанное с отравлением, было невозможно.

В.Д. Назаров (Москва)

К истории рода Соловцовых: Ростовская ветвь

Генеалогия Соловцовых практически не восстанавливается по родословным источникам. Их нет в Государеве родословце и Бархатной книге, а в немногих случаях, когда их роспись есть в частных редакциях родословных книг, наблюдаются большие различия по числу лиц, их именам, в последовательности колен. Причем Соловцовы присутствуют в XVI – начале XVII в. в семи-восьми уездах России. Фиксируются они и в Ростовском уезде, о них и пойдет речь ниже.

В Тысячной и Дворовой тетради указаны семь Соловцовых: в первой – Иван и Посник Семеновы дети, а во второй – Юрий Григорьев сын с пометой «умре», Посник и Юшко Семеновы дети, сын Юрия Кузьма, а также Петр Данилов сын и его сын Данила (ТКДТ. С. 61, 142). Отчество Семена известно по актам 1533–1534 гг., где упомянуто, что Семен Григорьевич Соловцов описывал Галичский уезд и судил там поземельные тяжбы (АФЗХ. Вып. 4. № 39, 41, 46; АСЗ. Т. 1. № 64 и др.). Итак, перед нами родные братья С.Г. и Ю.Г. Соловцовы и их сыновья: трое у Семена, один у Юрия. В списке тысячников 3-й статьи по Ростову Соловцовы идут сразу за семью представителями ростовских Рюриковичей (обеих их ветвей), а после них названы еще семь человек, причем из старых ростовских нетитулованных фамилий. Аналогичная ситуация в Дворовой тетради, где Соловцовы занимают с 10-й по 15-ю позиции. Ранее их зафиксированы титулованные лица (в том числе четверо кн. Шестуновых из ярославских Рюриковичей; ростовские князья записаны в особом разделе) и представители знатных нетитулованных фамилий (М.М. Тучков, трое Жулебиных), а затем названы еще 36 имен. Отсюда вывод: Соловцовы в рамках ростовской корпорации имели в 1550-е гг. достаточно высокий статус и представляли довольно сплоченный семейный клан.

Какие еще факты о них нам известны? Мы не знаем о ратных службах Соловцовых, что понятно: воеводских назначений они не получали. Уровень их административно-судебных назначений / поручений был вполне достойным. Это относится в первую очередь к С.Г. Соловцову: глава комиссии писцов такого уезда как Галичский – должность высокого уровня в этой сфере. Его брат Юрий также известен как судья и межевщик в Юрьевском уезде в 1521/22 г., хотя значимость его назначения существенно ниже. Старший сын Семена Иван возглавлял в 1542–1543 гг. комиссию писцов Зубовского уезда (АРГ. № 204; АСЗ. Т. 4. № 409). Младший брат С.Г. и Ю.Г. Соловцовых Афанасий в 1536 г. делил и межевал огромные владения кн. Оболенских в Бежецком Верхе, в 1544 г. дописывал Бежецкую пятину, а в 1551 г. был первым дьяком во Пскове (АЮ. № 165; НПК. Т. VI. С. 35–38; РК 1605. Т. 1. Ч. 2. С. 406). Поэтому его нет в Дворовой тетради в перечне дьяков (он городской дьяк).

П.С. Соловцов фигурирует в «Боярской книге» 1556/57 г.: за ним числилось поместье в 400 четвертей и 130 четвертей вотчины, «четвертый жребий отца его». Он удвоил число военных холопов (правда, с недостаточным защитным снаряжением; РД. Вып. 10. С. 94–95). Поместье наверняка было в Ростовском уезде, что косвенно подтверждает писцовая книга 1629–1631 гг.: в «порозжих землях» названы бывшие поместья и Кузьмы и Юрия Соловцовых, дяди и двоюродного брата Посника (ПМРУ. С. 750). Показателен адрес вотчины (Костромской уезд) и то, что С.Г. Соловцов имел в родовой вотчине 4-ю долю. Два его брата нам известны: Юрий и Афанасий. Догадываемся, что старшим был Федько Григорьев сын Соловцов, ездивший «поить» литовского посла в 1494 г. (РЮ. Т. 35. С. 134).

Высокий статус Соловцовых в 1530–1560-е гг. фиксируется дополнительно рядом источников. Посник Соловцов добился в 1561 г. судом комиссии бояр во главе с кн. И.Д. Бельским права на выкуп вотчины в Юрьевском уезде у внуков Д.Ф. Ласкирева, проданной последнему в 1531/32 г. тремя братьями Огаревыми. Аргумент был один и притом слабый: его мать (жена С.Г. Соловцова Мария) была родной сестрой продавцов. Впечатляют и сама процедура, и сумма выкупа (555 руб.), и последующая судьба. По предсмертному приказу Посника его брат Юрий продал вотчину в 1571 г. знаменитому В.Я. Щелкалову (Обзор ГКЭ. Вып. V. № 228, 231). Сам Юрий Семенович в 1562 г. был жильцом государева двора, а через 16 лет – головой в Курмыше (РК. 1598. С. 199, 291). Значимее упоминания К.Ю. Соловцова – в марте 1562 г и апреле 1563 г. он назван среди поручителей второй очереди по кн. И.Д. Бельскому и А.И. Воротынскому (с осязаемыми цифрами залога – 100 и 150 руб.), а в июле 1566 г. он – участник земского собора как дворянин 2-й статьи (РД. Вып. X. С. 17, 20, 21, 24, 26, 28, 177). И еще один факт: С.Г. Соловцов 1 и 19 октября 1538 г. сделал два вклада в Троице-Сергиеву обитель по кн. А.А. Ростовскому (боярин не позднее 1532 г.) – 200 руб. и на погребение

(два коня и дорогая шуба). Это почти наверняка фиксирует родственные связи и, скорее всего, брак князя с родной сестрой четырех братьев Соловцовых. Дополнительный аргумент: сын кн. А.А. Ростовского Никита в завещании 1548 г. упоминал две денежные кабалы на 10 и 5 руб. на имя Юрия и Петра Соловцовых. Заем денег имел место где-то около 1538–1539 гг. В одном случае деньги шли иным лицам, подписавшим документ, в другом – Никите (АЮ. С. 451–452).

Роднит ростовских Соловцовых четкая ориентация на Троицкий монастырь: его вкладчиками были Семен (один вклад по себе), Юрий (два вклада по себе и отцу, причем и Юрий, и Григорий стали иноками обители), Афанасий Григорьевич (один вклад), Петр (четыре вклада) и Иван Даниловичи (один вклад; ВКТСМ. С. 75). Догадываемся, что Данила Соловцов, отец Петра и Ивана, был младшим родным братом Григория. Его отчество зафиксировано в акте начала 1490-х гг.: Григорий Федоров сын Соловцов был членом комиссии судей и писцов в Угличском уезде после ареста удельного князя Андрея Угличского. Его «сотоварищем» был В.И. Болтин из исконного рода ростовских вотчинников. Так что «ростовская прописка» Григория вероятна. При дворе Ивана III он замечен: зимой 1495 г. Григорий упомянут среди постельничих в свите княжны Елены, отправленной в Литву к будущему мужу великому князю Александру (АСЭИ. Т. 1. № 581; РИО. Т. 35. С. 164). Синодик Успенского собора Ростова сохранил именословие его отца – Федор Федорович Соловцов. По месту расположения записи, по способу подачи и ряду косвенных показателей датировем ее последней третью XV в. и предполагаем ее связь с какими-то важными переменами в Ростовской земле. Тот же памятник в перечне погибших в июле 1495 г. в бою под Суздалем называет имя Федора Соловца (*Конев С.В.* Синодикология. Ч. II. С. 104, 106). Костромское его происхождение косвенно подтверждается грамотой середины 1420-х гг.

Итак, анализ всех документальных упоминаний ростовских Соловцовых восстанавливает их генеалогию на протяжении около 130–150 лет в рамках пяти колен, подтверждает их происхождение из Костромы (домна великокняжеского двора во Владимире), фиксирует особенности судебных землевладения, характер изменений их статуса в рамках двора и локальных корпораций, уровень их брачных связей.

В.В. Незговорова (Санкт-Петербург)

О знамени лейб-гвардии Сапёрного батальона 1824 года

В основе сообщения – исследование о первом знамени лейб-гвардии Сапёрного батальона, «Знамени 1824 года», выявленное в архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (АВИМАИВиВС. Ф. 51. Оп. 96/2а. Д. 26-3. Л. 126–143). В деле, озаглав-

ленном «Материалы для истории лейб-гвардии Сапёрного батальона», хранятся различные документы, собранные известным военным историком Георгием Соломоновичем Габаевым (1877–1956), трудившимся над составлением «Истории лейб-гвардии Сапёрного батальона». Г.С. Габаев считал, что у него «получилась не «история» повествовательного типа, а скорее собрание отдельных исследований по истории гвардейских сапёр» (Габаев Г.С. История лейб-гвардии Сапёрного батальона. СПб., 1912. С. X). «Знамя 1824 года» – одно из таких «отдельных исследований». 16 листов текста напечатаны на пишущей машинке, с орфографией до 1918 г., имеются рукописные правки Г.С. Габаева.

К 1824 г. части лёгкой и специальной пехоты русской армии (егеря, сапёры, пионеры) знамён не имели. Исключение составляли те части, которые «получили знамёна лишь в вознаграждение особых боевых отличий – Георгиевские: Финляндский и Егерский полки 13 апреля 1813 г. и Гвардейский Экипаж 26 августа 1813 г.» (АВИМАИВиВС. Ф. 51. Оп. 96/2а. Д. 26-3. Л. 127). Гвардейским сапёрам знамя было пожаловано по ходатайству перед императором их шефа, генерал-инспектора по инженерной части великого князя Николая Павловича.

19 февраля 1824 г. «новопозалованное знамя было установленным порядком прибито к древку в Аничковом дворце. На другой день, в манеже Инженерного замка совершён был обряд освящения в присутствии их императорских высочеств, и знамя тут же вручено батальону» (*Волькенштейн А.Е.* История лейб-гвардии Сапёрного батальона 1812–1852 гг. // *Волькенштейн А.Е., Случевский К.К.* История лейб-гвардии Сапёрного батальона 1812–1876 гг. с кратким обзором участия лейб-гвардии Сапёрного батальона в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. СПб., 1879. С. 13).

Подробного описания церемонии прибивки и освящения знамени лейб-гвардии Сапёрного батальона не сохранилось, однако «картина восстановится почти полностью, если вспомнить, что в том 1824 г. издана первая книга «Наставление для обучения и занятия Сапёрных и Пионерных батальонов»» (АВИМАИВиВС. Ф. 51. Оп. 96/2а. Д. 26-3. Л. 131). В главе «Об освящении новых знамён и об отдаении старых» настолько подробно описан порядок прибивки и освящения знамени, «что она может служить прекрасным описанием соответствующих торжеств того же 1824 г.» (АВИМАИВиВС. Ф. 51. Оп. 96/2а. Д. 26-3. Л. 131).

Основой рисунка знамени лейб-гвардии Сапёрного батальона послужили уже «выработанные нормы»: общие размеры частей (квадратное полотнище длиной 2 аршина, сшитое из 9 частей); оранжевый для всех войск средний круг; в круге помещалось изображение чёрного двуглавого орла по образцу киверных гербов, установленных в 1808 г. для гвардейской пехоты; крест полотнища жёлто-золотистый, как во всей гвардии; навершие простое армейского образца 1816 г.; кисти на серебряной тесьме образца 1796 г.; древко рябинового дерева, покрытого лаком (Там же. Л. 137).

Оригинальным образом автор объясняет необычную символику расцветки углов знамени. Согласно «выработанным нормам», углы знамён в гвардии были разделены по диагонали, причём верхние половины по цвету полка, нижние — по цвету дивизии. Следуя этой системе, лейб-гвардии Сапёрный батальон должен был бы получить нижние половины углов белые «по принадлежности своей к первой дивизии», а верхние половины по приборному цвету углов чёрные. «Однако на деле была избрана другая система расцветки углов, как бы подчёркивающая, что лейб-гвардии Сапёрный батальон — единственная инженерная часть на весь гвардейский корпус, а не только одна из пеших частей первой гвардейской дивизии. Углы были назначены белые, но по шву углов и креста нашиты узкие (шириной в вершок) полосы приборного чёрного цвета» (Там же. Л. 138). Белый цвет углов являлся «как бы общим, без подразделения на полки, подобно тому, как в армейской пехоте, где все полки имели знамёна с белыми углами при зелёном кресте» (Там же). Согласно другой гипотезе, белый цвет углов соответствовал цвету «другой шефской части великого князя Николая Павловича — лейб-гвардии Измайловского полка, который по своему месту в дивизии и корпусе получил белые углы на знамёна 1813 г. В случае справедливости этой гипотезы лишний раз подчёркивается связь с августейшим шефом, назначившим гвардейским сапёрам не только один и тот же праздник святой Троицы с его другой шефской частью — Измайловским полком, но и знамёна, схожие со знамёнами этого полка» (Там же).

В начале XX в. первое знамя батальона хранилось как дорогая реликвия в батальонной церкви во имя святых Космы и Дамиана (АВИМАИ-ВиВС. Ф. 51. Оп. 96/2а. Д. 26-2. Л. 193 об.). О том, как выглядело оно в начале XX в., красноречиво свидетельствует рисунок О.А. Шарлеманя (1880–1957), выполненный с натуры в 1910 г. для музея лейб-гвардии Сапёрного батальона: полотнище потемнело, шёлк порван во многих местах (ВИМАИВиВС. ИДФ А-1241).

«Старое» знамя лейб-гвардии Сапёрного батальона участвовало в особо торжественных церемониях. Так, в Приказе командующего батальоном полковника Б.А. Подымова (1866–1931) № 383 от 30 октября 1911 г. указано, что 31 октября при перевезении праха боевого командира батальона генерал-адъютанта К.А. Шильдера (1785–1854) от Царскосельского вокзала в батальонную церковь для погребения в ней, наряду с Георгиевским знаменем 1828 г., должно быть «наряжено» и старое батальонное знамя (ВИМАИВиВС. ИДФ А-1481. Л. 101).

После революции 1917 г. знамёна лейб-гвардии Сапёрного батальона (1824, 1828, 1912 гг.) хранились вместе с собранием батальонного музея. С 1922 по 1929 гг. оно находилось в Суворовском музее, использовавшемся Ленинградским отделением Главнауки Наркомпроса РСФСР для хранения «имущества Военно-музейного фонда» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 36.

Оп. 1. Д. 397а. Л. 277). Тогда же батальонные знамёна были переданы в Артиллерийский исторический музей (АВИМАИВиВС. Ф. 51. Оп. 96/26. Д. 1. Л. 15–16). В 1948 г. фонды бывшего знамённого отдела АИМ были переданы Государственному Эрмитажу.

Д.А. Николаев (Нижний Новгород)

Коллективная «медицинская карта» офицеров нижегородского ополчения 1812 года

Несмотря на вполне утвердившееся в исторической литературе мнение о всенародном и массовом добровольческом движении в эпоху 1812 г., вопрос о том, насколько охотно русское дворянство (и прочие сословия) участвовали в организации и действиях губернских ополчений России, остается спорным. Очень многие представители благородного сословия, действительно, добровольно и по зову сердца надевали ополченский мундир, но в источниках встречаются и неоднократные упоминания об уклонении дворян, в том числе нижегородских, от офицерской службы в рядах ополчения, под предложениями об «одержимости болезнями» — реальными и мнимыми.

Уже во время формирования ополченских подразделений командиры постоянно рапортуют своему начальству о том, что «половины офицеров нет налицо». Так, командир 2-го пехотного полка нижегородского ополчения подполковник А.П. Ровинский информирует князя Г.А. Грузинского (предводителя нижегородского ополчения) о недостатке офицеров в своем полку и просит его лично проследить за тем, чтобы отставленные за болезнью офицеры непременно вернулись в свой полк (Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 1822. Оп. 1. Д. 99. Л. 24). Командование ополчений получило множество прошений об увольнении со службы по причинам врачебно-медицинского характера от офицеров, формально уже назначенных на должности. Во многих прошениях содержалась лишь констатация факта болезни, без указания ее внешних признаков, но в фондах ЦАНО сохранились десятки свидетельств, содержащих характерные описания наиболее типичных недугов, препятствующих несению службы: «глухой почечуй» («гемородальная болезнь»), о наличии которого заявили трое должностных лиц; «лом в ногах» («неперпимая ломота», «слабость в ногах»); «нервические припадки». Многие потенциальные офицеры жаловались на проблемы со зрением (ЦАНО. Ф. 1822. Оп. 1. Д. 25. Л. 1–47).

Поручик А.М. Габунеев был избран в ополчение и назначен на должность, а между тем еще в 1807 г. он «получил жестокий параличный удар, от коего имеет ослабевшую руку и ногу», сверх того, он страдал эпилепсией («падучей болезнью»); подпрапорщик Астафьев «издавна чувствует

в руках и в ногах ломоту и одержим простудной лихорадкой»; пятидесятный начальник Троицкий «одержим геморроидальной и каменной болезнями»; приписанный к ополчению поручик Нефедьев находился в состоянии «совершенного расслабления, которое лишило его зрения и слуху» (ЦАНО. Ф. 1822. Оп. 1. Д. 25. Л. 1, 28, 41, 55). Несколько офицеров ополченского конного полка жаловались на «горячку и стеснение в груди», «мошечные грыжи», подагру и геморрой. Весьма распространенным заболеванием являлся и ревматизм, очевидно, как следствие долгого пребывания на холоде.

При наличии в ополчении большого количества офицеров-ветеранов, давали о себе знать и их старые болезни и раны. Капитан А.И. Низкопосклонный указывал на свои раны, полученные «в бывшую со шведом войну», и на заболевание ног «с хроническими цынготными язвами»; пятидесятный Орлов, когда-то служивший в гвардии, имел «в ногах ломоту и в голове шум»; «застарелая мошечная грыжа» мешала служить пятидесятому Кослизову. Пятидесятный же Дуров в качестве причин своих недомоганий («всегдашняя сильная боль в груди и частые кровохарканья... также расслабление глаз») описал трагически-уникальный боевой эпизод, когда в битве под Прейсиш-Эйлау, он получил «от ядра в грудь контузию» (ЦАНО. Ф. 1822. Оп. 1. Д. 25. Л. 1, 82, 86).

Среди недугов в среде офицерского корпуса ополчения было очень немного болезней сердечно-сосудистой системы и совершенно отсутствовали (по внешним признакам) злокачественные новообразования, в основном, превалировали механические повреждения конечностей, ревматизм, артрит (артроз), болезни внутренних органов.

Следует отметить, что даже очевидные признаки действительно серьезных болезней и ран отнюдь не вызывали немедленного увольнения, или отставки. Для этого был необходим целый пакет документов, включавший в себя: свидетельство о действительно имевшем место недуге с места проживания или службы (от вышестоящего должностного лица), документ о врачебном освидетельствовании, разрешение на увольнение со стороны высших воинских чинов или местных предводителей дворянства. При отсутствии же необходимых бумаг (а, порой, даже при их наличии) следовало строгое предписание «явиться к исправлению должности». Такая строгость мер была вполне объяснимой в военное время и вызывалась наличием симулянтов в офицерской среде, не желавших проходить «независимое» врачебное освидетельствование.

По причине острой нехватки офицеров правительство разрешило графу П.А. Толстому (командующему т. н. III округом ополчения) приглашать на командные должности в ополчение дворян из тех губерний, где набор ратников не производился. Помимо этого, распоряжением фельдмаршала М.И. Кутузова было дано циркулярное предписание орловскому, курскому, воронежскому, вологодскому, саратовскому, тамбовскому

и слободско-украинскому губернаторам, «дабы приняли они надлежащие меры к приглашению (в ополчение. – Д. Н.) неслужащих дворян» (ЦАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 99. Л. 35–36). Эти меры отчасти позволили решить проблему офицерских кадров в нижегородском ополчении.

З.Е. Оборнева (Москва)

Греческие переводчики в сношениях России с Кахетией первой половины XVII века

Начиная со времени царствования Федора Ивановича Грузия, а точнее грузинские княжества, постоянно ищут российского покровительства. Среди грузинских княжеств особое место занимает Кахетинское, царь которого Александр еще в 1587 г. признает зависимость от России. Сношения Кахетии с Россией прерываются в 1607 г. и возобновляются после окончания Смутного времени в 1618 г., когда внук царя Александра Теймураз посылает в Россию игумена Харитона, а в 1624 г. – архиепископа Феодосия. Особенно успешным становится посольство «нареченного митрополита» Никифора 1635–1637 гг., ответом на которое явилось отправление князя Ф.Ф. Волконского и дьяка А. Хватова с крупной материальной помощью Грузии.

Греческие переводчики играли важнейшую роль в русско-грузинских сношениях первой половины XVII в. Все грузинские послы этого периода были греческими духовными лицами, и переговоры с ними были невозможны без знания греческого языка. Игумена Харитона, приехавшего в Россию в 1619 г., сопровождал греческий переводчик Своитин Каменев (РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. 1619 г. № 1. Л. 49), архиепископа Феодосия, приехавшего в 1624 г., расспрашивал тот же Своитин Каменев, а сопровождал к царю другой переводчик – Иван Солунский (РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. 1624 г. № 1. Л. 1, 36, 59). Грамоты от грузинских царей были в основном написаны на греческом языке греческими духовными лицами. Очевидно, что русское посольство в Грузию непременно должен был сопровождать греческий переводчик, как в 1604 г. Своитин Каменев ездил в Персию и Грузию с посольством М.И. Татищева.

В 1637–1641 гг. Посольский приказ располагал лишь двумя переводчиками с греческого языка, Иваном Дмитриевым (Боярчиковым) и Федором Черкасовым. При отправлении в Грузию первого русского посольства – Ф. Волконского и А. Хватова – выбор русских властей пал на Ивана Боярчикова, служившего более длительное время, а также владевшего турецким языком (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1633 г. № 3. Л. 1), а при отправлении второго посольства – Е. Мышецкого и И. Ключарева – в качестве переводчика был послан Федор Черкасов, который как бывший турецкий «полоняник» также владел турецким языком (РГАДА. Ф. 110. Оп. 1.

1641 г. № 3. Л. 89). Посольства сопровождал грузинский посол митрополит Никифор, возвращавшийся из России. Оба посольства продолжались более двух лет из-за невозможности проехать в Кахетию и задержки в Шемахе. Переводчики терпели все невзгоды сложного посольства и не раз посылались на переговоры с местными властями о пропуске миссии. В Грузии практически все переговоры послы вели через греческих переводчиков. Общение происходило либо на греческом языке через митрополита Никифора (РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Кн. 4. Л. 71), либо напрямую с грузинским царем по-турецки (РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. 1641 г. № 3. Л. 89). Чаще всего греческий переводчик выполнял обязанности курьера, передавая просьбы выдать продовольствие, спрашивая о времени приема или церковной службы (РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Кн. 3. Л. 416). В обоих посольствах переводчикам пришлось переводить грамоты от московского государя на греческий язык, чтобы затем митрополит Никифор перевел их на грузинский (РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. 1641 г. № 3. Л. 96–97). Также во втором посольстве «в терском городе» Федору Черкасову, за неимением грузинского переводчика, пришлось переводить на русский грамоты от царя Теймураза, переведенные предварительно на греческий тем же митрополитом Никифором.

В промежутке между посольствами оба переводчика, находясь в Москве, переводили пространное послание от царя Теймураза, написанное по-гречески митрополитом Никифором (РГАДА. Ф. 110. Оп. 2. № 3), а также письма и челобитные самого митрополита. Сохранились пометы переводчиков на черновиках переводов и многочисленные исправления, по которым можно проследить процесс работы над текстом (РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. 1640 г. № 1. Л. 32–78). Это самые сложные переводы с греческого, которые приходилось выполнять греческим переводчикам Посольского приказа в первой половине XVII в.

Иван Боярчиков и Федор Черкасов, имея опыт участия в дипломатических миссиях на Кавказ, позже еще раз были отправлены в Грузию с посольствами: Иван Боярчиков в 1650–1652 гг. с Н. Толочановым и А. Иевлевым в Имеретию (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1649 г. № 1. Л. 131), а Федор Черкасов в 1654–1657 гг. с Д. Горихвостовым и Г. Патрикеевым, а после их гибели с В. Жидовиновым и Ф. Порошиным в Кахетию и Имеретию (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1657 г. № 5. Л. 47).

**Тридцать три карты и четыре племени:
случаи недекларируемого заимствования информации француз-
ских путешественников на нидерландских картах Южной Америки
(конец XVI – XVII вв.)**

В докладе рассматривается новый, ещё не изученный аспект «информационного шлейфа», который породила недолго просуществовавшая французская колония в Бразилии под названием «Антарктическая Франция» (1555–1560). Сведения, относящиеся к конкретно-историческим реалиям её существования, были обнаружены нами на ряде нидерландских карт конца XVI–XVII вв. (преимущественно авторства Питера Планция, Йодокуса и Хендрика Хондиуса, Питера ван ден Кеере, Виллема Блау). Подчеркнём, что данная информация появилась на картах «третьей стороны», не связанной с франко-португальским соперничеством в Южной Америке, в тот момент, когда сама колония уже несколько десятилетий, как перестала существовать, а район побережья близ Рио-де-Жанейро (основанного португальцами для того, чтобы помешать французам вернуться к месту их первой колонии) оказался окончательно закрыт для иностранных посягательств.

Важно отметить, что указанная информация не маркировалась в качестве заимствованной, а повторялась из карты в карту с небольшими вариациями. При этом подобные данные всё больше теряли связь с конкретными обстоятельствами французского присутствия в районе Рио-де-Жанейро в середине XVI в. и превращались в некую общую характеристику региона.

Речь идёт о следующих элементах:

- изображение вождя племени тупинамба по имени Куониамбек с соответствующей подписью;
- помещение среди топонимов прибрежной части Бразилии названий четырёх определённых индейских племён без специальных пояснений;
- упоминание топонима, придуманного французским автором второй половины XVI в., но не находящего прямого аналога в португальских картах данной части Бразилии.

Все эти сведения заимствованы из книг двух французских путешественников, Андре Теве и Жана де Лери, побывавших в разное время в «Антарктической Франции» и оставивших подробные и яркие описания увиденного, но расходящихся между собой как в способе подачи материала, так и в интерпретации бразильских реалий. Тем интересней увидеть синтез информации двух непримиримых оппонентов (один из которых к тому же был католиком, а другой – протестантом) в произведениях третьей стороны – нидерландских картографов. Более того, если Теве считал себя космографом и сопровождал некоторые свои произведения

картами, то книга Лери (единственная, но выдержавшая пять изданий с 1578 по 1611 гг.) не содержала никаких карт, и, таким образом, можно говорить не только о траектории перемещения информации, но и о переводе сведений из одной формы в другую – из текста на карту.

Среди упомянутых элементов французского происхождения наиболее зрелищным является изображение вождя Куониамбека, а наиболее распространённым, хотя и не столь бросающимся в глаза, – упоминание четырёх племён. Они фигурируют в произведениях французских авторов (в частности, у Жана де Лери), поскольку именно с ними французы либо торгуют, либо сражаются, либо вступают в военные и политические союзы против португальцев (причём некоторые контакты относятся к сфере индивидуального опыта одного лишь Лери, а не всех французских колонистов). Появление тех же самых племён на нидерландских картах (и при этом отсутствие упоминания иных индейцев, например, тех, с кем имели дело не французы, а португальцы) указывает на источники заимствования информации. В случае с одним из племён (тупинамба) об этом недвусмысленно свидетельствует также способ транскрипции слова: не просто по правилам французского языка, но в той утрированно-громоздкой форме с непроизносимыми согласными, в которой этот этноним фигурирует у Лери.

Упоминание данных племён на картах конца XVI – начала XVII вв., в строгом смысле слова, уже было анахронизмом. Частично «актуализацию» этих сведений можно объяснить временем издания книг Теве и Лери (вторая половина 1570-х гг.), а также тем, что в конце XVI в. многие главы из сочинения Лери вошли в состав популярного сборника франкфуртского гравёра и издателя Теодора де Бри «Большие путешествия». Однако карты с упоминанием четырёх племён продолжали издаваться и в середине, и даже во второй половине XVII в., когда «Антарктической Франции» уже век, как не существовало.

Другой формой несоответствия историко-географическим реалиям является размещение на картах надписей с названиями четырёх племён то слишком широко (по всему атлантическому побережью Бразилии), то слишком далеко вглубь континента. Тем самым подобные упоминания племён всё больше утрачивают исходную географическую привязку к району Рио-де-Жанейро и превращаются в часть не просто общей, но каждый раз современной характеристики региона (последнее обстоятельство подчёркивалось в названиях карт: «Точнейшее описание...», «Новейшее изображение...» и т. п.). «Вольности» с размещением надписей с названиями племён – они кочуют по внутреннему пространству Южной Америки, иногда «прилепляясь» к горной гряде, а иногда оказываясь вынесенными в отдельный блок, друг под другом – создают впечатление, что для картографов речь идёт о неких обязательных элементах, чьё присутствие важно, но чей смысл уже непонятен.

Для подтверждения или опровержения подобной гипотезы предстоит дальнейшее изучение карт П. Планция, Й. и Х. Хондиуса, П. ван ден Кее-ре, Виллема Блау: условий доступа к печатным формам, особенностей переиздания карт начала XVII в. в середине и в конце столетия, а также выявления таких карт, которые копировали бы у нидерландских авторов особенности представления Южной Америки с упоминанием четырёх племён.

Т.А. Опарина (Москва)

**Фамильное прозвище «Макидонский»
у «греческих» иммигрантов в России первой половины XVII в.**

*Работа подготовлена при поддержке РГНФ,
международный проект КЕРИЕ, № 12–21–14001*

К числу наиболее распространенных фамильных прозвищ у «греческих» мигрантов относятся «Макидонские», уступая в степени распространенности лишь «Селунским». Большинство носителей подобного топонимического прозвища принадлежали к различным семьям и не являлись друг другу родственниками. Как и в случае с «Селунскими», использование фамильного прозвища имело свои особенности. При выезде в документах при обозначении иммигранта преимущественно использовалось только его имя и отчество. Далее шел расспрос в приказе (Посольском или Разрядном), где обязательно выяснялось место рождения («локус») нового русского подданного. Впоследствии топоним мог прикреплялся в качестве фамильного прозвища. Можно предположить, что его использование формировалось в самой среде иммигрантов для отделения от прочих выходцев. Фамильное прозвище позволяло выделиться из обезличенной массы иммигрантов, наделенных русскими чиновниками повторяющимися именами и отчествами. В своих челобитных иностранцы использовали фамильные прозвища чаще, чем подьячие приказов.

Следует оговорить, что понимание Македонии московскими чиновниками того времени отличалось от современных трактовок. В русских документах рассматриваемого периода под Македонией подразумевался обширный регион, основным ядром которого был Эпир со столицей в Янине. Россия была связана с данной территорией. Из «Макидонские земли» в Москву с просьбой о получении финансовой поддержки («милостыни») регулярно приезжало православное духовенство, оттуда происходили купцы-информаторы, поставляющие московскому правительству необходимые политические сведения (в частности, Кондрат Юрьев).

Неудивительно, что из «Макидонские земли» существовала постоянная светская миграция. Наиболее ранним был приезд в Россию Федора

Дмитриева Макидонского, на 1625 г. уже обладавшего поместьем в Угличском уезде. Службу он нес в Иноземском приказе.

Самыми родовитыми носителями прозвища «Макидонские» являлись два брата, назвавшиеся Агметом (в крещении Анастас) и Ахметом (в крещении Федор). «Турчане» приехали в Россию в конце 1629 г. Оба приняли православие: старший брат в Яссах, младший – в Москве. Первоначально статус своего отца Али они обозначили как «боярин», собственный – «испаги» (сипахи), что позволило братьям попасть в русское дворянство по московскому списку. Однако Анастас и Федор Алибеевы Макидонские не удовлетворились этим положением. При описании чина отца они стали вводить новые термины: бей, белгербей (беклярибек), а затем и паша. Все они были эквивалентны русскому титулу князя. Добившись звания князей, Алибеевы Макидонские прочно вошли в привилегированное сословие. Первоначально они служили в дворянском ополчении, а затем получили должности объездчиков. Имена их потомков вошли в Бархатную книгу и еще столетия действовали в России.

Приезд Алибеевых-Макидонских, видимо, спровоцировал переселение из Янины в 1630 г. других иммигрантов: Леонтия Дмитриев и Федора Юрьева. Выходцы были зачислены в Иноземский приказ, прошли Смоленскую войну в составе «греческой роты», а спустя время вошли в группу дворян-иноземцев по московскому списку. В привилегированном сословии они именовались уже «Макидонскими».

В 1635 г. выехал в Россию Дмитрий Юрьев. Его направили в Иноземский приказ, в котором он служил в «греческой роте» сначала рядовым военным, а затем прапорщиком, а позже достиг чина поручика. Как и перечисленные выше иммигранты, в конце жизни Дмитрий Юрьев Макидонский был зачислен в группу «иноземцев, служащих с дворяне по московскому списку».

Существуют примеры смены фамильного прозвища. Так, выехавший в 1632 г. Николай Зотов изначально именовался Мамгуселимом. Он был включен в московский список, однако вскоре рядом с ним оказался другой Мамгуселим – Николай Остафьев. Неудобство, возникшее при назначении жалованья иммигрантам с двумя одинаковыми именами, привело к изменению. Николай Зотов стал записываться как Македонянин или Макидонский. Впоследствии московского дворянина назначили ротмистром «греческой роты». Однако следственное дело, начатое его супругой, вынудило иммигранта к бегству.

Удивительной является история выехавшего в 1630 г. Андрея Николаева, оказавшегося в казанской ссылке, где спустя тридцать лет он решил раскрыть тайну своего происхождения. «Греченин» заявил, что является прямым потомком Александра Македонского. Власти провели расследование, не найдя доказательств царственных корней иммигранта.

Таким образом, фамильное прозвище «Макидонский» в большинстве случаев являлось топонимическим и говорило о рождении иностранца в Янине и ее окрестностях. Все иммигранты с таким прозвищем причисляли себя к «греченам». Исключением является судьба Алибеевых-Макидонских, отстаивавших свою принадлежность к «турченам» (наиболее вероятно, что они являлись албанцами). Все носители фамильного прозвища «Макидонские» достигли Государева двора. Но записаны в боярские списки они были в разные периоды своей службы. Алибеевы-Макидонские сумели подтвердить свое княжеское достоинство, их имена присутствовали среди московских дворян. Прочие выходцы смогли войти только в группу московских дворян-иноземцев. Причем сразу в эту группу попал лишь Николай Зотов, остальным пришлось пройти большой боевой путь в Иноземском приказе. Иначе сложилась жизнь в России «греченина» Андрея Дмитриева, в отчаянии попытавшегося возвести свой род к Александру Македонскому. В данной ситуации «Македонский» трактовалось уже не топонимом, а родовым именем. Но признано властями оно не было.

Т.П. Петерс (Москва)

**Документы РГАДА о французах,
проживающих в России в 1793 г., как исторический источник сведений
о политическом, социально-экономическом положении и био-
графии французских иммигрантов**

Тема о французах в России, в частности, в период правления Екатерины II и об изменении политики императрицы в отношении к ним, вызванном событиями Великой французской революции 1789 г., уже привлекала внимание ряда исследователей (*Миллер К.К.* Французская эмиграция и Россия в царствование Екатерины II. Париж, 1931. 416 с.; *Пискунова Е.П.* Французские эмигранты при дворе Екатерины II // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. Ист. 2012. № 2 (22). С. 53–57). Представляется, что документы, вновь выявленные в Российском государственном архиве древних актов о французах, въехавших в Россию в 1754 г. и проживавших в разных ее губерниях на 1793 г., позволяют углубить имеющиеся сведения не только в области политического положения уроженцев Франции, но и их социально-экономического статуса в России, а также дают возможность проследить их биографии. Также, документы позволяют исправить в сторону увеличения данные о количестве французов в России в 1793 г., которые приводят исследователи (например: Там же. С. 57). Архивные документы включают более 40 рапортов управляющих наместничествами, управляющего Коллегией иностранных дел, военного министра, губернаторов Москвы и Петербурга с приложен-

ными списками французских иммигрантов, а также инструкции и формуляры Правительствующего Сената. В соответствии с именным указом Екатерины II, данным Сенату 8 февраля 1793 г., который последовал за казнью французского короля Людовика XVI и его супруги, всем французам «без изъятия обоего пола купеческие и мещанские промыслы имеющих, художников, ремесленников, в услужении у частных людей находящихся, разумея тут учителей и учительниц, и прочих...» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Д. 4728. Л. 466) предлагалось в течение трех недель покинуть Россию. Тем же из них, «... которые окажут искреннее их намерение и желание отрещися присягою <...> от правил безбожных и возмутительных в земле их ныне исповедуемых <...> а притом тут же обяжутся во все время пребывания их в России до восстановления порядка в Отечестве их прервать всякое сношение с одноземцами своими, повинующимися нынешнему незаконному и неистовому правлению...» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Д. 4728. Л. 466 об.), разрешалось остаться в России. Распечатанные экземпляры именного указа и образцы присяги были разосланы с курьерами (приводятся имена курьеров Сенатских рот Анофрия Реута и Степана Шигарина) во все губернии (41), в Иностранную коллегию, в Военное министерство, а об их получении в Сенат поступали рапорты из соответствующих мест. Причем, перед отправлением курьеров Сената, их снабжали инструкцией, в которой оговаривалось, что порученное им дело подлежало «тайности» и «оного отнюдь в партикулярных письмах ни к кому не писать» (Там же. Л. 490). Сведения о французах, принявших (или не принявших) присягу и проживавших в губерниях или служивших в Коллегии иностранных дел и Военном министерстве, поступали в Сенат в период с 17 февраля 1793 г. по 15 февраля 1794 г. Указом императрицы Коллегии иностранных дел и Академии Наук предписывалось в издаваемых ими иностранных ведомостях и российских ведомостях, соответственно, печатать списки принявших присягу. В документах отмечены курьезные случаи, когда некоторые французы (Филипп Споль и Иоган Якоб Клейн), признавались в том, что не разделяют взгляды французской революции, но принести присягу Российской империи не могут, потому что «...опасаются потерпеть убыток в своем отечестве по семейным связям» (Там же. Л. 494). Во многих ведомостях из наместнических правлений описывается подробный социально-экономический статус французов со сведениями о наличии паспорта, кем и когда выдан, возрасте, месте рождения, родителях, семейном положении с указанием имен жены и детей, предыдущей иммиграции (если была), роде деятельности и месте проживания в России, с какого года, в собственном доме или доме работодателя. Например, по ведомости из Псковского наместнического правления следует, что «Карл Эллерт, французской службы порутчик, уроженец столичного города Парижа», проживавший в 1793 г. в Торопецкой округе Псковской губернии, имел два вида документов; «1-й – 1761-го

года ноября 13-го, данный из Московского университета на французском языке; 2-й – 1777-го года апреля 24-го, данный лейб-гвардии Переображенского полка от секунд-майора Федора Алсуфьева на русском языке в том, что он, Эллерт, находился в помянутом полку учителем и из оного уволен» (Там же. Л. 558 об.). О французе по имени «Иван Дюмесни» приводятся следующие сведения: «предки его провинции Лангедок из города Марселя, дед его выехал в Голштинию и был в городе Киле танцмейстером, отец его там же родился и был голштинской службы обер-офицером, он, Иван, родившись тоже в оном городе Киле, служил в голштинских полках ротным фельшером, а получа увольнение от службы в 773-м году, выехал в Россию, ныне живет в городе Костроме у титулярного советника Петра Алексеева сына Степанова» (Там же. Л. 577).

Д.А. Петров (Москва)

Двуглавые орлы на шатрах воротных башен в Москве в конце XVI века

Мы привыкли видеть на дореволюционных изображениях кремлевских башен двуглавых орлов. Орлы венчали и шпили многих других зданий в Москве и в ее окрестностях. В распространении таких завершений мы видим вполне определенную эволюцию, постепенное распространение этого приема с конца XVI в. до 1740-х гг. Мы хотим рассмотреть первый, на наш взгляд, этап «маркирования» орлами на шпилях башен определенных объектов в царствование Федора Иоанновича.

Обзор ситуации для других выделяемых нами этапов: строительство дворцов Михаила Федоровича и Алексея Михайловича (Теремной дворец и Гербовая башня, Коломенское, Измайлово) в 1660–1670-х гг.; возведение общественных сооружений при Федоре Алексеевиче, Софье и Петре (Воскресенские ворота, Сухарева башня, Хамовный двор, Большой Каменный мост (?), Аптекарский приказ) в 1680-х – конце 1690-х гг.; триумфальные ворота Петра I в 1709 г.; Тайнинский дворец и устройство завершения кремлевских проездных башен во второй половине XVIII в., – является предметом отдельных изысканий и не рассматриваются здесь.

Наиболее раннее упоминание о двуглавых орлах как завершении шпиля, мы находим в описании зданий на Опричном дворе Ивана Грозного, построенном в 1565–1567 гг. На главных воротах орел был сделан, по-видимому, на стене или над стеной: «Северные ворота находились против Кремля и были окованы железными полосами и покрыты оловом... На них было два резных разрисованных льва, вместо глаз у них были пристроены зеркала. Один (лев) стоял с раскрытой пастью и смотрел к земщине, другой, такой же, смотрел во двор. Между двумя львами стоял двуглавый черный деревянный орел с распростертыми крыльями и

грудью в сторону земщины...», но на территории двора «...были выстроены три мощных постройки, и на каждой наверху на шпиге стоял двуглавый орел, с грудью обращенной к земщине...» (*Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. «Записки немца опричника» // Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578–1582). Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Рязань, 2005. С. 481).*

Первое достоверное изображение орла мы находим в гравюре «Кремленград» (около 1600 г.). На шатрике над колоколом Спасской башни, здесь показан двуглавый орел с опущенными вниз крыльями и без короны (отсутствие короны, конечно, может быть объяснено схематичностью рисунка). Такая форма соответствует иконографии двуглавого орла в XVI в. Когда эта фигура была устроена, установить не представляется возможным. Нам кажется, что, скорее всего, ее установку следует относить ко времени первой половины царствования Ивана Грозного.

После перестройки завершения башни в 1623–1626 гг. орел приобрел другую форму, с распростертыми крыльями, скипетром и державой в лапах, хорошо известную нам по многочисленным изображениям Спасской башни XVII в. (Олеарий, Мейерберг, виды на иконах). Можно думать, что старый орел в это время был заменен и его форма была «поправлена» на новую, более актуальную.

Ряд планов Москвы («Петров чертеж» около 1600 (?) г., Мериана 1638 г., план Меерберга 1661 г.) показывает нам Тверские ворота Белого города, завершенные фигурой двуглавого орла, причем, если на более раннем плане орел показан с опущенными крыльями, то на последующих изображения крылья подняты, а в его лапах – скипетр и держава. Тверские ворота, видимо, были выстроены первыми в процессе строительства Белого города в 1588–1590 (1593) гг. (*Косточкин В.В. Государев мастер Фёдор Конь. М., 1964. С. 47–48*). Можно предположить, что такая замена могла произойти после 1634 г. Территория вокруг башни в пожаре 10 апреля 1629 г., судя по всему, не пострадала (*Троицкий В.И. Из истории Москвы (Опись г. Москвы после пожара 10 апреля 1629 г.) // Красный архив. 1940. № 4 (101). С. 205*), хотя церковь Николы Чудотворца, «что в Гнезdnиках», стоявшая недалеко, сгорела. Скорее всего, Тверские ворота могли сгореть в страшный пожар 1634 г. следы которого видел А. Олеарий (*Олеарий А. Описание путешествия в Московию. М., 1996. С. 53*), указавший, что сгорело 5000 домов и описавший бедственное положение жителей. Олеарий ехал из Новгорода, т. е. въезжал через Тверские ворота, и описывал состояние застройки вдоль Тверской улицы. Достоверно известно, что в этот пожар сгорело Шведское подворье (1635 г. марта 22. Из челобитной шведского резидента П. Крузьборна царю Михаилу Федоровичу о строительстве шведского гостиного двора в Москве вместо сгоревшего в 1634 г. // Русско-шведские экономические отношения в

XVII веке. М.-Л., 1960. № 62. С. 99–100.), находившееся в современном Шведском тупике, т. е. совсем рядом с Тверскими воротами.

Как и в случае со Спасской башней, здесь можно думать, что изменение рисунка фигуры орла было вызвано изменением «геральдической моды».

Легко заметить, что орлы на воротах были помещены в начале и конце движения послов, ехавших из Новгорода, т. е. приезжавших из Европы через Ливонию (в том числе шведскую). Думаем, что это было сделано специально, чтобы «оформить» посольский путь соответствующей государственной символикой. Прямую аналогию мы видим здесь с оформлением посольского маршрута в Кремле полными титульными надписями на разных зданиях (*Петров Д.А.* Титульные надписи в Московском Кремле // Вопросы эпиграфики. Вып. IX. М., 2016 (в печати)). Отсутствие геральдических фигур на шатре соответствующей воротной башни «Скородома», а потом и «Земляного города», вероятно, следует объяснять меньшей «престижностью» этих сооружений.

Интересно, что в самом Новгороде, несмотря на то, что изменение архитектуры главных ворот Новгорода – Пречистенских ворот Детинца в XV–XVII вв., по-видимому, следовало за изменением архитектуры Спасской башни Московского Кремля (*Петров Д.А.* Об архитектуре Пречистенской башни конца XV века по описям XVII века // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Мат-лы науч. конф. Великий Новгород, 28–30 января 2014 г. Вып. 28. Великий Новгород, 2014. С. 230–234), орлы появились только в 1697 г., да и то в виде «прорезных» фигур на прапоре: «...И те каменные четыре шатры меньшие опаены белым железом, поставлены на тех шатрах на железных вертлугах яблока, опаены белым железом, а на тех яблоках поставлены прапоры с орлами прорезными» (1697 г. Роспись ремонта Пречистенской башни // Новгород Великий в XVII в. Документы по истории градостроительства / Отв. ред. В.Л. Янин. Ч. 2. М., 1986. № 50. С. 257).

В рассматриваемом вопросе невозможно не упомянуть еще об одном памятнике, который, как нам кажется, имеет прямое отношение к теме оформления движения иностранных посольств к Москве. Мы не видим никаких геральдических «акцентов» для пути послов из Польши и Империи, которые ехали через Смоленск.

В 1603 г. истекал срок Ям-Запольского перемирия, которым закончилась Ливонская война с Польшей. Московское правительство в 1595–1600 (1601) гг. выстроило в Смоленске вместо старой деревянной крепости 1554 г. огромную каменную крепость. Крепость была построена сразу же после устройства Белого города в столице и тем же мастером – Фёдором Конем (*Косточкин В.В.* Указ. соч. С. 71–81, 95–98). Ее главная воротная башня, Фроловская (по композиции повторявшая Фроловскую башню Московского Кремля), стояла на берегу Днепра, у моста, к которому подходила дорога в Москву. Фроловская башня в Смоленске, по сути, была

«визитной карточкой» Русского государства. На иконе 1722 г. «Меркурий и Авраамий Смоленские» (Государственный художественный музей, Минск) на верху башни показан двуглавый орел с распростертыми крыльями, короной над головами, державой и скипетром в лапах.

По нашему мнению, учитывая форму орла, есть основания считать, что этот орел был установлен после 1654 г., так как с 1609 по 1654 годы Смоленск был частью Речи Посполитой. Был ли герб Московского царства устроен на шатре Фроловской башни при Федоре Иоанновиче, не совсем понятно. Если на гравюре «Осада королем Владиславом IV московского войска, осаждающего Смоленск» (В. Блау, С. Саверия, А. Бойя, 1634 г.) и на «Сигизмундовой медали» 1613 г., кажется, видно изображение орла, то на другой гравюре (В. Гондиус, 1634 г.) орла не показано. Мы склоняемся к возможности устройства фигуры двуглавого орла на шатре Фроловской башни Смоленска в 1600 г. по аналогии с Тверскими воротами Белого города Москвы.

Представляется, что установка на шатрах воротных башен фигур двуглавых орлов на пути следования посольских процессий была целенаправленным и продуманным действием московских властей для усиления «репрезентативной пропаганды».

М.С. Петрова (Москва)

**Рукописная традиция Макробиева
«Комментария на “Сон Сципиона”»
и MS Parisinus Latinus 6370**

В докладе рассматривается рукописная традиция Макробиева «Комментария на “Сон Сципиона”» (V в.), обсуждаются особенности манускриптов, реконструируется история одного из ранних кодексов (Parisinus Latinus 6370), положенного в основу последних критических изданий этого текста (Jan 1848–1852; Willis 1963, ²1970; Armisen-Marchetti 2001–2003).

В частности, отмечается, что общее количество рукописей с фрагментарным и полным текстом «Комментария» (в сочетании с «Сатурналиями») достаточно велико (Jan 1848, lxxxviii–xcviii; Willis 1963, vii–x; Stahl ²1990, 41–2; 59–65; Armisen-Marchetti 2001, lxxii–xc). Наиболее важные из них со ссылками на содержащие их описание каталоги были представлены М. Manitiус (1935, 227–32). Его перечень включает в себя 93 манускрипта: 38 из библиотек Германии, 28 – Франции, 11 – Великобритании, 12 – Италии, 4 – Испании. Описание 48 из них, самых значительных, приведено во введении к первому тому издания Макробиевых сочинений, выпущенного Л. фон Яном (Jan 1848–1852). Они классифицированы так (Stahl ²1990, 59–60): 1) манускрипты, ранее изученные другими исследователями и использованные с целью улучшения отдельных фрагментов

текста Макробия; 2) манускрипты, изученные Л. фон Яном или другими исследователями, свидетельствующие о правильности принятого Л. фон Яном чтения Макробиева текста; 3) манускрипты, изученные другими исследователями, но не использованные для исправления текста Макробия; 4) манускрипты, изученные другими учеными с целью улучшения отдельных фрагментов, которые исправил Л. фон Ян.

В основу критического издания Дж. Уиллиса были положены лишь шесть (в основном, ранних) манускриптов (Willis ²1970, vii–viii). В 1975–1983 гг. рукописи с «Комментарием» были классифицированы В.С. Barker-Benfield, а в 2001–2003 гг. – М. Armisen-Marchetti, подготовившей новое критическое издание Макробиева текста. Так, В.С. Barker-Benfield (1975) указал на существование 230 манускриптов с текстом «Комментария». Шесть из них – ранние, относящиеся к IX в., с которых впоследствии (в XII в.) были сделаны копии. Из 230 кодексов исследователь выделил 151 манускрипт, посчитав все их «образцовыми» (без объяснения критерия выбора), и классифицировал их по следующим признакам: 1) манускрипты (их число 10) с подписью первых издателей «Комментария» Аврелия М. Симмаха и М. Плотина Евдоксия; 2) основные манускрипты: среди них Париж. BNF. Lat. 6370 и восходящие к нему (не только ранние, но и поздние, которые предыдущими исследователями не рассматривались); 3) манускрипты IX в., обнаруженные на севере Франции, составившие корпус двоянных рукописей; они включают в себя трактат Цицерона «О старости» и «Комментарий» Макробия; 4) манускрипты германского или итальянского происхождения, содержащие фрагменты «Комментария» и восходящие к манускрипту, происходящему из Осерра (Barker-Benfield 1976, 145–65; Idem 1983, 225, п. 6; Armisen-Marchetti 2001, lxxvi). Семь из них легли в основу издания М. Armisen-Marchetti (2001, lxxviii–lxxix).

Реконструируется судьба манускрипта Париж. BNF. Lat. 6370 (IX в.), вызывающего особый интерес. Этот манускрипт вероятно был выполнен в Туре; он состоит из 111 листов и включает в себя полный текст «Комментария». Наряду с немногими ранними рукописями, он содержит упомянутую выше подпись А.М. Симмаха и Плотина Евдоксия, приведенную в первом издании «Комментария» (около 485 г. (Willis, 1963, 94)). Помимо подписи он обладает еще одной отличительной чертой (La Penna 1950, 177–187): в нем отсутствуют отдельные фразы, имеющиеся в других кодексах (Armisen-Marchetti 2001, lxxxix). Появление таких лакун в тексте Макробия обусловлено вмешательством самых ранних переписчиков. Одним из них был Серват Луп (805–862), аббат Ферье с 840 г., его рукой скопирована четверть этого сочинения. Переписывая, Луп в то же время вносил в исходный манускрипт многочисленные исправления, искажая текст, который ныне не подлежит восстановлению. Следующий переписчик, Гейрик из Осерра (841–877/83, ученик Лупа), также до-

бавил исправления и предложил свои варианты чтений. Еще один переписчик, Адальгад (епископ Орлеана), который, вероятно, также испросив у Лупа исходный текст, получил его и сделал собственную копию, в которую включил поправки и Лупа, и Гейрика (Pellegrin 1957, 5–31; Armisen-Marchetti 2001, lxxiii–lxxiv).

Применительно к рукописи Париж. BNF. Lat. 6370 возникает множество вопросов: в частности, каким образом этот текст мог попасть к Сервату Лупу и когда это произошло. Ответы на них можно получить, проанализировав деятельность Лупа по добыванию, переписыванию и исправлению текстов ранних авторов. При этом важно учитывать и интеллектуальное окружение Лупа.

Мы полагаем, что рассматриваемый манускрипт какое-то время находился в библиотеке Эйнхарда (около 770–840). Возможно, это было в 830 г., т. е. уже после того, как Эйнхард навсегда покинул королевский двор Людовика Благочестивого и переселился из Ахена в Муленхайм (Зелигенштадт). Именно в это время Серват Луп пишет Эйнхарду первое (Lup. 1 Ep. Pr.: Ad Eginh. / Migne 119, 431D–436A) из четырех (Ep. I–III и V / Dümmler) адресованных ему писем, в котором говорит о своем интересе к сочинениям древних авторов, жалуясь на то, что в свое время не получил достаточного образования. Из контекста письма следует, что в то время Серват Луп еще не был знаком с Эйнхардом лично, но всячески стремился к этому. В завершение письма Луп обращается к Эйнхарду за разъяснением непонятных ему слов, а далее просит (Ibid. 119, 433A, 435AB) одолжить ему некоторые книги из его библиотеки, среди которых «книга “О риторике” Туллия... его же три книги по риторике, написанные в форме диспута и диалога об ораторе... а также “Комментарий” на книги Цицерона, а кроме того “Аттические ночи” Авла Геллия» (Ревакина, пер. 1994, с изм.).

Скорее всего, в этом письме Лупа речь идет о Макробиевом «Комментарии на “Сон Сципиона”», представлявшим собой разъяснение небольшой части трактата Цицерона «О государстве». Это подтверждается, во-первых, тем, что впоследствии Луп сделал копию именно с «Комментария» Макробия. Во-вторых, имя Макробия упомянуто Лупом в его письме (Ep. VIII / Dümmler) к Адальгаду. В-третьих, не существовало иных толкований на тексты Марка Туллия (за исключением «Разъяснений на “Топику” Цицерона» – комментариев к специальному логическому тексту, выполненных Марием Викторином). Очевидно, Эйнхард удовлетворил просьбу Лупа. Луп смог забрать испрошенные книги сам, или же Эйнхард переслал их ему. Во всяком случае, ясно одно: текст Макробия, будучи исправленным и переписанным Лупом, а затем Гейриком и Адальгадом, к Эйнхарду уже не вернулся.

Как бы то ни было, именно этот манускрипт, содержащий исправления и лакуны, а также имеющий непростую историю, и был положен в

основу всех последних изданий Макробиева «Комментария», и именно он содержит полный текст этого сочинения.

Д.Г. Полонский (Москва)

**Рог, полумесяц и крест
в историко-литературных образах Российского государства и его
противников (конец XVII–XVIII вв.)**

Слово «рог» в значении символического атрибута могущества и силы, царской власти и вообще владычества, как известно, неоднократно встречается в поэтических текстах Ветхого Завета: благодарственной песни Господу матери царя Самуила пророчицы Анны (1 Цар. 2:10); Псалтири (Пс 74:11; 88:18; 91:11 и др.); Плаче пророка Иеремии (Плач 2:3). Закономерно, что проблемы интерпретации этой символики, как и история ее отражения в восточной, западноевропейской и русской литературах не раз привлекали филологов (*Алексеев М.П.* Сравнительное литературоведение. М., 1983. С. 96–118; *Мурьянов М.Ф.* История книжной культуры России. Очерки. Ч. I. М., 2007. С. 332–348) и библеистов (*Скобелев М.А.* Значение слова קֶרֶן – «рог» в библейской метафоре // Ежегодная богослов. конф. Православ. Св.-Тихонов. гуманитар. ун-та. М., 2008. Т. 1. № 18. С. 61–68).

В конце XVII и на протяжении XVIII века символика рога усваивается из псалмов русской панегирической и одической поэзией, причем помещается и в контекст темы победы над врагом. Комментаторами М.В. Ломоносова замечено, что, как и в Библии, в его произведениях слово «рог» встречается в устойчивом сочетании с глаголами двух семантических рядов: либо «вознести», «воздвигнуть», «возвысить», «поднять», «возрастить»; либо «стереть», «сокрушить», «сломать», «уничтожить» (*Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. Т. 8. М., Л. 1959. С. 909). То же верно и в отношении од В.К. Тредиаковского и А.П. Сумарокова, а позднее – В.И. Майкова, В.П. Петрова, Н.П. Николева, В.В. Капниста. Однако еще за десятилетия до них символика рога в сочетании с этими глаголами получила поэтическое оформление. Так, в «Плаче и утешении» Сильвестра Медведева, написанном на смерть царя Федора Алексеевича (1682 г.), стихотворец от лица усопшего монарха вдохновлял его преемников на будущие победы: «...воински покоряй вся враги под ноги / Царем своим, противных сокрушай роги» (*Богданов А.П.* Стих торжества: рождение русской оды... Ч. II. М., 2012. С. 634). Также в стихах Кариона Истомина (1694 г.), посвященных чуду Знамения Богородицы в Новгороде, о войсках под руководством суздальского князя Мстислава Андреевича, потерпевших поражение при осаде Новгорода (1169/1170 г.), говорилось: «В ярости силы собраша те многи / Но Бог сокруши гордые их роги» (Там же. С. 580).

Спустя два года после сочинения Истомина создается произведение, начиная с появления которого символ рога надолго получает образную визуализацию в связи с темой русско-турецких войн. В анонимных «Виршах о взятии Азова» (1696 г.), написанных после первой победы русского флота и армии над силами Османской империи, «рог» фигурирует в двух разных символических значениях. Первая из этих фигур, где опять используется рифма «роги – ноги», теперь обусловлена турецкой имперской символикой: «Се бо гордые луны бусорманской роги / Христианскому царю падоша под ноги» (*Дробленкова Н.Ф., Шепелева Л.С.* Вирши о взятии Азова в 1696 г. // ТОДРЛ. 1958. Т. XIV. С. 432). Эта аллегория запечатлена на памятной медали работы голландского мастера Яна Боскама (о нем: *Forrer L.* Biographical Dictionary of Medallists. Vol. I. L., 1904. P. 227–228), где изображена крылатая богиня Виктория с пальмовой ветвью и крестом в руках, попирающая турецкие трофеи, в центре которых – опрокинутый полумесяц. В 1698 г. А. Шхонебек при личном участии Петра I сделал основанный на работе Боскама офорт, изображающий победу христианства над мусульманством (БАН. П I Б. № 116, см.: Библиотека Петра I. Описание рукописных книг / Автор-сост. И.Н. Лебедева. СПб., 2003. С. 226–227, илл. 96). Возможно, рисунок Боскама вдохновил И.Ф. Копиевского на сочинение в панегирике «Слава торжеств и знамен...» (Амстердам, 1700) обращенных к Петру I строк всё с той же рифмой: «Спустив турецка луна в землю свое роги, / Снижися у престола твоего под ноги» (Панегирическая литература петровского времени. М., 1979. С. 44). Затем в XVIII в. мотив победы над символом Османской Порты неоднократно повторялся в произведениях авторов как именитых, так и малоизвестных: латинской оде Феофилакта Лопатинского, предваряющей «Книгу систима или Состояние мухаммеданския религии» Д. Кантемира (1722 г.), где о России говорится: «Ты сокрушишь рога надменного Босфора» (см. *Либуркин Д.Л.* Русская новолатинская поэзия: материалы к истории. XVII – первая половина XVIII века. М., 2000. С. 141–142); строках «Славы России» М.Н. Муравьева (около 1775–1779) о русско-турецкой войне 1768–1774 гг.: «Луны бледнеет свет: уже ее рога / Ломает сильная Румянцева рука» (*Муравьев М.Н.* Стихотворения. Л., 1967. С. 189); оде, сочиненной на случай кончины Екатерины II и воцарения Павла I (1796 г.) капитаном Черноморского кадетского корпуса П. Лобысевичем: «Но если, враг наш горделивый, / Дерзнешь вознестъ сотертый рог – / Познай, что Павел терпеливый / Сколь милостив, толико строг!» (Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб., 1901. С. 599) и др.

В «Виршах о взятии Азова» присутствует и другой троп, сопряженный с символами рога и Креста: «Роги лунныя долу повергше безчестно, / Вознесе рог христианск – знамение крестно». На Руси с конца XI в. известен церковный гимн, где рог уподоблен Кресту, причем это произведение исполнялось в один из важнейших для православной традиции

дней – господский двенадесятый праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста 14 (27) сентября. Это канон византийского гимнографа VIII в. Космы Маюмского (РГ. Т. 98. Col. 501–510). Уподобление рога Кресту присутствует в тропаре 9 песни канона, который фигурирует уже в старших славянских богослужебных книгах (РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. № 84. Л. 91 об., список 1095 г.; ср.: БЛДР. Т. 2. СПб., 1999. С. 490–491), а в последующие века регулярно включался в служебные сентябрьские и праздничные Минеи. Видимо, автор «Виршей о взятии Азова» уподоблял рог Кресту в том же смысле, что и Косма. В связи с этим примечательно, что «Животворящий Крест» сопровождал 30 сентября 1696 г. триумфальную процессию при въезде генералиссимуса А.С. Шеина в Москву после азовской победы (*Богословский М.М.* Петр Великий. Материалы для биографии. Т. I. М., 2005. С. 345).

Если «татарския луны кичливый рог», как называл мусульманский символ М.М. Херасков в поэме «Россиада» (1771–1779), постепенно исчезает из политического контекста литературы XVIII – начала XIX в. по мере ослабления Османской империи, то после «Виршей о взятии Азова» уподобление рога Кресту, по-видимому, так и остается образом из церковного гимна, не получив развития в светской поэзии. В ней же символика рога наполняется иным содержанием: так, В.В. Капнист в «Оде на отъезд в Италию графа Суворова-Рымникского» (1799) восхваляет своего героя за то, что тот подавил восстание в Польше и «наглою вольности сарматов / Рога строптивы сокрушил».

О.В. Полоцкая (Вологда)

**Болезни населения России на рубеже XVIII–XIX веков
(из писем, адресованных игумену Тотемского Спасо-Суморина
монастыря Израилю в 1798–1802 гг.)**

Отношение человека к болезням в разные исторические эпохи, способы лечения и объяснения заболеваний являются неотъемлемым элементом культуры повседневности. В настоящее время исследователи выделяют в русле данной дисциплины целое направление, именуемое «антропология болезни».

Важной группой источников при изучении данного вопроса является агиографическая литература. В житиях перечисляются списки чудес и исцелений, которые совершались святыми. По мнению отечественных и зарубежных исследователей, несмотря на жанровую специфику, агиографические источники содержат вполне реальную информацию, касающуюся состояния здоровья населения и психологического отношения к болезням (*Малахова А.С., Малахов С.Н.* Феномен болезни в сознании и

повседневной жизни человека Древней Руси (XI – начало XVII вв.). Армавир, 2014).

В сознании людей проблемы со здоровьем объяснялись как наказание свыше, либо же как влияние нечистой силы, сглаз и порча. Поэтому обращение за излечением к различным святыням считалось вполне естественным средством.

В данной статье речь пойдёт об источнике мемуарного характера, который представляет собой отзывы от разных лиц, получивших исцеление от мощей одного из Вологодских святых – Феодосия Суморина. Это собрание из более чем 50 писем, адресованных игумену Тотемского Спасо-Суморина монастыря Израилю в период с 1798 по 1802 год. Этот источник никогда не публиковался и в настоящее время хранится в фондах Государственного архива Вологодской области (ГАВО).

География писем довольно обширна. Они присылались не только с территории Вологодской, но и из других губерний: Новгородской, Костромской, Тверской, Владимирской, Ярославской. Большинство отправителей – это крестьяне и купцы. Меньше всего здесь представлено духовенство – всего два письма.

Анализируя письма можно выявить несколько групп заболеваний, от которых обратившиеся желали исцелиться. Первая группа – это различные психические расстройства и неврозы, чаще всего встречающиеся у женщин и характеризующиеся следующими симптомами: больные кричали, рвали на себе волосы, вели себя агрессивно по отношению к окружающим людям, могли терять сознание, «в огонь и воду бросались». При этом адресаты, которые получили исцеление от данного недуга, чаще связывали их появление с порчей и одержимостью нечистым духом.

Вторая группа заболеваний – это параличи или, как они чаще именовались, расслабления. В письмах указывались следующие формулировки, описывающие состояние больных: «сделалась я больна всем составом телесным и от усилившейся болезни отнялась у меня нога», «сделался я от неизвестной мне болезни всем состоянием тела моего расслаблен», «с прошлого 1796 года я находился в параличе, от которого отнялись у меня обе ноги». (ГАВО. Ф. 526. Оп. 1. Д. 9. Л. 33, 34, 42).

Третья группа заболеваний – это нарушение работы органов чувств: потеря слуха или зрения, немота, чаще всего врождённые.

В письмах также указаны исцеления от следующих недугов: трясовичной болезни, кликоты, опухолей, сильной зубной и головной боли, бесплодия, а также описан случай благополучного разрешения тяжёлых многочасовых родов.

Как правило, обратившиеся за исцелением страдали своими заболеваниями от года и больше. В письмах практически не встречается сообщений о том, как люди пытались излечиться до обращения к мощам святого. Но, тем не менее, некоторые меры, применяемые к больным, всё же упо-

минаются. Например, психически нездоровых, способных причинить вред себе и окружающим, привязывали к кровати или приковывали цепями к стене на несколько дней, связывали руки и ноги.

Часть больных обращалась к врачам, однако, особого доверия к медицине, судя по тону некоторых формулировок, не было. «Я и мои родственники желали восстановить моё расстроенное здоровье, призывали ко мне многих врачей, от которых не только что здоровье получить, но и паще усугубилась моя тяжёлая болезнь» (ГАВО. Ф. 526. Оп. 1. Д. 9. Л. 45).

Таким образом, можно говорить о том, что письма, полученные игуменом Израилем от исцелившихся людей, являются важным источником по изучению культуры повседневности конца XVIII в. и дают пусть далеко не полную, но достаточно яркую картину, связанную с состоянием здоровья населения того периода.

И.А. Поляков, Д.О. Цыпкин
(Санкт-Петербург)

Азбука РНБ F. XIII. 5 в жизни молодого князя Ромодановского

Доклад посвящен рукописи РНБ F. XIII. 5 – «Азбука скорописная письмо фъраское глаголемая», созданной в 1676 г. в Москве и впервые представленной широкой научной общественности в 2015 г. (Конакова А.Д., Цыпкин Д.О. «Азбуки фряские» в истории русской каллиграфии (к постановке проблемы) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 3 (61). Сентябрь 2015. М., 2015. С. 56–57). В современных публикациях эта «Азбука» упоминается, прежде всего, как памятник русского письма (Цыпкин Д.О. «Азбука фряская» 1604 года как источник по истории искусства письма Древней Руси // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Вып. 6. СПб., 2016. С. 810; Цыпкин Д.О. Понятие почерка в изучении русского исторического письма: К проблеме разработки методологии почерковедческого анализа древнерусских рукописей // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 64. СПб., 2016. С. 863). Однако рукопись представляет большой интерес и как документ по истории самосознания и культуры повседневности русской аристократии в канун Петровских реформ, и как источник по истории частных библиотек Московской Руси, и как памятник ранней русской автобиографической литературы. Причиной того, что эта рукопись является столь интересным и уникальным во многих отношениях памятником, заключается в том, что, будучи создана как Азбука-подарок профессионального писца и каллиграфа Степана Федоровича Кириакова своему ученику князю Степану Васильевичу Ромодановскому (очевидно, к пожалованию того в чин стольника), она стала для последнего не только своеобразным пособием по оформлению доку-

ментов, но и основой для его «летописных» записей дневникового характера. Кроме того, этот кодекс включил в себя список части библиотеки князей Ромодановских, а также ряд памятников историко-литературного характера, очевидно, связанных с профессиональной деятельностью Ромодановских и их историческим самосознанием.

В докладе рассматриваются «летописные» заметки, посвященные биографии С.В. Ромодановского (1661–1680), и его собственноручные записи дневникового характера как наиболее ранний образец русской светской автобиографической литературы, как своеобразный предвестник традиции русского дворянского дневника последующих эпох.

Другой проблемой, обсуждаемой авторами, является вопрос о «кабинетной» библиотеке юного князя Ромодановского. Впервые этот вопрос был поднят И.А. Поляковым (*Поляков И.А.* Стольник князь С.В. Ромодановской и его библиотека. СПбИИ РАН. Сообщение 17.11.2016).

Благодаря сохранившимся источникам, отечественным исследователям известно о существовании царской и Синодальной библиотек; крупные собрания рукописных и печатных книг формируются в стенах монастырей. Однако в историографии отсутствует четкое представление о существовании и характере частных библиотек светских лиц; список князя С.В. Ромодановского позволяет определить состав, по крайней мере, части книжного собрания стольника.

В крупнейших архивохранилищах страны нами был осуществлён поиск рукописей, принадлежащих князьям Ромодановским. Его результатом стало выявление комплекса книг, составлявших их родовую библиотеку на протяжении всего XVII в. Её ядро было обнаружено в основном собрании НИОР БАН. Эти рукописи попали в БАН в составе конфискованного собрания графа М.Г. Головкина, арестованного и осужденного императрицей Елизаветой Петровной в 1741 г. Граф М.Г. Головкин был женат на Екатерине Ивановне, дочери последнего мужского представителя рода, князя И.Ф. Ромодановского. Князь собрал в своей коллекции рукописи и печатные книги, принадлежавшие обеим ветвям рода, и передал перед смертью дочери. Вследствие сумбурной работы конфискационной комиссии части коллекций осужденных лиц были перепутаны. Ни библиотечарь А. Бычков, ни сотрудники Академии наук не смогли выделить подлинные составы собраний. Нами был перепроверен весь комплекс материалов, поступивших из конфискационной комиссии 1741–1743 гг. Полученные результаты говорят об ошибочном выделении знаменитой коллекции рукописей графа А.И. Остермана. Её большая часть состоит из книг, принадлежавших М.Г. Головкину и относившихся к библиотеке князей Ромодановских XVII в.

На основании материалов других архивохранилищ удалось обнаружить рукописи, принадлежавшие князьям Ромодановским. Таким образом, полученные материалы восстанавливают состав крупной библиотеки

московских аристократов XVII в. Эти сведения ценны в контексте книжной культуры периода и открывают перспективы в изучении истории складывания комплекса книг, редакции и взаимовлияния отдельных источников, круга чтения правящей элиты.

Сопоставление обнаруженных рукописей с описью князя С.В. Ромодановского показало, что большая часть библиотеки рода находилась в руках юного стольника, наследника старшей ветви. На данный момент часть книг, положенных князем в сундук, уже атрибутирована. Их состав позволяет говорить о существовании личного кабинетного собрания стольника, собранного им для конкретных личных целей. Подобный материал даёт развернутое представление об исторических взглядах князя и его системе координат. Для нас он представляет собой уникальный источник по истории мысли второй половины XVII в.

И.Г. Пономарева (Москва)

К раннему родословию Ратшичей

Родословные росписи Ратшичей, сообщают, что их предок, «муж честен» Ратша, «прииде из Немец» к князю Александру Ярославичу Невскому. Следующими членами рода называются: его сын Якун, внук Алекса, правнук Гаврила и сыновья последнего – Иван Морхиня и Акинф Великий. Верность начала родословия сомнительна: не все редакции упоминают Якуна, очень большой временной промежуток между участием Гаврилы Алексича (мужа из полка князя Александра Ярославича и предполагаемого Ратшича) в Невской битве 1240 г. и гибелью его младшего сына Акинфа в 1305 г. (ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 293; Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 368).

С.Б. Веселовский считал первым достоверным членом рода Гавриила, исходя из упоминания его Ратшичами первым из предков в синодиках, куда вымышленных лиц не вносили (*Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 45–46*). Это мнение можно оспорить.

В самом раннем дошедшем родословце московской знати, Типографском (далее – Т), протограф которого был составлен в 1417–1433 гг. (*Пономарева И.Г. О датировке ранних боярских родословных // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Матлы XXV Междунар. науч. конф. Ч. II. М., 2013. С. 481–483*), есть статья о боярине Дмитриии Васильевиче, о котором сообщается, что он – «оть Гаврила оть Алексеевича» (ПСРЛ. Т. 24. М., 2000. С. 231–232). А.В. Кузьмин отверг родство Дмитриии Васильевича с Ратшичами, полагая, что было два Гавриила Алексеевича. При редкости имени и совпадении его и отчества это маловероятно. Обосновывая свой вывод, А.В. Кузьмин сделал две ссылки на эту статью из разных списков Т: 1) «Ино (союз «а») Дмитрей

Васильевич от Гаврила от Алексеевича». 2) «А се род Дмитрия Васильевича, зри внятно». Последние два слова выделены киноварью, что отмечено А.В. Кузьминым, хотя их следует понимать всего лишь как призыв к внимательности. С.Б. Веселовским приведен ещё один вариант статьи: «Дмитрей Васильевич, от Гаврила от Алексеевича, род иной...» (*Веселовский С.Б. Род и предки А.С.Пушкина в истории. М., 1990. С. 66; Кузьмин А.В. Жития XIII–XV вв. как источник по генеалогии аристократии Северо-Восточной Руси // Мир житий. М., 2002. С. 98*). Ни один из вариантов не дает оснований для вывода о существовании двух Гавриилов Алексеевичей. Из ремарки «иной» (видимо, имеет место противопоставление родовых линий Дмитрия Васильевича и потомков Акинфа, поскольку в Т есть их роспись, начатая с внука последнего) следует, что речь идет о другой ветви потомков Гавриила, как полагал С.Б. Веселовский – от Ивана Морхини. Получается, что Т называет двух предков Ратшичей XIII в., так как упомянут не только Гавриил, но через отчество и его отец, которого вполне можно считать древнейшим достоверно известным по имени членом рода. Но был ли он Алексеем?

В родословцах отцом Гавриила назван Алекса. С отчеством «Алексиевич» наряду с Т («Алексеевич») Гавриил фигурирует в Академическом списке Новгородской четвертой летописи (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 224). В других же ее списках и в Новгородской первой летописи даются разные формы отчества, производные от «Олекса»/«Алекса»: «Олексичинь», «Олексичь», «Олексеничь», «Алексеничь», «Алексиничь», «Алексиниць» (ПСРЛ. Т. 3. С. 293; Т. 4. Ч. 1. С. 224). Краткая форма имени, и соответственно эти варианты отчества могут восходить как к каноническому «Алексий», так и «Александр». Судя по родословным служилых родов, первое существенно уступало в частотности второму.

У Ратшичей имя «Алексий» среди потомков Гавриила появляется лишь в 10-м и 11-м поколениях, зато в старшей линии Ратшичей есть Александры в трех ранних поколениях подряд: единственный сын Ивана Морхини, его четвертый внук и старший правнук. В потомстве Акинфа это имя носит его правнук (Редкие источники по истории России. Вып. 2. М., 1977. С. 58, 127, 129–131).

Летом 1305 г. Акинф служил в Твери, но ряд источников различного происхождения сообщают о его службе до этого в Москве. Составители протографа Т, являвшегося официальным московским родословцем, как видим, о Гаврииле знали, и, возможно, не понаслышке: один из потомков Акинфа владел деревней Гавриловской в Горетовском стане Московского уезда (Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 2. М., 1958. № 380). Присутствие же в Москве отца Гавриила, в качестве члена княжеского Двора, практически невозможно. Родоначальник московской династии Даниил переехал туда не ранее 1270-х гг. (*Кучкин В.А. Первый московский князь Даниил Алексан-*

дрович // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год. М., 2008. С. 298–299). Таким образом, об отце Гавриила москвичам было известно лишь по его отчеству, форма которого от разговорного краткого варианта имени («Олекса»/«Алекса») была, похоже, ошибочно соотнесена делопроизводителями с каноническим «Алексий».

Это подтверждает опубликованное А.В. Кузьминым известие об Акинфе из подборки родословных материалов, приписываемых в XVII в. к хронографам и летописям, в котором он фигурирует как «Акинф Александрович» (*Кузьмин А.В.* На пути в Москву. Т. I. М., 2014. С. 285). Замена отчества «Гавриилович» на «Александрович» объясняется не ошибкой, а известной практикой фиксации родовой принадлежности через имя деда, встречающейся (и не раз) у потомков Акинфа. Так, в Т его внук – Андрей Иванович, записан как Андрей Акинфович. Перечисляя погибших на Куликовом поле, летописи называют другого внука Акинфа – Михаилом Ивановичем Акинфовичем или Михаилом Ивановым сыном Акинфовича (*Приселков М.Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.–Л., 1950. С. 420; ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 140; Т. 18. М., 2007. С. 130; Т. 4. Ч. 1. С. 321; Т. 6. Вып. 1. Стб. 466). В синодиках Софийского Новгородского и Успенского Ростовского соборов (Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011. С. 189, 193) встречаются оба варианта. Таким образом, отец Гавриила, по всей видимости, носил имя Александр.

В.П. Пушков (Москва)

Верхокамье как историко-географическое понятие

Почти полвека ведутся начатые по инициативе Археографической лаборатории Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова комплексные исследования традиционной культуры Верхокамья. Это появившееся в глубокой древности историко-географическое понятие (термин) относится к стыку Вятской и Пермской земли (по административно-территориальному делению начала XX в. – крайние восточные волости Глазовского уезда Вятской и северо-западные волости Оханского уезда Пермской губернии). В конце XVII в. здесь сложился крупный старообрядческий район, сохранявший свою самобытную материальную и духовную культуру вплоть до последней четверти XX в. Для продолжающихся исследований этого историко-культурного феномена (опубликованы сотни работ) будут полезны выявленные нами локализации данного понятия.

Уже в самом конце XVI в. (1600 г.) в Осинскую крепость «у государевых дел в разсылке» было переселено девять человек, среди которых оказалось и двое «верхокамцев» (*Шишонко В.* Переписные Осиновские книги князя Ивана Дашкова 1678 года. Пермь, б/г. С. 52). Под 1596 г. упоминаются пашенные крестьяне Никольской слободы на Осинском городище

в Казанском уезде Дмитрий Прокопьев сын Богатырь Верхокамец и Аврамко Ерофеев сын Шика Верхокамец. В писцовых книгах 1623/24 г. фигурируют три крестьянина с таким же прозвищем, которые жили в починке Верхокамцове на реке Каме во владениях Пысковского Спасо-Преображенского монастыря на землях Строгановых (*Мосин А.Г.* Уральский исторический ономастикон. Екатеринбург, 2001. С. 78) По мнению А.Ф. Теплоухова, в XVI–XVII вв. под Верхокамьем понималась часть владений Строгановых в так называемом Зюздинском крае Кайгородского уезда (позднее это Бисеровская, Афанасьевская и Горбуновская волости Глазовского уезда Вятской губернии) (*Теплоухов А.Ф.* Фамилии и географические названия Пермского края в этнографическом и историко-географическом отношениях // Коми Му – Зырянский край, экономический и краеведческий журнал. Усть-Сысольск, 1925. № 9. С. 37). Кайгородский «адрес» Верхокамья подтверждается и свидетельством анонимного автора написанной в 1795 г. в Обвинском поречье (Обва – правый приток Камы) известной старообрядческой рукописи, где говорится, что в 1698 г. якобы «в Верхо-Камья бежали близ Кайгородка» мятежные московские стрельцы (*Палладий (Пьянков), архимандрит.* Обозрение Пермского раскола, так называемого старообрядчества. СПб., 1863. С. 186). О наряде «обвинских крестьян» для заготовки и транспортировки «верхокамских варнишных дров» к соляным строгановским промыслам говорят «указы баронов» 1728 г. (РГАДА. Ф. 1278 (Строгановы). Оп. 1. Д. 311. Л. 5–6). Последний текст позволяет включить в состав Верхокамья и верхнюю часть Обвинского Поречья.

Подтверждая выявленные локализации Верхокамья, профессиональные географы начала XX в. отмечали, что «Кама течет по Зюздинскому краю. Это глухой лесной угол, где за отсутствием колесных дорог не держат телег» (Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная книга для русского путешественника. Т. 5. Урал и Приуралье. СПб., 1914. С. 546). По мнению Г.Н. Чагина верховьями Камы является часть ее бассейна от впадения в нее Южной Кельтмы на востоке до р. Парыша на западе (бывшая территория Коми-Пермяцкого национального округа) (*Чагин Г.Н.* Пермь Великая в топонимических доказательствах. Пермь, 2004. С. 16).

По четырем верхокамским «ведомствам» Обвинского поречья (селу Карагай, Лысьвенским, Путинским и Сепычевским деревням) отказные книги 1782/91 гг. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3507) говорят о 54 реках, большинство из которых (31) оставалось с местными пермскими названиями (в том числе все основные – Обва, Лысьва, Очер и Сепыч), причем названия каждой пятой малой реки оканчивались пермским словом *шер* («ручей») и часто с добавлением русских суффикса и окончания *ка* (Ашаншер/ка, Кушер, Лиханшер, Козушер/ка и т. п.). Иногда местные названия рек заменялись русскими, но с сохранением корня *шер* (Иван-

шер/ка, Роман шер и др.). Однако среди названий населенных пунктов доля русских оказалась вдвое больше, чем по рекам – 80% против 42% (у 148 поселков из 176), что свидетельствовало об активном освоении русскими свободных земель.

О влиянии природного ландшафта на формирование аграрного пейзажа (формы, направление расселения и освоения целинных земель) говорит привязка поселков к гидронимам. Поселения возникали «при речках», «ключках», «ключевых «проточинах», «озерах» и различных их комбинациях, причем источник не называет ни одного селения «при колодцах», что говорит о доступности природных источников воды для жизнедеятельности верхокамского крестьянства. Чаще всего (95 случаев) селились вдоль («по течению») малых рек, в том числе 37 раз «по обоим сторонам», 33 – «по левой» и 25 – «по правой стороне». Как правило, «ключи» (ручьи), на которых стояли поселки, по документу были безымянными, однако весьма регулярно сообщалось, куда они текут. Так, в Карагайском ведомстве д. Борщева на Угоре была «при ключе, впадшем в реку Обву с правой стороны».

Межевые описания 1747 г. в составе отказных книг 1782/91 гг. содержат самые разнообразные сведения о природных и хозяйственных реалиях – гидронимах, лесах, деревьях, оврагах, дорогах, ямах, столбах, земельных угодьях, поселках и пр. Ориентация объектов по сторонам света вкупе с показанием расстояний между ними позволяют реконструировать природно-хозяйственную инфраструктуру края и оценить степень ее сохранности. Создаваемые межевыми описаниями пространственные образы Верхокамья особенно ценны для микроистории и краеведения, ставя перед исследователями интересные задачи по их локализации и идентификации.

А.А. Романова (Санкт-Петербург)

Месяцесловы XVI–XVII вв. как источник сведений о русских святых

*Исследование осуществлено при финансовой поддержке
гранта РГНФ № 16-01-00351*

Месяцесловные части русских богослужебных рукописей и отдельные рукописи и издания святцев поздней традиции изучены фрагментарно, что вполне объяснимо, если учесть количество рукописей, сохранившихся от XVI–XVII вв. Собственно жанр святцев как отдельной рукописи или печатной книги приобрел популярность достаточно поздно и получил особое распространение в XVII–XIX вв. Расцветом жанра можно считать XVIII–XIX вв. Данные многих святцев активно использовались агиолога-

ми конца XIX в., прежде всего Сергием (Спасским) (*Сергий (Спасский), архиеп.* Полный месяцеслов Востока. Изд. 2. Т. 1–3. Владимир, 1901 (репринт. изд.: М., 1997)). Некоторые из использованных им рукописей, о которых речь пойдет ниже, и по настоящее время не до конца изучены, некоторые ссылки содержат неточное указание шифра (как, например, рукопись РНБ. О. I. 51, которая указана в «Полном месяцеслове» как «Святцы ИПБ № 51» (благодарю Ж.Л. Левшину (РНБ) за уточнение современного шифра рукописи). Некоторые из источников Сергия (Спасского) считались утраченными, как, например, «кайдаловские святцы», которые, как недавно установила Е.В. Романенко, сохранились и датируются не XVII в., а серединой XIX в. (*Кожевникова Ю.Н., Романенко Е.В.* Макарий // Православная энциклопедия. М., 2016. Т. 42. С. 429).

Если говорить о святцах XVII в. в целом – то это один из наименее изученных и очень пестрых по составу письменных источников, встречающихся как в привычном текстовом, так и в табличном виде. Святцы этого периода могут находиться в составе богослужебных книг, переписываться как отдельные рукописи и, наконец, получить собственную печатную традицию (см.: *Карбасова Т.Б.* Святцы 1646 г.: памяти русских святых // Русская агиография. Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2011. Т. 2. С. 249–301).

Помимо традиционных календарных данных о месяце, дне, памятях святых и т. п. встречаются рукописи святцев с большим количеством дополнительных данных, в том числе о количестве дневных и ночных часов, о пребывании в знаке зодиака, данных для расчетов праздников, счета по календам, нонам и идам. Можно назвать список РНБ. Собр. Погодина. № 1121 (1620–1630-е гг.), сохранивший единственный полный текст перевода трактата Гийома Дюрана «Совещание божественных дел», выполненный при новгородском архиепископе Геннадии (см. описание рукописи: *Rationale divinorum officiorum*) Wilgelmi Durandi в русском переводе конца XV в. / Изд. подг. А.А. Романовой, В.А. Ромодановской; отв. ред. И.П. Медведев. М.; СПб., 2012. С. 31–35). Также достаточно известны т. н. Коряжемские святцы (РГБ. Ф. 310. Собр. Ундольского. № 237, 1621 г.) и святцы Кирилло-Белозерского монастыря 516/773 (сборник включает Миротворный круг и Святцы, 1626 г.) (*Романова А.А.* К проблеме уточнения датировки рукописей XIV–XVI вв. по таблицам и текстам пасхалии // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: археография, палеография, кодикология. СПб., 1999. С. 186–199, *Новицкас Л.А.* Дополнительные комментарии на полях таблиц «Великого миротворного круга»: текстология и атрибуция // II Междунар. конф. молодых исследователей. «Текстология и историко-литературный процесс»: Сб. ст. М., 2014. С. 21–28).

Постепенно вводятся в научный оборот бесчисленные безымянные святцы, некоторые из которых введены частично, как, например, месяце-

слов ГИМ. Собр. Барсова. № 1299 (*Охотина-Линд Н.А.* «Сказание о Валаамском монастыре»). СПб., 1996. С. 58) и ряд других.

Помимо традиционных святцев с указанием памятей святых на каждый день, появляются выборки из святцев. Наиболее известный пример такого рода был создан известным книжником Симоном Азарьиным, который выписал «...из святцев с летописцем помесечно и о праздниках господских и богородичных иже благодатию Божиею во святей России празднуются сверх греческих уставов». Дни памяти отдельных святых и подвижников Симон не знал, но стремясь указать и их имена, он выделил их в особый раздел после перечня святых в календарном порядке: «Мнози же и ини в Русийском государстве свидетелство имут от святых писаний и ведомы быша, и почитаеми от человек и благодать от Бога праведного ради своего жития восприяша, а дни в месяцах им не описаны быша, яко же есть сии» (*Романова А.А.* Святцы Симона Азарьина // Библиотекосведение. 2016. Т. 65. № 5. С. 540–544).

Как в рукописях, так и в печатных изданиях получает распространение жанр святцев с летописью. Составители некоторых из них известны, как для рукописи РНБ. Собр. Погодина. № 650, которые были составлены жителем Любима Алексеем Жадовским (Рукописные книги собрания М.П. Погодина: Каталог. СПб., 2004. Вып. 3. С. 33–37; *Сиренов А.В.* Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.; СПб., 2010. С. 417), или предположительно известны, как, например, для рукописи РНБ. Собр. Погодина. № 637, которую, как предполагает З.В. Дмитриева, мог переписать известный кирилловский книжник келарь Матфей Никифоров (*Дмитриева З.В., Шварц Е.М.* Матфей Никифоров: Материалы к биографии келаря Кирилло-Белозерского монастыря (1674–1675) // Келарский обиходник Матфея Никифорова, старца Кирилло-Белозерского монастыря. 1655/1656 год. М., 2002. С. 184. Ср.: *Семячко С.А.* Житие Дионисия Глушицкого // Святые подвижники и обители Русского Севера: Усть-Шехонский Троицкий, Спасо-Каменный, Дионисиев Глушицкий и Александров Куштский монастыри и их обитатели. СПб., 2005. С. 99).

В некоторых случаях памяти из святцев являются уникальным источником памятей святых. Так, только в списках святцев, происходящих из Кирилло-Белозерского монастыря и использованных еще Сергием (Спаским), имеется память Иакова Стромьинского (РНБ. Кир.-Бел. 493/752. Л. 54; Кир.-Бел. 516/773. Л. 15 об.). – игумена Стромьинского монастыря, основанного прп. Сергием Радонежским (*Булычев А.А., Романова А.А.* Иаков Стромьинский // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 20. С. 474; *Булычев А.А.* Об Успенских Дубенских монастырях, основанных преподобным Сергием Радонежским // Преподобный Сергий Радонежский: история и агиография, иконописный образ и монастырские традиции: Материалы междунар. науч. конф. М., 2015. С. 91–92).

Примером смешения жанров могут служить Святцы с летописью форматом в лист первой четверти XVIII в. (после 1719 г.) РГБ. Ф. 651 (собр. Е.И. Усова). № 88. Эти святцы включают в свой состав не только краткие жития, службы, похвальные слова, сказания об иконах, но и летописные заметки о затмениях и природных катаклизмах, например, о грозе и сильном ветре в Соловецком монастыре 6 сентября 7210 (1791 г.), содержащем мельчайшие подробности происшествия: «и братия в церкви от грома того без памяти быша надолзе, у иеромонаха же литоргисающего пред престолом у правой ноги сапога преднюю часть всю изорвало, на босой бо ноге сапог бысть и ноги не вредило» (Л. 10 об.—11).

И.В. Сахаров (Санкт-Петербург)

Попытка семейства Алфераки присоединить к своей фамилии фамилию и титул графов Платовых

В годы царствования Екатерины II Россия окончательно утвердилась в Северном Причерноморье и Приазовье. Началось быстрое всестороннее развитие этого края, сопровождавшееся ростом новых приморских городов. На западе Новороссии, как стали называть этот край, возникли Одесса и Николаев, в Крыму — Севастополь, на побережье Азовского моря стал быстро расти Таганрог...

С самого начала ведущую роль в развитии Таганрога стала играть греческая община. Выходцы из Греции — купцы, предприниматели, финансисты, деятели городской администрации, меценаты — заняли видное место в экономической, общественной, духовной, культурной жизни города.

Среди них выделялись Алфераки — потомки переселившегося в Россию Дмитрия Алфераки, получившего в русской армии чин капитана, затем чин надворного советника и удостоенного за службу ордена св. Владимира 4-й степени. Члены этого рода, обосновавшиеся в Таганроге, были крупными негодантами, занимали видные должности в городском правлении, прославились в качестве благотворителей, жертвовавших большие суммы на строительство и поддержание церквей, устройство учебных заведений и богаделен. Роскошный особняк, построенный Николаем Дмитриевичем Алфераки, до сих пор является украшением города. Некоторые члены рода достигали видных постов и чинов на государственной службе (см., в частности: Les Alferaki // *Ikonnikov N. La noblesse de Russie*. 2-me éd. Tome A. 1. Paris, 1957. P. 21–25; *Amburger E.N. Alferaki. Griechenland* // Электронная база данных, составленная Э. Амбургером и хранящаяся в Институте изучения Восточной и Юго-Восточной Европы в Регенсбурге). Определениями Екатеринославского и Харьковского Дворянских депутатских собраний Н.Д. Алфераки, действительный статский советник, был возведен в потомственное дворянское

достоинство и был внесен с женой и детьми в дворянские родословные книги этих губерний.

Один из его сыновей Михаил (1853–1915) окончил курс наук в Санкт-Петербургском университете, в 1875 г. был определен на службу с причислением к Министерству Государственных имуществ и стал быстро продвигаться чинами, состоя в конце своей служебной карьеры чиновником особых поручений при Министре внутренних дел в чине действительного статского советника (пожалован в 1906 г.) и в придворном звании камергера Высочайшего Двора (пожаловано в 1899 г.).

М.Н. Алфераки был женат на Марии Николаевне Грековой (1855–1911), дочери гвардии корнета Николая Грекова, который принадлежал к известному донскому роду и который по матери своей Марии Матвеевне, урожденной Платовой, был родным внуком знаменитого атамана графа Матвея Ивановича Платова. Этот факт, с учетом того, что потомство первого графа Платова по мужской линии к тому времени пресеклось, привел М.Н. Алфераки к мысли попытаться присоединить фамилию и титул графов Платовых к фамилии своего сына Михаила (род. в 1888 г.). В этом контексте становится понятным, почему М.Н. Алфераки, согласно его прошению, определением Областного Донского войска Дворянского депутатского собрания от 28 октября 1900 г. был внесен в родословную книгу Области войска Донского с женой и детьми и почему Михаил Алфераки-младший по окончании Пажеского корпуса в 1909 г. был определен именно в казацый войска – в лейб-гвардии Казачий Его Величества полк в чине хорунжего.

Задумав свой проект, М.Н. Алфераки продолжил его осуществление со знанием дела.

Прежде всего, он обратился к единственной жившей в то время носительнице графского титула Платовых Анне Николаевне Платовой, результатом чего стал следующий документ, направленный последней в Канцелярию по принятию прошений, на Высочайшее Имя приносимых: «Ваше Императорское Величество Всемилоостивейший Государь. Род Атамана Войска Донского графа Матвея Ивановича Платова, со смертью правнука его, Гвардии Штабс-Ротмистра графа Ивана Матвеевича Платова, старшего брата моего покойного мужа, в должности шталмейстера Высочайшего двора графа Матвея Матвеевича Платова, скончавшегося в 1888 году, раньше своего брата, пресекается и я ныне являюсь единственной носительницей фамилии и титула почившего героя. Упомянутый деверь мой, граф Иван Матвеевич Платов, одержимый долголетнею и неизлечимою душевною болезнью, ходатайствовать о передаче своей фамилии и графского титула кому-либо из родственников не мог, также как и муж мой, скончавшийся от болезни во цвете лет, а потому, со смертью моею, имя графа Платова угаснет навсегда. В виду сего и особливо по случаю приближения знаменательной столетней годовщины Отечественной вой-

ны, с коей тесно связано в памяти народной имя знаменитого предводителя Донцов, приемлю смелость повергнуть к Стопам Вашего Императорского Величества мое всеподданнейшее ходатайство, дабы фамилию, герб и титул Графа Платова Всемилоостивейшее разрешено было принять и носить прямому потомку его по женской линии, праправнуку его, потомственному дворянину Войска Донского, сыну Камергера двора Вашего Императорского Величества, действительного статского советника Алфераки и жены его, рожденной Грековой, правнучки Атамана графа Платова, отец коей Гвардии Корнет Греков, по матери своей Марии Матвеевны Грековой, рожденной графини Платовой – дочери Атамана – был родным внуком его, – бывшему Камер-Пажу Высочайшего Двора, а ныне хорунжему Лейб-Гвардии Казачьего Вашего Величества полка, Михаилу Алфераки и именоваться впредь Графом Платовым-Алфераки, с тем, чтобы этим правом в дальнейшем всегда пользовался лишь старший в его роде, в твердой уверенности, что означенный родственник мой с честью и достоинством будет носить столь славное имя. [Далее следует подписав-автограф:] Вашего императорского Величества верноподданная, вдова в должности Шталмейстера Высочайшего Двора графиня Анна Николаевна Платова. Флоренция 10го Мая 1910 года. 7 Via Landino» (Дело о дозволении Михаилу Алфераки принять фамилию, герб и титул графов Платовых. Слушалось 8 мая 1914 г. и 20 августа 1914 г. // РГИА. Ф. 1343 (Департамент Герольдии Правительствующего Сената). Оп. 42 (Дела о передаче фамилий и сопряженных с ними титулов и гербов). Ед. хр. 39. Л. 4–4 об.).

В результате в феврале 1913 г. в Правительствующий Сенат поступил документ следующего содержания: «Предложение. Государь Император, по всеподданнейшему докладу Министра юстиции, в 4 день февраля 1913 года Высочайше повелеть соизволил: всеподданнейшее прошение вдовы состоявшего в должности Шталмейстера Высочайшего Двора графа Матвея Платова графини Анны Платовой о дозволении принять фамилию, герб и титул графов Платовых хорунжему Лейб-Гвардии Казачьего Его Величества полка Михаилу Алфераки внести в Правительствующий Сенат, на основании п. 13 прил. к ст. 79 зак. сост., с тем, чтобы Сенат вошел в рассмотрение ее ходатайства по существу, *не стесняясь тем обстоятельством, что просьба эта возбуждена ею, просительницею, а не последним представителем рода графов Платовых* [курсив мой. – И.С.], графом Иваном Матвеевичем Платовым. О таковой Монаршей воле имею честь предложить Правительствующему Сенату к исполнению, препровождая при сем упомянутое всеподданнейшее прошение графини Анны Платовой, с следующими к оному приложениями по особой описи. За Министра Юстиции, Товарищ Министра, Сенатор А. Гасман, Вице-Директор М. Божовский» (Там же. Л. 1).

Казалось бы, милостивое отношение к прошению графини, столь явно выраженное Государем в обход закона, обещало благополучный для семейства Алфераки исход дела.

Однако в ноябре 1913 г. в Сенат по Департаменту Герольдии поступило прошение отставного генерал-майора Сергея Александровича Платова, жившего в Санкт-Петербурге по Казанской улице, д. 33, следующего содержания: «Мне стало известно, что в рассмотрении Департамента Герольдии находится ходатайство г. Алфераки о передаче его сыну фамилии и титула графов Платовых. Имея в виду, что таковая передача допускается, согласно прилож. к ст. 79 т. IX Зак. Сост. изд. 1899 года, только по ходатайству последнего в роде лица мужского пола и может быть сделана лишь кому либо из родственников или мужу родственницы, носившей передаваемую фамилию до замужества, имею честь заявить Правительствующему Сенату, для рассмотрения одновременно с упомянутым ходатайством г. Алфераки, что: 1) последний мужской потомок получившего графский титул за боевые заслуги Матвея Ивановича Платова граф Иван Матвеевич Платов скончался 11 Октября 1895 г., не предъявив ходатайства о передаче своего фамильного прозвания и титула кому либо из родственников; 2) титулом графов Платовых ныне пользуется единственная оставшаяся в живых и проживающая постоянно за границею престарелая вдова брата его графа Матвея Матвеевича Платова, умершего 27 Ноября 1888 г., Анна Николаевна, рожденная Левина, которой закон не дает права на передачу своей фамилии и титула чужеродцам; 3) род Алфераки связан с Платовыми по женской линии, в трех поколениях не пользовавшейся фамилией Платовых, и жена просителя Мария Николаевна, рожденная Грекова, до замужества таковой фамилии не носила; и 4) будучи единственным носителем славного имени Платовых, связанного с боевою славою Донского казачества, я не только не изъявляю согласия на передачу моей родовой фамилии лицу иностранного происхождения, ничем не связанному с фамилиею Платовых и с казачеством вообще, но как единственный же член одного с знаменитым войсковым атаманом графом Матвеем Ивановичем Платовым дворянского рода, прошу Правительствующий Сенат ни в каком случае таковой передачи не разрешать. В удостоверение моей родственной связи с графами Платовыми и отношения к сему роду просителя г. Алфераки прилагаю копии родословных и опись документов, представленных мною в подлинниках Военному министру в Феврале сего года. [Далее следует личная подпись-автограф С.А. Платова]. 15 Ноября 1913 г.» (Там же. Л. 51–51 об., генеалогическая таблица – Л. 55).

Более того, в марте 1914 г. в Департамент Герольдии поступило второе прошение С.А. Платова, в котором он писал: «В дополнение к прошению, поданному мною в Ноябре минувшего года по поводу ходатайства г. Алфераки о передаче его сыну фамилии и титула графов Платовых, имею честь представить в Правительствующий Сенат: 1) 29 документов

по особой описи, устанавливающих родоприсхождение мое и графов Платовых от одного общего родоначальника Федора Савельевича Платова; 2) подлинное письмо единственной находящейся в живых носительницы графского титула Платовых проживающей за границей графини Анны Николаевны Платовой, рожденной Левиной, с переводом на русский язык, коим она извещает мою жену, что она двумя годами раньше обращения жены, по просьбе М.Н. Алфераки, подписала просьбу на Высочайшее Имя о передаче его сыну графского титула Платовых, не зная о существовании ближайших однофамильцев и родственников; и 3) два нумера Донских Ведомостей, где помещены исторические данные о роде Платовых графской и моей линии. На основании этих данных и сделанного мною в Ноябре минувшего года заявления Правительствующему Сенату, имею честь покорнейше просить: [...] об окончательном отклонении домогательства М.Н. Алфераки о передаче его сыну фамилии и титула графов Платовых, на что он ни при каких условиях не может иметь права тем более, что всеподданнейшее прошение о сем последней представительницы линии графов Платовых подписано по просьбе г. Алфераки при неизвестности ей о существовании единокровцев, носящих фамилию Платовых. Считаю нужным еще добавить, что у меня, как единственного прямого представителя мужского потомства рода Платовых, хранится по завещанию семейная святыня – образ, с которым Матвей Иванович Платов совершал походы и оказал боевые заслуги, давшие ему графский титул. С-Петербург. Февраля 28 дня 1914 года. Отставной генерал-майор Платов [Подпись-автограф]» (Там же. Л. 57–57 об.).

Можно себе представить, в сколь щекотливое положение поставили господ сенаторов эти прошения С.А. Платова: с одной стороны, повеление Государя рассмотреть указанное дело (причем подразумевалось явно выраженное его благосклонное отношение к проекту Алфераки) не было отменено; с другой стороны, оказывалось неудобным не принимать во внимание ходатайство генерала. Очевидно, был выбран наиболее удобный выход из положения – положить дело «под сукно» на возможно долгий срок. Судя по всему, рассмотрение вопроса в Департаменте Герольдии было приостановлено. К тому же началась мировая война, в 1915 г. М.Н. Алфераки скончался, а в итоге событий, последовавших в России в 1917 г., замысел семейства Алфераки окончательно потерял свою актуальность.

В завершение добавим, что М.М. Алфераки в рядах л.-гв. Казачьего полка в чине сотника принял участие в Первой мировой войне, проявил себя как доблестный воин. Был ранен, награжден за отличие орденами и Георгиевским оружием, дослужился до чина есаула, затем в рядах Белой армии был удостоен чина полковника и вышел в отставку по болезни в июне 1920 г. (*Корягин С.В.* Родионовы и другие: Генеалогия и семейная история Донского казачества. Вып. 61. М., 2006. С. 205). Был вынужден

эмигрировать с женой, Татьяной Петровной, урожденной Яновой, и обосновался в Греции, где и умер в 1959 г., не оставив потомства.

Д.В. Сень (Ростов-на-Дону)

**Историческая география ногайской Кубани
в документах Государственного архива Воронежской области
(рубеж XVII–XVIII вв.)**

Документы Ф. И-5 (Азовская приказная палата. Оп. 1–4) неоднократно и плодотворно использовались исследователями при изучении истории внешней политики России, ее пограничных территорий, системы управления на Юге России и т. п. (*Аваков П.А.* Северо-Восточное Приазовье в составе Российского государства в конце XVII – начале XVIII вв.: завоевание, колонизация и управление: Дисс. к.и.н. Ростов н/Д.; *Андрющенко О.В.* Население и администрация города Азова в 1696–1711 годы. Воронеж, 2008; *Грибовський В.В.* Протоколи допитів утікачів з ногайського полону в російському Азові 1696 р. (За документами державного архіву Воронізької області) // Архіви України. 2014. № 1; *Boeck B.J.* Cossacks Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Great. Cambridge, 2009). Частично они публиковались в дореволюционный период. В последние годы эти документальные комплексы из ГАВО, включенные в состав ОЦД (особо ценных дел), используются учеными также в связи с историей их формирования и в связи с историей архивов и архивного дела на Юге России (*Аваков П.А.* Архивы азовской и троицкой приказных палат и их судьба // Архивы и архивное дело на Юге России. Ростов н/Д., 2015; *Ляпин Д.А.* Особо ценные документы из фондов ГАВО конца XVII – начала XVIII вв. (Азовская и Троицкая приказные палаты) // Там же). Значительная часть документов (изначально – столбцы) находится в удовлетворительном физическом состоянии, хотя отдельные документы частично утратили бумажную основу/текст.

Отметим, что «воронежская» часть архива Азовской приказной палаты (избы) – наиболее существенная среди других его остатков, хранящихся в российских федеральных и ведомственных архивах Москвы и Санкт-Петербурга. Эвристический потенциал указанных материалов российского делопроизводства (отписок, указных грамот, расспросных речей/сказок вышедших из плена людей, челобитных и пр.) не исчерпывается приведенными выше сюжетами. Большой объем документов освещает внешнеполитическую обстановку на Юге России после Азовских походов в 1696–1711 гг., мероприятия российских властей по укреплению обороноспособности крепостей, собранные из разных источников сведения о военно-политических планах Османской империи и Крымского ханства, а

также о жизни пограничных сообществ в условиях ломки старого пограничного порядка и установления линейных границ.

Существенная часть анализируемых документов – подлинники и копии (отпуски) конца XVII – начала XVIII в. – может быть успешно использована при изучении исторической географии (предметная область которой, помимо прочего, *состав, размещение и занятия народонаселения*) ногайской Кубани, входившей в состав Крымского ханства. Речь идет не только о ее тюркском народонаселении, но также о славянах (казаках, ахреянах). Завоевание Россией Азова и создание там уже летом 1696 г. воеводской администрации определили широкий спектр документирования местной жизни. В очередной раз (но уже в контексте российского завоевания) многие стороны этой жизни оказались «замкнуты» на Азове, как на важнейшем организующем начале в жизни пограничных сообществ. Российская документация того времени расширяет наши сведения о составе народонаселения Кубани, о его занятиях в связи с нападениями ногайцев и кубанских казаков, подданных крымских ханов, на российские пограничные территории.

Исследовательский прорыв в изучении прошлого казаков (ахреян) Кубани стал возможен благодаря документам из НИА СПбИИ РАН и ГАВО (Божук Б. К истории первого Кубанского казачьего войска: поиски убежища на Северном Кавказе // Восток (Oriens). 2001. № 4, 2001; Сень Д.В. Ахреяне как образы «чужого»: славяне Приазовья и Кубани XVII – начала XVIII вв. // CAUCASICA. Труды Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона. Т. 2. М., 2013). Документы ГАВО позволили установить новые факты о географии их проживания на Кубани, об отношениях с местным ногайским населением, о занятиях казаков набегами (Дон, Прикаспий) и работоторговлей. Установлены новые данные об антропимии и происхождении кубанских казаков, в том числе в связи с кумскими и аграханскими казаками, об источниках их пополнения, о численности.

Документы Ф. № И-5 содержат сведения о калмыках (в том числе крещеных), периодически откочевывавших из-под Азова на Кубань, о черкесах Северо-Западного Кавказа, об османских крепостях Таманского острова, но в еще большей степени – о ногайцах, как о важном этническом компоненте народонаселения Кубани. Именно эти документы помогли разработать ранее почти неизученной темы – реакции ногайцев (паника, откочевка в Закубанье к черкесам и обратное возвращение) на падение Азова в 1696 г. Обратим внимание на именование ногайцев в российских документах не только «абстрактными» кубанцами, но также «татарами», «ногайцами», «ногайскими татарами», «закубанской ордой». Территория их проживания именуется не только Кубанью, но и так: «...ево Андрея, взяли и повезли в Крым. ... и с Крыму продали ево в Нагаи». Переписка российских властей и местных элит способствовала детализации и уточнению

этнической номенклатуры местных ногайцев, что важно для истории этнографического изучения Северного Кавказа в России. В последнем случае источники четко различают едисанцев, наврузовцев и прочие ногайские группы, иногда фиксируя географию их проживания.

Документы сообщают об образе жизни ногайцев, об их социальной стратификации (рядовые ногайцы и элиты, включая редкие сведения об абызах и др.), об их традиционных занятиях, включая т. н. домашнее рабство, занятия пахотой земли, скотоводством, торговлей (так, в 1696 г. под Тамань для торговли приехал ногаец «на двух лошадях с рыбою»), набеги на российские окраины, включая Северо-Восточное Приазовье и Подонье (иногда описываются пути продвижения ногайцев и элементы ведения ими боевых действий), работоторговлю. Невольников привозили с Кубани в Азов от ногайцев, например, с кубанскими «торговыми людьми» (армянами и пр.), активно развивавшими торговые связи с Россией через Азов.

Размен пленными и возврат похищенного имущества – еще один существенный факт местной пограничной жизни, активными участниками которой являлись ногайцы, тесно взаимодействовавшие здесь с другими группами (Войско Донское). Вопрос о разменах часто решался путем переписки кубанских и крымских элит (проживавших на Кубани) с российскими властями Азова и других крепостей, которая составляет одну из самых замечательных групп письменных источников в составе указанного фонда. В некоторых случаях перед нами – оригиналы посланий с отписками личных печатей (султан Бахты-Гирей, Сартлан-мурза), но чаще всего – переводы писем, сделанные в Азове, в том числе на тюремном дворе. Переписка расширяет наши сведения о деятельности в регионе калги Шахбас-Гирея, нурадынов Гази-Гирея, Каплан-Гирея, местных ногайских элит – Сартлана-мурзы, Джан-Мамбета мурзы, Касая-мурзы, Кубека-аги и др., об их участии в жизни рядовых ногайцев и управлении ими. В ходе обмена такими письмами в Азове и в Москве/Санкт-Петербурге лучше узнавали об управлении крымскими ханами своими кубанскими владениями, о полиэтничном населении Кубани, о географии его проживания («...оне едисанцы живут от нас далеко в верху Кубана, а мы живем на усту Кубану и владеет нами Бахтигирей салтан, а едисанцами владеет Каплангирей салтан»), о традиционных занятиях, о составе и антропологии местных элит. Подобные сведения активно использовались в ходе реализации российской политики на Юге (переговоры с ногайцами о подданстве, различные формы пограничной дипломатии и пр.). В ходе передачи/получения этой и подобной информации стороны активно формировали представления друг о друге, что «амортизировало» для местного населения *по обе стороны границы* реальные и символические последствия падения османского Азова и утверждения в регионе Российского государства.

**Князья Гедиминовичи
в Московском государстве XVI – начала XVII в.**

В процессе образования единого Русского государства на московскую службу перешли князья, возводившие родословную к Литовскому князю Гедимину. Они образовали девять фамилий (в порядке родового старшинства): Хованские, Булгаковы-Голицыны, Куракины, Щенятевы, Патрикеевы, Корецкие, Мстиславские, Трубецкие, Бельские. Их родословные представлены в «Бархатной книге» и генеалогических справочниках (Родословная книга князей и дворян российских и выезжих..., которая известна под названием Бархатной книги. М., 1787. Ч. 1. С. 28–48; Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. СПб., 1854. Ч. 1. С. 276–330; *Лобанов-Ростовский А.Б.* Русская родословная книга. СПб., 1895. Т. 1. С. 94, 281, 319–330, 400–403; Т. 2. С. 402). Биографические очерки перечисленных князей, живших в XV – первой трети XVI вв., составлены А.А. Зиминым (*Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 29–35, 124–128). Наиболее многочисленными были фамилии Хованских, Булгаковых-Голицыных, Куракиных, Трубецких, включавших на протяжении рассматриваемого периода соответственно 40, 32, 19, 32 князей. Менее десяти человек было в составе мужской части Щенятевых, Патрикеевых, Корецких, Мстиславских, Бельских (соответственно – 4, 8, 8, 6, 10).

Наивысшим социальным статусом обладали князья Мстиславские и Бельские, выехавшие в Москву позднее других Гедиминовичей. Отчасти их успехи объясняются свойством с великими князьями Московскими. «Столпами» Московского царства Иван Грозный считал трех Иванов: себя и князей – Ивана Федоровича Мстиславского и Ивана Дмитриевича Бельского (Новое известие о времени Ивана Грозного. Л., 1934. С. 24). Этой оценки, а также сведений о служебных назначениях, огромных земельных латифундиях Мстиславских (более 9500 четей) достаточно, чтобы считать их знатнейшими среди княжеской аристократии Московского государства. Князья Мстиславские делали большие денежно-вещевые вклады в Симонов, где была их фамильная усыпальница, и другие монастыри.

Князь Федор Иванович Бельский выехал к Ивану III в 1481/82 г. Его потомки владели обширными землями в Суздальском и других уездах. Полных данных об их латифундиях нет, но они были не меньше, чем у Мстиславских. Бельские активно участвовали в политической борьбе. В результате один из сыновей князя Федора погиб, а другой бежал в Литву. Усыпальница Бельских располагалась в Суздальском Рождественском соборе (*Курганова Н.М.* Страницы истории некрополя города Суздаля. С. 23–26). Эта фамилия погибла во время Московского пожара в мае 1571 г.

В 1408 г. в Москву выехал внук Гедимины князь Патрикей Наримантович. Видное место среди московской аристократии заняли потомки второго сына Патрикея Юрия, благодаря его брачному союзу с дочерью Василия I. От старшего сына Юрия пошли фамилии Голицыных, Куракиных и Щенятевых. Все они имели думные чины на протяжении нескольких поколений и были «первостепенными» представителями московской княжеской аристократии. Обратной стороной высокого социального статуса была острая политическая борьба за его поддержание и сохранение. Последний представитель Щенятевых боярин князь Петр Михайлович погиб в 1568 г. во время опричного террора, а в 1575 г. был казнен князь Петр Андреевич Куракин (*Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб, 1992. С. 298, 545*). Кроме политических репрессий на продолжительность существования фамилий влияли эпидемии и войны. Многие князья умирали молодыми, не оставив потомства. На высокий уровень благосостояния потомков князя Юрия Патрикеевича указывают крупные денежные вклады, которые давались ими в монастыри. Земельные владения Голицыных, Куракиных, Щенятевых, включавшие поместья и вотчины, располагались в Кашиинском, Суздальском, Дмитровском, Ростовском и других уездах.

На протяжении XVI–XVII вв. социальный статус Хованских и Трубецких менялся в сторону повышения. Старшинство в родословной «лествице» не имело решающего значения для общественного положения Хованских, поскольку не подкреплялось близким родством с правящей династией и высокими чинами в Государевом дворе. В XV в. они получили земли в Волоцком уезде на реке Хованке. Район землевладения предопределил не только название фамилии, но и службу удельным князьям Волоцким и Старицким, а также тесные связи с Иосифо-Волоцким монастырем, где была усыпальница Хованских. В XVI в. они оставались «второстепенной» княжеской фамилией: не получали думных чинов, но исполняли разрядные службы. Рост их социального статуса был обусловлен службой в опрочине князя Андрея Петровича, участием в политических событиях Смуты, а также угасанием первенствовавших прежде фамилий Гедиминовичей. На этот рост указывает увеличение числа местнических конфликтов с участием Хованских с последней трети XVI в. (*Эскин Ю.М. Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994. С. 255–256*). В XVII в. они стали «первостепенной» фамилией.

Сходной была эволюция общественного положения Трубецких. На московскую службу они перешли в 1500 г. За ними на протяжении всего XVI в. сохранялось «родовое гнездо» Трубецвск, но их общественный статус был «второстепенным», поскольку до конца XVI в. никто из них не получал думных чинов. Его рост был связан со службой Трубецких в опрочине. Это возвышение привело к увеличению числа их местнических конфликтов. Виднейшим деятелем периода Смуты был князь Дмитрий

Тимофеевич. За свои заслуги он получил Путятинскую волость в Ярославском уезде (около 6000 четей) (ОР РНБ. Ф. IV. 529. Л. 290–360 об.).

Из Гедиминовичей самый низкий общественный статус был у князей Корецких, бывших «второстепенными» новгородскими помещиками. В Деревской пятине они получили небольшие (сравнительно с владениями старших родственников) поместья (30–40 обож). Информация писцовых книг позволяет пополнить родословную Корецких. Хотя с течением времени они могли повысить социальный статус, но вследствие угасания фамилии в середине XVI в. эта возможность осталась нереализованной.

И.Е. Суриков (Москва)

Второй фрагмент Афинского монетного декрета из Афитиса (Халкидика)

Афинский монетный декрет V в. до н.э. уникален в том смысле (и в частности, в контексте традиционных конференций по вспомогательным историческим дисциплинам в ИАИ), что он имеет прямое отношение едва ли не ко всем вспомогательным историческим дисциплинам (во всяком случае, к тем из них, данные которых применимы к классической Греции). И действительно, из этого памятника почерпывается материал по эпиграфике (поскольку он сохранился в виде ряда надписей из различных центров), нумизматике (поскольку речь в декрете идет о монетах и их чеканке), по исторической хронологии (и по сей день является спорной датировка декрета – 440-е, 420-е или даже 410 гг. до н.э.), по исторической географии (например, не решена пока проблема, откуда происходил так называемый «Одесский фрагмент» декрета, ныне утраченный: из Ольвии или все-таки нет?), по исторической метрологии (где разговор о монете, особенно о ее унификации, там неизбежно и поднятие вопросов о системах мер и весов), по эмблематике (древнегреческая нумизматика неизбежно связана с эмблематикой, а целью декрета было заставить полисы, входившие в Афинскую архэ, пользоваться монетой Афин с типами «голова Афины – сова», иными словами, сменить полисную эмблему на «общемперскую») и даже по просопографии (кто такой был Клеарх, который являлся – или не являлся? – инициатором данного декрета).

Относительно недавно в России появилась специально посвященная ему достаточно фундаментальная работа, принадлежащая перу А.В. Стрелкова (*Стрелков А.В. Афинский монетный декрет // Нумизматика и эпиграфика. 1999. Т. 16. С. 25–49*). В ней приведен и текст памятника (реконструируемый на основании совокупности фрагментов из различных полисов), и русский перевод, выполненный автором, равно как и его соображения в связи с основным содержанием декрета, его целями, историческим контекстом, датировкой.

Правда, следует оговорить вот какой момент. А.В. Стрелков в своей статье учел фрагменты из следующих мест находки: Смирна, Сифнос, Афитис, Сима (два фрагмента), Кос, Одесса (Ольвия?). Однако к моменту публикации его исследования уже стал известным еще один фрагмент, происходящий из Гамаксита (Троада) (*Mattingly H.B. New Light on the Athenian Standards Decree (ATL II, D 14) // Klio. 1993. Bd. 75. S. 99–102*).

Совсем недавно стал известен еще один фрагмент декрета; он является на сегодняшний день самым новым если не по времени обнаружения – это случилось еще в 1969 г., – то по времени публикации. Полноценно издан фрагмент был греческим антиковедом М. Хадзопулосом (*Hatzopoulos M.B. The Athenian Standards Decree: The Aphytis Fragments // Τεκμήρια. 2013–2014. Vol. 12. P. 235–269*).

Фрагмент происходит из Афитиса (на полуострове Халкидика); напомним, что другой фрагмент декрета из того же полиса известен уже давно. Текст и перевод нового отрывка важнейшего постановления, разумеется, совершенно невозможно привести в рамках ограниченных по объему тезисов. Поэтому полный текст работы, с обзором всех релевантных нюансов, мы в дальнейшем публикуем статьей, а здесь можем только кратко суммировать важнейшие наблюдения и указать, в чем заключается главное значение новоопубликованного фрагмента.

Напомним, что текст Афинского монетного декрета восстанавливается на основе комбинированного изучения ряда надписей. Но даже все они в совокупности не дают абсолютно полного текста памятника; остаются лакуны, для которых исследователи предлагают более или менее вероятные варианты заполнения.

К счастью, с открытием почти каждого нового фрагмента количество этих лакун становится все меньше. Тот, о котором здесь идет речь, тоже принес несколько безусловных чтений в местах, где раньше приходилось довольствоваться лишь догадками.

Особенно важно новое чтение в ст. 31 (нумерация строк дается по публикации Хадзопулоса): ταῦτα δ' ἐπιτελεῖν τὴν συμμαχίαν – «приводить же это в исполнение должен союз» (под «этим» имеется в виду установка копий декрета в полисах, входивших в Афинскую архэ). Ранее читали: ταῦτα δὲ ἐπιτελέσαι Ἀθηναίους – «привести же это в исполнение должны афиняне».

Ранее неизвестная, а ныне становящаяся совершенно бесспорной формулировка оказалась, прямо скажем, неожиданной. И, самое главное, она, как нам представляется, должна сыграть свою роль в решении крайне дискуссионного вопроса о датировании Афинского монетного декрета. В этом вопросе, как известно, борются друг с другом представители двух взаимоисключающих точек зрения – сторонники более ранней датировки (440-е гг. до н.э.) и приверженцы датировки более поздней (420-е или даже первая половина 410-х гг. до н.э.).

Долгое время преобладающей являлась ранняя (она принята и в классическом издании: *Meiggs R., Lewis D. A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. Revised ed. Oxford, 1989*), но на сегодняшний день более популярной стала поздняя (благодаря трудам: *Erxleben E. Das Münzgesetz des delisch-attischen Seebundes // Archiv für Papyrusforschung. Bd. 19. 1969. S. 91–139; Mattingly H.B. The Athenian Empire Restored: Epigraphic and Historical Studies. Ann Arbor, 1996*). В России ее придерживается А.В. Стрелков, а автор этих строк, напротив, считает более правомерной раннюю (*Суриков И.Е. Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. М., 2007. С. 207–209*).

Появление в декрете термина *συνμαχία*, о наличии которого даже не подозревали, скорее свидетельствует, на наш взгляд, в пользу ранней даты. Делосский союз создавался в 478 г. до н.э. действительно как симмахия, то есть относительно равноправное объединение группы полисов, с решением главнейших вопросов на союзном совете. Но чем дальше, тем больше он перерождался в ярко выраженную гегемониальную симмахию под главенством Афин. Когда это свершилось? Процесс имел достаточно длительный характер, но основные события, имевшие к нему отношение, имели место в 440-х гг. до н.э. (имеем в виду прежде всего Тридцатилетний мир со Спартой). Могла ли в псефисме 420-х или 410-х гг. до н.э. фигурировать «симмахия»? Нам это представляется абсурдным анахронизмом. В те годы речь шла только об «афинянах и тех, над которыми они властвуют». А вот в 440-е гг. до н.э., в переходный период от союза к «империи», старая терминология вполне могла еще по традиции сохраняться.

П.И. Талеров (Санкт-Петербург)

Заметки П.А. Кропоткина на полях воспоминаний о нём его сестры

В сообщении методами археографии анализируются рукописи воспоминаний Е.А. Кравченко (Кропоткиной) о своём знаменитом брате. Часть этих мемуаров о детстве и годах учёбы в Екатерининском институте в Москве была опубликована в 1900 г. её дочерью Екатериной Половцовой (*Половцова Е. Екатерининский институт. Полвека назад: (Из воспоминаний бабушки). М., 1900*). В этих «воспоминаниях бабушки» есть глава и о её брате Петре, о судьбоносном для будущего революционера событии: 11 апреля 1849 г. в зале Российского Благородного собрания в Москве в преддверии 25-летия со дня вступления на престол императора Николая I был повторно проведён великосветский костюмированный бал (Русский костюмированный бал в Москве в 1849 г. / Сообщ. А.С. Наставина // Русская старина. СПб., 1883. Т. 37. № 3. С. 718–724), на который случайным

образом попал шестилетний Петя (Кропоткин в своих «Записках революционера» написал, что на восьмом году жизни), его заметил государь и назначил своим пажом. Сам Пётр Алексеевич смог, по-видимому, взять в руки рукопись своей сестры, переписанную и отредактированную её дочерью (ОР РНБ. Ф. 601. Половцовы. Д. 1198), уже после публикации. На полях рукописи на каждой из пяти страниц (кроме 2-й) сохранились карандашные пометы самого Кропоткина, касающиеся отдельных моментов повествования. Синим карандашом на первой же странице он написал: «Это уже напечатано, не изменить?», полагая, что некоторые факты требуют уточнения.

Петя совершенно случайно попал на тот грандиозный бал, поскольку заболел один из малолетних участников примерно такой же комплекции, а Пете удачно подошёл его костюм с гербом Астраханской губернии (мемуаристка написала – «Вятской», на самом деле – Уфы). На полях третьей страницы Пётр Алексеевич уточнил отчество супруги наследника престола Марии Александровны (в рукописи – «Николаевны»), к которой император Николай I поднёс мальчика со словами: «Вот таких детей приноси мне». Кстати, относительно этой фразы есть разночтения (выше процитировано издание 1900 г.). В «Записках революционера» читаем: «Вот каких молодцов мне нужно!», а в рукописи: «Вот, баба, каких детей надо рожать». Там, где мемуаристка пишет о том, что государь посадил Петю к себе на колени, Кропоткин вычеркнул всю фразу без пояснений, лишь дополнив на полях, что ему, на вопрос царя, чего он хочет, государь насыпал большую персидскую шапку печенья (крендельков – по версии «Записок революционера»). А расплакаться мальчика заставил не государь, а его «фельдфебелеобразный» (по выражению П.А.) брат Михаил. Мария Александровна взяла его утешать, усадив возле себя. Здесь Петя и уснул. Об этом – пояснения внизу на широких полях четвертого и на пятого листов рукописи. И последнее замечание: «Это я всё рассказал в Мемуарах».

«Рукопись Елены Алексеевны Кравченко-Кропоткиной о брате Петре Алексеевиче Кропоткине с его вставками и поправками» (ОР РНБ. Ф. 601. Половцовы. Д. 1197), озаглавленная так Е. Половцовой, представляет собой двойные нелинованные листы размером 22 x 35,5 см, сшитые нитками по корешку. Всего в рукописи 30 таких листов, а также дополнительно вложено два листика нелинованной более плотной и меньшего размера бумаги (10 x 15 см), написанные рукой П.А. Кропоткина. По сохранившейся двойной архивной пагинации можно сделать вывод, что вначале рукопись была включена в более объёмную коллекцию, откуда затем была выделена в отдельное хранение. Сами воспоминания, как и дополнения Кропоткина, написаны чёрными чернилами, а замечания на полях – синим и простым карандашами, аналогично тому, что в вышеописанной рукописи. По-видимому, Кропоткин читал их у Половцовых, где они хранились, когда летом 1917 г. недолгое время был в Петрограде.

Кроме упомянутых выше двух вложенных листков, рукою Кропоткина сделаны пометы ещё на 17 страницах рукописи. Очень часто встречаются фразы типа: «печатать это нельзя – безусловно всё спутано», «это всё надо выпустить», «легенда» и т. д., прямо по тексту есть уточнения и пояснения в отношении описываемых событий, отдельные предложения и даже абзацы зачёркнуты и перечёркнуты. Такая скрупулёзная работа, скорее всего, предполагала дальнейшую публикацию, которая так и не состоялась. Рукопись осталась незавершённой, хотя и включает сразу несколько вариантов изложения. Серьёзные возражения у Кропоткина вызвало искажение целого ряда фактов, он полагал, что следующее не следовало бы вообще публиковать: 1) когда и почему он решил ехать в Сибирь; 2) почему он однажды внезапно появился у сестры, объясняя это преследованием влюблённой в него замужней женщины; 3) обстоятельства его ареста 25 марта 1874 г. Кстати, в отношении даты ареста тоже нестыковка. Елена так написала об этом: «<...> взят он был 25го Марта 1873 года ехавши на вокзал, чтобы ехать ко мне, в Понедельник на Страстной неделе как помню», в другом месте: «Заключение его продолжалось долго с Марта 25го 1873 года, и до дня его исчезновения 29го Июня 1876 года», и ещё одно дополнение на полях чернилами (Елены): «Заключён был 3 года и 3 мес.». По поводу даты побега из Николаевского госпиталя Кропоткин несколько раз по тексту рукописи уточняет, что «бежал 30го, а 29го не получилось». А вот ошибку с датой ареста Пётр Алексеевич почему-то оставил без внимания. Даже по приведённым воспоминаниями сестры получается, что 25 марта выпало на понедельник на Страстной неделе в 1874 г., а в 1873-м эта неделя, как и сама Пасха, были вообще в апреле. Не говоря уже о мемуарах самого Кропоткина и тем более документов III-го отделения, беспристрастно и подробно зафиксировавших драматические события того времени (см. протоколы допросов: ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 390).

Несмотря на имеющиеся в воспоминаниях Е.А. Кравченко неточности, сам по себе этот документ представляет собой важный исторический источник.

С.Н. Таценко (Москва)

Монеты для дворца или обращения в народе?

В состав российской золотой чеканки XVIII в. входит группа монет, представленная тремя номиналами: два рубля, рубль и полтина. Выпуск таких монет периодически происходил в 1750-х – 1780-х гг., однако только в 1756 г. был осуществлен выпуск сразу трех номиналов значительным тиражом, в остальные годы каждый из указанных номиналов поступал в обращение отдельно (Уздеников В.В. Монеты

России 1700–1917. М., 2004. С. 298; *Юхт А.И.* Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994. С. 222).

Противоречивую оценку этим монетам дал И.Г. Спасский. По мнению исследователя, золотой рубль и полтина больше чеканились для дворцового обихода, чем для широкого обращения, но, с другой стороны, он писал, что «встречаются они часто и притом в основательно потертом виде» (*Спасский И.Г.* Русская монетная система. М., 1960. С. 106; *Спасский И.Г.* Русская монетная система. Л., 1970. С. 213). Такая характеристика закрепились в современной литературе.

В Каталоге-определителе 1978 г. В.В. Уздеников ввел эти монеты в категорию общегосударственных с примечанием: «Золотые рубли (1756, 1757, 1758 и 1779 гг.) и полтины (1756, 1777 и 1778 гг.) чеканились в основном для использования во внутриворцовом обиходе, откуда они, по-видимому, нередко попадали в широкое обращение» (*Дьячков А.Н., Уздеников В.В.* Монеты России и СССР. М., 1978. С. 207). В Каталоге «Монеты России 1700–1917» (изд. 1986, 1992 и 2004 гг.) В.В. Уздеников отнес их к разделу специальных выпусков общегосударственных монет с подзаголовком «Монеты, предназначавшиеся для использования в дворцовом обиходе» (*Уздеников В.В.* Указ. соч. 1986. С. 307; 1992. С. 381–383; 2004. С. 298, 396, примечание 183). Причем, в последних трех изданиях Каталога к рублю и полтине был добавлен номинал два рубля.

В целом этой характеристике придерживался А.И. Юхт, отметив, что монеты для дворцового обихода чеканились по особым повелениям императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II (*Юхт А.И.* Указ. соч. С. 222). По данным исследователя, в 1756–1758 гг. чеканка номиналов два рубля и рубль была сосредоточена в Москве, а после 1762 г. вся золотая чеканка была перенесена в Петербург (Там же. С. 151).

В настоящее время хорошо известны типы, в том числе и пробные, данные тиража (правда, не полные) по Москве и Петербургу, вес, проба и время чеканки этих монет (Там же. С. 151; *Уздеников В.В.* Объем чеканки российских монет на отечественных и зарубежных монетных дворах. 1700–1917. М., 1995. С. 12, 47; *Уздеников В.В.* Указ. соч. 2004. С. 415; *Уздеников В.В.* Монеты России XVIII – начала XX века. Очерки по нумизматике. М., 2004. С. 549). Все это дает возможность скорректировать целевое назначение указанных золотых монет, принятое в литературе.

Золотые монеты достоинством два рубля, рубль и полтина 1750-х – 1780-х гг. не встречаются в кладях Москвы и Подмосковья, а из единичных находок известен только один случай в центре Москвы (*Векслер А.Г., Мельникова А.С.* Российская история в московских кладах. М., 1999. С. 238–249; *Сотникова М.П., Спасский И.Г.* Русские клады слитков и монет в Эрмитаже // Русская нумизматика XI–XX веков. Материалы и исследования. Л., 1979. С. 88–89; *Сотникова М.П.* Материалы к топографии находок русских монет XIV–XX веков, зарегистрированные в

Эрмитаже в 1948–1974 годах // Там же. С. 125–126; Векслер А.Г., Петухов С.П., Таценко С.Н. Вновь о золотых монетных находках в историческом центре Москвы // Нумизматика. 2016. № 39. С. 59–60).

В 1755 г. в ходе проведения денежной реформы в обращение были введены крупные золотые монеты – империял и полуимпериял (Уздеников В.В. Монеты России XVIII–XX века. Очерки по нумизматике. М., 2001. С. 49–59). Вес и проба золотых монет 1756–1758 гг. показывают, что они были кратны крупным номиналам. Кратность сохранялась и в последующие годы. Документальный материал свидетельствует, что золотые монеты достоинством два рубля, рубль и полтина предназначались для обращения в народе (Вел. Кн. Георгий Михайлович. Монеты царствования императрицы Елисаветы I и императора Петра III. СПб., 1896. Т. I. С. 169; ПСЗРИ. 1830. Т. XIV. С. 590. № 10576).

Таким образом, чеканку мелких золотых монет в 1756–1758 гг. можно рассматривать как продолжение реформы 1755 г., одной из целей которой было введение в обращение целой системы золотых номиналов. Подтверждением тому является известие о подготовке образцов этих монет уже в 1755 г. (Вел. Кн. Георгий Михайлович. Указ. соч. С. 168).

Монетами для дворцового обихода нумизматика, по всей видимости, обязана барону Станиславу де Шодуару, который, зная о золотых полтинах, не обнаружил их в указе от 21 июня 1756 г., где говорилось только о номиналах два рубля и рубль. По неизвестной причине он заключил, что они часто употреблялись при дворе (де Шодуар С. Обзорные русских денег и иностранных монет ... СПб., 1837. Ч. 1. С. 153). Со временем это определение перешло на остальные номиналы.

Тем не менее нельзя сказать, что монет для дворцового обихода не существовало. Как представляется, это были империялы и полуимпериялы, чеканка которых началась в 1755 г. Е.Р. Дашкова вспоминала, что во время карточной игры в кармане у Петра III было порой более 10 империялов, которые к своему неудовольствию император нередко проигрывал (Дашкова Е.Р. Записки. Л., 1985. С. 21).

Т.Н. Таценко (Санкт-Петербург)

Обращение в формуляре немецких служебных писем XVI в. (по материалам Научно-исторического архива СПбИИ РАН)

Научное источниковедение немецких актов раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.) по-настоящему получило свое развитие только с середины XX в. Систематизация безбрежного по охвату архивного материала, анализ составных частей актов служили, прежде всего, практическим задачам архивной работы и оформлялись в пособия для архивистов и источниковедов (Meisner H.O. Archivalienkunde vom 16. Jahrhundert bis 1918.

Göttingen, 1969), публиковались в специальных периодических изданиях архивов (*Dülfer K. Urkunden, Akten und Schreiben in Mittelalter und Neuzeit // Archivalische Zeitschrift. 1957. Nr. 53. S. 11–53*) и академической периодике по источниковедению (*Kloosterhuis J. Amtliche Aktenkunde der Neuzeit. Ein hilfswissenschaftliches Kompendium // Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde. 1999. Bd. 45. S. 464–563*).

Для обозначения источниковедческой дисциплины, посвященной исследованию архивных документов начала Нового времени, немецкими специалистами были введены понятия «Archivalienkunde» (Источниковедение архивных материалов) и «Amtliche Aktenkunde» (Источниковедение служебных актов). В понятие «акты» немецкие исследователи включают три вида документов: 1) грамоты, оформляющие законодательные акты, регистрирующие правовые сделки; 2) докладные записки (*Denkschriften / Memorial*) чиновников; 3) громадный массив деловых, политических, служебных и официальных писем, для обозначения которых употребляется термин «Schreiben», тогда как понятие «Brief» в источниковедении относят к сфере личной переписки.

Рассмотрение формуляра немецких писем XVI в., выделение и систематизация применявшихся в переписке употребительных языковых оборотов и формул, бытовавших стилевых особенностей имеет большое источниковедческое значение, так как в отечественных архивах хранится значительное число немецких рукописных материалов Нового времени.

К тому же, в русле петровских преобразований в Россию из немецких канцелярий были перенесены многие практики составления актов, были буквально переведены на русский язык типичные языковые обороты и устойчивые выражения, повлиявшие на формы официальной документации в России.

Источниковой базой доклада послужили письма немецких князей XVI в. из собрания НИА СПбИИ РАН. Они написаны на ранненововерхненемецком языке и исполнены характерной готической скорописью (*die deutsche Kurrentschrift*). Письма являются плодом деятельности управленческих структур княжества и выражают властные функции монарха, содержат распоряжения, предписания, уведомления к нижестоящим персонам и служащим, сообщения, ходатайства, просьбы, жалобы к лицам равного или вышестоящего положения. Официальные письма всегда изготовлялись профессиональными секретарями и писцами в княжеских канцеляриях по определенному, сложившемуся еще в эпоху Средневековья формуляру: 1. Внешний адрес. 2. Титул отправителя в конце или в начале. 3. Приветствие. 4. Вступление. 5. Изложение дела. 6. Выражение воли или просьбы пишущего. 7. Ободрение к исполнению приказа (поручения) или просьбы. Выражение готовности к услугам. 8. Место и дата. 9. Подпись, печать.

Обращение к адресату содержится в трех пунктах формуляра: адресе, приветствии и ободрении к исполнению приказа / просьбы в заключительной части письма. Обращение во многом определяет стиль письма и его содержание, являясь своего рода маркером. Личное имя адресата обозначалось только в одном месте: во внешнем адресе письма. Во всех остальных случаях личное имя в обращении никогда не употребляли, а обращались к адресату по его сословному чину (Churfürst, Fürst, Herr) или должности (например, Rat / советник), академическому званию (Doctor / ученый юрист). Важно, что обращение к адресату письма сопровождалось совершенно определенными эпитетами, которые находились в строгой зависимости от его сословной или профессиональной принадлежности, общественного веса и служебного положения. Приведем выборочно только несколько примеров: к князьям – «Durchleuchtiger (сиятельный)», к духовным князьям – «Ehrwürdiger (досточтимый)», к лицам из титулованного дворянства – «Hochwohlgeborener (высокородный)», к служащим из нетитулованного дворянства – «Fester (ревностный, твердый, преданный)», «Gestrenger (храбрый, преданный, сильный)», к советникам-юристам – «Hochgelehrter (высокоученый)», к советникам из бюргерства – «Ehrbarer, ersamer (почтенный, честной)», к рядовым чиновникам из бюргерства – «Lieber getreuer (любезный верноподданный)» и т. д.

Обращения применялись в переписке абсолютно безошибочно, поэтому они имеют большое источниковедческое значение, ибо облегчают определение личности адресата в случае, когда адрес письма утрачен. Если послание государя обращено к группе не названных лиц, например, к правительственному совету княжества, то по характеру обращений всегда можно определить, лица какого сословного и профессионального ранга имеются в виду.

В письмах немецких князей друг другу были наряду с прочими распространены обращения родства: «Bruder / брат», «Vetter / кузен», «Vater / отец», «Oheim / дядя», «Sohn / сын», «Schwager / деверь, шурин, зять», «Gefatter / кум», «Dother / дочь», «Mhume / тётка, тёща». Они вовсе не были точным определением родства, а только свидетельствовали об общей принадлежности к единому княжескому сословию, где все в широком смысле были родственниками. Здесь также часто применялось обращение «Euere Liebden, Euere Gnade / Ваша милость».

Обращения в немецких официальных письмах XVI в. являются одним из выражений сложившегося в княжеских канцеляриях Нового времени витиеватого, подчеркнуто аффектированно вежливого и церемониально предупредительного языкового стиля, который исследователи называли «стилем канцелярий» (Kanzleistil). Его главнейшей целью, по выражению немецкого источниковеда Юргена Клоостерхуиса, было «соединить в церемониальной форме письма достоинство и действенность (Würde und Wirksamkeit)».

**Храмовая эпиграфика из архива академика В.М. Алексеева
в Музее истории религии как источник для изучения
народных верований позднеимперского Китая**

Василий Михайлович Алексеев (1881–1951) – отечественный филолог-китаист, переводчик, исследователь китайской классической литературы, народного искусства и религии, посетив в 1906 г. впервые Китай, увлекся собиранием китайской народной картины, храмовой эпиграфики (надписей, амулетов), малой гравюры, каллиграфии, художественной почтовой бумаги, эстампажей (оттисков) с древних каменных плит. В 1907 г. В.М. Алексеев принял участие в археологической экспедиции по Северному Китаю Эдуарда Шаванна (1865–1918). Это путешествие, позволившее начинающему исследователю собрать обширный материал по китайской храмовой эпиграфике, нашло свое отражение на страницах путевого дневника синолога – «рукописных заметок на русском и китайском языках» (*Алексеев В.М. В старом Китае*. М., 2012. С. 402).

В период своего пребывания в Китае в 1906–1909 гг. В.М. Алексеев уделил особое внимание «добыванию объяснений» к собранным им эпиграфическим материалам. Ранее приобретенный опыт атрибуции китайской народной ксилографии убедил его в необходимости привлечения к этой работе «толкового туземца» (*Алексеев В.М. Три отчета о пребывании в Китае в 1906–1909 гг. // Наука о Востоке. Статьи и документы*. М., 1982. С. 272). В условиях отсутствия необходимой справочной литературы ученый прибегал к «опросу многих» информантов. Предметом опроса становились вопросы, «записанные на отдельных листочках бумаги» в ходе путешествия. Эти вопросы, по выражению самого В.М. Алексеева, касались всего «непонятого, странного, интересного..., главным образом надписей на храмах, лавках, домах, присутственных местах и других заведениях, их смысла, источника, происхождения и идеи применения» (*Алексеев В.М. Три отчета о пребывании в Китае ...* С. 275). Таким образом, для того чтобы понять заключенные в китайских надписях смыслы и значения, В.М. Алексеев использовал то, что сам называл «живой традицией»: он не только вступал в диалог с художниками, продавцами и простыми тружениками, но и обращался к услугам «профессиональных консультантов» – *сяньшиэнов* (китайских учителей), которых нанимал для толкования и интерпретации собранных ранее рукописных и изобразительных материалов. Так в ходе первой поездки в Китай 1906–1909 гг. В.М. Алексеев заложил основы личного архива, в состав которого вошли полевые записи самого исследователя и материалы, подготовленные его китайскими информантами-консультантами.

Большинство экспедиционных материалов В.М. Алексеев не успел обработать и опубликовать при жизни. Эту работу после его смерти завершили его вдова Н.М. Алексеева и дочь М.В. Баньковская. Их усилиями в 1958 г. дневник В.М. Алексеева увидел свет под названием «В старом Китае». Однако, как отмечала М.В. Баньковская в последней книге об отце «Алексеев и Китай» в посмертном издании 1958 г. китайский дневник исследователя был использован мало (*Баньковская М.В.* Василий Михайлович Алексеев и Китай. Книга об отце. М., 2010. С. 444). Указание на китайский дневник исследователя, который он «передал потом в Музей истории религии», содержится и в предисловии Б.Л. Рифтина к подготовленному им второму, исправленному и дополненному, изданию книги Алексеева «В старом Китае» (*Рифтин Б.Л.* Предисловие. Русский китаевед академик В.М. Алексеев и его путешествия в Китай // *Алексеев В.М.* В старом Китае. М., 2012. С. 17).

Совместная российско-тайваньская группа ученых в 2015–2016 гг. в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-21-10001 провела исследование в Научно-историческом архиве Государственного музея истории и выявила упоминаемые выше, но ранее не описанные и не опубликованные материалы из личного архива академика В.М. Алексеева (Научно-исторический архив Государственного музея истории религии. Ф. 45. Оп. 1). Изучение этих материалов позволило сделать вывод, что наибольший интерес представляют две группы документов – так называемый «китайский дневник» В.М. Алексеева и пояснения сяньшэнов к китайским народным картинам.

«Китайский дневник» В.М. Алексеева состоит из автографов (авторских рукописных текстов) на китайском языке, датированных 1907 г. и собранных во время поездки по Северному Китаю с Э. Шаванном. Он включает в себя полевые материалы по храмовой эпиграфике, промаркированные самим исследователем как Дневник I, Дневник II и Дневник Sup (III) (пояснения сяньшэнов № I, 1–226; II, 29–218; III, 10–13 с пробелами), их фрагментарный перевод на русский язык, выполненный учениками В.М. Алексеева, а так же полевые заметки на русском и китайском языках самого В.М. Алексеева.

В докладе впервые приводятся материалы, которые позволяют проследить процесс превращения путем последовательной обработки (сперва китайскими учителями В.М. Алексеева, затем его учениками в ходе перевода на русский) скопированных во время путешествия в различных храмах и исходно кратких надписей в важнейший источник для изучения ныне практически утраченных китайских народных верований позднейшей эпохи в истории Китая (рубеж XIX–XX в.).

**Из истории масонской коллекции
иваново-вознесенского собирателя Д.Г. Бурылина**

Среди разнообразных коллекций, которые собирал основатель ивановского музея фабрикант Дмитрий Геннадьевич Бурылин, большой интерес представляла масонская.

Обязательными атрибутами масонов во время ритуалов являются запови, ленты, знаки лож и должностей. Родина масонства – Англия, из нее это движение быстро распространилось во многие страны Европы и Америки. Первое сообщение о создании лож для англичан в России относится к 1731 г., через десять лет в нее стали вступать русские. Екатерина II после Французской революции ввела в 1792 г. запрет на работу всех лож. В годы правления Александра I свою деятельность возобновили старые ложы и стали возникать новые. В 1822 и 1826 гг. деятельность масонских лож была запрещена по всей России.

В масонской коллекции, собранной Д.Г. Бурылиным, находились редкие масонские знаки многих стран, символические одежды, предметы для посвящения. Часть масонских предметов для своей коллекции он приобрел в Польше у антиквара Бильцевича. В 1893 г. ему были высланы ордена, дипломы, нагрудники, в 1894 г. несколько раз были получены следующие предметы: в марте – документы, ордена, передник, 2 июня того же года – 24 масонских ордена, в том же году – коллекция редких масонских знаков и орденов. В 1895 г. был получен масонский штандарт, в 1903 г. – масонские нагрудники, шарфы, знаки, ордена, а в 1904 г. – две масонские грамоты (ГАИО. Ф. 205. Оп. 1. Д. 109. Л. 6–17) и др.

У антиквара Г. Бизье из Варшавы в 1895 г. также были приобретены масонские вещи. У коллекционера из Сызрани И. Топоркова были куплены черепаховый музыкальный ящик, диплом, фартук, два нагрудных знака (ГАИО. Ф. 205. Оп. 1. Д. 134. Л. 7, 11). Книги по истории масонства приобретались в букинистическом магазине В.И. Клочкова Санкт-Петербурге и др.

Собранная Д.Г. Бурылиным масонская коллекция была одной из лучших в России. В 1911 г. американские коммерсанты предлагали за часть масонской коллекции крупную сумму, но Д.Г. Бурылин ее не продал, хотя в то время и очень нуждался в деньгах (*Додонова А.А.* Дмитрий Геннадьевич Бурылин. Иваново, 1997. С. 64–65).

В 1903 г. был выпущен каталог выставки «древностей и редкостей» на Покровской в собственном доме Бурылина. На выставке были представлены предметы масонской коллекции «рама с масонскими орденами и знаками до 90 шт., рама витрина с лентами, фартуками, знаками и пр. 30 шт. и витрина с масонскими знаками 20 шт.». Все эти предметы были

лишь перечислены в каталоге, а рисунки, дипломы, рукописи и книги (всего 73 ед.) были даны с полным наименованием.

Известный историк масонства Т.О. Соколовская, изучив собрание масонских предметов Бурылина, составила каталог предметов масонского собрания, представленных на выставке в память Отечественной войны 1812 г. в Историческом музее. На выставке «символы русских и иноземных каменщиков» из его собрания заняли три витрины. В каталоге описание предметов русского отдела состояло из пяти разделов. В первый вошли 12 знаков российских масонских лож начала XIX в., в следующий – 25 отличительных знаков степеней и должностей, символические лопаточки, молотки, звезды, наугольники, ключики и пр. В третий раздел вошли восемь заповедей, в четвертый – четыре перевязи и в пятый – шесть предметов с масонской символикой. Каталог с иллюстрациями был издан в Санкт-Петербурге в 1912 г., он оказался первым и единственным, посвященным масонской коллекции Д.Г. Бурылина.

Долгое время в музее была неизвестна судьба знаменитой масонской коллекции, собранной Д.Г. Бурылиным. По музейным документам было видно, что предметы масонской коллекции в 1930 г. были переданы в Государственный Эрмитаж, где располагался Музейный фонд, далее следы ее терялись. Только в начале 1990-х гг. стало известно, что Музейный фонд передал предметы масонской коллекции Д.Г. Бурылина в Эрмитаж и Музей истории религии Ленинграда. В 1934 г. в Музей истории религии передали 100 предметов, в их числе: графика конца XVIII – начала XIX вв., знаки, заповеди и ленты (в их числе 28 фрагментов), шпага и кувшин. Один предмет из них (масонский молоток) в 1958 г. был передан в Курский областной краеведческий музей (*Птиченко М.В.* Коллекция Дмитрия Геннадьевича Бурылина в собрании Государственного музея истории религии // «Я надеюсь, что это пригодится...» (Д.Г. Бурылин). Иваново, 2011. С. 105).

В 1937 г. в Государственный Эрмитаж передали основную часть – 1150 предметов из масонской коллекции Д.Г. Бурылина. Значительное количество из них – знаки, медали, оттиски печатей, медали и знаки из мастики, более 100 документов, заповеди, ленты, перевязи, разные предметы – в их числе кинжал, ключи, и т. д.

В.В. Тихонов (Москва)

Борьба с «объективизмом» и «космополитизмом» в Московском историко-архивном институте (1948–1949 гг.)

Идеологические кампании «позднего сталинизма» (борьба с «иностранным засильем», «буржуазным объективизмом», «безродным космополитизмом» и т. д.) стали одной из самых черных страниц истории по-

слевоенной советской исторической науки. Московский историко-архивный институт, как и многие другие образовательные и научные центры страны, оказался в эпицентре идеологических погромов. Влияние кампаний на развитие МГИАИ уже рассматривалось в ряде исследований (*Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л.* История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М., 1990; *Хорхордина Т.И.* Корни и крона: Штрихи к портрету Историко-архивного института (1930–1991). М., 1997; *Хорхордина Т.И.* Гуманитарный университет в Москве. История идеи. М., 2012 и др.). Тем не менее, вне поля зрения исследователей оставался важный комплекс архивных документов: протоколы партийного бюро института. Наверное, впервые на значимость данных источников для реконструкции истории советской исторической науки обратил внимание М.А. Леушин (*Леушин М.А.* Документы ВКП(б) (КПСС) как источник по истории исторической науки в СССР: 1945–1955 гг. Дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. М., 2000). В Центральном государственном архиве Москвы сохранились протоколы партийной ячейки МГИАИ указанного периода (ЦГАМ. Ф. п-2412).

Во многом прохождение той или иной кампании обуславливалось спецификой образовательного учреждения и конфигурацией сил внутри педагогического или научного коллектива. Спецификой института являлась борьба между «архивистами» (считавшими, что акцент в преподавании должен быть сделан на прикладные архивоведческие дисциплины) и «историками», ратовавшими за качественную общеисторическую подготовку. «Архивисты» были представлены В.В. Максаковым, И.Л. Маяковским, Г.Д. Костомаровым и М.Г. Митяевым. В «историки» попадали А.И. Андреев, Л.В. Черепнин, А.А. Новосельский и др. Конфликт выразился и в форме научной борьбы. Так, своеобразным маркером политической лояльности и принадлежности к группировкам стало отношение к наследию А.С. Лаппо-Данилевского. Не меньшее значение играли и личности, вовлеченные в события. В январе 1948 г. директором института стал Н.А. Елистратов, не отличавшийся научными и педагогическими достижениями, и сконцентрировавшийся на ретивом исполнении идеологических установок. В то же время секретарь партбюро Б.Г. Литвак часто стремился смягчить негативные последствия от проработок.

Конфигурация указанных условий и стала определяющей в специфике прохождения кампании против «буржуазных объективистов» в институте. Основная критика обрушилась на кафедру вспомогательных исторических дисциплин, что являлось и следствием борьбы с буржуазным историографическим наследием, олицетворяемым ее руководителем А.И. Андреевым, как учеником А.С. Лаппо-Данилевского, и противостоянием между «историками» и «архивистами». Активность директора также сыграла значительную роль, но позиция Б.Г. Литвака, потребовавшего не увольнять А.И. Андреева и Л.В. Черепнина, а «заставить» их ис-

править свои ошибки, способствовала тому, что, несмотря на остроту проработок, они остались преподавать в МГИАИ.

Антикосмополитическая кампания 1949 г. в Историко-архивном институте была менее активной, чем предыдущая. И это при том, что именно кампания по разгрому «безродных космополитов» в остальных учреждениях науки и культуры была значительно более агрессивной и разнузданной. В данном случае это было связано с ослаблением позиций Н.А. Елистратова (в 1949 г. начались чистки в московской партийной организации) и его низким авторитетом в институте. Кроме того, антиобъективистская риторика лучше подходила для борьбы «архивистов» и «историков», чем призывы к борьбе с «безродными космополитами».

Фактически кампания закончилась повторным осуждением ошибок А.И. Андреева и Л.В. Черепнина. Активной травли новых жертв не состоялось. Антикосмополитическая кампания привела к окончательному выдавливанию из Историко-архивного института А.И. Андреева и Л.В. Черепнина. Впрочем, одиозный директор Н.А. Елистратов также был вскоре уволен, что было связано с общим «перетряхиванием» партийных кадров в Москве. 14 января 1950 г. на партийном собрании института партийный актив обрушился на своего директора, обвиняя его в отсутствии самокритики, хамском поведении по отношению к преподавателям и студентам, черствости и формализме, невыполнении обещаний и многом другом. После непродолжительной борьбы Елистратова сместили, и его место заняла А.С. Рослова, которая сумела огордить институт от дальнейших погромных кампаний.

Итак, особенностью Историко-архивного института являлось то, что размах «борьбы с буржуазным объективизмом» оказался большим, чем антикосмополитическая кампания. Идеологические кампании «позднего сталинизма» сыграли ключевую роль в истории института, завершив эпоху его становления.

А.В. Тихонова (Смоленск)

Источники о военнопленных из состава великой армии Наполеона (по материалам Государственного архива Смоленской области)

Смоленщина оказалась в эпицентре событий Отечественной войны 1812 года, и местные власти вынуждены были решать вопросы, связанные с пребыванием многочисленных военнопленных на территории губернии. Согласно сведениям, поданным на имя императора, к 15 февраля 1813 г. на Смоленщине находилось 699 военнопленных, из них 548 нижних чинов, 149 обер-офицеров и два штаб-офицера. При этом Смоленская губерния к этому моменту не была в числе «лидеров» по численности военно-

пленных (из 44 губерний она оказалась на 19-й позиции, в первую пятерку вошли Саратовская, Виленская, Минская, Витебская и Киевская губернии). Зато по числу умерших военнопленных к 15 февраля 1813 г. среди 44 губерний Смоленская оказалась на первом месте – 7729 человек, из них 7680 нижних чинов, 48 обер-офицеров и один штаб-офицер (*Бессонов В.А.* Численность военнопленных 1812 года в России // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Мат-лы X Всеросс. науч. конф. М., 2002. С. 18–38. Приложение 1; *Он же.* Военнопленные 1812 г. в России // Военнопленные армии Наполеона в России: 1806–1814: Мемуары. Исследования / Отв. ред. Б.П. Миловидов. СПб., 2012. С. 114).

В Государственном архиве Смоленской области многие документы, связанные с событиями 1812 года, к сожалению, утрачены, но представление о численности и положении военнопленных в губернии можно получить на основе сохранившихся источников 1813–1815 гг. Последние целесообразно разделить на следующие группы: циркулярные документы; тетради порционных денег, выдаваемых в смоленских госпиталях; делопроизводственная переписка в связи с движением военнопленных (прибытием, выбытием) и документы о принятии российского подданства бывшими военнопленными.

В Смоленской губернии, по неполным данным госпитальных ведомостей о расходе продовольствия с 28 января по 7 апреля 1813 г., было учтено 8495 военнопленных (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 214. 1813 г. Л. 1–3 об., 9–12). Из документов канцелярии смоленского губернатора (тетрадей выдачи порционных денег в госпиталях, списков прибывающих в Смоленск и выбывающих на родину, разнообразной делопроизводственной переписки) за период с 1813 по 1815 гг. были установлены именные сведения о 827 военнопленных. Среди них преобладали французы, но были и поляки, итальянцы, австрийцы, саксонцы, пруссаки, вестфальцы, голландцы, испанцы. Выплата им полагавшихся порционных денег в сутки (унтер-офицерам, рядовым и нестроевым – 5 коп., обер-офицерам – 50 коп., майорам – 1 руб., полковникам и подполковникам – 1 руб. 50 коп., генералам – 3 руб.; с ноября 1812 г. испанцам нижних чинов по 15 коп. (*Бессонов В.А.* Законодательная база и политика государства по отношению к военнопленным в России в 1812–1814 гг. // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Вып. IV / Труды ГИМ. Вып. 147. М., 2005. С. 53, 55) реально происходила с большими задержками, нередко военнопленные были лишены самого необходимого – питания, одежды, лечения.

Например, в июне 1813 г. во время разбирательства причины высокой смертности в вяземском госпитале (в течение января 1813 г. из 1709 больных умерло 116 человек), выяснилось, что больные, в том числе военнопленные, «по случию разорения и сожжения в городе Вязме неприятельскими войсками домов размещались с великою трудностию по баням и караульням а притом по холодному времени и свирепствовавшим болезням

такое множественное число военных служителей лишились жизни» (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 147. 1813 г. Л. 7–7 об.). В июне 1813 г. вяземский уездный предводитель дворянства и капитан внутренней стражи смоленского гарнизонного батальона Фиров уверял управляющего Смоленской губернией П.Н. Каверина в том, что ситуация изменилась к лучшему (Там же). Вскоре госпиталь в Вязме был ликвидирован, а больные (их было уже не более 60 человек) переведены в Смоленск (Там же. Л. 6). Так, согласно ведомости, на содержание больного в Смоленском военном госпитале в ноябре 1813 г. полагалось в сутки 1 фунт белого хлеба, 1 фунт говядины, $\frac{1}{4}$ фунта овсяной крупы, 5 золотников соли, $\frac{1}{4}$ фунта хрена, кроме того, лекарем на сумму 16 коп. и на прочее (мыло, сало, свечи, дрова) по 26 коп. на человека (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 211. 1813 г. Л. 28). На деле же такое обеспечение было невозможно в разоренной губернии, что подтверждается сведениями из других губерний, куда военнопленные прибывали с территории Смоленщины. Они находились в крайне бедственном положении – истощенные, без необходимой одежды и обуви (*Потрашков С.В.* Военнопленные Великой армии в Слободско-Украинской губернии // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы / Отв. ред. А.В. Горбунов. Бородино, 1998. С. 146; *Белоусов С.В.* Конвоирование военнопленных армии Наполеона в Поволжье // Вестник Самарского государственного университета. 2005. № 4(38). С. 80–86. URL: [http:// adjutant.ru/captive/bel01.htm](http://adjutant.ru/captive/bel01.htm)).

Указом императора Александра I от 4 июля 1813 г. (ПСЗ-1. Т. XXXII. № 25415) пленным было разрешено вступать в российское подданство. Согласно «Правилам какие наблюдать при приеме в подданство пленных», Министерство полиции требовало, чтобы на местах у желавших принести присягу брали показания по определенной форме (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 183. 1813 г. Л. 23 об.). По имеющимся документам Канцелярии смоленского губернатора удалось установить 43 имени военнопленных, присягнувших на верность России в 1813–1815 гг. Именные дела на иностранцев из смоленского губернского правления дают представление о процедуре принятия в российское подданство, содержат интересные биографические сведения о них. В связи с плохой сохранностью фондов гражданского губернатора, губернского правления, городской думы мы не имеем точной статистики о количестве присягнувших на территории Смоленской губернии.

Те из военнопленных, кто не принял российское подданство, подлежали репатриации. Начало процесса постепенного возвращения пленных на родину было положено в 1813 г. Когда в мае 1814 г. последовал Акт о репатриации, для его реализации потребовался ряд циркулярных предписаний Министерства полиции. Согласно секретному циркуляру гражданским губернаторам от 12 мая 1814 г., особо оговаривалось, что «отправление в отечество военнопленных всех наций, в России находящихся»

должно было проводиться через три сборные пункта: в Радзивилове, Риге и Белостоке. Партии пленных, направляемых в Ригу и Радзивилов, проходили через Смоленскую губернию, а для иностранных военнопленных из последней сборным пунктом был назначен Белосток (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 241. 1814 г. Л. 413). Сохранились списки отдельных партий пленных, направляемых в Белосток, Ригу и Радзивилов. Документы Канцелярии смоленского губернатора свидетельствуют о том, что предпринимаемые в течение многих лет после военной кампании попытки родных узнать о судьбе отдельных военнопленных, положительных результатов не дали (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. 1818 г. Л. 200–200 об.; Д. 2. 1819 г. Л. 376; Д. 2. 1820 г. Л. 275 и др.).

А.С. Усачев (Москва)

**О некоторых заказчиках и владельцах
русских рукописных книг XVI в.:
из истории русско-английских культурных связей**

Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 15-01-00089а)

Активизировавшиеся во второй половине XVI в. русско-английские связи уже неоднократно рассматривались исследователями (И.И. Любименко, Э.С. Виленская, Н.Т. Накашидзе, Т. Виллан, С. Барон, Б.Н. Флоря, А.А. Севастьянова, А.В. Демкин, Ф. Стоу и др.). Свое внимание они сосредотачивали главным образом на политических и экономических отношениях (в первую очередь речь шла об изучении деятельности Московской компании). Связи в области культуры изучались существенно меньше. Это, в свою очередь, побуждает думать, что рассмотрение отдельных эпизодов в их истории даст в руки исследователей дополнительный материал для создания картины русско-английских контактов в сфере культуры.

Выявляя русские датированные рукописные книги XVI в., мы обратили внимание на Часослов 1588 г., хранящийся в Бодлеанской библиотеке (Оксфорд. Bodleian Library. MS Bodl. 946 (S.C. 3070); с рукописью мы не знакомимся *de visu*, сведения о ней, а также о других рукописях из этой библиотеки приводим по описаниям П.А. Сырку и Р. Клеминсона). Краткая выходная запись сообщает о том, что он был переписан «Томасу Иванову сыну Английские земли гостю лета 7096-го апреля в 3 день». В роли писца выступил некий Илейка Борисов.

Судя по тому, что заказчик назван «гостем», можно предполагать, что он входил в достаточно узкий круг западноевропейских купцов, получивших от русского правительства жалованную грамоту, разрешавшую торговую деятельность на территории России (по подсчетам А.В. Демки-

на, в первой половине XVII в. число «гостей» английской Московской компании колебалось от 16 до 23). На данном этапе исследования точно ответить на вопрос о том, кто именно скрывался под «Томасом Ивановым сыном», не представляется возможным. В последней четверти XVI – начале XVII в. в русских и зарубежных источниках фиксируется несколько английских купцов с именем Томас.

В русских источниках первых десятилетий контактов с Англией в качестве «Томоса», «Томоса Иванова» упоминается английский купец второй половины XVI в. Томас Гловер. Он некоторое время состоял на службе Московской компании, а позднее – с конца 1560-х гг. – вместе с некоторыми другими английскими купцами торговал с Россией, минув ее посредничество (к неудовольствию последней).

Обратим внимание и на Томаса Смита (его полное имя нам неизвестно) – одного из 11 английских купцов, которым была дана жалованная грамота в мае 1584 г. на торговлю на территории Русского государства (в источнике отмечено его социальное происхождение – эсквайр). В жалованной грамоте от 1 января 1586 г. Томас Смит вместе с пятью другими английскими купцами уже именуется «гостем». Возможно, речь шла о Томасе Смите (1522–1591) – известном предпринимателе, являвшемся членом Московской компании. Хотя он и происходил из семьи небогатого землевладельца (йомена) **Джона** Смита (выделено нами. – *А.У.*), благодаря своей предприимчивости ему удалось разбогатеть и стать членом парламента (1553–1563) (с этим и может быть связано его поименование эсквайром). Хотя известные нам источники прямо и не сообщают о том, что именно Томас Смит (1522–1591) побывал в России в 1584–1586 гг., однако этот визит вполне вероятен, как и визит в Россию в 1588 г. На близость Томаса Смита к русским делам указывает судьба его сына – также Томаса Смита (1558–1625), первого губернатора Ост-Индской компании: в 1604–1605 гг. он возглавил английское посольство к Борису Годунову. Впрочем, речь идет лишь об одном из возможных (хотя, и весьма вероятном) отождествлений. В источниках рубежа XVI–XVII вв. известны и другие английские купцы с именем Томас.

Одного из них фиксируют приходо-расходные книги Соловецкого монастыря под 1597–1599 гг. В этом источнике фигурирует «английский немчин Томос», который совершает торговые операции с иноками (покупает у них два насада за 40 руб.). В этом же источнике под 1599–1600 гг. вновь появляется «английский гость Томас Андреев», который продает монастырю насад за 20 руб. (вполне возможна ошибка при передаче имени с плохо знакомого соловецким инокам языка).

В русских источниках рубежа XVI–XVII вв. известен еще один «Томас Иванов». Этот английский купец в данный период торговал отдельно от Московской компании.

Учитывая то, что писец успел выполнить заказ – а переписка книги в среднем занимала от нескольких недель до нескольких месяцев (впрочем, объем данной рукописи был относительно невелик – 143 л.), – можно полагать, что заказчик рукописи в России, скорее всего, находился достаточно продолжительное время и покинул страну не ранее 3 апреля 1588 г. Достаточно велика вероятность того, что рукопись могла быть переписана в районе Холмогоры – Вологда, где активно шла русско-английская торговля.

Косвенно на это указывает то, что известна, по крайней мере, еще одна рукопись, которая переписывалась для англичан (вероятно, также для одного из купцов) во второй половине XVI в. – Апостол 1557 г. Он содержит запись на английском. Из ее текста следует, что переписанная в районе Холмогор 18 ноября 1557 г. рукопись была куплена за 1 руб. 1 алтын и 2 деньги (Оксфорд. Bodleian Library. MS Bodl. 942 (S.C. 2903)).

По-видимому, в XVI в. для англичан переписывали и другие книги. Так, Азбука XVI в. содержит следующую запись: «писана ся Азбука на Ивашково имя сына Скарбеева англичанина» (Bodleian Library. MS Bodl. 995 (S.C. 3081)). Рукопись в 1603 г. поступила от известного агента Московской компании Джона Мерики, неоднократно бывавшего в России на рубеже XVI–XVII вв.

Среди книг, которые могли переписываться для прибывших в Россию англичан или, во всяком случае, им принадлежать, можно назвать и Часослов середины XVI в. (Bodleian Library. MS e Mus. 233 (S.C. 3547)). Среди прочего он содержит запись: «Оулиане Бороу». Ее Р. Клеминсон интерпретирует как имя английского купца William Borough, который неоднократно посещал Россию в 1553–1575 гг.

Закономерен вопрос: с какой целью английские купцы заказывали и привозили в Англию русские книги?

Отвечая на него, обратим внимание на интересное наблюдение П.А. Сырку. Он отметил латинские транскрипции кириллических букв в Часовнике 1588 г., который, по определению исследователя, можно отнести к т. н. Часословам учебным. В связи с этим поставим и факт бытования у англичан в XVI в., по крайней мере, одного списка Азбуки. Это дает основания полагать, что, по-видимому, приобретенные в России книги были им необходимы для обучения русскому языку.

Вероятно, некая часть этих людей в какой-то степени освоила русскую грамоту. На это, в частности, указывают сохранившиеся записи (возможно, автографы) англичан на русском языке. Так, экземпляр Часовника 1565 г., купленного в Москве Томасом Линдом в 1568 г. (т. е. примерно через десятилетие после начала русско-английских отношений), содержит запись: «Се аз Томас Ульянов сын Линд руку приложил». В письме губернаторов Московской компании Борису Годунову (1602 г.) И.И. Любименко зафиксировала попытку (правда, не совсем удачную) латиницей воспроизвести русскую фразу «Иван Вильямович [Меррик. –

А.У.] холоп Вашему царскому Величеству». На интенсивные языковые контакты также указывает уже отмеченный в работах И.И. Любименко и Н. Лимминг факт проникновения в английские источники XVI в. целого ряда русских слов.

Подводя некий итог рассмотрению представленных выше фактов, отметим, что, судя по всему, «книжные» связи России и Англии не носили самоценного характера. Однако они создавали условия, без которых политические и торговые контакты были бы в значительной мере затруднены.

С.Б. Филимонов (Симферополь)

Вспомогательные исторические дисциплины в докладах Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887–1931)

В течение почти полувека (1887–1931 гг.) вопросы истории Крыма, этнографии его народов, охраны и использования многочисленных и разнообразных памятников их истории и культуры энергично разрабатывались старейшей и авторитетнейшей в Крыму краеведческой организацией, которая в 1887–1923 гг. именовалась Таврической ученой архивной комиссией (ТУАК), в 1923–1931 гг. – Таврическим обществом истории, археологии и этнографии (ТОИАЭ). В деятельности ТУАК–ТОИАЭ живое участие принимал весь цвет крымской многонациональной интеллигенции, видные общественные деятели Крыма, представители духовенства, а также крымоведа из других регионов страны.

Членами ТУАК–ТОИАЭ были такие ученые, как Д.В. Айналов, А.Л. Бертъе-Делагард, Г.А. Бонч-Осмоловский, Г.В. Вернадский, Н.И. Веселовский, В.А. Городцов, Б.Д. Греков, С.А. Жебелев, В.В. Латышев, И.А. Линниченко, А.И. Маркевич, А.В. Орешников, С.Ф. Платонов, М.И. Ростовцев, А.Н. Самойлович, А.И. Соболевский, А.А. Шахматов и др. Бессменным председателем ТУАК–ТОИАЭ в 1908–1930 гг. был выдающийся ученый и организатор науки Арсений Иванович Маркевич (1855–1942), в 1927 г. избранный членом-корреспондентом Академии наук СССР.

Важнейшей формой деятельности ТУАК–ТОИАЭ являлись частые, всегда открытые и потому обычно многочленные заседания, на которых заслушивались и обсуждались научные доклады, решались организационные вопросы и текущие дела. Соответственно, важнейшим источником по истории ТУАК–ТОИАЭ являются протоколы заседаний этих организаций – 341 протокол за 24 января (5 февраля) 1887 г. – 15 января 1931 г.

ТУАК–ТОИАЭ имели свои печатные органы: в 1887–1920 гг. вышли 57 томов «Известий» ТУАК, в 1927–1931 гг. – 4 тома «Известий» ТОИАЭ. На страницах этих изданий было напечатано 211 протоколов заседа-

ний ТУАК за 1887–1919 гг., а также 438 заслушанных на заседаниях ТУАК–ТОИАЭ научных докладов и сообщений (Вісті Таврійської вченої архівної комісії і Таврійського товариства історії, археології та етнографії (1887–1931): Бібліографічний покажчик / укл.ч Л. Шаріпова. Київ, 1994).

С учетом того, что протоколы заседаний ТУАК–ТОИАЭ зафиксировали в общей сложности 1048 научных докладов и сообщений, нетрудно подсчитать, что из них лишь 40 % были опубликованы на страницах «Известий» ТУАК–ТОИАЭ.

Сведения об истории и историографии ТУАК–ТОИАЭ, полный перечень докладов, заслушанных на заседаниях ТУАК–ТОИАЭ, а также публикацию оставшихся неизданными 130 протоколов заседаний ТУАК–ТОИАЭ за 1920–1931 гг. см.: *Филимонов С.Б.* Хранители исторической памяти Крыма: о наследии Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887–1931 гг.). Изд. 2-е, перераб. и доп. Симферополь, 2004. 316 с. Книга снабжена пятью указателями: 1) списком докладчиков и сделанных ими сообщений, зафиксированных в протоколах заседаний ТУАК–ТОИАЭ; 2) именовым указателем к протоколам заседаний; 3) географическим указателем к протоколам заседаний; 4) предметно-тематическим указателем к протоколам заседаний; 5) указателем местонахождения протоколов заседаний ТУАК–ТОИАЭ.

Предметно-тематический указатель позволяет убедиться в том, сколь значительное место в деятельности ТУАК–ТОИАЭ занимали доклады по вспомогательным историческим дисциплинам. Так, замечательный крымовец А.Л. Бертъе-Деллагард выступал с докладами «О значении межевых планов для исторической географии» и «Родословная таблица крымских ханов», директор Феодосийского музея Л.П. Колли – с докладом «Из средневековой географии», многолетний председатель ТУАК–ТОИАЭ, классик крымоведения А.И. Маркевич – с докладами «Крымские архивы и историческая география Крыма», «Движение населения в Крыму в русский период», «Летопись землетрясений в Крыму», «Историческая топонимика Крыма как исторический материал», энтомолог С.А. Мокржецкий – с докладом «Археология и естествознание», профессор В.С. Муралевич – с докладом «К нумизматике Гиреев», член-корреспондент Академии наук А.В. Орешников – с докладом «Задачи русской нумизматики древнейшего периода», академик А.И. Соболевский – с докладом «Топонимические заметки».

Менее половины докладов, заслушанных на заседаниях ТУАК–ТОИАЭ, были опубликованы на страницах «Известий» ТУАК–ТОИАЭ. Отдельные доклады публиковались и в других изданиях. Тем не менее, многие доклады остались неопубликованными. В этой связи замечу, что если современного исследователя заинтересует доклад, оставшийся неопубликованным, исследователю следует обратиться к тому протоколу

заседания ТУАК–ТОИАЭ, в котором этот доклад был зафиксирован (информация об этом содержится в вышеуказанном издании). Как правило, в протоколах достаточно подробно излагалось и содержание докладов, и прений по ним.

С учетом того, что следствием разгрома в СССР краеведческого движения явилась ликвидация в 1931 г. такого авторитетнейшего крымского историко-краеведческого общества, как ТОИАЭ (достойной замены ему создать так и не удалось), а следствием депортации из Крыма в 1941 г. немцев, а в 1944 г. – армян, болгар, греков и крымских татар стал фактический запрет на разработку вопросов, связанных с историей этих народов (запрет сохранял силу вплоть до второй половины 1980-х гг.), протоколы заседаний ТУАК–ТОИАЭ приобретают в наши дни не только историографический, но и определенный практический интерес.

В.Г. Фоменко (Тирасполь)

Описание и изображение территории Поднестровья в географических и картографических трудах античных и средне- вековых авторов, а также в трудах Нового времени

Впервые территория Поднестровья появляется в географических трудах и на картах древнегреческих и римских авторов, для которых Северное Причерноморье представляло собой часть греческой Ойкумены. Географическое описание земель, расположенных в бассейне Днестра, нашло отражение в трудах Геродота, Гиппократ, Страбона, а также на чрезвычайно генерализованных картах Анаксимандра, Гекатея, Эратосфена, Гиппарха, Птолемея, на которых Поднестровье отображено как часть Скифии. Чем дальше от Средиземного моря, тем схематичнее изображены периферийные территории. В античных источниках Днестр фигурирует как Тирас – в низовьях Днестра располагался крупный греческий полис Тира, позднее ставший генуэзской торговой факторией Монкастро. Другая версия названия реки – Днестр – скифо-сарматское (древнеиранское) и означает «пограничная река». Регион Северо-Западного Причерноморья обозначен на картах поздних античных и ранних средневековых авторов как Европейская Сарматия. Интересным картографическим документом является так называемая «Певтингерова таблица» – римская карта (оригинал был создан в период между I в. до н.э. и V в. н.э.), скопированная в XIII в. и опубликованная в конце XVI в. На ней изображены «сарматские земли» между Карпатскими горами и Черным морем, рассеченные крупными речными руслами (*Кривцун Б.М., Кишлярук В.М.* Географическое и картографическое отображение территории Приднестровья в трудах древних авторов // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. 2001. № 5. С. 5–10).

На средневековых картах Восточной Европы земли по обоим берегам Днестра отображены недостаточно информативно – они находились на стыке Молдавского княжества, Золотой Орды (затем Крымского ханства) и Великого княжества Литовского (затем Речи Посполитой) и были почти безлюдны. В раннее Средневековье эта территория не подвергалась детальному картографированию и только в начале XV в. начинают публиковаться географические труды и карты, описывающие территории Северного Причерноморья. Так, на карте Борджиа (1430 г.) между Днестром и Дунаем указана Великая Валахия, т. е. Молдавия; на карту Николая Кузанского (1491 г.) нанесен Днестр с городами Молдавского княжества; на карте Бернарда Ваповского, опубликованной в книге Себастьяна Мюнстера «Космография» (1540 г.), фигурирует Сарматия. Затем земли Северного Причерноморья были более детально представлены на картах итальянских и германских ученых Джакомо Гастальди (1548 и 1560 гг.), Герарда Меркатора (1562 г.), Ферандо Бертелли (1562 г.), Герарда де Йода (1567 г.), Иоганна Камолиума (1568 г.), Донато Бертелли (1571 г.), Абрахама Ортелиа (1570 и 1579 гг.), Паоло Форнали (1571 и 1593 гг.). При этом, следует учесть, что интерес к краю проявляли не только итальянцы и немцы, но и турецкие и польские авторы (*Паскарь Е.* Неизвестная Молдавия. Европейские книгопечатные источники XV–XVI вв. о древнейшей и современной истории Молдавии. Одесса, 2014. С. 90–130).

В раннее Новое время Поднепровье находит полное отражение преимущественно на польских и немецких картах. Земли в долине Днестра детально представлены на карте Королевства Польши и Великого княжества Литовского И.М. Пробста (1628 г.). Эпохальной стала Генеральная карта Украины, выполненная французским военным инженером и картографом Гийомом Левассером де Бопланом в 1648 г. Карта отличается исключительной детализацией – на нее нанесены реки, горы, крепости, города, села, переправы, границы и названия государств, административно-территориальных единиц и историко-географических областей. На турецких, польских и российских картах конца XVII – конца XVIII вв. междуречье Днепра и Днестра обозначено по-разному: Дикое Поле, Эдисан, Ханская Украина или Очаковская область. Многие карты того времени издавались на латинском языке с немецким, французским, польским или турецким дубляжом названий нанесенных на них географических объектов (*Ширяев Е.Е.* История Приднестровья в картах. М., 1993. С. 13–14).

В капитальном труде господаря Димитрия Кантемира «Историческое, географическое и политическое описание Молдавии» 1715–1716 гг. на карту Молдавского княжества были нанесены географические объекты не только восточных цинутов, но и крупнейшие поселения левобережья Днестра, находящиеся под управлением Варшавы и Бахчисарая. На польских картах XVIII в. обозначены местечки Рашков, Рыбница и Ягорлык. На турецких административных и военных картах на берегах Днестра

нанесены центры турецких райятов – Бендеры и Аккерман, центр ногайско-татарского каймаканства – Дубоссары, а также небольшие татарские поселения – укрепленные военные лагеря и деревни. В 1769–1770 гг. российский генерал, инженер и картограф Ф.В. Бауэр составил образцовую карту Молдавии, на которой с необычайной для своего времени тщательностью отобразил гидрографическую сеть, овраги, горы, города, крепости, монастыри, села, военные лагеря, дороги, границы.

С присоединением к Российской империи междуречья Южного Буга и Днестра по Ясскому мирному договору 1791 г. на российских административных и военных картах левобережное Поднестровье появляется как составная часть Очаковской области или Новороссии. В этом же году голландский инженер на российской службе Франц де Воллан составил подробную карту «Области Озу или Едизан» (*Яровой Е.В., Скалецкая О.Ю., Кирьякова Е.П.* Ф. де Воллан и Приднестровье // От голландского капитана до российского министра. СПб, 2003. С. 32–36).

Сегодня объекты, отображенные на картах античного и средневекового периода и, особенно, Нового времени нашли отражение в материалах географического и исторического атласов Приднестровской Молдавской Республики, изданных соответственно в 1996 и 2007 гг.

А.А. Фролов (Москва)

К вопросу о характере «Старого чертежа» Русского государства

В мае 1626 г. в кремлевском пожаре сгорел основной фонд документации центральных учреждений. Среди уцелевших обнаружился «Старый чертеж» (далее – СЧ). На его основе в 1627 г. были составлены «Большой чертеж» Русского государства (далее – БЧ) и роспись, озаглавленная как «Книга Большому Чертежу». Оба чертежа утрачены, но Книга дошла во множестве списков. Судя по ее тексту, СЧ изображал всю территорию государства с прилегающими землями: от Ледовитого океана до Черного моря и от Балтики до реки Обь. Некоторые детали позволяют датировать его 1598 г. Географические описания, касающиеся СЧ, группируются по рекам (чаще всего), дорогам или городам.

Мысль о том, что на изображение СЧ опиралась карта Гесселя Герритса (1613–1614), высказывалась еще во второй половине XIX в. (*Baer K.E. von. Die alte Reichskarte, Большой чертеж // Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angrenzenden Länder Asiens. Bd. 16. St. Petersburg, 1872. S. 262–267 и др.*). Однако Книга Большому чертежу содержит больше деталей, чем голландская карта, и это мешало напрямую сопоставить карту с СЧ. Но Б.П. Полевой привел аргументы в пользу того, что СЧ, как и БЧ, представляли собой не карту на одном листе, а ком-

плект «маршрутных чертежей». Каждый маршрутный чертеж изображал не столько площадные, сколько линейные элементы – маршруты вдоль водных путей и сухопутных дорог. Взаимное расположение отдельных листов определялось на сводном чертеже. Карта Г. Герритса восходила к этой общей схеме, а не к детальным картам (*Полевой Б.П.* Сибирская картография и проблема «Большого чертежа» // *Страны и народы Востока.* 1976. № 18. С. 213–227).

Карта, известная по имени Г. Герритса, была составлена Исааком Массой, который несколько лет прожил в Москве и, по всей видимости, скопировал значительную часть СЧ (*Красникова О.А.* Карта северного берега России 1612 г. Исаака Массы и Книга Большому Чертежу Московского государства // *Наука из первых рук.* 2010. № 1 (31). С. 74–85). Один из маршрутных чертежей СЧ был воспроизведен, как показали сначала Б.П. Полевой, а затем О.А. Красникова, на другой карте, изготовленной тем же И. Массой и изданной в 1612 г.

Трактовка СЧ и БЧ как наборов маршрутных чертежей объясняет то, как удалось разместить на СЧ (и, соответственно, на БЧ) около 2000 надписей. Ф.А. Шибанов, назвавший наблюдения Б.П. Полевого «чистейшей фантазией историка», отметил, что, по его расчетам (а до него – по расчетам П. Ловягина), БЧ и Чертеж полю имели размер примерно 2 x 2 м, поэтому изобразить на них всю территорию (в масштабе 1:1800000 и 1:600000) труда не составило: за исключением центрального района, карта должна была выглядеть полупустой (*Шибанов Ф.А.* Очерки по истории отечественной картографии. Л., 1971. С. 12).

Но по расчетам В.С. Кусова, для изготовления БЧ был использован масштаб 1:2700000, и в таком случае размер его составлял всего 1,3 x 1,4 м (*Кусов В.С.* Московское государство XVI – начала XVIII века. Сводный каталог русских географических чертежей. М., 2007. С. 11). На один объект с подписью на бумаге тогда приходилось бы в среднем около 9 см², что, учитывая неравномерность распределения данных по центру и по краям, ставит под сомнение существование всего изображения в виде одной карты. Доводы Ф. Шибанова против концепции Б. Полевого не убеждают: последний говорил о маршрутных чертежах как форме мелкомасштабных русских карт, а Шибанов пытался опровергнуть это апелляцией к описи царского архива 1570-х гг. (С. 13–14), в котором хранились, судя по описанию, в основном чертежи-рисунки отдельных местностей и чертежи-схемы городов – гораздо более крупномасштабные произведения.

О правоте Б. Полевого косвенно свидетельствует и то, что СЧ до пожара хранился в Разрядном приказе. Помимо прочих вопросов Разрядный приказ ведал вопросами землевладения – в основном на юге Русского государства. Связанные с этой сферой его деятельности чертежи не сильно отличаются от тех, что созданы в Поместном приказе, и изображают в основном площадные объекты – селения и пустоши. Но это крупномас-

штабные чертежи. Поместный приказ, в чью компетенцию входили вопросы землевладения на основной территории страны, обходился, по-видимому, без мелкомасштабной карты. Другая группа чертежей Разрядного приказа – планы оборонительных укреплений. Техника исполнения таких чертежей-схем, как и чертежей, связанных с землевладельческими спорами, имеет мало общего с изготовлением карт.

Потребность Разрядного приказа в мелкомасштабных картографических изображениях могла быть связана только с вопросами организации обороны. Обратившись к чертежам Разрядного приказа этой группы, мы обнаружим «линейный» характер по меньшей мере части из них (например, № 847, 893 Каталога В.С. Кусова и др., см. веб-ГИС, опубликованную на сайте РГАДА: <http://rgada.info/geos2/>).

Распространенный в историографии взгляд на СЧ и БЧ как на документы, имевшие самостоятельное значение, представляется не вполне корректным. Применявшиеся на Руси в административной практике конца XV–XVII вв. приёмы описания и членения пространства не требовали сколь-нибудь значимой абстракции (воплощенной в карте), апеллируя лишь к узнаваемым элементам ландшафта, которые описывались вербально и легко опознавались на местности без обращения к карте (*Фролов А.А.* Возникновение русского картографического чертежа и восприятие пространства в Московской Руси в XV–XVI вв. // *Российская история*, 2016. № 3. С. 50–59).

Примеры «линейного» описания пространства, связанные с прохождением маршрутов на местности и ориентирующие читателя по расстояниям вдоль рек или по расстояниям между городами, – новгородская Роспись погостов 1540-х гг., поверстная книга Ямского приказа (около 1606 г.), Роспись дорог (1601–1609 гг.). Подобное им описание послужило, вероятно, источником и для СЧ.

Более правильным кажется рассматривать не текстовое описание как легенду для карты, а карту как иллюстрацию к тексту, имевшую второстепенное значение. Поэтому на большинстве чертежей XVII в. отсутствует дата – в отличие от официальных текстовых документов, для которых она являлась важным атрибутом. По той же причине на 26 списков «Книги» XVII в. не приходится ни одного экземпляра карты.

С.И. Хазанова (Москва)

**Отрывок из «Откровения Авраама» в Палее Толковой
с отдельными вставками, встречающимися
в Хронографической Палее собрания Ундольского**

«Откровение Авраама» принадлежит к числу довольно хорошо изученных апокрифов. Он неоднократно публиковался (*Тихонравов Н.С.* Па-

мятники отреченной русской литературы СПб., 1863. Т. 1. С. 32–78; *Порфирьев И.Я.* Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1877. С. 111–130; *Откровение Авраама.* СПб., 1891 и др.). В литературе подробно перечислены все списки Палеи, где «Откровение Авраама» читается в более или менее полном виде (*Kulik A.* Retroverting Slavonic Pseudepigrapha toward the original of Apocalypse of Abraham. Leiden, 2005; *Успенский Б.А.* Филологические наблюдения над текстом «Откровения Авраама» // Вопросы языкознания. 2015. № 5. С. 52–53).

Палея конца XV – начала XVI в. из собрания Ундольского в литературе, насколько известно, не упоминалась. Возможно, на нее не обратили внимание потому, что она содержит только отрывок из апокрифа. В нем речь идет о пророчестве о пришествии Христа (Палея Толковая с отдельными вставками, встречающимися в Хронографической Палее. ОР РГБ. Ф. 310. Собрание Ундольского. Д. 718. Л. 123 об.–126). В этом отрывке ничего не говорится о вознесении Авраама на небо, нет и ангела, сопровождающего Авраама. Авраам, выйдя из Харрана, хочет принести жертву Господу и ставит требник. Бог обращается к Аврааму прямо из облака: «И рече емоу Господь из облака, глаголя: «Аврааме, есмь небесных и земных творецъ. Азь есмь многоименитый и всемогый, азь есмь страшный серафимом и невидимый херувимом. Азь есмь основавый землю на тверди и обуздавый море» (Там же. Л. 123 об.). Авраам просит Бога рассказать, что ждет его народ в последние времена. Из всех событий, которые произойдут в будущем, Бог возвещает Аврааму только о Христе: «Встанет оубо моужь от племene твоего и мнози съблзняются о нем, онъ же овы осрамит, овы же вознесет и поклонишася емоу от языкъ мнози, оуповают на нь, яко азь послах и» (Там же. Л. 124). Далее говорится о праведном веке и о суде над иудеями: «Да почнет расти праведный векъ, и потом придеъ суд мой на пронырливия языки племene твоего. Наведу въ дни оны на всю тварь земнуюю язвъ 10, зломъ и болезнию, и стенаниемъ и горестию душам их» (Там же. Л. 124). Это место перекликается со следующим текстом из полного «Откровения Авраама: «Преже даиже не начнеть расти праведный векъ, придеъ судъ мой на проныровавшиа языки семени твоего отлоучеными людьми. Во дни оны наведу на всю тварь земнуюю язвъ 10 зломъ и болезнью и стенанием горести душа их» (*Тихоново Н.С.* Указ. соч. С. 75). Праведникам же из иудеев Бог сулит радость и обещает принять их: «И тогда боудут от семени твоего моужи праведнии и снабдими мною тшасеъ къ славе имени моего и къ месту прежде оуготованноу имъ и ине възрадоуются присно. И растлять растлевшая их и вънегда оузрять мя и възрадоуются с людьми моими, и приимоу обращающихся къ мне» (Палея Толковая с отдельными вставками, встречающимися в Хронографической Палее. ОР РГБ. Ф. 310. Собрание Ундольского. Д. 718. Л. 124–124 об.). В Палее дано толкование этого от-

рывка, во многих списках «Откровения» такого толкования нет. Здесь сказано, что христиане, в отличие от иудеев, поклоняются наряду с Отцом и пришедшему в мир Сыну. Рост праведного века объясняется тем, что, как только послан был Сын, начала расти праведная вера: «Егда оубо посланъ был сынъ от отца, тогда и нача расти праведная вера, о ней же вси пророци древле проповедаша» (Там же. Л. 125). Суд для иудеев состоит в их отвержении, так как они не приняли Христа и предпочли ему разбойника Варавву. Это толкование интересно тем, что во многих других списках Палеи с «Откровением Авраама» оно отсутствует. Во многих Палеях «Откровение Авраама» не читается совсем или читается в довольно обширном объеме. Палея собрания Ундольского тем и интересна, что содержит небольшой отрывок из апокрифа.

Д.А. Хейфец (Москва)

Геральдика дворянских родов Российской Империи еврейского происхождения

Одной из тем в истории русской геральдики, которая не получила подробного освещения в научной литературе, является геральдика еврейских по происхождению родов в Российской Империи. Представляется важным попытаться определить возможное отображение национальной и религиозной принадлежности в эмблемах на гербах дворянских родов, имеющих еврейские корни.

В Европе у евреев было больше возможности утвердиться в дворянском сословии и получить герб, не теряя связи с общиной, тогда как в России еврей мог стать дворянином, в случае отказа от иудейского вероисповедания и перехода в христианство. Законодательством о евреях всячески ограничивалось их продвижение по табели о рангах: так, 568 статьёй Свода Военных положений 1859 г. запрещалось присваивать евреям офицерские чины.

По результатам Всеобщей переписи населения 1897 г., в Российской Империи проживало 5 056 660 евреев, из них дворян – 3509 человек обоего пола, т. е. менее 1% от общего числа. Исследователи в своих трудах обращались к истории отдельных дворянских родов еврейского происхождения и их потомкам (Ю.А. Нелидов, О.В. Будницкий, Р. Берган), однако, наиболее полное обозрение еврейского по происхождению дворянства в начале XX в. представил известный генеалог Н.П. Чулков, собрав в своей статье «Русское дворянство еврейского происхождения» сведения о 26 родах, хотя и не упоминая о наличии у этих фамилий гербов.

В «Общем Гербовнике дворянских родов Всероссийской Империи» и других источниках было выявлено 20 гербов, принадлежащих 19 дворянским родам (расположены в порядке получения ими статуса):

Копиевы – дворяне в службе с XVII в.;

Марковичи – дворяне с 1736 г.;

Девьеры – графы с 1743 г.;

Евреиновы – дворяне с 1760 г., по получению Я.М. Евреиновым чина действительного статского советника;

Крыжановские – дворяне, герб утвержден 11 января 1801 г.;

Неваховичи – дворяне с 1806 г. по получению Л.Н. Неваховичем (после перехода в лютеранство) чина коллежского регистратора и личного дворянства вместе с ним;

Позены – дворяне с 1836 г.;

Магазинеры – дворяне с 1837 г.;

Френкели – дворяне с 1836 г. (по Гербовнику Царства Польского), бароны с 1857 г.;

Кёне – бароны княжества Рёйсского с 1862 г., титул подтвержден в Российской Империи в 1865 г.;

Гантоверы – дворяне с 7 августа 1873 г.;

Перетцы – дворяне с 22 декабря 1873 г.;

Гинцбурги – бароны с 1876 г. (герцогство Гессен), в 1879 г. разрешено пользоваться титулом в России;

Блиохи – дворяне с 1882 г.;

Иогихессы – дворяне с 1885 г.;

Кроненберги – дворяне с 1899 г.;

Поляковы (потомство Лазаря Полякова) – дворяне с 1905 г.;

Поляковы (потомство Якова Полякова) – дворяне с 1905 г.;

Эйзенштейны – дворяне с 1916 г.

Присутствие национальной эмблематики обнаружено в восьми случаях (40% гербов).

В той или иной степени наличие в гербе национальной эмблематики, как правило, зависело в первую очередь от происхождения, а также от участия дворянина в жизни еврейской общины своего города или российского еврейства вообще.

Самый ранний герб из числа выявленных опубликован в пятой части Общего Гербовника (1800 г.) – герб рода Девьеров. Последний по времени, герб Эйзенштейнов, не был официально утверждён, так как прошение об этом было подано за две недели до Октябрьской революции 1917 г. Большинство интересующих нас дворянских родов имели подданство Российской Империи, кроме двух – Кёне и Гинцбургов. Б.В. Кёне получил титул барона от Княгини княжества Рёйсского (с утверждением герба в Общем Гербовнике). Гинцбурги же, не желая отказываться от иудаизма, получили баронский титул в герцогстве Гессен с признанием титула в России, но в Общий Гербовник герб внесен не был.

Из рассмотренных родов один имел графский титул, полученный ещё при Петре I (Девьеры), трое – баронский (Кёне, Френкели, Гинцбурги),

трое получили дворянство по ордену Св. Владимира 4 ст. (Гантоверы, Блюхи, Иогихессы), остальные достигли дворянства по гражданской службе.

Наибольшее число гербовладельцев-евреев – банкиры и предприниматели, из чего можно сделать вывод, что к получению герба стремились дворяне-евреи, имеющие свое дело, видимо, желая повысить статус своего предприятия для большей его престижности.

К национальной эмблематике относятся:

- изображения в гербах символов 12 колен Израилевых, о которых говорится в Библии. Шесть гербов (Девьеры, Евреиновы, Френкели, Поляковы (оба герба), Гинцбурги) из 20 (30%) имеют данные символы, пять из которых – в качестве гербовой фигуры, один (Гинцбурги) – в качестве щитодержателя. Самая частая фигура – золотой лев в синем поле – знак колена Иуды;

- буквы еврейского алфавита. Встречаются в гербе Гинцбургов в виде девиза (но только на экслибрисе) на древнееврейском языке – цитата из Песни Песней Соломона;

- шестиконечная звезда (звезда Давида). Шестиконечная звезда как символ еврейства начинает восприниматься только ближе к концу XIX в. В большом числе случаев она присутствует в гербах дворян, никак не связанных с евреями, символизируя Бога Саваофа. Встречается в девяти гербах из рассмотренных 20, однако только в гербах Неваховичей и Поляковых (оба герба) она имеет явное еврейское значение – у Неваховичей, как у активных деятелей еврейской общины, а у Поляковых, так как имеет вид не просто шестиконечной звезды, а «серебряной геометрической фигуры из двух соединенных треугольников», т. е. ту самую форму, которая ассоциируется с еврейством.

Наличие еврейской символики в гербах данных родов зависит от степени связи гербовладельцев с еврейским прошлым рода. Так, в гербах дворянских семей Копьевых и Евреиновых нет национальных символов, поскольку их родоначальники жили на рубеже XVII–XVIII вв., а рода ко времени получения титулов и гербов (середина XVIII в.) обрусели. В гербах же дворян Неваховичей (1831), баронов Гинцбургов (1874) и дворян Поляковых (1905) заметно четкое выделение национальных символов, так как представители именно этих родов активно участвовали в жизни русского еврейства, а Гинцбурги даже были руководителями петербургской иудейской общины и финансировали строительство синагоги.

**Реконструкция приказного состава Аптекарского приказа
40-х – начала 50-х годов XVII века**

Аптекарский приказ был одним из ключевых ведомств конца XVI–XVII в. и контролировался наиболее близкими к царю людьми, наряду со Стрелецким, Иноземским и Приказом Большой казны.

Текущее делопроизводство Аптекарского приказа 1640-х – начала 1650-х гг. практически не дошло до нас. Этот важный период отмечен придворной борьбой, формированием абсолютизма и связанных с ним тенденций общественного развития, которые получили свое воплощение во второй половине века (*Филина Е.И.* «В поисках альтернативы...»: «придворные партии» в политической борьбе в России 30–50-х гг. XVII в. М., 2011. С. 5–8). В частности, в этот период происходит складывание бюрократического аппарата (*Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 25–26; *Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М.* Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: словарь-справочник. М.; СПб., 2015. С. 34–35, 72).

Несмотря на отмеченные лакуны, прецедентный способ ведения делопроизводства оставляет возможность частичной реконструкции событий по более поздним документам (см., например: *Худин К.С.* Приказные служащие Аптекарского приказа (1629–1645 гг.): просопографическое исследование по материалам РГАДА // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Мат-лы XXV Междунар. науч. конф. М., 2013. С. 583–587).

Один из таких документов – дело, по всей очевидности, происходящее из Приказа тайных дел. Окончательно оно было сформировано при ликвидации приказа, после смерти царя Алексея Михайловича (РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 723а). Оно дошло до нас в полной сохранности, о чем свидетельствует скрепа дьяка Артемия Степанова на обороте всех листов (*Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 490; *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700): биографический справочник. М., 2011 (далее – *Справочник*). С. 534).

Возникновение этого дела связано с масштабной проверкой, которая проводилась в отношении дьяка Аптекарского приказа Ивана Десятово с 30 июня 1670 г. Это проверка коснулась всех приказов, которые могли иметь финансовые операции с Аптекарским приказом. Им было поручено прислать выписки с расходных книг за предшествующие 20 лет – именно столько руководил этим ведомством этот дьяк. С началом проверки он был отстранен, а на его место поставлен подьячий Петр Зыков. Было также создано временное учреждение – «Приказ счета аптекарской казны», который возглавили стольник Федор Прокофьевич Соковнин и дьяк Се-

мен Карево (Ф. 143. Оп. 2. Д. 723а. Л. 17). До своего назначения в Аптекарский приказ, он, вероятно, был подьячим в Разрядном приказе – в 1670 г. он сообщает о себе: «в Розряде и в Аптекарском приказе тритцать шесть лет и был на твоих государевых службах за тобою великим государем под Смоленским и под Вилною, и на иных твоих государевых службах» (Там же. Л. 1). Можно предположить, что служба И. Десятово началась около 1634 г. (справочники это не фиксируют).

Стоит отметить, что ранее подьячий Вялища Потемкин возглавлял это ведомство 25 лет (1615–1640 гг.), почти пожизненно. Однако непосредственный предшественник Никифор Вальцов – меньше семи, с 1642/43 по 1649 гг. Затем он был смещен и перешел в Новую четь, которую возглавил боярин князь Михаил Петрович Пронский (*Филина Е.И.* Указ. соч. С. 85, 134).

Из обнаруженного дела видно, что самые ранние финансовые операции указанного периода относятся к 17 июля 1649 г., следовательно, не позднее этого времени И. Десятово вступил в должность. К сожалению, более точных сведений на сегодняшний момент у нас нет, справочники датируют появление И. Десятово 1648/49 г. Одновременно с ним упоминается подьячий Константин Протопопов (Ф. 143. Оп. 2. Д. 723а. Л. 21), которого фиксирует только Веселовский. Первое известное о нем упоминание относится к 13 июля 1645 г. – приведению к присяге новому царю служащих дворцовых приказов (к которым относился и Аптекарский приказ). Этот документ, опубликованный Ю.В. Арсеньевым стал для С.Б. Веселовского поводом назвать К. Протопопова «дворцовым подьячим» без указания принадлежности к определенному ведомству (*Арсеньев Ю.В.* К истории Оружейного приказа в XVII веке. СПб., 1904; *Веселовский С.Б.* Дьяки ... С. 437). Очевидно, что К. Протопопов служил в Аптекарском приказе еще при предшественнике И. Десятово – Н. Вальцове. И. Десятово и К. Протопопов упоминаются вместе вплоть до 02 февраля 1655 г. – «за приписью Ивана Десятово..., а росписка Костянтина Протопопова». 2 февраля росписку составлял сам И. Десятово, а уже в 30 июня 1655 г. впервые вторым подьячим упоминается Антип Степанов, который также не фиксируется справочниками. Последний раз он называется 21 октября 1657 г., затем его имя пропадает, а 21 мая 1658 г. в качестве подьячего фигурирует уже Иван Зуев, который и упоминается вплоть до конца этой росписи – последняя запись относится к 30 ноября 1659 г. (Ф. 143. Оп. 2. Д. 723а. Л. 25–29). Известно несколько подьячих с таким именем и фамилией, что затрудняет атрибуцию. Подьячество И. Зуева Н.Ф. Демидова относит к 1665–1670 гг., С.Б. Веселовский – к 1669/70 г. (*Демидова Н.Ф.* Справочник. С. 213; *Веселовский С.Б.* Дьяки... С. 199.)

Тогда же 21 октября 1657 г. И. Десятово впервые записан в качестве дьяка: он назван подьячим 17 июля 1649 г., а затем его имя все время пишется без указания должности. По всей видимости, он являлся подьячим

Статьи 6714 и 6715 гг. летописей «лаврентьевской группы» имеют очевидные признаки использования лет константинопольской эры в ее мартовском календарном варианте, на что указывают их юлианско-недельные показания (28 февраля 6714 г., среда; 19 августа 6715 г., воскресенье; 22 сентября 6715 г., суббота; 13 октября 6715 г., четверг; 22 ноября 6715 г., среда). Такая принадлежность лаврентьевских статей подтверждается и астрометрическими расчетами: «Влѣ̑·ѣ̑·ѣ̑·дї̑...Тоє же зимыбызнаменье... в слнці·мѣ̑·феврала·въ·кї̑·днь в срѣ̑» – солнечное затмение 28 февраля 1207 г.; «Влѣ̑·ѣ̑·ѣ̑·ї̑...Тоє же зимы·бызнаменье в лунѣ·мѣ̑·феврѣ̑·г̑·днѣ̑» – лунное затмение 3 февраля 1208 г. Этому не противоречит порядок следования календарных дат, выстраивающий их в пределах каждой статьи в очередности весна – зима. События, происходившие в месяце сентябре, как и положено им, располагаются в середине мартовских годовых комплексов 6714 и 6715 гг. Лаврентьевской летописи, но во Владимирском летописце с сентября начинается отсчет новых годов, причем в обоих случаях годовое разграничение проходит рядом с юлианским числом 22 сентября:

Лаврентьевская летопись

Влѣ̑·ѣ̑·ѣ̑·дї̑...Всеволодъ же посади сѣ̑а своего в Переяслави

Іарославъ же придекъѡцю своему в Суждаль·мѣ̑·сѣ̑тѣ̑·въ·кѣ̑...
Влѣ̑·ѣ̑·ѣ̑·ї̑...Кнѣ̑же

великий...повелѣ̑ изымати ихъ (рязанских князей) ссвоимї думцами·и вести ихъ в Володимерь·мѣ̑·сѣ̑тѣ̑·въ·кѣ̑·днѣ̑... в днѣ̑сутныи

А сѣ̑кнѣ̑великийнаѡтриднѣ̑ переброди сачересьѡку· в днѣ̑нѣ̑лныи·и поидеъ Прнську... (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 426–429)

Владимирский летописец

Влѣ̑то 6714 ...Всеволод посади сына своего в Переяславле

В лѣ̑то 6715. ПриидеЯрославъкъ отцу в Суздаль·мѣ̑·сѣ̑тѣ̑·септебѣ̑ 22 день...

В лѣ̑то 6716 ...Князь же великийВсеволодъ ...изыма их сѣ̑всѣ̑ми думцами и посла ихъ Володимерю

В лѣ̑то 6717. Иде князь великийВсеволодъ къПрнську... (ПСРЛ. Т. 30. С. 81–82)

Конечно же, редактирование образца Владимирского летописца было поздним и не во всем удачным изменением первоначального текста, но так же несомненно и то, что проводивший его летописец начало сентябрьского года полагал 23 сентября.

Иоанн Кариофиллис и синодальное решение 1686 года о Киевской митрополии

Среди документов архива Посольского приказа сохранился греческий подлинник письма вселенского патриарха Дионисия IV Муселима царям Иоанну и Петру Алексеевичам, датированного маем 1686 г. В нем изложено синодальное решение, в соответствии с которым московский патриарх получил разрешение на поставление киевских митрополитов (РГАДА. Ф. 52. Оп. 2. № 669; Оп. 1. 1687 г. Д. 3. Л. 1–11 (русск. пер.); Ф. 89. Оп. 1. Кн. 25. Л. 416–422. Изд.: СГГД. Ч. 4. № 175. С. 509–514; АрхЮЗР. Ч. 1. Т. 5. № 41. С. 172–176). Из статейного списка подьячего Никиты Алексева, посланного в 1685–1686 гг. в Османскую империю, известно, что подготовка переданных ему грамот о Киевской митрополии была поручена двум писцам, которых он одарил за труды: «Костянтинопольского патриарха писарем, которые писали листы золотом и чернилы, 2-м человеком, по меху белю хрептовому, ценою по 4 рубли мех, да по золотому червонному человеку» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 26. Л. 177 об.).

Одним из получивших награду, по-видимому, был великий логофет Великой церкви Иоанн Кариофиллис, руке которого принадлежит текст привезенного Никитой Алексеевым письма Дионисия IV. Этот великолепный образец каллиграфического искусства не просто писан «золотом и чернилы», но также украшен рамкой с изящными узорами и изображением Богоматери с Младенцем, помещенным в медальон. Декоративные особенности этого документа (иконография Богоматери, отчасти – виноградные лозы на полях и узоры буквицы) схожи с украшениями грамоты, датированной 1651 г. и написанной тем же Иоанном Кариофиллисом – так называемого «синодального хрисовула» № 15 А константинопольского патриарха Иоанникия II из архива Греческого Института византийских и поствизантийских исследований в Венеции (*Μανούσκακας Μ.Ι. Τὸ πλαστὸ συνοδικὸ χρυσόβουλλο (1651) τοῦ οἰκουμ. πατριάρχῃ Ἰωαννικίῳ Β' γιὰ τὰ πρὸνόμια τοῦ Ἀθῶν. Βελλεριανοῦ, μητροπολίτη Φιλαδελφείας στὴ Βενετία // Εὐφρόσυνον. Ἀφιέρωμα στὸν Μ. Χατζηδάκη. Ἀθήνα, 1991. Τ. 1. Σ. 331–344, πίν. 164–169*). Доказательства подлинности этого документа, в котором были перечислены права и привилегии филадельфийского митрополита Афанасия Веллерианоса, некогда сочтенного М. Манусакасом поддельным, были приведены Б.Л. Фонкичем (*Фонкич Б.Л. Исследования по греческой палеографии и кодикологии IV–XIX вв. М., 2014. С. 665–676*).

Иоанн Кариофиллис был писцом и еще одной грамоты, имеющей отношение к Киевской епархии: в 1681 г. по синодальному решению на отторгнутую от митрополии епископскую кафедру Каменца-Подольского с титулом митрополита и экзарха был поставлен бывший лидорикийский

епископ Панкратий (Институт рукописи НБУ им. В.И. Вернадского. Ф. 18. № 121; Акты, относящиеся к истории Южно-Западной Руси. Львов, 1868. С. 52–53). Таким образом, в Константинополе и до 1686 г. предпринимались попытки решения вопроса о поставлениях православных архиереев на церковные кафедры, находившиеся под юрисдикцией Киева. Постановления и о новой Каменецкой митрополии, и о Киевской были продиктованы желанием вселенских патриархов вывести православную паству из-под какого-либо контроля и влияния враждебных Османской империи и Константинопольскому патриархату польско-литовских властей и связанного с ними духовенства, а также иметь возможность осуществлять хиротонии на кафедры, находящиеся на недоступной по политическим причинам территории.

Обнаруженное сходство оформления написанного Иоанном Кариофиллисом письма патриарха Дионисия царям и грамоты о статусе Афанасия Веллерianosа заставило с большим вниманием отнестись также и к содержанию постановлений о новых правах жившего в Венеции филадельфийского митрополита. Они были зафиксированы в двух грамотах Иоанникия II – «хрисовулах» № 16 В и 15 А 1651 г. Дословный повтор прооимона обеих этих грамот в начале постановления о порядке избрания киевского митрополита (АрхЮЗР. Ч. 1. Т. 5. № XLVI. С. 191; *Βελεῦδες Ι. Χρυσόβουλλα καὶ γράμματα τῶν Οἰκουμενικῶν πατριάρχῶν*. Βενετία, 1893. Σ. 45–46; *Μανούσακας Μ.Ι. Ἀνέκδοτα πατριαρχικὰ γράμματα* (1547–1806). Βενετία, 1968. Σ. 64–65) позволяет предполагать, что тот, кто готовил грамоты 1686 г., мог иметь в своем распоряжении текст синодального решения 1651 г.

По синодальной грамоте № 15 А филадельфийскому митрополиту разрешалось посылать епископа Кифиры к архиепископу Кефалинии и Закинфа для поставления, поскольку иначе он должен был получать рукоположение от митрополита Монеμвасии, пребывающего в османских владениях. Расширявшиеся права предоставлялись Афанасию Веллерianosу в связи с военными действиями, начавшимися между Венецией и Османской империей в 1645 г., затруднившими (как и военные действия в 80-е гг. между Речью Посполитой и Портой) поставления архиереев на подконтрольных Республике св. Марка территориях. Практика же поминовения архиереем иерарха, «делегировавшего» свои права на его поставление другому иерарху, также находит параллель в синодальной грамоте «хрисовуле» Афанасию Веллерianosу № 15 А: в соответствии с ее текстом во время церковной службы и архиепископом Кефалинии и Закинфа, и поставленным им епископом Кифиры, а также протопопами и клиром Керкиры возглашалось многолетие (τὰς φῆμας) филадельфийскому митрополиту. В данном случае речь идет о том же самом порядке, который был принят и в другие моменты совершения литургии, в частности, во время

евхаристического канона (как указывалось в постановлениях о Киевской митрополии: *μνημονεύσθι ἐν πρώτοις...*/ «доспоминает впервых...»).

Греческое письмо патриарха Дионисия 1686 г., переписанное Иоанном Кариофиллисом, было украшено изображением Богоматери и растительным орнаментом в Константинополе. Это позволяет предположить, что и сходный с ним по своим декоративным особенностям «хрисовул» № 15 А Греческого института был не только переписан тем же писцом, но и украшен художником, работавшим, скорее всего, там же, в патриаршей канцелярии, а не в Венеции, как ранее предполагали М. Манусакас и Б.Л. Фонкич.

М.С. Черкасова (Вологда)

Жалованная грамота митрополита Варлаама 1511 года и её особенности

В одном из сборников Румянцевского собрания (ОР РГБ. Рум. 52. Л. 28–30 об.) имеется список начала XIX в. с жалованной данной, несудимой, оброчной и односрочной грамоты митрополита Варлаама (3 августа 1511 г. – 17 декабря 1521 г.) домовому Николо-Волосовскому монастырю во Владимирском уезде от 9 августа 1511 г. Список был выполнен с оригинала, имевшего вислую «на черном шелковом снурке митрополичью двухстороннюю печать из красного воска» (*Востоков А.Х.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842. С. 77). Данный акт не вошёл в подготовленное Л.В. Черепниным издание актов московской митрополичьей кафедры (АФЗХ. М.-Л., 1951. Ч. 1), и его нет в копийной книге № 276 из Синодального собрания ГИМа. Некоторые другие отсутствующие в кн. 276 акты Л.В. Черепнин обнаружил во второй, более поздней митрополичьей копийной книге № 127 (из Беляевского собрания в ОР РГБ), включив их в АФЗХ. Ч. 1 (№ 44а, 46а, 46б), однако и в ней интересующего нас документа нет.

С учётом выявленного акта расширяется небольшое документальное наследие митрополита Варлаама (им были выданы две грамоты, 1512 и 1516 гг., подробнее см.: *Архимандрит Макарий (Веретенников)*. Всероссийский митрополит Варлаам // Альфа и Омега. 2002. № 4 (34). С. 88–98). Нельзя сказать, что жалованная грамота Николо-Волосовскому монастырю 1511 г. совсем не была известна в науке. А.Х. Востоков при описании сборников Румянцевского собрания (*Востоков А.Х.* Указ. соч. С. 76–77) кратко отметил содержащееся в ней освобождение монастыря «от обыкновенных поборов, пошлин, суда наместнического и прочего». А.В. Антонов указал на эту грамоту по её упоминанию в описи архивов Владимирской епархии 1764 г. из ф. 280 в РГАДА (*Антонов А.В.* Вотчинные архивы владимирских монастырей и соборов XIV – начала XVII вв. // РД.

Вып. 4. М., 1998. С. 209. № 206). Датировка грамоты в описи 1764 г. более широкая – 3–31 августа 1511 г., исходя из хиротонии Варлаама 3 августа 1511 г. (Православная энциклопедия. М., 2002. Т. VI. С. 582–583, автор статьи архим. Макарий (Веретенников)).

Для Варлаама этот документ, думается, являлся первым, выданным через несколько дней после вступления в столь высокий сан, а для Николо-Волосовского монастыря оставался вообще единственным иммунитетным актом. В 1598 г. им была получена жалованная данная грамота патриарха Иова на два луга в Опольском стане, но без иммунитетных привилегий (Антонов А.В. Указ. соч. С. 211. № 219; *Он же*. Описание грамот Коллегии экономии. Т. 1. А–И. М., 2016. № 1877). По Николо-Волосовскому монастырю за 1521–1576 гг. значительно больше частных актов – данных, купчих, духовных (Описание ГКЭ. № 1795, 1798, 1800, 1816, 1829, 1830, 1844, 1845, 1883; АФЗХ. Ч. 3. № 1, 3, 4, 8, 16, 17), и далеко не все из них попали в копияные книги, сохранившись только в подлинниках.

Невключение грамоты Варлаама 1511 г. в составленную при его преемнике Данииле (1522–1539) копияную книгу можно было бы объяснить их непростыми отношениями (Варлаам был близок к нестяжателям – М. Греку, В. Патрикееву, а в декабре 1521 г. оставил кафедру, уйдя сначала в Симонов монастырь, а затем по приказу Василия III был сослан в Спасо-Каменный монастырь). Но почему тогда другая его жалованная грамота – домовому переславскому Антоньево-Покровскому монастырю в Аргуновской волости от 29 мая 1516 г. (АФЗХ. Ч. 1. № 142) в Синод. 276 помещается? В неё внесены и поземельные акты митрополичьего дворцового Ф.Ф. Сурмина в Московском и Дмитровском уездах 1512–1518 гг. (АФЗХ. Ч. 1. № 58, 59, 60, 73, 74).

Грамота Николо-Волосовскому монастырю 1511 г. отличается такой особенностью, как двойственный состав иммунитета. Адресатом пожалования в ней названы, во-первых, игумен со старцами, а, во-вторых, священно- (попы и дьяконы) и церковнослужители (пономари, проскурницы и весь причт) монастырских и одновременно приходских церквей в сц. Волосовском – Николы Чудотворца и Сергия Радонежского. Церковные причетники освобождались от дани, корма и пошлин (зборного, петровского, рождественского, явленной куницы, осеннего проезда), суда владычного наместника и его тиунов, въезда заеззчиков. Близким по содержанию был иммунитет для причта церкви Василия Кесарийского в вотчине суздальского Спасо-Евфимьева монастыря Гороховецкой десятины в грамоте Варлаама 1512 г. (АСЕМ. № 7). Духовенство обеих церквей и монашество Николо-Волосовской обители являлись «бенефициаром» земельного пожалования владыки – указанного сельца с пожней и двумя лужками – «а ведают и пашут то сельцо и сено косят игумен и попы и дьяконы на себя».

Во второй части грамоты 1511 г. были сформулированы иммунитетные права обители в отношении жителей сельца и деревень. Они включали: запрет владычным наместникам въезжать с налоговыми и судебными прерогативами – «яз, Варлам митрополит сам их сужу». Все платежи с сельца заменялись взносом 1 руб. на Крещение, причём раньше оброк составлял 2 руб., а теперь второй рубль был отдан церквям в качестве руги. Оброчный статус был установлен Валаамом и для переславского Антоньева монастыря в его грамоте 1516 г.: на Рождество Христово в казну и 4 алт. десятильнику (АФЗХ. Ч. 1. № 142). На Крещение должны предъявляться судебные иски духовенству, людям и крестьянам Николо-Волосовского монастыря и мог въезжать владычный пристав из Москвы. Картину феодального иммунитета дополнял запрет митрополичьим детям боярским и слугам незванными являться на общинные пиры и братчины. Раннее употребление этой статьи находим в великокняжеских грамотах митрополитам 1450–1460-х гг. по Владимирскому и Юрьевскому уездам (АФЗХ. Ч. 1. № 148, 187, 188). Имеется она и в серии жалованных грамот Василия III 1507 г. Варлааму в качестве архимандрита Симонова монастыря (АФЗХ. АМСМ. № 4–8), откуда могла быть заимствована им при выработке своей грамоты 1511 г.

А.П. Черных (Москва)

Гербовые подвески и собачьи медальоны

Источники геральдики из области материальной культуры всегда привлекают внимание. Тем более интересно открытие в конце 1900-х – начале 2000-х гг. новых источников – гербовых подвесок, связанное с распространением экипированной металлоискателями любительской археологии.

Эти часть конской сбруи (*pendants de harnais*), украшавшейся красивыми, звякающими и брякающими в движении подвесками. На них похожи знаки с собачьих ошейников, кольца голубей и ловчих птиц (*vervelles*). Разница между ними в том, что подвеска конской сбруи является преимущественно псевдогеральдическим украшением, пусть и геральдизированным, но в принципе анонимным. В собачьем медальоне герб выступает как владельческий знак. *Vervelle* происходит из соколиной охоты – так называли колечко или плакетку, надеваемую на лапку птицы.

Большинство сделаны из меди или латуни, редко из серебра, с цветным эмалевым покрытием. Обычно они имеют форму щита, но встречаются и другие. Размеры – от 30 до 70 мм в высоту, 15–20 мм в ширину. Основная масса найденных относится к XIV–XV вв., изредка к XIII в. Такая датировка, конечно, неудовлетворительна, но большая точность требует малодоступной любителям дорогой лабораторной экспертизы. Геральдическая идентификация этих медальонов представляет собой

обычный процесс геральдической экспертизы, то есть трудоёмкий и не всегда успешный. Как правило, они односторонние, но есть и двусторонние, с одинаковыми или разными, возможно супружескими, гербами. Состояние этих найденных в земле средневековых археологических объектов с легко отслаивающейся эмалью требует осторожной первичной реставрации, но и по тем, что очищены, хорошо видно, что их изобразительной основой является герб в его главной щитовой форме, без шлема и прочих дополнительных элементов.

Ареал распространения, то есть ареал находок, соотносим с территорией классической геральдики – Франция, Британские острова. По частоте находок создаётся впечатление, что эти предметы очень распространены в Великобритании, но похоже, что этому способствует законодательная основа, позволяющая свободно декларировать находки, осуществлённые с помощью металлодетектора (Portable Antiquities Scheme). Во Франции кодекс национального культурного наследия запрещает использование любительского металлодетектора (Patrimoine Article L 542-1), а в публикациях при упоминании его требует одновременно напомнить об уголовном наказании. Однако публикация подвесок с указанием места находки и прочими данными весьма желательна.

В текстах упоминания об этих подвесках редки. В частности, согласно счёту герцогини Орлеанской Марии Клевской, матери Людовика XII, в 1455 г. она заказала 14 серебряных с позолотой медальонов со своими *devices* для ловчих птиц; в 1476 г. ею же было заказано изготовление двух серебряных с позолотой медальонов с её гербами для соколов. К XV в. относится упоминание об изготовлении 13 серебряных с эмалью медальонов (*vervelles*) с гербами Франции для сокольничих короля. Чаше они называются «щиточками» (*escussions*). Например в 1474 г. Мария Клевская заказала 6 латунных позолоченных щиточков для своих псов; распорядитель счетов графа Ангулемского заплатил «мэтру Пьеру Дёво сумму в XXXIV соля IV денье за 8 медных щиточков с гербами монсеньора и мадам для того чтобы повесить их на шею борзым упомянутой дамы» (*Loïc B. Les vervelles // Les objets du Moyen Age. P. 9*). Знаки ловчих птиц существовали и в начале XVI в., их упоминает Ф. Рабле, рассказывая о птицах острова Звонкого (*Rabelais Fr. La vie de Gargantua et de Pantagruel. Livre V, ch. 5; Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. Пер. Н. Любимова. М., 1966. Кн. V, гл. 5*).

Можно предположить, что маленькие копии герба функционально были универсальны. В Гербовнике Грюненберга 1480–1483 гг. на иллюстрации «выставки гербов» (*Grünenberg K. Das Wappenbuch Conrad's von Grünenberg, Ritters und Bürgers zu Constanz. 1480. BSB Cgm 145. Fol. 233*) (отсутствующей в копии гербовника 1602 г.), где представлены рыцарские шлемы, можно увидеть маленькие гербы, указывающие на владельческую принадлежность шлемов. По виду и размеру они очень похожи на

подвески и медальоны, о которых идёт речь. Притом это не специально изготавливаемые, а те же самые, что применялись для сбруи и ошейников. Возможно, что эти элементы могли крепиться и на переплёты книг или ларцы, сохраняя функцию знака собственности. От них ничем не отличаются гербовые накладки в одеяниях и аксессуарах (перевязь из погребения Фернандо де ла Серда, XIII в.).

Следует также иметь в виду, что существуют и псевдоподвески, не подделки, а поздние копии, созданные без всякого злого умысла. Так, в конце XIX в. в Лотарингии к празднествам в честь Жанны д'Арк делались стилизованные под XV в. сувенирные медальоны с её гербом (*Loïc B. Op. cit.* P. 13).

Известный оптимизм порождают новые находки: в 2011 г. в графстве Корк (Ирландия) при плановых археологических раскопках (проектирование дороги) остатков замка Каэрдаган (Caherduggan) во рву обнаружили кожаный ремень XIII–XIV вв. длиной почти 1 м с 36 металлическими (сплав меди) гербовыми подвесками и пряжками. Предположительно это грудной ремень (*peytrel*) конской сбруи. Каждая подвеска соединена шарниром с неподвижной клёпкой, при движении коня подвески приходили в движение. Средневековые геральдические подвески сегодня исчисляются сотнями, возможно даже тысячами, но, в отличие от этой, все они были единичными фрагментарными находками.

Если для печатей подсчёты числа бытовавших в 16 раз превышают число дошедших до нас, то не будет большой смелостью предположить, что в случае гербов соотношение не меньше, о чём и свидетельствуют все эти подвески и медальоны.

С точки зрения выявления источников это новая ситуация, связанная с распространением металлоискателей и увлечением самодеятельной археологией. Одно без другого не имело бы смысла. Но так или иначе – значительный корпус новых источников уже сформировался.

С точки зрения общей истории геральдики они позволяют констатировать гораздо большее распространение геральдики в повседневной абсолютно гражданской жизни, а не только на турнире или на войне. Данный разряд источников материальной культуры, а главное, его *массовость*, тому убедительное доказательство.

Е.К. Шадунц (Переславль-Залесский)

К проблеме интерпретации кругового граффити Переславского Спасо-Преображенского собора

Переславский Спасо-Преображенский собор – древнейший хорошо сохранившийся памятник белокаменного зодчества на территории центральной России (1152–1157). В процессе реставрационных работ 2015 г.

стены собора впервые были очищены от обмазки водно-воздушной смесью под высоким давлением. Открывшаяся поверхность известняка оказалась покрыта граффити от цоколя до верха кладки, что делает собор крупнейшим эпиграфическим артефактом домонгольского времени в этом регионе.

Первая публикация граффити Спасо-Преображенского собора, найденных в 1863 г. на штукатурке в интерьере, была сделана Н.А. Артлебенем (*Артлебен Н.А.* Древности Суздальско-Владимирской области, сохранившиеся в памятниках зодчества, в пределах Владимирской губернии / Владимирский губернский статистический комитет. Владимир, 1880. Вып. 1). Эти надписи и рисунки к настоящему времени полностью утрачены. Рисунки некоторых крестов-граффити на блоках наружных стен опубликовал Н.Н. Воронин (*Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. М., 1961. Т. 1. С. 88). Происхождение этих крестов он связывал с погребениями, обнаруженными у восточной стены собора (*Воронин Н.Н.* Переславль-Залесский. М., 1948. С. 21). Помимо известных, в 2015 г. были найдены новые изображения, которые можно условно разделить на четыре группы: 1) кресты; 2) надписи; 3) знаки мастеров; 4) рисунки. А.А. Гиппиусу и С.М. Михееву удалось прочесть несколько многострочных надписей и монограмм, которые были датированы по палеографическим признакам XII–XIII вв. (А.А. Гиппиус, С.М. Михеев «Надписи-граффити на фасадах Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском», семинар «Эпиграфические итоги 2015 г.: Памяти Владимира Дмитриевича Сарабянова», Москва, 21.12.2015 г.). На юго-восточной апсиде была найдена запись об убиении князя Андрея (Боголюбского), выполненная в виде книжного разворота. Текст, датированный XII в., написан в форме летописного известия и сопровождается списком убийц.

Самый большой по размеру граффити-рисунок был найден на северной лопатке восточного фасада (*Андреева А.Ю., Фоменко А.Ю., Шадунц Е.К.* Отчет о наблюдении за реставрационными работами на объекте культурного наследия федерального значения «Спасо-Преображенский собор, 1157 год» // Переславль-Залесский Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 2015 г. С. 125–129). Граффити в виде фрагментов концентрических окружностей занимает поверхность трех блоков кладки. Геометрический рисунок выполнен при помощи инструмента типа веревочного циркуля, глубина борозд 1–2 мм, центр окружностей находится на высоте 1,9 м от современной планировки поверхности. Расстояние между окружностями 2,1–2,6 см, максимальный диаметр около 53 см. Заметно, что верхние дуги окружностей сдвинуты ближе, словно резчику было неудобно выдержать заданный радиус из-за высоты. В нижней части изображения имеется вертикальная борозда, соединяющая пять окружностей. Ниже кругового граффити различ-

мы несколько граффити-крестов с кругами или двойными разветвлениями на концах и фрагменты надписей.

Изучение этого рисунка затруднено состоянием кладки – поверхность сильно размыта и выветрена. Возможно также, что рисунок остался неоконченным. Угловые блоки были установлены на цементный раствор, вероятно, во время реставрационных работ 1890-х гг. При затирке шва цементный раствор попал в борозды рисунка.

Фотофиксация граффити проводилась при боковом солнечном свете, а также в вечернее время при боковой подсветке с разных сторон. Это позволило установить, что рисунок-чертеж состоит из десяти или 12 концентрических окружностей, сохранившихся в виде прерывистых дуг. Плохо различимы окружности минимального и максимального радиусов. Соединительная радиальная борозда в нижней части изображения прорезана глубже, чем дуги. На блоке справа от изображения заметны следы тески, лучисто отходящие от окружностей.

Среди граффити-рисунков на памятниках владими́ро-суздальского белокаменного зодчества имеется два круговых: на косяке южного портала Рождественского собора в Суздале (*Вахтанов С.Н. Средневековые рисунки-граффити белокаменных соборов Владимиро-Суздальской земли // Материалы исследований. Вып. 20. ВСМЗ, 2014. С. 149–158*) и на хорах церкви Покрова на Нерли (*Вахтанов С.Н. Древние рисунки-граффити церкви Покрова на Нерли // Археология Владимиро-Суздальской земли. Мат-лы науч. семинара. Вып. 4. М., 2012. С. 197–202*). С.Н. Вахтанов интерпретирует первое из них, представляющее геометрически точный чертеж из трех концентрических окружностей, как разметку под резьбу, а граффити в Покровской церкви относит к изображениям, имеющим символическое значение. Рисунок на западной стене в церкви Покрова на Нерли представляет две концентрических окружности, пересеченные несколькими кривыми линиями. Центр окружностей расположен на высоте около 175 см над полом хор, радиус меньшей около 4 см, радиус следующей примерно на дюйм больше.

Круговое граффити Спасо-Преображенского собора, относится к геометрическим рисункам, имеющим символическое значение. Изображение нанесено на камень ранее, чем собор был покрыт известковой обмазкой, сохранившейся в бороздах дуг.

Размещение столь крупного изображения на восточном фасаде храма не могло быть случайностью. Находка официального текста об убиении Владимирского князя Андрея Боголюбского на южной апсиде свидетельствует об использовании восточного фасада в качестве памятного места для сохранения важной информации. Семантика кругового граффити может быть раскрыта, исходя из комплексного культурологического анализа эпохи рубежа XII–XIII вв. Для уточнения подробностей изображения представляется необходимым применение метода объемного лазерного

сканирования, используемого для изучения эпиграфических памятников (А.Г. Авдеев, Ю.М. Свойский. Эпиграфические исследования летом 2016 г. От Пскова до Костромы. Сообщение на семинаре «Эпиграфические итоги 2016 г.» 26.12.2016 г., Москва).

М.Е. Шалак (Ростов-на-Дону)

Сведения по исторической географии Крымского ханства в нарративных источниках иностранного происхождения конца XVI – начала XVII века

Вопросы, связанные с исторической географией Крымского ханства, затрагивались во многих исследованиях, посвященных истории этого государства. Что касается исторической географии Крымского ханства конца XVI – начала XVII в., то здесь в качестве источников можно использовать произведения иностранцев, посетивших Московское государство в обозначенный промежуток времени. Нами будут рассмотрены произведения Дж. Флетчера, Дж. Смита, И. Массы, Ж. Маржерета, Дона Жуана Персидского. Надо сказать, что на предмет выявления сведений по исторической географии Крымского ханства, эти произведения ещё специально не исследовались.

Согласно Флетчеру, Московское государство на юге и юго-востоке граничило непосредственно с Крымским ханством. При этом англичанин уточняет, что расстояние от Вологды до Москвы и далее на юг, к границе Крыма, равняется примерно 1700 верстам. Скорее всего, здесь у Флетчера вкралась ошибка и вместо 1700 верст надо читать 700. Это подтверждается и тем, что по Флетчеру расстояние от Архангельска до Вологды было примерно таким же. А так как сегодня расстояние между этими двумя городами равно 765 км, то, следовательно, от Вологды до границы с Крымским ханством было приблизительно столько же, что соответствует расстоянию от Вологды до Орла.

Еще одним ориентиром для Флетчера была река Дон, протекающая через землю крымских татар и впадающая в «морское озеро или болото, называемое Меотийским» (Флетчер Дж. О государстве Русском // Накануне Смуты. М., 1990. С. 487). На границе с Крымским ханством берет начало и река Ока, впадающая в Волгу. По мнению Флетчера, Казань также был пограничным городом с «отдаленной землей Крымских татар».

В записках Дж. Смита указано, что Крымское ханство граничило с Молдавией, Подолией, Литвой и Россией. Описывая свое путешествие, англичанин писал, что проплывая вдоль Азовского побережья, они достигли устья некой реки Бруапо, поднявшись по которой оказались в стране Камбии. Историки по-разному отождествляют реку Бруапо – с Маньчешем, Доном, Кубанью. Ясно только, что это было Восточное или Север-

ное Приазовье. Из рассказа Смита следует, что он сам не очень четко понимал, где оказался. В качестве еще одного ориентира может служить сообщение англичанина о том, что во время путешествия из Константинополя в Крымское ханство он видел в Приазовье два города, сложенных из белого камня, и четыре-пять каменных замков с плоскими крышами и зубцами вокруг. Локализация этих населенных пунктов до сегодняшнего дня является предметом оживленных дискуссий. Как представляется, Смит, скорее всего, не делал разницы между владениями Османской империи и Крымского ханства в Приазовье.

Очень ценным наблюдением Смита можно считать указание на то, что территория Крымского ханства представляла собой смесь кочевого и оседлого населения, при этом земледелие и каменное градостроительство можно было наблюдать ближе к морскому побережью и вдоль судоходных рек.

Смит описал «Астраханский тракт», снабженный дорожными указателями, расставленными «владыками степей» на перекрестках дорог в их «бескрайних владениях». Эти указатели представляли собой дорожные столбы со стрелками, на которых изображались рисунки, символизирующие те страны, на которые они указывали. Так Крым обозначался полумесяцем, Грузия и Персия – черным человеком с белыми пятнами, Китай – солнцем, Московия – крестом. Упомянул Смит и город «Экополь» или «Экспополь», стоящий на берегу Дона и населенный москвитями. Как наиболее аргументированную следует признать версию, отождествляющую его с казачьим городком Ебок (Стыдное Имя), где в конце XVI в. находилась войсковая администрация во главе с войсковым атаманом. Точное местоположение этого городка до сих пор не установлено. Но согласно перечню донских казачьих городков конца XVI в., следует, что «От Стыдново до Азово 50 верст Доном рекою, а степью 25 верст» (*Зимин А.А. Русские географические справочники XVII в. (Из сборника в Собрании Московской духовной академии) // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. М., 1959. Вып. 21. С. 220–231: здесь С. 229).*

Ж. Маржерет указывал, что построенный в 1599 г. город Царев-Борисов находился в восьми днях пути от так называемой «Великой Ставки» – места сбора крымских татар перед набегами на европейские государства. Степи Крымского ханства располагались в умеренных широтах, где нет холодных зим. Они изобилуют дичью, среди которой Маржерет особо выделяет оленей, ланей и косуль. Равнины Татарии огромны. Через эти равнины пролегли дороги, имеющие свои названия. В частности, Маржерет упоминал «крымскую дорогу» и «дорогу Великой Ставки». Писал он и о строительстве царем Борисом Годуновым крепостей на границе с Крымским ханством, называя Ливны, Царев город и Борисов Город. Получается, что из одного города Царева-Борисова француз дела-

ет два. Всего же Маржерет насчитывал пять или шесть главных городов на татарской границе.

И. Масса отмечал, что на границе с Крымским ханством царь Борис Годунов велел заложить город, назвав его своим именем – Борис-город. Этот же город, как мы видели выше, называл в качестве пограничного рубежа и Жак Маржерет. Но Масса называет ещё целый ряд пограничных с Крымским ханством городов, о которых не упоминали другие иностранцы. Это Путивль, Елец, Тула, Кромы, Рыльск. Кроме них голландец перечислил русские города, расположенные на так называемой татарской стороне: Рязань, Карачев, Ливны, Орел, Венев, Михайлов, Болохов, Рязжск, Серебряные пруды, Новосиль.

В произведении Дон Жуана Персидского мы впервые сталкиваемся с упоминанием восточных территорий Крымского ханства. Согласно ему, крымские татары проживали вокруг Азовского моря и на холмистом побережье Черного моря, то есть на его восточном побережье до предгорий Кавказа. Кроме этого, крымской территорией Жуан Персидский считал и северное побережье Черного моря, о чем есть соответствующее подтверждение в тексте. Это очень важное сведение, так как до сих пор в произведениях иностранцев встречались сведения о северных и западных территориях Крымского ханства, а его восточные и южные рубежи оставались не выясненными.

И.Н. Шамина (Москва)

**Личности монахов и настоятелей монастырей
по материалам южной части Вологодского уезда
XVI–XVII вв.**

В центре внимания настоящего исследования – монастыри южной части Вологодского уезда XVI–XVII вв.: Павлов Обнорский, Корнильево-Комельский, Арсениев Комельский, Иннокентиев Комельский, Спасо-Нуромский и др. Задача исследования состоит в том, чтобы установить, какую информацию о личностях настоятелей монастырей и других монастырских насельников по данному вопросу предоставляют сохранившиеся источники, а также понять, насколько полно мы можем написать биографию монашествующих в соответствующий период времени.

Информацию о факте наличия в указанный период времени того или иного человека в монастыре и его должности содержат практически все источники, в том числе и наиболее массовые документы – акты (купчие, жалованные, указные, данные грамоты и др.) и материалы писцового делопроизводства, которые сохранились практически по всем монастырям.

Широко представлены данные о хозяйственной и административной деятельности монашествующих. Эти сведения наиболее часто встречаются

ся в приходо-расходных книгах и описях монастырского имущества, которые составлялись ежегодно (приходо-расходные книги) или в связи со сменой монастырской администрации (описи). Так, например, в приходо-расходной книге Павлова Обнорского монастыря 1694 г. есть информация о деятельности архимандрита, казначея, келаря и ряда других насельников. Мы узнаем, что настоятель монастыря архимандрит Сергей в течение года неоднократно покидал обитель по разным делам: ездил «к Преосвященному Гавриилу, архиепископу Вологодскому и Белоозерскому», «на праздник Богоявления день», на прием к «столнику и воеводе князю Петру Григорьевичу Лвову со властью», а также посещал «монастырские пошехонские села» (*Шамина И.Н.* Приходо-расходная книга вологодского Павлова Обнорского монастыря 1694 г. // Вестник церковной истории. 2013. № 3/4(31/32). С. 112, 117, 119, 122, 123). Казначей старец Леонтий вел рассматриваемую приходо-расходную книгу и ее отдельные разделы («Приход крестовым и свечным деньгам», «Приход мельничным деньгам» и др.), отвечал за сбор «большого и малого оброку». Он также многократно выезжал из монастыря по разным административным и хозяйственным делам: «на праздник Рождество Пресвятыя Богородицы в Сямский монастырь на ярмарку», «к Костроме за продажные быки и за денги» и др. (Там же. С. 98, 99, 100, 111 и др.). Келарь старец Иона ездил вместе с казначеем в Вологду и Москву, ходил «к иноземцу Володимеру Кобелеву ради споможения в деле с Кирилом Писемским» (Там же. С. 119, 122 и др.). Называются также имена старцев, приносивших в монастырь деньги с мельниц, от крестов и церквей, и другие лица.

Данные о социальном происхождении монахов содержатся во вкладных книгах. В единственной сохранившейся до наших дней вкладной книге Арсениева Комельского монастыря есть записи о вкладах, поступивших в монастырь с 1553 г. до конца XVIII в. Более чем в 30 вкладных записях названы имена монахов-вкладчиков – в основном это бывшие крестьяне (*Шамина И.Н.* Вкладная книга Арсениева Комельского монастыря Вологодского уезда // Вестник церковной истории. 2007. № 3(7). С. 5–133).

О культурном облике монахов и настоятелей монастырей сведения в источниках отрывочны. О их деятельности по благоустройству храмов и библиотек можно узнать также из вкладных книг. Так, игумен Арсениева Комельского монастыря Антоний «126-го году переплетал Еуангелие старое манастирское тетро в полдести, да «Апостол» починивал и переплетал, да святцы церковныя, да «Канунник» на Рожество Христово и на Крещение. Да «Триодь» постную переплетал все снова и починивал» (Там же. С. 18–19). Игумен того же монастыря Иосаф, еще будучи простым монахом, «на крылосе тружался полтора годы... дал книгу «Обиход» да перебрал церковной старои «Ирмолои» и листы починил, а иные приписал вново, да с тем же своим «Обиходом» вместе переплел и кожу, и застешки свои же положил». Став настоятелем, он проявил себя и как ико-

нописец: «в дом Пречистой Богородице в церковь написал по вере своей и по обещанию... образ Всемилоственного Спаса Смоленского с вологодскими со всеми чудотворцами» (Там же. С. 28).

Некоторые основатели монастырей известны как книжники, в частности Павел Обнорский, Корнилий Комельский и Иннокентий Комельский. До наших дней дошли составленные ими монастырские уставы. О том, что некоторые насельники рассматриваемых монастырей переписывали и переводили книги и другие тексты, свидетельствуют записи на некоторых изданиях. Так, в качестве вклада от Ионы Думнина во Владимирский Рождественский монастырь поступила книга «Апокалипсис и Житие Иоанна Богослова» с записью от 30 марта 1591 г. о том, что ее написал иеромонах Павлова Обнорского монастыря Арсений (*Кукушкина М.В.* Книга в России в XVI веке. СПб., 1999. С. 125).

Наиболее полную информацию о биографии основателей монастырей, причисленных к лику святых, содержат агиографические источники. Жития повествуют о жизни святых от самого их рождения, подробно рассказывают об основании ими монастырей, приводят посмертные чудеса, связанные с этими святыми.

Отдельные настоятели и насельники монастырей вошли в историю как люди с плохой репутацией. В разного рода челобитных и судебносудебных делах можно найти сведения о пьянстве, воровстве, аморальном поведении. Так, например, из челобитной Вологодскому архиепископу Симону казначея и старцев Спасо-Нуромского монастыря 1675/76 г. мы узнаем, что игумен Сергей злоупотреблял горячительными напитками, пренебрегал монастырским чином, разорял монастырскую казну, занимался другими непристойными делами (ГАВО. Ф. 1260. № 2484). Известно также Дело о непристойном поведении игумена Иннокентиева Комельского монастыря Акиллы: за связь с крестьянкой он был лишен игуменства и отправлен в Павлов Обнорский монастырь (РГБ. Ф. 37. № 427/64). Отдельные факты нарушения дисциплины настоятелями встречаются и в описях монастырского имущества.

Таким образом, сохранившиеся документы XVI–XVII вв. помогают в какой-то мере реконструировать отдельные факты биографии и личностные характеристики некоторых монахов и настоятелей монастырей южной части Вологодского уезда. Однако сколько-нибудь полную биографию можно составить только для святых или для нарушителей правопорядка. Биографии обычных монахов, составлявших большинство среди монастырских насельников, восстановить, как правило, невозможно.

**Писец Амфилохий Каппос и Слова Симеона Нового Богослова:
Патмос, Афон, Россия**

В Российской государственной библиотеке в собрании МДА (раздел «прочие») хранится Сборник 34 Слов Симеона Нового Богослова (Ф. 173/IV. № 98), представляющий собой копию с кодекса XIV в. Patmiascus graec. 427. Сборник был переписан в 1893 г. в монастыре Иоанна Богослова на о. Патмос бывшим митрополитом пелусийским Амфилохием Каппосом (1820–1902) (о нем см.: *Sister Anthousa. Hermits of Patmos and Hermitages* / Trans. K. Prokes. Athens, 1998 (Электр. ресурс: <http://www.ecclesia.gr/english/monshrines/patmos3.html>); *Ανθούσα Μοναχὴ. Ερημίται της Πάτμου και Ερημητήρια. Αθήνα*, 1999. S. 91–102; Переписка библиотекаря Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне отца Матфея с учеными востоковедами России и других стран. Святая гора Афон, 2015. С. 657). Уроженец Патмоса, Амфилохий учился в Патмосской богословской школе, в 1832 г. был поставлен в чтецы находившимся тогда на Патмосе александрийским патриархом Феофилом, в 1834 г. приехал в Россию, где выучил русский язык. 2 мая 1844 г. он был пострижен в монахи в русском Пантелеимоновом монастыре на Афоне епископом Феодосием Самосским. Здесь он переписал несколько рукописей: Житие Митрофана, епископа Воронежского (1847 г.; в колофоне Амфилохий указал, что перевод на греческий язык выполнен «в нашей св. обители» (Lambros 6384)), Каноны молебные заступнику обители целителю Пантелеимону, Последование малого водоосвящения, совершаемого с главой великомученика Пантелеимона (1858 г.; Lambros 6380, 6386. В колофонах этих и других рукописей, переписанных Амфилохием, всегда указывается его имя и дата).

11 сентября 1860 г. Амфилохий был рукоположен в иеромонахи бывшим митрополитом Ловеча Мелетием и назначен игуменом монастыря Кутлумуш. Через сорок дней он как сторонник России был свергнут братией обители, происходившей по большей части с Ионийских островов, которые находились в то время под протекторатом Великобритании. Обрато в монастырь Русик его не приняли, и он некоторое время жил в монастыре Ксеноф. 27 июля 1861 г. вместе с новоизбранным патриархом александрийским Иаковом II Панкостасом Патмосским Амфилохий отправился в Константинополь и затем в Александрию. 12 ноября 1861 г. патриарх Иаков поставил его в митрополиты Пилусия. В Александрии митрополит Амфилохий жил до 1871 г. Во время эпидемии холеры 1865 г. он не покинул город и самоотверженно выполнял свои обязанности священнослужителя, за что получил от короля Георга I высшую награду Греческого королевства – Золотой офицерский крест Спасителя. В 1868 г. он временно управлял александрийской патриархией, в 1869 г.

принимал непосредственное участие в избрании на александрийскую кафедру Нила Пентапольского, 19 марта 1869 г. собственноручно заверил грамоту отречения патриарха Никанора (*Соколов И.И.* Избрание патриархов Александрийской церкви в XVIII и XIX столетиях. Исторический очерк. Пг., 1916. С. 270, 275–280). В 1871 г., после поставления патриарха Софрония IV, Амфилохий удалился на о. Патмос. 26 января 1880 г. он стал монахом монастыря св. Иоанна Богослова, духовником которого был его брат-близнец Никодим. В 1883 г. братья купили «Луг Парфения» – окруженную невысокими каменистыми холмами уединенную долину на изрезанном заливами безлюдном северном берегу острова с развалинами византийской церкви и скита, построенного в 1798 г. афонским иеромонахом-колливадом священномучеником Парфением Парфениадисом. Амфилохий восстановил разрушенные постройки и прожил здесь три года вместе с небольшой группой последователей. С этого времени местность получила название «Луг отшельников» (Λιβὰδι τῶν καλοήρων – «Ливади Калогирон», «Ливади-тон-Калойирон»). В 1885 г. братья уступили «Луг отшельников» иеромонаху Мелетию в обмен на участок земли на о. Самос (по завещанию Мелетия «Луг отшельников» после его смерти (1938 г.) перешел во владение монастыря Богородицы «Живоносный источник»). В этом же году Амфилохий переселился в монастырь св. Иоан-на Богослова. В 1885–1894 гг. по заказу библиотекаря русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне Матфея (Ольшанского) (Переписка библиотекаря Русского Свято-Пантелеимонова монастыря ... С. 841–842) он переписал 24 рукописи из монастырской библиотеки, включая кодекс Patmīasus graec. 427. Списки были переданы им в библиотеку Пантелеимонова монастыря (Lambros 6162–6164, 6166–6169, 6171–6184, 6189, 6203. Амфилохий передал Пантелеимонову монастырю также Сборник церковно-исторического содержания 1423 г., приобретенный им у иеромонаха Мелетия 27 августа 1884 г. (Lambros 5658)). Все они находятся там и доньше, за исключением сборника Слов Симеона Нового Богослова (Lambros 6177), который покинул Святую Гору при следующих обстоятельствах.

В 1913 г. на Афоне работал талантливый церковный ученый, исследователь творений Симеона Нового Богослова, выпускник МДА иеромонах Пантелеимон Успенский (24 октября 1886 – 1 мая 1918). По его собственному признанию, сборник Lambros 6177 оказал ему «в особенности важную услугу», поскольку его оригинал обладал «наибольшим собранием гимнов преп. Симеона Нового Богослова, какое только существует» (*Пантелеимон (Успенский)*, иером. Из записок путешественника по Афону: К вопросу об изучении творений преп. Симеона Нового Богослова // Богословский вестник. 1915. Т. 1. № 1. С. 92, 94). Покидая Афон, он взял с собой эту рукопись для продолжения работы. К рукописи приложена записка иеромонаха Пантелеимона (верх листа оборван с утратой текста): «[Рукопись прина]длежит Русскому Пантелеимонову монастырю на

АѡонѢ, въ библіотеку коего она и должна быть возвращена въ случаѣ моей смерти. [далее приписано карандашом] (чрезъ посредство настоятеля Аѡонск. часовни в Москвѣ іером. Аристоклія). Іером. Пантелеимонъ. 1913 г. 30 декабря. № 670 б-ки Рус. на АѡонѢ св Пантелеимона м-ря». Сборник вместе с другими материалами Пантелеимона Успенского находился в архиве МДА, который был перевезен из Загорска (ныне Сергиев Посад) в дом Пашкова в Москве в 1930–1931 гг. (Щеголева Л.И. Греческие рукописи в фондах Российской государственной библиотеки. Ч. 4 // ВЦИ. № 1/2 (41/42). 2016. С. 354–359).

В.Г. Щекотилов (Тверь)

Пространственно-временная и структурная атрибуция пропавших без вести воинов ВОВ по комплексу архивных документов

По истечении более 70 лет после окончания Великой Отечественной войны (ВОВ) происходят перезахоронения вновь обнаруженных останков воинов. Для малой части перезахораниваемых обнаруживаются посмертные медальоны. В базах данных «Мемориал», «Подвиг народа», «Память народа» (URL: <https://pamyat-naroda.ru/>) размещаются документы периода ВОВ, в том числе и картографические материалы, послевоенные Книги Памяти.

По Книге Памяти Нижегородской области создатели дают оценку, что более 40% погибших до настоящего времени числятся пропавшими без вести. На мемориальном воинском захоронении «Мемориал» г. Ржев, на котором производятся перезахоронения с 2002 г., в 18 братских могилах захоронено 13224 бойца (в среднем по 735 бойцов) и только 458 (3,46%) имен установлены.

По оценкам поисковиков, судьба пропавших без вести, от одной четверти до одной трети их общего числа, может быть установлена. Кроме этого, практика, в том числе и личная, показывает, что даже в ситуации, когда поисковики, районные военкоматы и управление МО РФ по увековечению погибших воинов констатируют невозможность установить по неполным данным посмертного медальона перезахораниваемого бойца, комплексное использование доступных по Интернету военных и послевоенных архивных материалов, технологий систем управления базами данных (СУБД) и географических информационных систем (ГИС) позволяет это сделать.

Таким образом, существует несоответствие между практикой по установлению бойцов, пропавших без вести на ВОВ, а также перезахораниваемых, и возможностями автоматизированной обработки военных и послевоенных архивных документов с привлечением технологий СУБД, ГИС и Интернета.

Информационными источниками для установки данных по перезахороненному (пропавшему без вести) бойцу, в частности, являются: книги безвозвратных потерь дивизий; боевые донесения и т. п.; погребальные книги полков; книги денежно-вещевого довольствия дивизии; алфавитные книги полков; книги приказов полков; документы послевоенных подворовых обходов; послевоенные Книги Памяти субъектов РФ.

Практический пример установления родственниками перезахороненного бойца с указанием только фамилии содержал следующие этапы:

- Локализация временного периода боевых действий на конкретной территории – 30 июля–25 августа 1942 г.

- Локализация частей воевавших на данной территории: 30 Армия, 16 гвардейская стрелковая дивизия, 46 гвардейский стрелковый полк.

- Локализация пропавших без вести по времени. Из трех однофамильцев подходит только один.

- Определение земляков, призванных в локализованную часть. Найден земляк, который призван в тот же день и направлен на ту же станцию (Ильино – «Гороховецкие лагеря»). Данный боец погиб 30 июля в 46 гв сп 16 гв сд.

- Получение отказа на рассмотрение гипотезы от поисковиков, Ржевского РВК, Тверского областного военкомата, Тверского правительства, управления МО РФ по увековечению памяти погибших.

- Самостоятельный выезд в Центральный архив министерства обороны (ЦАМО, Подольск). Подтверждение документально гипотезы: оба бойца в списках 46 гв СП, установлена дата зачисления в полк и исключения из состава одного по гибели, второго по ранению.

- Принятие поисковиками и Ржевским РВК на основании копий документов решения.

Формирование гипотезы по установлению бойца стало возможно в результате выполнения большого числа поисковых операций в БД «Память Народа», анализа документов по Калининскому фронту, 30 Армии и 16 гв сд, адаптации в ГИС карт фронта и Армии, нанесения данных по положению дивизий и полков на карту (*Лазарев О.Е., Шалаева М.В., Щекотилова С.Н., Щекотилев В.Г.* Советские и германские карты периода Великой Отечественной войны на геопортале архивных карт XVIII–XX вв. // Геодезия и картография. 2015. № 6. С. 27–33).

Две сформированные базы данных по военным картам (Калининского фронта и 30 Армии) зарегистрированы в Роспатенте (*Щекотилев В.Г.* Растровые электронные карты Калининского фронта 1941 г. (ВОВ-КФ-41) // База данных. Свидетельство № 2016620638 от 19.05.2016. Роспатент. *Щекотилев В.Г.* Растровые электронные карты 30 Армии августа 1942 г. (ВОВ-30А-42-8) // База данных. Свид. № 2016620994 от 21.07.2016).

Программа для автоматизированного доступа через Интернет к базам данных военных карт и иных архивных картографических материалов также зарегистрирована в Роспатенте (*Щекотилев В.Г.* Интернет-

навигатор для архивных карт (Ретроспектива) // Программа для ЭВМ. Свидетельство № 2016612982 от 15.03.2016 г. Роспатент).

Полученная информация при атрибуции конкретного бойца позволяет проводить исследования по числящимся пропавшими без вести в полку (или ином структурном подразделении), где служил и погиб установленный.

Так, например, бойцы, исключаемые из состава полка как погибшие или раненные, перечисляются в полковых приказах.

Анализ конкретного приказа 46 гв СП за 14.08.1942 г. показал что, из семи убитых только четыре числятся таковыми в БД «Память Народа».

Из 34 раненых, перечисленных в приказе:

- один (ранее считался без вести пропавшим) обнаружен в районе боя;
- как минимум для пяти раненых возможна аналогичная ситуация, что они числятся пропавшими без вести.

В 2014 г. от имени Совета Общественной палаты РФ Евгений Велихов писал президенту Владимиру Путину: «Действующее законодательство не позволяет воздать заслуженные почести пяти миллионам наших дедов и прадедов. Несправедливо, когда погибшие солдаты, выполнившие долг перед страной, юридически считаются людьми неопределенного статуса» (URL: [http:// www.oprf.ru/ press/ news/ 2014/newsitem/24208](http://www.oprf.ru/press/news/2014/newsitem/24208)).

Таким образом, на примере конкретного бойца показано, что использование существующих баз данных «Память народа», «Мемориал», а также адаптированных в ГИС картографических материалов позволяет формировать гипотезы по пространственной, временной атрибуции погибшего (пропавшего без вести) бойца с последующей их проверкой по конкретным документам из фондов ЦАМО.

Е.А. Яровая (Санкт-Петербург)

Царскосельский клад шведских монет XVII века (по материалам РГИА)

Клады, содержащие исключительно шведские серебряные монеты XVII в. и происходящие с территории Ингерманландии, в основном, описаны в литературе, но недостаточно хорошо изучены. В частности, сведения о кладе, найденном в 1827 г. на территории Царскосельского дворцового ведомства и состоящем из 36 серебряных монет Швеции, чеканенных во время правления короля Карла XI (1660–1697), кратко изложены в статьях В.М. Потина и А.С. Мельниковой, посвященных Пулковскому кладу талеров XVII в. (*Потин В.М.* Пулковский клад талеров XVII в. // *Сообщения Государственного Эрмитажа* (далее – СГЭ). Вып. XXVIII. Л., 1967. С. 56; *Мельникова А.С.* Пулковский клад монет XVII в. и денежное обращение в Ижорской земле и Корельском уезде при шведах // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Вып. XXVII. СПб., 2000. Прил. 2. С. 100. № 14).

Более подробные данные о составе клада, о месте и обстоятельствах его обнаружения находим в документах РГИА (Ф. 472. Оп. 12. Д. 130. Л. 196).

Весной 1827 г. в распаханной земле в девяти верстах от города Сарр (Царское Село) крестьянином царскосельского дворцового ведомства Иваном Яковлевым были найдены 36 серебряных монет. Монеты были предложены Императорскому Эрмитажу, о чем была составлена записка 18 июня 1827 года. Все монеты были разделены на три группы, в соответствии с размером кружка – большие, средние и малые. За одним исключением, все они восходили к периоду правления Карла XI, и только одна «малая» монета имела дату 1699 г. – время правления Карла XII (1697–1718). В списке монеты датированы по группам. Итак, «больших» монет три: три экземпляра двойной марки серебра Карла XI. «Средних монет» в одну марку серебра – восемь экземпляров. Группа «малых» монет самая многочисленная – 25 экземпляров. Из них пять экземпляров – 4 эре серебром 1670–1679 гг., 19 экземпляров – 5 эре серебром 1690–1694 гг. и один экземпляр – 5 эре серебром 1699 года. Клад в полном составе был передан в Минцкабинет и внесен в книгу поступлений. В дальнейшем монеты клада растворились в основном собрании, сейчас их выделить из общего собрания шведских монет крайне затруднительно.

В записке отмечено, что все монеты составляют шесть рублей 11 коп. российской серебряной монетой или 24 рубля 44 коп. ассигнациями. Находчику из Канцелярии министерства двора было передано вознаграждение, вчетверо превышающее материальную ценность клада – в 100 руб. ассигнациями.

В данном кладе представлены первые экземпляры монет в пять эре: подобные монеты были выпущены в обращение в 1690 г., в то время как серебряные монеты в четыре и два эре известны с 1665 г. С 1686 г. один серебряный далер равнялся четырем маркам серебра, которые, в свою очередь, равнялись 32 серебряным эре. При этом курс медного далера по отношению к серебряному снизился, и составлял 3:1. Таким образом, общая сумма монет Царскосельского клада в далерах серебром составила семь далеров и одну марку серебра, или 21 далер медью. Для сравнения – в 1695 г. одна бобровая шкура стоила 21 далер медью, за девять медных далеров (или три далера серебром) можно было приобрести шкуру выдры (сведения о стоимости товаров в Швеции в период с 1521 по 1987 см.: *Lagerqvist L.O., Bööf E.N. Vad kostade det? Stockholm, 2002. S. 68*).

Не вызывает сомнений, что клад был зарыт в самом начале Северной войны 1700–1721 годов. Из 79 кладов на Северо-Западе России, известных к началу 2007 г., данный клад наиболее близок по составу к Саблинскому 1913 г., состоящему из 81 серебряной монеты, семь из которых относятся к периоду правления Карла XI (*Потин В.М. Указ. соч. С. 56*).

ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Палеография

Антонец Е.В.
Белоусов М.Р.
Бибиков М.В. (пленар.)
Бокарева О.Б.
Дадыкина М.М.
Жуков А.Е.
Казбекова Е.В.
Корогодина М.В.
Мажуга В.И.
Мошкова Л.В. (пленар.)
Рамазанова Д.Н. (пленар.)
Таценко Т.Н.
Ченцова В.Г.
Щеголева Л.И.

Кодикология

Ауров О.В.
Белоусов М.Р.
Бокарева О.Б.
Дадыкина М.М.
Жуков А.Е.
Земляков М.В.
Илизаров С.С.
Казбекова Е.В.
Корогодина М.В.
Круглов А.К.
Мажуга В.И.
Марей А.В.

Дипломатика

Авдеев А.Г.
Ауров О.В.
Горская Н.И.
Кашианов С.М. (пленар.)
Таценко Т.Н.
Ченцова В.Г.
Черкасова М.С.

Эпиграфика

Авдеев А.Г.
Бибиков М.В. (пленар.)
Суриков И.Е.
Терюкова Е.А., Завидовская Е.А.
Шадунц Е.К.

История книжной культуры

Андреева О.В.
Ауров О.В.
Базарова Т.А.
Батиев М.В.
Боленко К.Г.
Бытко С.С.
Вознесенская И.А.
Волков В.В.
Ермолова И.Е.
Жуков А.Е.
Звездина Ю.Н.
Илизаров Б.С.
Илизаров С.С.
Илларионова Л.И.
Казбекова Е.В.
Кармов Р.К.
Козлова А.Ю.
Коняевская Е.Л.
Корзо М.А.
Корогодина М.В.
Круглов А.К.
Кузьмин А.В. (к. физ.-мат. н.)
Мажуга В.И.
Мильков В.В.
Петрова М.С.
Полонский Д.Г.
Поляков И.А, Цыпкин Д.О.
Рамазанова Д.Н. (пленар.)
Романова А.А.
Самарин А.Ю.
Талеров П.И.
Усачев А.С.

Хазанова С.И.
Шустова Ю.Э. (пленар.)
Щеголева Л.И.

Хронология

Иванова Н.П.
Кайгородова Т.В., Цыб С.В.
Козлова А.Ю.
Морозов Б.Н., Симонов Р.А.
Симонов Р.А. (пленар.)
Цыб С.В.

Метрология

Гусаков М.Г.

Естественно-научное знание

Баранова С.И.
Зверкина Г.А.
Кежутин А.Н.
Кузьмин А.В. (к. физ.-мат. н.)
Мильков В.В.
Николаев Д.А.
Полоцкая О.В.
Симонов Р.А. (пленар.)

Историческая география и картография

Башин Н.В., Грязнов А.Л.
Болотина Н.Ю., Комиссарен-
ко А.И., Кононова А.Ю.
Брюханова Е.А., Чекрыжо-
ва О.И., Крупочкин Е.П.
Булатов А.М.
Джаксон Т.Н.
Истомина Э.Г.
Калинина Т.М.
Киселев М.Ю.
Коновалова И.Г.
Котляр Н.Ф. (пленар.)
Кротов О.С.
Кулинок С.В.
Мининков Н.А.
Окунева О.В.

Пушков В.П.
Сень Д.В.
Стрелецкий В.Н. (пленар.)
Фоменко В.Г.
Фролов А.А.
Шалак М.Е.
Щекотилов В.Г.

Генсалогия

Акиньшин А.Н.
Бенцианов М.М.
Грязнов А.Л.
Гуслистова А.Н.
Гуськов А.Г.
Ковалёва С.С.
Коняевская Е.Л.
Кузьмин А.В. (к.и.н.)
Кулаковская О.Ю.
Лобанов Д.В.
Матисон А.В.
Морозова Л.Е.
Назаров В.Д.
Поляков И.А., Цыткин Д.О.
Пономарева И.Г.
Сахаров И.В.
Сергеев А.В.

Просопография

Белоусов М.Р.
Бенцианов М.М.
Грязнов А.Л.
Гусарова Т.П.
Елохин К.А.
Леонов М.В.
Мельник А.Г.
Николаев Д.А.
Оборнева З.Е.
Опарина Т.А.
Петерс Т.П.
Полоцкая О.В.
Тихонова А.В.
Усачев А.С.
Худин К.С.

Шамина И.Н.

Биографика

Ермолова И.Е.

Горбатов Е. Н., Опарина Т.А.,

Шамин С.М.

Джисоева А.Р.

Корогодина М.В.

Кулаковская О.Ю.

Талеров П.И.

Щеголева Л.И.

Ономастика

Опарина Т.А.

Успенский Ф.Б. (пленар.)

Геральдика

Андреева О.В.

Елохин К.А.

Кежутин А.Н.

Марей А.В.

Петров Д.А.

Пчелов Е.В. (пленар.)

Хейфец Д.А.

Черных А.П. (пленар., секц.)

Вексиллология

Зайцева Л.П.

Кручинин А.С.

Незговорова В.В.

Эмблематика

Акимова Л.И.

Андреева О.В.

Звездина Ю.Н.

Кутаренкова Т.С.

Митрофанов А.А.

Полонский Д.Г.

Тимошина Н.Н.

Нумизматика

Зверев С.В. (пленар., секц.)

Колызин А.М.

Кулешов В.С.

Мокерова Е.Ю.

Суриков И.Е.

Таценко С.Н.

Яровая Е.А.

Сфрагистика

Алексеев Н.А.

Иванов В.И.

Кистерев С.Н.

Фалеристика, медальерное искусство

Быкова Ю.И.

Добровольская Л.И.

Тимошина Н.Н.

Бонистика

Авчухов А.Ю.

Баранов А.Г.

Филокартия

Боленко К.Г.

Историография и история ВИД

Зверев С.В. (секц.)

Кайгородова Т.В., Цыб С.В.

Киселев М.Ю.

Комочев Н.А.

Кулинок С.В.

Терюкова Е.А., Завидовская Е.А.

Тихонов В.В.

Филимонов С.Б.

Источниковедение

Авдеев А.Г.

Акиньшин А.Н.

Ауров О.В.

Базарова Т.А.

Батиев М.В.

Башин Н.В., Грязнов А.Л.

Белоусов М.Р.

Бенцианов М.М.
Бокарева О.Б.
Болотина Н.Ю., Комиссарен-
ко А.И., Кононова А.Ю.

Бытко С.С.
Волков В.В.
Горская Н.И.
Гусарова Т.П.
Дадыкина М.М.

Земляков М.В.
Илизаров Б.С.
Ковалёва С.С.
Кулешов В.С.

Леонов М.В.
Марей А.В.

Мельник А.Г.
Мильков В.В.

Мининков Н.А.
Морозов Б.Н., Симонов Р.А.

Петерс Т.П.
Полоцкая О.В.

Пушков В.П.
Романова А.А.

Самарин А.Ю.
Сень Д.В.

Таценко Т.Н.
Тихонова А.В.

Фролов А.А.
Черкасова М.С.

Черных А.П. (секц.)
Шалак М.Е.

Шамина И.Н.

Талеров П.И.
Хазанова С.И.
Щеголева Л.И.

Краеведение

Андреева О.В.
Лобанов Д.В.
Петров Д.А.
Пушков В.П.

Текстология

Бытко С.С.
Ермолова И.Е.
Земляков М.В.
Илизаров Б.С.
Козлова А.Ю.
Конявская Е.Л.
Корзо М.А.
Петрова М.С.
Полонский Д.Г.

Научное издание

**ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ
В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ЗНАНИИ**

Материалы
XXIX Международной научной конференции
Москва, 13–15 апреля 2017 г.

Оригинал-макет
Е.В. Казбекова

Подписано к печати 28.02.2017
Формат 60х84^{1/16}
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 22,5. Тираж 150 экз.
Тип зак. № 9

ИВИ РАН, Ленинский пр-т, 32а

ISBN 978-5-94067-474-0